

СБОРНИК РАССКАЗОВ
ПЕРВОГО КОНКУРСА
ИММОРТ-ФАНТАСТИКИ
«КИФ-1»

конкурсы имморт-фантастики (КИФ)

май, 2021

Оглавление

От организаторов	4
Ольга Кузьмина, рассказ «Сватовство Кощея»	5
Григорий Родственников, рассказ «Берегиня»	16
Дмитрий Пахомов, Нурлан Токсанов, рассказ «Семя вяза»	33
Деймас Рэд, рассказ «Поиск»	53
Александр Сордо, рассказ «Звёздная соната»	62
Рита Мурз, рассказ «Краткая история вечности»	70
Александр Никишин, рассказ «Привнесённость»	81
Роман Александрович Кузьмичев, рассказ «Бес и негативный эксцесс»	95
Игорь Тарасенко, рассказ «Верните миру смерть!»	103
Игорь Тарасенко, рассказ «Воины Истлена»	110
Игорь Тарасенко, рассказ «Не жди нас, Марс!»	121
Игорь Тарасенко, рассказ «Ошибка Рэя Брэдбери»	143
Игорь Тарасенко, рассказ «Преображение Георгия Победоносцева»	153
Игорь Тарасенко, рассказ «Сквозняк из Окон Овертона»	174

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Ирина Брестер, рассказ «Жизнь – это вечность»	187
Лидия Лиманова, рассказ «Да будет светел путь...»	193
Владимир Хабаров, рассказ «Побег»	210
ТАМИ, рассказ «Обмен веществ»	216
Николай Баховец, рассказ «Золотой дракон»	230
Dorofeev (Михаил Дорофеев), рассказ «И отсекаю лишнее от себя»	266
Марина Дроздова, рассказ «Командировка»	283
Eddy Krok, рассказ «Семеро несогласных»	295
Алексей Ханькин, рассказ «Н_живой мир»	318
Кристина Акопян, рассказ «Оттого и звезды так сияют»	321
Евгения Ерофеевко, рассказ «3086 год»	328
Денис Селиванов, рассказ «XXXI век»	333

От организаторов

Цель имморт-фантастики — составить противовес темным жанрам. Главный принцип на наших конкурсах состоит в том, что «жизнь прекрасна, нельзя сдаваться смерти». Мы смотрим на светлую сторону жизни и говорим в рассказах о том, «зачем любить жизнь», «какой должна быть жизнь», «как решать проблемы». Наши рассказы призваны вызывать положительные эмоции.

В сборник попали двадцать шесть рассказов из тридцати двух. Мы включили те рассказы, которые нам разрешили включить авторы - участники конкурса. По своей инициативе мы исключили из сборника только два текста - в одном тексте смаковалась смерть, а другой текст не подошел по техническим причинам (собственно, это был не рассказ, а «синопсис фильма» или «сценарий» со большим количеством гиперссылок).

Сначала мы хотели разделить рассказы на две группы - по соответствию мировоззрению иммортализма, но потом передумали. Так что, тут встречаются рассказы разные, но объединяет их одно - все они светлые и добрые.

Первые три рассказа - это рассказы, занявшие первые три места на этапе самосуда. Остальные рассказы расположены в случайном порядке.

Мы благодарим всех участников первого конкурса имморт-фантастики.

... ∞ ...

Ольга Кузьмина

<https://author.today/u/alyena>

рассказ «Сватовство Кощея»

— Женюсь! — Кощей Бессмертный вихрем ворвался в тронный зал, швырнул в угол свёрнутый в трубку ковёр-самолет, схватил с услужливо развернувшейся скатерти-самобранки кубок вина и жадно припал к нему.

Кот Баюн, дремлющий на бархатных подушках трона, приоткрыл один глаз.

— Опять?

— Что значит "опять"?! — Кощей уселся за стол и придвинул к себе блюдо румяных пирогов с осетриной. — Я уже тысячу лет холостяк, — он смачно надкусил пирог.

Баюн завистливо вздохнул. Кощей ел, как не в себя. Мог умять жареного лебедя, поросёнка с яблоками, заесть блинами (каждый — с тележное колесо), а потом ещё потребовать на десерт халву с рахат-лукумом. И всё равно оставался стройнее, чем тополь. Кот так не мог. Приходилось себя ограничивать и стойчески терпеть соблазнительные ароматы. Характер от этого не улучшался, зато и брюхо не росло.

— И с чего тебе блажь в голову ударила?

— Да познакомился кое с кем... — Кощей налил ещё вина, но пить не стал, мечтательно уставившись в мерцающую глубину кубка.

Баюн обеспокоенно приподнялся. Сел, нервно подрагивая хвостом. Эти симптомы внезапной и роковой влюбленности он знал слишком хорошо, чтобы проигнорировать. Когда такое случилось последний раз, всё царство чуть псу под хвост не пошло. Сам Баюн

едва-едва успел сбежать. Скитался потом по Лукоморью, работал певцом-сказочником, чтобы только прокормиться. За жалкие объедки работал! А Кощей в это время на цепях висел в подвалах свой невестушки — Марьи Моревны. Влюбился, как рожей в сажу влипился!

— Кто она?

— Заморская королева, — Кощей светло улыбнулся. — Из дивной земли Эрин.

— Из Ирландии, что ли? — переспросил Баюн. — Как тебя туда занесло? Ты же в Скандинавию летал, к этим, как их... Ассасинам!

— К асам, — мягко поправил Кощей. — Там и встретил, в Альвхейме. Она у родичей гостила.

Кот занервничал сильнее. Если царь упустил возможность поиздеваться над оговоркой своего давнего друга-советника, стало быть, дело плохо. Тушите свечи, зарывайте поглубже, что нажито непосильным трудом за тысячу лет. Чтобы опять голодать не пришлось.

— Ты же обещал, Кощей! Ты вспомни, как передо мной каялся, какие слова говорил?! Что больше ни в кого и никогда! Ну, чего тебе не хватает? Ласки женской? Так слетай к халифу, как бишь его?.. К этому, который в аиста превращался. Он ведь тебя приглашал, сулил с пери познакомиться.

Кощей отмахнулся.

— Хватит, напутешествовался, пора и честь знать. А то скоро подданные меня в лицо узнавать перестанут.

У Баюна зачесалось по всему телу. Он застриг зубами, хотя знал, что ни одного паразита в холёной шкуре нет. Фантомные блохи — вот как это называется. Лекари руками разводят. Советуют вести спокойную и размеренную жизнь, подальше от политики. Другого лечения, мол, не существует. Ну да, а на кого, скажите на милость, царство оставить, пока Кощей тоску-печаль в заграничных вояжах развеивает? Сосед, даром что дурак-дураком, а до чужого добра страсть, как жадный. Мигом половину заповедного леса на границе откусит, не подавится.

— Очень я тебе благодарен, Баюн, — проникновенно сказал Кощей. — Дал ты мне отдохнуть на славу. Ни разу не попрекнул, что я на тебя всё хозяйство бросил. Благодаря тебе я весь мир посмотрел, везде побывал. Пора снова за дела браться.

— Так берись! Жениться-то зачем?

— Не видел ты её. — Кощей откинулся на спинку кресла и плавно повёл в воздухе унизанной кольцами рукой. Радужные блики от

драгоценный камень обрисовали перед обомлевшим Баюном прозрачный женский силуэт. Заструились пряденым золотом длинные волосы, изогнулись в лукавой усмешке сочные губы. Тонкая рука с не по-человечески длинными пальцами откинула сияющий локон за острое ухо...

Баюн подался вперёд, чуть не упав с трона, заворожённо уставился в изумрудную глубину раскосых глаз. Там колыхалось зелёное пламя — холодное, опасное, но притягательное до безумия, до полной потери себя.

— Это... кто?!

— Королева сидов.

— Эльфов, что ли?

— Не говори так! — Кощей хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. — Даже слово это забудь! Не любят они, когда их так называют.

— Да плевать мне на них с высокой колокольни! — Баюн затряс головой, избавляясь от наваждения. — А попроще ты кого-нибудь не мог выбрать? Вон, у соседней царевна подросла, красы неопишуемой. Батюшка её с радостью отдаст.

— Хватит с меня царевен. Трижды три раза обжигался с людскими девами, не хочу больше.

— Думаешь, с эльфами проще будет? Да эти остроухие красавцы хуже, чем черти болотные! Уж мне-то поверь, я все сказки знаю. И не дело это, чтобы царь на чужеземной королеве женился.

— Между прочим, Иван Грозный хотел жениться на Елизавете Английской. А я чем хуже?

— Между прочим, он на ней так и не женился! Вовремя опомнился, должно быть.

— А мне человеческий царь не указ!

"Напрочь логику отшибло, — с тоской подумал Баюн. — Всё, умою лапы".

— Ты хоть Марью вспомни, — рискнул он привести последний довод. — Тоже ведь заморская королева была.

— Не заморская, а морская. Это большая разница.

— Ну-ну...

— Не нукай, не запрягал! — Кощей саданул кулаком по дубовому столу. Стол крякнул и присел на резные лапы. — Готовь свадебный пир. Прикажи брачное ложе соболями покрыть. Завтра же полечу свататься!

Баюн крепче впился когтями в трон, чтобы не начать чесаться,

разбрасывая по всему залу клочья чёрной шерсти. "Хоть бы она ему отказала, хоть бы отказала!" — мысленно повторял он, как заклинание. Больше надеяться было не на что.

Королева сидов благосклонно улыбалась, разглядывая заморского гостя. В Альвхейме она не обратила особого внимания на этого худого — кожа да кости — черноволосого с проседью колдуна из далёкой сказочной страны. Заметила, конечно, как он на неё смотрит, но молчаливые дыхатели давно наскучили королеве. Этот, впрочем, оказался дерзким. Надо же, свататься прилетел! И непрост, ох, как непрост. По глазам видно — умён. Язык сидов за три дня выучил, говорит, словно под холмом родился. С таким затеять игру — наслаждение. Ещё сто лет будет, о чём вспомнить.

— Увы, дорогой мой, — промурлыкала королева, — с прискорбием вынуждена отклонить твоё лестное предложение. Уже много сотен лет, как я замужем. Но не огорчайся. У меня есть дочь, и она как раз достигла брачного возраста.

Королева хлопнула в ладоши. Стены подземной залы разошлись, открыв выход на лесную поляну. В холодном свете луны танцевали сиды — кружились листьями в водовороте, склонялись ветвями ивы, взлетали в небо лебедями и возвращались на землю хрустальным дождём. Поодаль, на поросшем мхом валуне, сидела рыжеволосая девушка в платье, полупрозрачном, как туман. В руках она держала арфу, мягко перебирая струны.

— Моя дочь, — ласково пропела королева, — принцесса Элен. Изящна, остроумна, способна поддержать любую беседу и, что ещё более ценно, вовремя замолчать. Танцует, как луч солнца, скачет на лошади, как ветер. Поет, как соловей. Говорит на всех человеческих языках. И в приданое за ней я готова отдать...

Кощей вскинул руку.

— Я не за приданым явился сюда, владычица сидов. Твоя дочь, при всех её достоинствах...

Девушка заиграла громче. Кощей замолчал. На Руси женщины не играют на гуслях. Да и в других странах ему не часто доводилось слышать женщин-музыкантов. Разве что на Востоке, но там музыка хоть и сладкая, но протяжная до заунывности, нагоняющая сон. Элен играла по-другому. Под её пальцами арфа шелестела первой нежной листвой, журчала пробившимся к солнцу родником, пела весенними птичьим голосами... Но радости в этой музыке не было,

а была тоска и боль. Кощей слушал, затаив дыхание. О чём тоскует принцесса сидов? Кто посмел её обидеть?

Арфа смолкла. Элен уронила руки, но тут же выпрямилась, гордо вскинув голову. Сиды вокруг неё хлопали в ладоши и смеялись — не по-доброму, а как дети смеются над калекой, упавшей в грязь и силющейся подняться. Кощей не понял, почему в голову ему пришло такое сравнение, ведь Элен не выглядела ущербной. Он посмотрел на королеву. Та холодно улыбалась, не выказывая ни малейшего недовольствия. Кощей до хруста сжал за спиной пальцы. Он бы этих насмешников в пепел сжёг и по ветру развеял!

— Так что ты хотел сказать о моей дочери? — королева приподняла безупречно очерченную бровь.

— Я хотел сказать, — Кощей снова взглянул на девушку, гладившую арфу, как усталую птицу, — что буду счастлив жениться на ней.

Дворец содрогался от топота, гомона, рычания и заздравных воплей. На свадьбу собрались все, кто уважал царя Кощея. То есть, все подданные, до последней кикиморы, и ближайшие соседи. Дальние прислали велеречивые поздравления на золочёных свитках и подарки — в основном статуи в греческом стиле. Статуй этих в дворцовом парке и без того скопилось больше, чем деревьев. Баюн тайком распорядился, чтобы новых истуканов поставили поближе к посадочной площадке. Змей Горыныч, пока приземлялся, переколотил половину. Баба Яга тоже помелом парочку приласкала. Глядишь, и остальные не уцелеют, когда хмельные гости улетать будет. А обломками потом можно дорогу вымостить, всё польза.

— О-о, наконец-то я тебя нашла! — послышалось за его спиной.

У Баюна дёрнулась задняя лапа. Специально залез на самую высокую башню дворца, чтобы хоть часок отдохнуть от столпотворения. Так нет же, и здесь достали!

— Ты умеешь прятаться, — рыжеватая, с тёмными пятнышками, кошка грациозно обогнула Баюна и вспрыгнула на перила балкона.

Вот назола! И ведь не прогонишь. Баюн вздохнул. Кошка прибыла вместе с Элен, невестой Кощея. Баюну они не понравились с первого взгляда. Обе тощие, рыжие и в глаза не смотрят, словно натворили чего. Верно говорят: с рыжими поведёшься, хлопот не оберёшься.

Сначала Баюн обрадовался, что миновало их лихо, не привёз царь зеленоглазую колдунью, которую со змеей сравнить — змею обидеть.

Подивился, правда, как это Кощей согласился на такую неравноценную замену. Только когда Элен настроила свою арфу и заиграла, кот понял, чего ради царь променял дивную эльфийскую королеву на эту замухрышку. Баюн и сам любил побренчать на гусях. Но так играть — чтобы душа крылья распускала и журавлем в небо рвалась — он не умел. А уж когда Элен с Кощеем сели за шахматы, и она в три хода выиграла, кот затосковал пуще прежнего. Ум и талант — сильная смесь, привораживает накрепко и надолго. Стало быть, свадьбы не миновать. А новая царица — новые порядки. Какими они будут — непонятно. Элен ходила по дворцу тихо, глаз не поднимая. Но в тихом омуте... И кошка ещё эта! Уставится в небо и мурчит, мурчит, будто молиться. А кому? Для чего?

— Я не прячусь, — с достоинством сказал Баюн. — Я звёздами люблюсь.

— Я тоже люблю звёзды, — она прищурилась, запрокинув голову. — Ты знаешь, что в Царстве мёртвых пустое небо? Ни звёзд, ни солнца.

— В Царстве мёртвых?! — Баюн вскочил. Шерсть на загривке сама собой вздыбилась. — Ты была там? Да что ты за тварь?!

— Я кошка, — она улыбнулась, по-прежнему не глядя на него. — Кошка по имени Мерит. Давным-давно я жила в стране Та-Кемет. Там было много солнца, а по ночам много звёзд. Наверное, и сейчас так.

— Ты из Египта? А как в Ирландии оказалась?

— Это странная история. Причудливее, чем любая сказка.

Мерит повернулась, первый раз прямо взглянув на него. Баюн ахнул. Глаза у кошки были чёрные, словно кто-то до краёв залил их смолой.

— Ты слепая? Но как же ты видишь?

— Иначе, чем ты. Из Царства мёртвых нельзя вернуться, ничего не оставив там.

— Оттуда вообще не возвращаются! Только если кто-то поможет. Кто тебя вернул?

— Королева, — Мерит опустила голову. — Когда я умерла, из меня сделали мумию, потому что люди в Та-Кемет боготворили кошек. Для нас даже устроили особый могильник. А через много-много веков другие люди раскопали нас. Содрали всё золото и украшения, а потом увезли на север, на далёкий остров. Тысячи кошачьих мумий.

— Зачем?

— Они перемололи нас на удобрения для своих посевов.

Баюн содрогнулся.

— Удобрять землю порошком из мумий?! Да кто же до такого додумался?

— Люди. Королева называет их англичанами, — кошка вздохнула. — Она взяла удобренную землю, принесла в свои владения и вырастила меня.

— И теперь ты служишь ей! — Баюн зашипел. — Ты шпионка!

Мерит подняла переднюю лапу, лизнула её пару раз, потом тихо сказала:

— Я не обязана была всё это рассказывать. Про тебя говорят, что ты умный. Если ты поймёшь, что задумала королева... Если успеешь до утра...

— Успею что? — озадаченно спросил Баюн. — Говори яснее. Я в вашем заморском колдовстве не разбираюсь.

— У нас мало времени, а я... — она наклонила голову, прислушиваясь к чему-то. — О нет! Почему? Ведь ночь ещё не закончилась!

Со двора послышался звонкий смех и серебряный звон подков.

— Это сиды! — Мерит беспокойно забила хвостом. — Они уезжают!

— Ну да, — Баюн глянул вниз. — И скатертью дорога.

— Их нужно задержать! Послушай меня, это важно! Они принесли с собой время холмов и чары королевы. Но как только уедут, чары развеются!

— Какие чары?

— Я не могу... — она вдруг жалобно мяукнула, вздрогнув, как от удара. — Нет! Пожалуйста, я люблю Элен!

Кот заозирался, не понимая, с кем она говорит. Мерит взвыла, спрыгнула с перил и метнулась мимо Баюна к лестнице. Предчувствуя недоброе, он помчался следом.

Во всех покоях, переходах и даже на лестничных ступенях пировали гости. Некоторые уже лежали вповалку под столами. Перепрыгивая через храпящие тела и уворачиваясь от пьяных объятий, Баюн выбежал в коридор, ведущий к царской опочивальне. Мерит крутилась возле запертой двери.

— Открой! Мне надо... надо...

— С ума сошла? Да Кощей голову оторвёт любому, кто ему брачную ночь испортит!

— Ты не понимаешь! Его ночь уже испорчена! Элен... умирает! — последнее слово Мерит прохрипела, словно её душили.

Баюн кинулся к двери. Поднялся на задние лапы, полоснул ког-

тиями по дубовым доскам. "Прости, Кощеюшка, но я должен разобраться, что за чертовщина у тебя творится!" Внутри громыхнул за-сов, вылетая из петель. Дверь распахнулась.

Полураздетый Кощей сидел на краю широкой постели, прижимая к себе жену. Он поднял голову, и Баюн замер. Никогда ещё ему не доводилось видеть у царя такого взгляда — потрясённого, растерянного, испуганного. На Элен была только короткая шелковая сорочка без рукавов, и Баюн увидел, что тело молодой царицы меняется на глазах — сморщивается, покрывается старческими пятнами, усыхает.

— Мерит... — прошептала Элен.

Кошка прыгнула на постель, жалобно замурлыкала, слизывая слёзы с лица хозяйки.

— Прости, я не успела! Она не дала мне...

— Это... — Кощей сглотнул. — Это из-за меня?

— Нет, — Мерит содрогнулась. По телу её прокатилась волна. — Нет! — закричала она так пронзительно, что Баюн прижал уши. — Тебя обманули! Элен человек! Она приёмная дочь королевы! Сиды украли её триста лет назад! Время под холмами течёт иначе. Люди там живут вечно! Но если они покидают страну сидов...

— То время берёт своё, — закончил Баюн. — Вот паскудство! Держи её, Кощей, я сейчас! Я мигом!

"Ну, королева, ну, стерва заморская, — бормотал он про себя, пока бежал со всех лап к сокровищнице, — посмотрим ещё, кто кого! Чай, и мы не лыком шиты!"

Зажав в зубах два флакона — с живой и мёртвой водой — Баюн помчался обратно. Влетев в опочивальню, он споткнулся о тело Мерит. Кошка скрючилась на ковре — высохшая мумия с оскаленной пастью.

— Спаси... её... — сухие губы Элен едва шевелились.

— Обязательно. Но сначала тебя! — Кощей схватил флакон с живой водой, плеснул на грудь Элен, бережно растёр. — Баюн, а молодильные яблоки остались?

— Всё на вино извели, — кот не сводил глаз с Мерит. Ему казалось, что в глубине сухих глазниц горят зелёные огоньки. — А вино выпили. Сам же всех угощал. Да и не помогут ей яблоки. Триста лет! Не живут столько люди. Если бы знать заранее...

— Я не могла рассказать, — прошептала Элен. — Даже песней... Прости.

— Ты не виновата, — Кощей вытряхнул из флакона последние

капли. — Слишком мало, Баюн! Не помогает!

Живая вода впиталась в кожу Элен, как в сухую ветошь. Старение замедлилось, но не остановилось. Баюн чуть не завыл от бессилия. Эх, был бы у них, как раньше, целый чан живой воды!

— Может, Яга... — он не договорил. Сам видел, как Баба-Яга храпела на лавке, в обнимку с ведёрной чаркой. Толку от неё не будет, даже если получится разбудить.

— Я знаю, что делать, — Кощей отбросил опустевший флакон.

— Ты что задумал?! — Баюн вздыбил шерсть. — Давно ли как скелет был? Забыл, так в зеркало погляди! Седина вон ещё не вся прошла!

— Тогда у меня силу отнять хотели, а сейчас я сам отдаю, — Кощей погладил пышные волосы Элен — единственное, что в ней не изменилось. — Потерпи, лада моя. Это больно, знаю. Но иначе я не умею.

Он глубоко вдохнул, прижался губами к её губам и выдохнул. Элен выгнулась, царапая скрюченными пальцами шёлковую простыню. Баюн отвернулся. Он не хотел смотреть, как расплзается мёртвая седина по волосам друга. Зеленые огоньки в глазницах Мерит вспыхнули ярче.

— Наслаждаешься, королева?! — прошипел Баюн и одним махом оторвал кошке голову. — А вот чёрта с два ты ещё подсматривать будешь!

Мёртвая голова щёлкнула зубами. Баюн выпустил когти, рванул невидимую паутину чужих чар. По лапам словно раскаленными струнами резануло. Баюн продолжал полосовать воздух, шипя от злости. Огоньки в глазницах Мерит погасли. Баюн опустил на измученные лапы, принюхался. Справился или нет? Тело мумии начало крошиться. Стало быть, королева отступилась. Вот и славно. Только Элен, небось, разгневается за свою кошку.

Баюн подкатил лапой голову Мерит к туловищу, вытащил зубами пробку из флакона и вылил на кошку мёртвую воду. Вода зашипела, запузырилась, как масло на горячей сковороде. Голова медленно начала прирастать на место, тело кошки округлилось, тусклая шёрстка порыжелала. Но Мерит по-прежнему не дышала. А живой-то воды больше нет!

— Вот и всё, — тихо сказал Кощей.

Кот опасливо обернулся. Царь улыбался устало, но радостно. Седины в его волосах заметно прибавилось, но сам он не особо похудел, не сравнить с тем, что тысячу лет назад было. Элен — живая, здоро-

вая и снова помолодевшая, недоверчиво рассматривала свои руки.

— А это надолго?

— Навсегда, Алёнушка, — Кощей обнял её. — По крайней мере, покуда я жив. А я бессмертный, стало быть, и ты, теперь, тоже. Очень больно было?

— Ничего, мне бывало больнее, — она тревожно посмотрела на кошку. — А её нельзя оживить?

— Ох ты! — спохватился Баюн. — Прости, царица, засмотрелся на тебя. Сейчас всё сделаем в лучшем виде.

— Не надрывайся, — сказал Кощей. — Ворона за живой водой пошли.

Баюн мотнул головой.

— Рискованно. Пока он до источника долетит, да пока вернётся, Мерит в Страну мёртвых уйдет. Тамошний владыка не любит, когда у него души отнимают. Второй раз он своего не упустит. Ничего, справлюсь. Главное, молчите.

Он склонился к уху Мерит и замурлыкал:

— На море-окияне, на острове Буяне...

Слова особого значения не имели, просто помогали держать ритм. Сбиваться нельзя, иначе и мёртвого не разбудишь, и сам за ним уйдешь. Не любил Баюн мёртвых возвращать. И Яга злится, и чувствуешь себя потом, словно сквозь жернова протасили. Но Кощей ради своей зазнобы, небось, и на кошку силу потратит, не считая. Нет уж, пусть отдыхает.

В горле Баюна пересохло, но он продолжал мурлыкать. Кошка задыхалась — ровно, спокойно, как во сне. Так бы и оставить её спящей красавицей, во избежание новых козней королевы... Баюн подавил в себе соблазн и допел заклинание. Мерит вздрогнула и открыла глаза — голубые, как ясное небо.

— Вот так-то, — хрипло сказал Баюн. — Наша сила любое заморское колдовство одолеет.

— Мерит! — Элен спрыгнула с кровати и подхватила кошку. — Какая ты красавица! Спасибо тебе, Баюн. Как же ты сумел?

— Чай, не лаптем щи хлебаем, обучены кое-чему, — кот с хрустом потянулся. — Кощей, тебе, может, самобраночку принести? Подкрепишься, пока ночь не закончилась. А то ведь и... руки не поднимешь.

Элен зарделась. Кощей нахмурился, но прислушался к себе и кивнул.

— Неси.

Мерит выскользнула из объятий Элен и побежала за Баюном.

— И что теперь? — спросила она, когда дверь в опочивальню закрылась.

— А что теперь? Будем жить-поживать и добра наживать.

— Тогда почему ты такой хмур-рый?

Вот ведь назола! Баюн недовольно дёрнул хвостом. Не признаваться же, что устал, как собака.

Мерит ласково потёрлась о его плечо.

— Я у тебя в долгу, Баюн. Ты не думай, я всё понимаю. Тебе нужно отдохнуть. Давай найдём спокойное местечко, и ты поспишь. А я спою колыбельную. Такую ты ещё не слышал.

— Сначала надо самобранку отнести.

— Да обойдутся они без самобранки! Элен тоже кое-что умеет.

Баюн хотел съязвить в ответ, но язык не шевелился. И лапы начали заплетаться. Если бы не Мерит, он бы с лестницы свалился, пока ковылял на свой любимый балкон.

На востоке небо уже светлело. Скоро взойдет солнышко, согреет, приласкает. . . Баюн свернулся клубочком, Мерит прижалась к нему — живая, тёплая, как солнышко. Замурлыкала диковинный мотив. "Про эту свадьбу сказки будут рассказывать, — подумал Баюн, засыпая. — Наврут, небось, с три короба. Это уж как водится. Ну и ладно, на то она и сказка, чтобы начаться да закончиться. Главное, чтобы жизнь продолжалась".

... ∞ ...

Григорий Родственников

рассказ «Берегиня»

На работе у Ивана Затерина был завал. Предновогодняя суматоха только добавляла лишних хлопот. Поэтому, получив от бабули странное смс, решил, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Иван чертыхнулся и ещё раз перечитал сообщение:

«Ванечка, приезжай. Во вторник ухожу».

«Куда ухожу? – удивился Затерин. – И почему во вторник?» Потом смутная догадка неприятно кольнула сердце. Может, ошибка? Да и не умела бабуля смс-ки набивать. Но это образное словечко «ухожу» уж очень в духе Прасковьи Олеговны. Да и телефон её.

Иван набрал номер бабушки. Длинные гудки и фраза на английском не удивили. Сроду она трубку не брала. Что же там случилось? Во вторник? А сегодня у нас понедельник... Затерин непечатно выругался и швырнул в ящик письменного стола незаконченный отчёт. Всё равно работать не сможет. Если бабуля сказала «ухожу», значит, так и есть. Прасковья Олеговна обладала каким-то мистическим умением знать наперёд, что должно произойти. Её необъяснимый дар заглядывать в грядущее даже немного пугал. А потому Иван решительно направился в кабинет шефа.

– Владимир Сергеевич, тут такое дело. Мне срочно уехать надо. По семейным обстоятельствам. Отчёт я почти доделал. Вернусь – наверстаю.

Начальник неодобрительно хмыкнул, побарабанил пальцами по столешнице и, не глядя на Ивана, буркнул:

– Надо, так надо. Надеюсь, не подведёшь.

– Не подведу! Спасибо!

У самой двери Затерин едва не столкнулся с Крысовым. Вот уж говорящая фамилия. Юрочка действительно походил на крысу, юркий, шустрый, с длинным подвижным носом, с угодливой улыбочкой на тонких бледных губах, с прилизанными волосиками неопределённого серого цвета. Вот и сейчас, не иначе, подслушивал. Иван знал: Крысов только и ждёт удобного случая, чтобы занять его место.

– Куда это ты собрался? – Юрочка подозрительно уставился на коллегу пронзительными тёмными глазками, похожими на чёрные маслины.

– По делам. Срочно.

– В разгар рабочего дня? – Крысов озабоченно поцокал языком. – Нехорошо это, Ваня. Мы как на фронте, каждый человек на счету. А ты дезертируешь. . .

– Я спокоен за производство, когда на посту такие люди, как Юрочка Крысов, – с пафосом произнёс Иван и похлопал его по плечу.

– Шути, шути, – прокричал ему вслед Крысов и тихо добавил шёпотом: – дошутись, сука.

Пробок на удивление не было, и Иван добрался до деревни за неполные три часа. Вот и знакомый зелёный заборчик, за ним уютный домик, из трубы вьётся дымок. Охваченный нехорошим предчувствием, Затерин выскочил из машины и бегом помчался к дому, утопая в высоких сугробах. Пинком распахнул калитку и едва не сшиб большого чёрного петуха, важно прогуливающегося по вычищенному от снега дворику. Петух шарахнулся в сторону, недовольно закудахтали куры, а Иван взбежал по ступенькам и распахнул дверь.

– Ванечка! Внучок! – Прасковья Олеговна взмахнула сухонькими ручками и бросилась к нему в объятия.

Обнимая пожилую женщину, Иван незаметно перевёл дух. «Жива! Слава Богу!». Ноги от переживаний стали ватными. Поцеловав бабушку в щёку, Иван поспешил сесть на стул.

– Ты чего прямо в пальто? – улыбалась та. – Раздевайся, чай пить будем.

– погоди. Дай в себя приду.

– А чего так торопился? Я же сказала, во вторник ухожу.

Затерин нахмурился:

– Это шутка? На умирающую ты не тянешь. Знаешь, сколько у меня сейчас дел на работе? А мне пришлось всё бросить и приехать.

– Работа, Ванечка, никуда не уйдёт, – вздохнула Прасковья Оле-

говна. – Один ты у меня внучок любимый. Другие племянники про меня и не вспоминают. Как же мне, уходя, тебя без благословения и помощи оставить?

– Ты действительно собралась помирать? – Иван недоверчиво хмыкнул.

– А как же, родненький, как чёрный петух пропоёт – так и уйду. . .

– Да глупости это, бабуль! – начал злиться Затерин, но, поймав укоризненный взгляд женщины, стушевался и буркнул: – Пойду зарежу твоего глупого петуха, и никто не пропоёт. И вообще, чего у тебя куры на морозе гуляют? Они же перемёрзнут.

– У нас зимы сейчас тёплые, европейские, – улыбнулась Прасковья Олеговна, – им погулять на свежем воздухе пользительно. Через часок загоно. А петух мой зажиточный. Тут вчерась один городской приезжал, золотые горы мне за него сулил. Только нутро у него чёрное было, чернее, чем хвост у моего кочета. Отказала.

Иван снял пальто и шапку, повесил на вешалку. С тоской огляделся. Если бабуля права, то видит он эту знакомую с детства комнату в последний раз. Если бабушки не станет, то и дом этот ему ни к чему.

– А ведь ты продашь мой дом, – словно подслушав его мысли, сказала Прасковья Олеговна. – Знаю, продашь. Я не против. Вы, городские, любите дома, чтобы до небес. Скучно тебе здесь будет. Надеюсь, Игнату повезёт с новыми жильцами. . .

Иван помнил, что Игнатом бабушка величает домового. Тут у неё живности богато. Ещё банник был, Матвей, и прочие полезные духи. Затерин вымученно рассмеялся:

– А ты Игната со мной отправь. Как там у Горького было? Лапоть бросить и сказать: «вот тебе сани – поезжай с нами».

Бабушка печально вздохнула:

– Не уходит хозяин из дома. Да и не поедет он в многоэтажку. Пустое это. Анку пошлю, она за тобой присмотрит.

– Анку? – поразился Иван. – Это куклу, что ли?

– Её, – ласково улыбнулась женщина, подошла к дальней стене и взяла с полки под божницей самодельную куклу. – Она за любимым внучком присмотрит.

– Да как она присмотрит? Ей смотреть нечем.

Действительно, у куклы не было глаз. Этот факт поражал Ивана с самого детства. Просто круглая тряпочная голова в белом платке. Однажды маленький Ванька вооружился фломастерами и решил нарисовать игрушке глаза. Схватил Анку в охапку, положил на стол

и... словно вспышка молнии ударила в лицо. Прасковья Олеговна прибежала на рёв внука. Тот сидел под столом и дрожал. Женщина сразу обо всё догадалась. Аккуратно вернула куклу на место, а Ване строго сказала:

«Это тебе наука. Не бери чужое без спроса».

С тех пор Ванька стал бояться тряпичную куклу. Ему казалось, что слепая игрушка постоянно следит за ним. Да и бабушка объяснила, что Берегине глаза ни к чему, она душой видит. Постепенно детские страхи прошли, но неприятный осадок остался.

Прасковья Олеговна бережно вложила куклу в руки внука:

– Береги Анку, и она тебя беречь будет. Платице время от времени стирай. Это её дом, а дом нужно в чистоте содержать.

Затерин вертел в руках куклу, гладил пальцами кружевной передничек, а сам думал: «Выброшу по дороге этот хлам».

Бабушка дала ему пластиковый пакет:

– Сюда Анку положи.

Иван хотел сунуть игрушку головой вниз, но, уловив неодобрение на лице бабушки, с преувеличенной аккуратностью поместил тряпичное изделие в пакет, словно это была хрустальная ваза немислимой ценности.

– Мы почему с твоим дедом так справно жили, – говорила пожилая женщина, – в доме полно и ровно. Нас Анка хранила. Её ещё моя бабушка смастерила. По законам пращуров, без игл и ножниц. А внутри сук дерева священного.

– Бабуль, – не выдержал Иван, – ты, вроде, православная. В церковь по воскресеньям ходишь, свечки жжёшь, иконы вон у тебя на стене. Так чего во всяческие языческие бредни веришь?

– Цыц, балбес! – прикрикнула на него Прасковья Олеговна. – Не болтай о чём не понимаешь! Услышат тебя – обидятся! – И, видя, что внук насупился, уже мягко добавила: – Как же в Господа нашего не верить? Но и про заветы предков забывать нельзя. Лучше скажи, как у тебя с Оленькой?

– Никак, – отмахнулся Затерин. Говорить о бывшей невесте не хотелось. Похоже, разошлись пути-дорожки. Она теперь всё больше в сторону Крысова смотрит. Обидно, конечно, думал – любовь...

Время пролетело незаметно. За окном давно стемнело. Затерин чувствовал, что глаза слипаются. Сказывались суматоха и напряжённость последних дней. Да ещё эти ночные кошмары, из-за которых толком не выспишься. Под рассказ бабушки о несчастной девушке Анке, которую выдали замуж за нелюбимого богача, он

незаметно задремал. Стал падать со стула, встрепенулся и услышал окончание истории:

– Умерла она от тоски. А потом явилась моей бабушке и сказала: «Буду отныне род наш беречь, а душа моя в кукле-обереге жить станет».

– Сколько времени? – спросил Иван, поглядывая на часы. – У меня, наверное, спешат. . .

– Скоро полночь, Ваня. Вижу, устаёшь сильно. Под глазами круги. Спишь, наверное, плохо?

– Плохо, бабуль. Кошмары замучили.

– Скверное дело. Баечник за тебя принялся. Извести хочет.

– Да какой баечник? – отмахнулся Затерин. – Крыса одна хитрожолая пакостит. На моё место метит. А начальник ему потакает. Чую, скоро выпрут меня с работы.

– Не печалься, внучок. Анка поможет. Пойдём спатки, я тебе мягкую перинку постелила.

– Анка-пулемётчица, – хмыкнул Иван. – Только я не Чапай. . .

Лёжа на кровати, Иван блаженно улыбался. Хорошо и спокойно, как в детстве. Бабушка сидела рядом и тихо говорила:

– Как усопну – уезжай. Не нужно меня хоронить. С деревенскими обо всём договорилась. Николаю Кузьмичу скажешь – он всё сделает.

– Не усопнешь, – бормотал Иван, – ишь чего выдумала. . . ты ещё на моей свадьбе не. . . не гуляла. . .

Чей-то звонкий крик ворвался в сознание. Тревожный, словно по нервам ржавым гвоздём чиркнули. Не сразу Иван сообразил, что это пропел петух. А когда понял, резко вскочил с кровати, босиком бросился в бабушкину комнату и. . . застыл на месте.

Обстоятельный дед Николай Кузьмич, неторопливо пересчитал деньги и больше половины вернул Затерину:

– Эти лишние. У нас здесь не город.

– На похороны приеду.

– Как знаешь. Только Прасковья не хотела. Говорила: не хочу, чтобы внук меня в гробу видел.

– Даже не знаю. . .

– А чего знать? Дело хозяйское. Только не хотела она.

Приехав домой, Иван не раздеваясь прошёл на кухню. Достал из холодильника бутылку водки и прямо из горла сделал большой глоток, скривился, вытер рукавом повлажневшие глаза и бросил в пустоту:

– Вот и нет тебя, бабушка! Кто мне теперь добрым советом поможет? Кто дурня уму-разуму учить станет?

Чувствуя, что ещё немного, и заревёт как ребёнок, с преувеличенной бравадой вскричал:

– Да не плачу я! С чего ты взяла?! Сам знаю, что все там будем! Ну-ка, чего за подарки ты мне наложила?

Он с грохотом ставил на обеденный стол банки с вареньем, маринованными огурцами и помидорами. Стеклянная бутылка, где на этикетке корявым почерком Прасковьи Олеговны значилось: «Святая вода». Раньше бы посмеялся, а сейчас только вздохнул и убрал в холодильник, пригодится. Шелестя пластиковым пакетом, извлёк тряпочную куклу и впился в неё злым нетрезвым взором:

– Берегиня, говоришь? А чего же бабушку не сберегла? Ей бы жить да жить, а ты...

Затерин ухватил Анку за тряпичную голову и с размаху швырнул в мусорное ведро.

– Завтра выкину! Сейчас сил нет!

Допил водку, стянул пальто и шапку, бросил на пол и, пройдя по одежде, как по ковру, направился в спальню. Упал на кровать навзничь и затих, чувствуя, как мокреет, пропитывается слезами подушка.

Во сне увидел печальное лицо бабушки. «Ванечка, как же ты так с Анкой? Нехорошо это...».

Иван хотел ответить, но знакомые черты Прасковьи Олеговны вдруг подёрнулись рябью, растворились в белёсом тумане, и на их месте из дымного омута вынырнула рожа уродливого старика с расчёпанной седой бородой. Красные нечеловеческие глазищи уставились на Ивана, полыхнули огнём, а безгубый рот растянулся в ухмылке: «Пора умирать, касатик». Невидимая рука ухватила за горло, сдавила с такой силой, что Затерин, захрипел, задёргался, с ужасом понимая, что не в силах сопротивляться. Свет стал медленно гаснуть, пока не наступила крошечная тьма.

«Если я умер, то почему так жарко?». Ему казалось, что он лежит на раскалённых углях, ощущал, как от ожогов надуваются на теле пузыри, лопаются, пронзая тело невыносимой болью. «Я в Аду! В геенне огненной! Грешник! Грешник! Господи, прости меня и помилуй!».

Темнота медленно схлынула, забрезжил серый рассвет. Где-то на краю сознания Иван увидел чей-то силуэт. Он приближался, очертания стали чётче. Девушка. Совсем молоденькая, с распущенными

пшеничными волосами, улыбается, а глаза... такие лучистые. Как у бабушки. Если бы не боль, сжигающая изнутри, улыбнулся бы в ответ. Но сейчас он способен лишь прорычать нечто невразумительное.

Прохладная рука легла ему на лоб. И боль тотчас отпустила. Иван блаженно вздохнул. «Спасибо».

Затерин открыл глаза. Над ним белый потолок, яркие круглые лампы, слишком яркие, захотелось зажмуриться.

– Иван Алексеевич!

Требовательный голос заставил вздрогнуть. Затерин повернул голову и увидел мужчину в белом халате. «Врач? Похоже на то. Я что, в больнице?».

Он лежал на кровати в палате, из руки протянулся прозрачный проводок капельницы. Странно, чувствует он себя вполне сносно. Что же произошло?

– Доктор, я в больнице?

– А вы действительно ничего не помните? – усмехнулся врач.

– Абсолютно.

– Интересный случай. Вас доставили по «скорой» с коллапсом неясного генеза. Ранее подобное бывало?

– Не припомню.

– Вот и мне интересно. Кардиограмма вполне сносная. Кроме гипертрофии левого желудочка больше ничего не обнаружил. В крови только алкоголь и никаких ферментов. Тогда откуда коллапс и явные признаки гипоксии мозга? А ещё у вас синяки на шее. Колитесь, Иван Алексеевич, кто вас хотел жизни лишить?

– Никто, – напрягся Иван. Сразу вспомнился страшный старик из сна. Он протянул руку, пощупал шею.

– Осторожнее! – прикрикнул врач. – Капельница! – И вздохнул: – Я не полиция, мне можете не лгать. Впрочем, не хотите говорить – не надо.

– Никто не душил. Я просто спал, а очнулся здесь. – Затерин наморщил лоб. – Вы сказали «по скорой». А кто вызвал?

Эскулап пошелестел бумагами:

– Написано, «03» вызвали родственники.

– Но мои родственники живут в другом городе.

– Может, соседи? Какая разница? Главное, вовремя!

– Вовремя, – повторил Иван. – Сегодня двадцать девятое?

– Нет, уважаемый. Уже тридцатое.

– Как тридцатое? – встрепенулся Затерин. – Я здесь уже два дня?! Доктор, мне срочно нужно домой!

– Ради Бога. Завтра отпущу. Понимаю, Новый год и всё прочее.

– Сегодня! – взмолился Иван. – Только сегодня!

Уйти из больницы удалось лишь под вечер. Получив у сестры-хозяйки свои вещи, Затерин первым делом проверил вызовы на телефоне. Так и есть: восемь пропущенных звонков от шефа. Чувствуя холодок в груди, набрал его номер. Начальник словно ждал его:

– Ты что творишь, Иван?! Ты нас всех подставил! Ты понимаешь, какое сегодня число?! Где твой отчёт?

– На работе. В моём столе. Там работы на пять минут.

– Нет его там! – взревел шеф. – Мы весь твой ящик перевернули!

– Как нет? – опешил Иван. – В красной папке. Там и флешка по проекту. . .

– Ничего нет. – подчёркнуто спокойным голосом ответил начальник. – Ни-че-го. Непонятно, зачем тебе понадобились такие подставы. Но я сделал выводы.

– Подождите, Владимир Сергеевич, я сейчас приеду, и всё выясним!

– Не нужно приезжать. Рабочий день закончился. Хорошо, что твой друг, Юра, в курсе всего. Без него бы не справились. Короче, завтра с утра передашь дела Крысову. А потом делай что хочешь. – В трубке раздались короткие гудки.

Иван вытер рукавом повлажневший лоб. Ну и дела. Куда могла пропасть папка с отчётом? И флешка. . . Это же работа за целый год.

От переживаний заболел затылок, давление, что ли, подскочило? Он сам не понял, как приехал домой. Из головы не выходил кошмарный сон, красноглазый старик, девушка. . . Может, права бабушка насчёт Берегини? Это она спасла его от потустороннего убийцы. Да нет, бред. Он же цивилизованный человек, современный. Какие, к чертям собачьим, баечники? Однако с куклой он некрасиво. Да, чучелко какое-то тряпичное. Но раз бабуля так любила её, значит, нужно оставить. Какая-никакая, а память о близком человеке.

Иван вошёл на кухню и заглянул в мусорное ведро. Туда он её зашвырнул.

Анки в ведре не было. Затерин озадаченно поскрёб затылок. Он же помнил, как схватил куклу за голову и бросил в мусорку. Тогда где она?

Целый час Иван занимался поисками, рылся на антресолях, за-

глядывал в кладовки, отодвинул холодильник, вдруг завалилась? Кукла словно испарилась. Иван уселся на кровать и истерически расхохотался. «Вот ведь кретин. Совсем памяти лишился. Или он в тот день всё же выбросил мусор на улицу. Да нет, ведро наполовину заполнено. Если бы выбросил, было бы пустое». Затерин сжал виски руками. Мистика. Натуральная мистика. Или сумасшествие? Немудрено с такими жизненными напряжениями. Невеста бросила, отчёт пропал, работы, похоже, лишился. Иван застонал. Сейчас бы напиться, нажраться вусмерть, пустить сопли и забыться в этиловом дурмане. А дальше гори оно всё синим пламенем. Но алкоголя в доме не было. Когда приехал от бабушки, выпил последнюю бутылку. Уже думал одеться и сбежать в магазин, но строго осадил себя: «Алкаш, что ли? По любому поводу надираться. Ты молодой, здоровый, найдёшь другую работу и... другую невесту». Невесту... Мысли об Ольге оказались последней каплей. На глаза навернулись слёзы. «Нет, я бы понял, если бы ушла к достойному человеку. Но Крысов... это же такое ничтожество. Как она могла?». Иван вскочил и забегал по комнате. Он то выкрикивал оскорбления в адрес несостоявшейся невесты, то просил у неё прощения. Грозил кулаками, потом неожиданно успокоился. Несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. «Всё. Хорошо истерить, аж противно, как расплылся, словно кисель на плите. У Ольги своя жизнь, у него своя. Да и не такая она умная, как раньше думал. Дура, как все бабы. Крысов ей в уши надул, комплиментиками мозги запудрил, она и поддалась. Значит, не любила. Пусть катится на все четыре стороны. А с баечником этим он сам разберётся. Пусть только появится, нечисть! За бороду его и в унитаз!

Затерин расхохотался. «За бороду и в унитаз!».

Когда красные глаза взглянули на него из темноты, воинственный запал исчез. Старик смотрел на него и визгливо смеялся:

«Зря ты не умер, касатик. Сейчас бы спокойно было. Все заботы бы прошли. А теперь ты долго умирать будешь. От обиды и зависти усохнешь. Поверь, это гораздо больше».

За спиной урода вдруг образовался большой экран, словно полотно в кинотеатре. Старик ткнул в него пальцем, и Иван замер, поражённый увиденным. Незнакомая спальня. Тусклый абажур. На кровати сидит Юра Крысов, собственной персоной, а на коленях у него Ольга, хохочущая, раскрасневшаяся. На бывшей невесте красное платье. Иван помнил его. Да как не помнить, если сам дарил. Бархатное, с большим разрезом на левой стороне. Когда Ольга шла,

полы расходились и открывали взору прелестное бедро, от вида которого у всех встречных мужиков дух захватывало. А сейчас в этот разрез пролезла рука ненавистного Крысова и гладит то, что принадлежало лишь ему, Ваньке Затерину. Даже во сне Иван услышал, как скрипнули от злости и отчаяния его зубы, как замерло и похолодело сердце. Броситься бы на негодея, придушить, стереть в порошок. Да только недвижимо тело. Ни рукой ни ногой пошевелить не получается.

«Смотри, смотри, голубь, – хохочет старик. – Дальше самое интересное начнётся».

Нет сил смотреть, как подлец стаскивает одежду с любимой женщины, а глаза закрыть, зажмуриться – не получается. Даже заорать благим матом не выходит. Прав старик: такая мука почище смерти...

Только вдруг погас экран. А рядом со стариком та самая девушка возникла, что уже видел Иван. И знает теперь, что она и есть, Берегиня.

Протянула она ладонь раскрытую в сторону нечисти, и взревел баечник, разом вдруг уменьшился и оказался крошечным, горбатым, ничтожным. Забежал по комнате, когтистыми пальчиками воздух царапает и вопит:

«Не твой он ныне! Отказался от тебя! Прочь, Анка! Выбросил тебя! Отрёкся от рода! Отдай его мне! За него кровью плачено!».

А потом пропал баечник. Одна Берегиня осталась. А глаза её лучистые такими грустными стали, что Иван от непонятной жалости вскрикнул... и проснулся...

На часах два ночи. Когда успел уснуть только. Что же это такое, сны кошмарные. Ведь точно свихнёшься. Иван прошёл на кухню. Отыскал на полке сигареты. Давно не курил. Но сейчас понял – не успокоится иначе. Щёлкнул зажигалкой, выпустил в потолок сизый дым, размышляя. Что происходит? Если так будет продолжаться – точно умом тронется. И самое главное, непонятно, то ли мозги медленно отъезжают, то ли права была бабушка насчет духов, злых и добрых. Почему-то хотелось верить и в баечника, и в Берегиню. А если они действительно за него бьются, то как Анке помочь?

Затерин закашлялся. Обнаружил, что выкурил три сигареты подряд и даже не заметил. Открыл форточку. Морозный ветер взъерошил волосы, охладил разгорячённое лицо. За окном на ветвях деревьев висела полная луна. Тихо и величаво кружились снежинки. «А ведь сегодня уже 31 декабря. Новый год. Жаль, бабушка не дожила.

Вот сейчас бы рассказать ей всё, точно бы научила уму-разуму. Да ещё каких-нибудь духов кликнула бы. Того же Игната. Неужели бы всей гурьбой не одолели злую нечисть?».

Во рту пересохло. Открыл холодильник и взял бутылку со святой водой. Сделал глоток. Вкусная, не иначе с родника. Спасибо, бабушка.

Стало прохладно. Затерин закрыл форточку, прошлёпал босыми ногами в спальню. Поставил бутылку рядом с кроватью. С головой накрылся одеялом. Вряд ли уснёт, хоть полежит. Скоро на работу, надо разобраться с пропавшим отчётом. А там, что Бог даст.

Ему казалось, что зазвенели серебряные колокольчики, тихо и грустно. А потом Иван увидел Анку. Она словно плыла по воздуху, на ней просторная белая рубаха, расшитая бисером. На пшеничных волосах в свете луны серебрятся снежинки. Как есть Снежная Королева. Только откуда в комнате снег и луна? Но это сон, а во сне удивляться не приходится.

Она остановилась рядом с его кроватью и печально вздохнула. И Иван решился. Вскочил и горячо заговорил:

– Прости меня, Анка! Сам не ведал, что творил. Ведь я думал, что это всё суеверия глупые, про духов разных. Запутался я! Что мне теперь делать? Посоветуй! Научи!

Голос Берегини был подстать колокольчикам. Такой же ласковый, мелодичный.

– Тебе не в чем виниться. Мир давно изменился, и вместе с ним изменились люди. И мы уходим из вашего мира. Силы наши утекают. Мир Света слабеет, а Мир Зла набирает силу. И мне очень грустно...

– Я был дураком! Прости, что хотел выбросить твой дом! Я ничего не знал! Кто этот жуткий старик? Чего он прицепился ко мне?

– Твоя бабушка права. Он – баечник. Он обрёл силу благодаря чёрной ворожбе. Чернокнижник преступил закон, нарушил договор. Как и я. Нас всех ждёт наказание. Только это уже неважно.

– Я ничего не понял. Какая ворожба? Какие законы?

– Пыталась помочь. Мы из одного рода. Но если я не нужна тебе – уйду...

– Стой! Ты нужна мне! Я же извинился! Вернись!

Но Анка стала медленно таять и вскоре исчезла. Лишь где-то под потолком тоскливо всхлипнул колокольчик.

«Бросила». Затерин сокрушённо застонал. «А если явится этот проклятый баечник?».

– Здравствуй, касатик, – старик был уже здесь. – Прогнал Анку? Молодец. Она слабый дух. Глупый и бесполезный.

Иван сжал кулаки и сам удивился. Раньше он мог лишь тарачиться на беззакония нечисти, валяться безвольной куклой, а сейчас ощущает собственное тело. Он рассмотрел пришельца. Грязный горбатый старикашка, стоит босиком на кривых ножках. Хилый и плюгавый. Бородёнка топорщится, как драный веник. И этот мозгляк чуть не спровадил его на тот свет.

– Кто тебя натравил на меня, сволочь?

Если баечник и удивился, то не подал вида. Противно захихикал и протянул к нему когтистую лапку:

– Мы не досмотрели фильм про твою невесту. Хочешь увидеть пикантные подробности? Чую, как твоё сердечко заходится от ревности и леденеет. Скоро оно совсем замёрзнет.

Затерин действительно ощутил неприятный холод в груди. Но вместе с этим в нём вспыхнула первобытная звериная ярость. Он подошёл к старику и без замаха ударил в челюсть. Тот высоко подлетел и грохнулся на пол. Испуганно засучил голыми пятками, сляясь подняться. На роже у него было написано искреннее изумление.

– Как?! Почему?!

– Сон превратился в явь! – прорычал Иван. – Не ожидал, паскуда?

Баечник кое-как встал на карачки, тряс головой и шипел грязные ругательства.

Иван подхватил с пола бутылку со святой водой:

– Говорят, бесы не любят такое! Ну-ка, испытаем! – он щедро ливанул на старика святую воду. И тот заверещал, словно его обварили кипятком. Резво вскочил и бросился бежать.

– Стоять, гадина!

Баечник юркнул в угол комнаты и исчез. Иван последовал за ним. Он не удивился, когда оказался на улице. Они бежали прямо по воздуху, под ногами плыли крыши домов, лампы фонарей. Чему удивляться, если это сон. Но сон хороший, яркий и злой. Затерин почти ухватил злыдня за воротник, когда тот протиснулся внутрь стены какого-то дома.

Они в комнате. И комната эта мрачная, как склеп. На полу в форме пентаграммы чадят чёрные свечи. Чья-то сгорбленная фигура уткнулась носом в потрёпанную книгу и бормочет заклинания. Так вот кто натравил на Ивана баечника. «Сейчас мы с тобой разберёмся, плесень!».

Злой дух с воплем метнулся к чернокнижнику и попытался спря-

таться у него за спиной. От неожиданности колдун вздрогнул и выронил книгу. На Затерина с немым ужасом уставились чёрные, как маслины, глазки Юрочки Крысова.

Иван громко расхохотался:

– Какая встреча! И почему я не удивлён?!

– Ваня? – Крысов побледнел. – Как ты сюда... почему?

– Сон стал явью, а явь сном! – прорычал Затерин. – Тебе ли этого не знать, кудесник! Значит, колдуешь помаленьку? Чертей на меня натравливаешь?

– Я не чёрт! – обиженно пискнул баечник. – Извините. Я пойду. – Он вдруг стал на глазах бледнеть, пока не пропал совсем.

– Ваня, это недоразумение, – запинаясь, начал Крысов. – Я сам не ожидал, что так выйдет. Случайно купил в букинисте книгу по магии. Думал, что ерунда, но решил попробовать...

– У тебя получилось, – зловеще процедил Затерин. – Почти убил меня. Но почти не считается. А вот у меня получится. – С этими словами он ударил сослуживца в живот. Тот согнулся пополам и упал. Свернулся калачиком, преувеличенно громко застонал. Но Иван не поддался жалости.

– Моё место занял – получи! Ольгу отнял – на, тварь! – Он бил Крысова ногами и чувствовал, что не может остановиться.

– Тебя посадят! – вопил Юрочка. – Убийца! Соседи услышат крики и вызовут полицию! – И он действительно заорал так громко, что Затерин едва не оглох. Иван нагнулся и ударил кулаком в лицо. Крысов хрюкнул и замолчал. Из носа потекла кровь.

– Не услышат, – переводя дух, прошипел Затерин. – Это наш сон. Здесь чужим не место. В жизни я бы не убил тебя. Но во сне, почему бы не раздавить липкую гадину? – Он вновь замахнулся.

– Это не сон! – всхлипнул Юрочка. – Здесь всё взаправду! Я не трогал Ольгу! Она даже не смотрела в мою сторону! Это баечник, он навёл морок. Он что хочет, может показать! Не было ничего у нас с Ольгой!

Иван подозрительно уставился на лежащего противника:

– Не врешь, собака? Действительно не было?

– Мамой клянусь! – всхлипнул Крысов.

Иван усмехнулся: – Ладно, живи. Даже во сне об тебя руки мараить не буду. – При этом Затерин с недоумением уставился на свои испачканные кровью кулаки: – Как всё странно. Сон, а костяшки болят. Или не сон?

Крысов не ответил. Он сел и, раскачиваясь из стороны в сторону,

залепетал:

– Не хотел я, Ваня. Бес попутал. Книга эта проклятущая. Стал читать и не мог остановиться.

– Чем же ты этого старикашку приманил?

– Чёрного петуха подарил. У бабули твоей украл.

– Так это про тебя она говорила? Ну и гад же ты, Юрочка Крысов.

– Бес попутал! В книге вычитал!

– Ну, так сожги её! – рявкнул Иван.

– Да как же. . .

– Молча! Прямо сейчас! Рви страницы и поджигай! А не то – раздавлю, как жабу! – Затерин сунул кулак под нос сослуживца.

Тот надрывно всхлипнул и принялся торопливо выдирать из книги страницы, он мял их и бросал на пол. Вскоре образовалась высокая бумажная горка.

– Поджигай! – приказал Иван.

Древняя бумага горела хорошо. Языки пламени взметнулись до потолка, освещая комнату. На столе Затерин увидел знакомую красную папку. Так и есть: его отчёт. А вот и флешка с материалом по проекту.

– Приватизировал, значит, мои наработки? Тоже бес попутал?

– Попутал, – зарыдал Крысов.

– Ладно. Живи, гад, – сказал Иван, сунул папку под мышку и огляделся. Вроде через эту стену он вошёл, только сейчас пройти насквозь не получалось. Странный сон. То по воздуху бегаешь, а то вдруг сплошная реальность. Он бросил уничтожающий взгляд на деморализованного противника и направился к двери. Крысов, весь перепачканный в золе, смотрел ему вслед и плакал.

Уже на лестничной клетке Затерин обнаружил, что стоит босиком, в майке и трусах. Как выскочил из постели, так и погнался за баечником. А на улице ведь зима. Но не возвращаться же в квартиру подлеца Крысова? Иван махнул рукой и побежал вниз по ступенькам.

Он шёл по сугробам и отчаянно голосовал. Но таксисты удирали от него, как чёрт от ладана. Затерин продрог, замёрз, а до дома было ещё далеко. «Можно ли во сне подхватить воспаление лёгких? Или сон кончился?».

Рядом затормозил полицейский микроавтобус.

Пожилой заспанный сержант открыл дверцу:

– Не рано ли праздновать начал, гражданин?

Его напарник глядел на Ивана с суеверным ужасом:

– Мне даже смотреть на него холодно. . .

– Зздасьте, рребята, – дрожащим голосом ответил Иван. – Ограбили меня. Ввсё сняли. Не пустите – замёрзну.

– Ограбили? – нахмурился сержант. – Ладно, садись.

Жёсткое кожаное сиденье показалось Затерину мягче любой перины. Он так и уснул, прижимая заветную папку к груди.

Проснулся. . . в своей постели. Он отчётливо помнил каждую деталь странного сна. Сна ли? Рядом на полу лежала красная папка.

– Ну и дела, – пробормотал Иван, вставая и надевая тапочки. На часах было десять утра. Затерин открыл ноутбук и за час закончил отчёт. Потом позавтракал, побрился и поехал на работу.

– Вы меня с ума сведёте! – накинулся на него начальник. – На часы смотрел? Или ты теперь за правило взял являться на службу под конец рабочего дня?

– Вот отчёт, Владимир Сергеевич. Я сегодня его доделал.

– Молодец, – покачал головой шеф. – Значит, сам утащил, а перед нами комедию разыграл.

– Утащил не я, а ваш любимчик, Юрочка. Хотел меня подставить и перед вами выслужиться.

– Вот как? – начальник, казалось, не удивился. – Ну, вы даёте. Не производство, а сумасшедший дом. Что у тебя с руками?

Затерин посмотрел на свои разбитые костяшки пальцев:

– Отчёт отбирал. . .

– Блин. Ну, вы даёте, – повторил босс и, не глядя на Затерина, бросил: – Крысов недавно звонил. Сказал, что увольняется. Это из-за тебя?

– Может, и из-за меня, а может, ему стало стыдно.

Начальник захохотал:

– Вы меня в гроб загоните. Иди уже.

После работы Затерин заехал в магазин. Купил торт, шампанское и большой букет алых роз. Подъехал к дому Ольги. Долго сидел в машине, теребил смартфон, но позвонить так и не решился. Вздохнул и поехал к себе.

До Нового года оставалось больше пяти часов. Иван поставил цветы в вазу, нарядил маленькую искусственную ёлку, сервировал стол и задумался. Вспомнились слова бабушки:

«Береги Анку, и она тебя беречь будет. Платьце время от времени стирай. Это её дом, а дом нужно в чистоте содержать».

«Не сберег. Нет ни платьца, ни самой Анки. . . ».

Зазвонил мобильник. Сердце радостно забилося, когда на табло высветился номер Ольги.

– Здравствуй, Иван. Я случайно возле твоего дома. Вернее... не случайно. Нам нужно серьёзно поговорить.

– Здравствуй, Оленька. Я ждал тебя.

Удивительно. Раньше Затерин не замечал. А сейчас понял. Ольга очень похожа на девушку из сна. Даже на волосах так же серебрится снег. Берегиня. Каким же ослом он был.

Ольга смотрела на него выжидательно, а глаза... такие лучистые.

– Иван, ты правда ждал меня?

– Всю жизнь.

– Да ну тебя, – Ольга смущённо рассмеялась. – Смотри, что у меня есть.

Она что-то вытащила из цветастого пакета, и Затерин вздрогнул. Долго смотрел на потерянную куклу.

– Откуда она у тебя?

– Ты не поверишь. Кто-то оставил её у моей двери. Я выхожу, а она стоит у стены. Посмотри, какая она забавная. Очень старая игрушка, от неё даже пахнет древностью.

– Старая. Её сделала моя пробабушка.

– Да ладно?! – не поверила Ольга. – Врунишка! Ты никогда не любил кукол!

– Не любил. А эту люблю. Теперь.

– Ты разыгрываешь меня, Ванька.

– У неё сзади под платьем три сучка, один выше, два – ниже.

– Точно! – Ольга широко распахнула глаза. – Значит, это ты принёс её к моей двери?

– Нет. Я думаю, она пришла сама.

Девушка странно на него взглянула и деланно рассмеялась:

– Ты сегодня такой загадочный. И слишком серьёзный. Я думала, ты бросил меня. Но ведь это не так?

– Я решил, что ты променяла меня на Крысова.

– Я?! На Крысова?! Это даже не смешно! Мне казалось, что ты охладил ко мне. Пыталась разжечь в тебе ревность.

– И тебе удалось.

– Прости меня, Ваня, я такая дура!

– Это ты прости меня.

Затерин обнял её и поцеловал.

Щечки Ольги покраснелись.

– Плохо только, что у куклы нет глаз. Это как-то неправильно. Знаешь, у меня есть красивые голубые пуговицы...

– Берегине не нужны глаза.

– А как мы назовём её?

– У неё есть имя, Анка. Старинное славянское имя. Я расскажу тебе о ней. Расскажу многое. Возможно, ты сочтёшь меня психом, но я расскажу. Расскажу про добрых бессмертных духов, о которых мы ничего не знаем, потому что забыли заветы предков. Расскажу о Яве и Нави, о вере и о любви. О нас с тобой, если ты захочешь...

– Захочу, – одними губами прошептала Оля.

Затерин кивнул, бережно взял куклу из рук невесты и поставил на книжную полку. Тихо сказал:

– Спасибо тебе, Анка. Спасибо за всё. Прошу тебя, никогда не покидай нас, берегиня...

... ∞ ...

Дмитрий Пахомов,
Нурлан Токсанов

рассказ
«Семья вяза»

Шипение открывающейся вакуумной двери, легкие музыкальные звуки кодировки – в палату кто-то вошел. Желябин с трудом открыл глаза.

— Как ваше самочувствие? — рядом стоял улыбающийся врач. Белый, слегка поблескивающий халат, чистая, светлая кожа лица и синие, цвета морозного неба, глаза.

Александр хотел сказать, что его состояние и так отслеживается в онлайн-режиме программой лечебной палаты, но, не желая тратить силы, просто кивнул. За последние дни он вообще толком не говорил, мечась между сном и постельной явью. А где же он пребывал до этой уютной, но все-таки бездушной палаты, утыканной хитрыми приборами и панелями? В памяти ему представал враждебный Космос, корабль, лед...

— Отлично, — между тем продолжал врач. — Сегодня палату переведем в полуоткрытый режим. Пора похвастаться своими достижениями. Думаю, вы будете приятно поражены.

Он легонько пожал руку лежащему пациенту и отвернулся. Снова прозвучали слова «полуоткрытый режим», а дальше произошло нечто неожиданное... Александр даже вздрогнул. Стены и частично пол будто растворились в воздухе. Открылся пейзаж мира, таинственный и одновременно отдаленно знакомый. Оказалось, что палата находится не на поверхности Земли, как он предполагал, а парит на высоте нескольких километров.

— Ну, звезды, я думаю, вам сейчас не слишком интересны, поэтому потолок не тронем. А внизу — вид нараспашку. Просто попросите увеличить, — врач жестом указал на город.

Желябин не совсем понял слова врача «попросите увеличить», но переспрашивать не имел желания.

Стали лучше видны высотные дома, густые зеленые деревья, прогуливающиеся люди. Красиво, но чего-то не хватало. Потом Александр вдруг осознал: внизу практически нет техники, словно смотришь на экологический оазис.

Пациент повернулся к врачу, но тот, опережая слова, быстро произнес:

— Все вопросы потом. Привыкайте разбираться во всем сами.

И с этими словами загадочный врач вышел из палаты. Желябин остался один на один со странными и необычными для него видами на Землю.

Сначала он просто лежал и смотрел. Внизу протекала неведомая тихая жизнь, но Александр никак не мог сориентироваться, как неопытный турист. Он забыл вкус вещей, возвращающихся к нему из прошлого. Что за деревья растут внизу? Похожи на вязы. Разглядеть бы листья, тогда можно определиться точно.

Он поднял руку, указал на один из сквериков внизу и то ли подумал, то ли сказал:

— Увеличить.

Кажется, все-таки сказал, хотя прозвучало робко и тихо. Тут произошло неожиданное: палата отреагировала, и картина внизу выросла, словно на клавиатуре нажали соответствующую команду или отдали голосовую команду, что раньше Александр любил делать. Но ведь там он работал с компьютером, а здесь живая природа! Ему стали видны аллеи, цветущие кустарники, изумрудная трава. Затем картинка стала еще подробнее, и Александр разглядел на ветвях деревьев неравнобокие мелкозубчатые листья, плоские коричневатые орешки семян, запрятанные в перепончатые прозрачные крылышки, и обрадовался им, как ребенок. Вязы!

Его внимание привлекла пожилая женщина, шедшая по аллее, в ладони у нее что-то заморгало. Кажется коммуникатор, но какой миниатюрный и практически невидимый глазу, если б только не сигнал входящего! Она заговорила, отвлеклась и налетела на стоящего впереди мужчину. Неожиданное столкновение вызвало легкое смятение обоих, похоже, больше оправдывался ни в чем неповинный мужчина. Впрочем, сценка поначалу не выглядела необычной

для Александра, а казалось взятой из прежней, полузабытой жизни. Однако в этот же миг воздух вокруг них будто сгустился, и аллея начала расползаться. Один из вязов рухнул, как подкошенный, на газон. Между тем не было даже малейшего ветерка. не говоря об урагане.

— Что происходит? — воскликнул пораженный Александр, непонятно к кому обращаясь, но подозревая, что за ним наблюдают через невидимые для него камеры слежения.

А вид снизу опять уменьшился, и мелкие детали превратились в туманные расплывчатые пятна.

— Это настоящее? То, что вы мне здесь показываете? — продолжал вопрошать сбитый с толку пациент.

Рядом с кроватью появился все тот же врач. Александр мог бы поклясться, что он буквально материализовался из воздуха. Ситуацию спасало лишь то, что врач всегда доброжелательно улыбался, внушая спокойствие.

— Не беспокойтесь. Все, что вы видите внизу, настоящее. А вот я - компьютерная проекция, — он похлопал себя по груди. — Просто смотрите и отдыхайте.

Надо же врач не живой, а голограмма. Но очень реалистичная, не отличишь от настоящего человека.

«Просто смотрите и отдыхайте», — слова вроде понятны и просты. Обрывки воспоминаний периодически всплывали в памяти. Корабль назывался «Мега», далее смутно. Видимо, произошла авария, раз доставили в обычный госпиталь санитарным челноком. Кто доставил? Почему он остался жив? Подробности того страшного дня мозг вспоминать отказывался, да, честно сказать, Желябину и не хотелось.

Две недели назад, когда в первый раз очнулся, к нему подкатил робот-психолог. Ему-то как раз Желябин не удивился. Обычный андроид, с круглой головой, смешными человеческими ножками, правда, на колесиках. Известно ведь, что конструкторы подобных роботов страшно консервативны или же придерживаются своих неписанных традиций. Конструкторы — особая каста, это Александр Желябин всегда признавал и удивлялся, откуда берутся такие умники. Он хоть никогда и не считал себя глупым парнем, но разные электронные прошивки, громоздкие программы с вычурными кодами да процедурами быстро утомляли. То ли дело гонки на скоростях, близких к световым! Вот от них у Александра всегда перехватывало дух и зашкаливал адреналин. Видать, во все времена молодые

люди делятся на два типа: зубрилки, которым только дай учиться да задания выполнять и дерзкие покорители галактик. Впрочем, кое-какими азами кибернетики и электроники Желябин, конечно, владел, иначе бы не назначили его командиром межгалактического корабля.

«Психолог» оправдывал свое название и показался пришедшему в себя космонавту самой учтивой моделью, с которой ему доводилось встречаться. Даже имя имелось у андроида, Джон. Точно так звали любимого пса Желябина. Совпадение? Вряд ли. Настоящий психолог должен располагать к себе с первой же секунды. По-видимому, Джоном тот представился именно по этой причине. Надо бы уточнить настоящее имя, промелькнуло в мозгу Александра.

— Вы, наверное, удивлены, Саша, что с вами общается то голограмма, теперь вот андроид, а не человек? — ласково спросил робот.

Александр пожал плечами, а Джон, чуть выждав, продолжил:

— Дело в том, что мы, роботы, имеем одно существенное преимущество перед человеком.

— Какое же? — спросил Желябин.

Он с удовольствием потягивался, ощущая, что руки и ноги его исправно служат, хотя неизвестно, сколько времени провели без движения.

— Ответ простой, — произнес андроид. — Мы не контагиозны. Наше дыхание чисто и невинно, как у младенца. Впрочем, у нас и вовсе нет никакого дыхания. Поэтому во избежание некоторых ненужных эксцессов на встречу с такими, как вы, пациентами нас направляют первыми.

— Что со мной случилось? — резко спросил Александр. — Где мой экипаж?

Джон помедлил с ответом, нажал на невидимый для пациента тумблер, и Александр медленно поднялся вместе с изголовьем кровати, кроме того, ощутил касание легчайших присосок, бархатных, словно гусеница, и его охватило чувство эйфории. Все для него внезапно стало нереальным, потусторонним, отступили страдание и грусть.

— Вы остались один, Александр. К сожалению, другие члены корабля погибли. После тяжелого ранения они поместили вас в криогенную камеру. Единственную камеру. Вам повезло, Александр.

Слова Джона как будто затронули спавший доселе участок памяти Желябова. Сергей, Раджив, Азамат, Стефания... И Марина... Они все погибли. Остался он один.

— Сколько я пробыл в космосе?

— Можете сосчитать сами. По показаниям бортового журнала вы вылетели к Эпсилону 25 января 2080.

— Какое число сегодня?

— 21 мая 2220.

Александр пошевелил губами. Сто сорок лет! Сказанное андроидом никак не желало укладываться в голове.

Джон опять сделал паузу, а потом произнес.

— Конечно, Саша, вы понимаете, что за длительное по масштабам Земли время многое изменилось, и к этому надо привыкнуть.

Александр захотелось опять принять горизонтальное положение, и он хотел было уже сказать об этом Джону, но внезапно без всякой просьбы изголовье медленно опустилось, глаза Желябина закрылись, и он опять впал в забытие.

В следующий раз, очнувшись, он попытался получить у анроида доступ к информационным сетям, но Джон вежливо отказал, заявив, что инструкции по предоставлению доступа к нему не поступало. Но его право – задавать любые вопросы. Началась этакая игра в «угадайку», поскольку Александр порой даже не мог нормально сформулировать вопрос. Это раздражало, но, надо сказать, реально отвлекало от мыслей про погибший экипаж, про последний бой.

Теперь он плавно летал над новым миром, и те странности, что он наблюдал, буквально заставляли забыть прошлое. Желябин понимал, что за прошедшие сто сорок лет в мире появилась куча новых технологий – та же летающая больница... Но внизу, как раз наоборот, словно не имелось никаких технологий – ни роботов, ни машин, ни даже антенн на крышах домов. Это смущало и сбивало с толка.

Александр лежал прямо на прозрачном полу, благо программа палаты позволяла. Внизу назревал дождь, сгущались тучи, усиливался ветер. Природа закрывала людей, однако за прошедшие пару дней Желябин уже немного освоился с технологией наблюдения. При желании он мог видеть и сквозь облака, заглядывать под кроны деревьев. А вот люди и дома оставались лишь картинкой сверху, рассматривать жилища внутри как будто кем-то не дозволялось.

Сейчас он смотрел на неспешно идущую девушку, ее словно не волновало приближение дождя. Закапала вода, полилась ручейками и потоками, а девушка продолжала идти, не обращая абсолютно никакого внимания на, казалось бы, грозную стихию. И пораженный Александр вдруг понял, что вода не попадает на девушку, а береж-

но обтекает стройную фигурку. Это нельзя было назвать каким-то энергокуполом, нет. Вода просто лилась мимо. Почему?

Александр нажал кнопку вызова, и в палату почти сразу въехал андроид, будто ждал где-то за дверями.

— Как это происходит? — Александр показал на девушку, которая оставалась сухой посреди сильного дождя.

«Психолог» раздвинул губы в подобие улыбки:

— Всё очень просто. Девушка попросила.

— Кого попросила?

— Она не хочет мокнуть и попросила дождь, а, следовательно, содержащуюся в нем воду, не мочить ее, — ответил Джон.

В палате повисла напряженная пауза. Наконец, Александр усмехнулся:

— Вот ведь как у вас устроено. Просишь, и бац тебе, готово. Мне бы так, на корабле. . . — тут Александр сбился, он вдруг понял, что толком и не помнит о роковых событиях стосорокалетней давности.

Джон в очередной раз улыбнулся, а в воздухе вдруг материализовался облик лечащего врача. Желябин привык к андроиду, а вот к возникающему из ниоткуда врачу приноровиться никак не удавалось.

— Александр, у нас принцип — никакой спешки. Да нам и некуда торопиться. Мы постепенно приведем и вас к тому, чтобы ваши слова тоже начали слышать. У вас ведь кое-что начало уже получаться, разве вы сами не видите этого?

Желябин хотел расспросить подробнее врача, но, как обычно, не успел. Голограмма растворилась в воздухе. А ведь раньше врач покидал палату на своих двоих. Видимо, считают, что Александр и впрямь готов к некоему новому этапу лечения. Андроид тоже не стал задерживаться, лихо развернулся и скрылся за дверями палаты. Желябин снова был один на один с красивым и непонятным миром внизу. Он опять смотрел туда, где всё ещё шёл дождь.

Чем больше Желябин приходил в себя, тем навязчивее были мысли о друзьях. По словам врача и андроида, они отправили его в будущее, заморозив в криогене, а сами погибли. А ведь издревле повелось, что именно капитан корабля, не важно, морского ли, воздушного или космического, покидает борт последним.

С другой стороны, Желябин и впрямь ощущал себя буквально заново родившимся. Что происходит в окружающем мире, как там все устроено, на месте ли континенты, страны, как там в Екатеринбурге? Все ли еще он центр Евразийской конфедерации, или

китайцы подмяли под себя и его бывшую родину? Впрочем, пока никаких признаков ужасного он не замечал. Андроиды, вежливые врачи-голограммы, какие-то странные изобретения в виде исполнения даже не приказов, а мыслей.

Все-таки сотня лет анабиоза не стандартный восьмичасовой сон. Желябин по кусочкам собирал прошлое. Наверняка мир преподнесет еще много интересного. Машинально он потрогал мочку уха. Привычное движение человека, летавшего на интернациональных кораблях, где кого только не встретишь: тут и англичане, и французы, и эстонцы, и китайцы. Все человечество тогда гордилось, что разрушен языковой барьер. Достаточно небольшого чипа, вживленного под кожу (Желябин выбрал мочку уха, как и многие другие, хотя и здесь никто не ограничивал свободу размещения), и вуаля, говори, с кем хочешь и на каком хочешь. А чем же еще гордились его современники? Желябин задумался. Много еще чем, срок человеческой жизни существенно продлили, но тут от генов никуда не деться: как ни крути, а мы не вечны. Хотя есть маленькая вероятность, что кто-то из современников дожил и до этих дней. Желябин всегда был настроен против перспективы прожить дольше, чем запрограммировано природой. Только, если рядом останутся твои друзья, родители, дети, любимая. Родителей уже, по всей вероятности, нет в живых, но должны остаться неизвестные ему потомки братьев и сестер. Обязательно должен их найти! Сам Александр не успел обзавестись семьей, но вот девушка у него имелась. На погибшем корабле... Марина, Марина... Желябин погрустнел и опять, в который раз, попытался вспомнить...

Тогда наступило время первых гиперпрыжков с участием людей (роботов посылали давно). Поучаствовать хотели многие, и на их корабле собрался разномастный экипаж. Планировался тренировочный прыжок в родной солнечной системе. Однако произошло несколько случайностей, к которым руки приложили операторы-программисты корабля, и в результате гиперпрыжок произошел сам собой. Прыгнули в другую систему, где их поджидал страшный сюрприз...

Внезапно воспоминания Желябина опять прервало появление голограммы врача. Уже который раз видел его бывший командир, но привыкнуть никак не мог. Хотя надо отдать должное кураторам, они вводили в курс дела своего пациента максимально осторожно, учитывая все, даже малейшие, нюансы. Все-таки психика космонавта, по определению, устойчивей, чем у среднего человека.

Голограмма выглядела торжественной. Врач улыбнулся своей виртуальной улыбкой, настолько очаровательной, что ни знай Желябин, кто за ней стоит, он поддался бы обману человеческих чувств.

— Александр, все это время контакт с вами осуществляли виртуальные сущности, проще говоря, мы с андроидом Джоном. Настало время... — тут лицо доктора стало торжественным, — познакомиться с нашими создателями, а вашими, соответственно, собратями.

Что-то в голосе голограммы насторожило Желябина, но в его положении выбора особого не наблюдалось. Кто эти создатели, дружелюбные или враждебные? Что вообще произошло с родом человеческим? Судя по виду доктора, да и анроида, они не особенно изменились, но чем люди живут сейчас, что их тревожит и заботит, ему и предстояло выяснить. На ад после смерти окружающее явно не походило, но было ли это раем? Желябин нахмурился. Ход собственных мыслей не понравился ему. Не является ли он подопытным животным для спасителей?

Александр взглянул на голограмму и, потерев мочку уха, резко, даже для себя, спросил:

— Зачем вы вырезали коммуникационный чип?

Он ждал объяснений, но вместо этого палата внезапно исчезла.

Зазвучал резкий сигнал тревоги. Александра подбросило вверх, он огляделся в испуге. Это был коридор в корабле. Гравитация ослабла, и капитан буквально влетел в рубку, где находился штурман.

— Они разрывают контакт! Начинают атаку, капитан, — закричал штурман, поворачиваясь.

Александр невольно схватился за чип в ухе, дескать, как же так...

Но тут все растворилось, и в палате воцарилась тишина, нарушаемая тяжелым дыханием напрягшегося пациента.

— После электромагнитной атаки чипы начали выдавать искаженные данные, — снова заговорил врач. — Это определило судьбу корабля. Ну, а сейчас... Если вы захотите, вас будут понимать и без чипов. Пожалуй, пора нам прогуляться. Вы же не против, Александр?

Желябин медленно кивнул. Если честно, его больше занимало показанное — какой контакт был нарушен? Почему из-за этого начался бой?

Но тут рядом объявился Джон, снова с улыбкой до металлических ушей. Дверь раскрылась настежь.

— Проходите, Александр.

Еще через несколько мгновений они стояли на парящей платформе. Начался плавный, но без сомнения, стремительный спуск.

Желябин никогда не боялся высоты, поскольку часто летал на самых разных видах машин. Да и за дни, что лежал в палате, рассматривая жизнь внизу, он, казалось бы, привыкал к своеобразному полету. Однако сейчас голова у него закружилась, и Александр осел на пол платформы, невольно схватившись за стоящего рядом андроида.

— Выбирайте скорость спуска и место, — произнес робот.

Александр старался держаться уверенно, не показывать слабину. Не заморачиваясь, просто указал на парк неподалеку.

Платформа приземлилась на ухоженной площадке, откуда в разные стороны отходило три аллеи, каждая украшенная вязами, ясеними, ивами, соснами да молодыми дубками. Здесь гуляла семья с парой детишек, мальчик и девочка, а вдали устроился художник, рисующий юрких белочек. Все они с интересом смотрели на спустившегося с неба человека. И вот тут произошло нечто странное. Девочка повернулась к родителям, что-то показала, и Александр вдруг обнаружил у себя в руках небольшой букет тюльпанов. Он даже отшатнулся слегка, однако Джон придержал и не дал выронить букет.

— Они рады тебе, — заговорил андроид. На правах давнего знакомого он перешел на «ты» с Желябиным. — Всей семьей приехали из Австралии. Просто путешествие. Увидев тебя, решили сделать приятное.

— А кто им обо мне рассказал? Ты?

— Нет, конечно. Они просто захотели узнать.

— А цветы? — Александр взглянул на маленький букет в своей ладони. — Откуда они взялись?

— Собрали. Вообще-то запрещается срывать, возможно, им придет штраф, — Джон указал на уже уходящую по одной из парковых аллей семью. — Но если робот, вычисляющий эмоции, сочтет, что этот жест шел от сердца, то, может, и не оштрафуют. У нас ко всему очень дифференцированный подход.

— Это я успел понять, Джон. В любом случае, спасибо.

И тут девочка повернулась, словно услышала с расстояния в сотню метров, улыбнулась.

— У вас хорошо получилось, мы ждали этого, — рядом транслировал ее слова улыбающийся Джон. — Вы хотели поблагодарить, и ваша просьба услышана.

Александра эмоционально вымотала встреча с австралийцами, хотя и была исключительно приятной. Показалось просто необычным их телепатическое общение и материализовавшийся ниоткуда букетик цветов.

Затем была тихая прогулка, во время которой молчал и Александр, и Джон. Щебетали птицы, скрываясь в ветвях густого ясеня, в траве стрекотали беззаботные кузнечики, порхали бабочки и мушки. Однако в Александре словно что-то закипало. Какие-то темные сцены из прошлого захватили, помимо воли, сознание.

И тут вдруг кусты рядом задымались, а затем полыхнули языки пламени. Желябин отшатнулся и упал.

— Осторожней с желаниями и воспоминаниями, — Джон подъехал ближе, обдал несчастный кустик шипящей струей холодного пара. — Пожалуй, нам пора возвращаться, ваш лечащий врач готов ответить на некоторые вопросы. Вы должны быть очень осторожны, Александр, мир не такой, как два века тому назад.

Желябин мог бы поклясться, что андроид вздохнул и с совершенно человеческими интонациями добавил:

— Совсем не такой.

Александр кивнул в знак понимания и впал в легкую прострацию. Смутное чувство беспокойства начало овладевать им. Это ведь только первые дни в гостях все кажется безоблачным, красивым и радужным. Туристический статус, так сказать: газоны подстрижены, персонал вышколен и вежлив, как охотничий пес на городской прогулке, белье выстирано, накрахмалено и выглажено. Только через пару дней замечаешь щербинки на ступеньках, пыль в укромных уголках номера, несмазанные части официанта-андроида, скрипящего со своими универсальными подносами к очередному постояльцу.

Желябин стал опасаться, что если он так и будет следовать указаниям да инструкциям Джона, то лично для него это добром может не кончиться. Капитан и в юности любил носить футболку с надписью “Fuck the authority”, а поэтому ловушку ощущал шестым чувством.

Кивнув андроиду, он сделал вид, что отправляется к лечащему врачу, а сам юркнул в одну из многочисленных аллей с аккуратно растущими вязами, по причине мая щедро разбрасывавших семена, похожие на плоские кукурузные хлопья. Желябин подивился консерватизму людей: таких высот в технике и науке достигли, а вот поди же, терпят у себя завалы семян. Впрочем, и роботам надо

что-то делать. Один из них бесшумно двигался по бетонной тропе и шлифовал диском поверхность, одновременно заматывая внутрь себя вездесущие семена. Александр наклонился, потер в руке одно из них. Затем просто дотронулся до земли рядом. Он вспомнил что-то из прошлого: вяз могучее дерево, но его семя должно прорасти сразу, оно не должно ждать. И он прикопал взятое семечко в почву.

Внезапно он снова увидел двух детей. Они торопливо шли в сторону большого автофлайера. Желябин удивился. Чего-чего, а машин он в этих краях практически не встречал.

Дети не ловили в воздухе семена вяза и не гонялись друг за другом. Когда они приблизились, Желябин увидел, что и не дети они вовсе, а взрослые, просто очень маленького роста.

С некоторой настороженностью Александр подошел к ним, и стало слышно, о чем они говорят.

— Ну вот, ты как всегда! — ворчал мужчина. — Уговорила их на долбанную генную модификацию, автофлайеров ей захотелось. А толку!

— Да кто же знал, что вся техника у тебя в голове давно проквашилась, — не сдавалась женщина.

Тут она заметила Желябина.

— Тоже тебя к этому всему приспособливают?! — кивнула в сторону парка с пренебрежительным тоном. — Ну пробуй, пробуй. Лучше одно хорошее старое. . .

Женщина оборвала фразу на полуслове, и они быстро двинулись к автофлайеру, где принялись разбираться с внешней панелью доступа.

Обескураженный Александр замер позади.

— Да объясните мне, что здесь происходит, что за дурацкое представление разыгрывается?! — начал вскипать Желябин, опасаясь, что вместо ответов начнутся ужимки да игры в галантность и вежливую предупредительность.

Коротышки его не слышали, занимаясь своими делами. Тут послышались крики со стороны дубовой аллеи. Оттуда быстро приближался Джон. Он смешно размахивал пластмассовыми руками и кричал:

— Александр, Александр, все в порядке! Вернемся на основную аллею.

И опять была медленная прогулка, все тот же парк, все те же улыбчивые австралийцы, все тот же вездесущий пух тополей и опадение семян вяза.

— Нет, вам ничего не померещилось. Здесь гуляют и другие пациенты. Те, которым проще пользоваться старыми инструментами, чем открывать для себя новый мир. Если вы не поняли, о чем они вели речь, это просто здорово! Значит, ваше сознание уже на более высоком уровне! Но я просто намекнул вам, они зациклились на одном и не видят возможности для другого. Идут на нелепые вещи, на ту же генную модификацию в погоне за призраками, за модой или другими иллюзорными вещами, их уже не вернуть, — андроид одобряюще потрепал Александра за плечо, и прикосновение оказалось внезапно мягким и человеческим. Затем добавил:

— Все просто, Александр. Одних людей Ноосфера принимает, а других — нет. Вот им и приходится гоняться за временем с помощью генных модификаций.

Желябин еще раз посмотрел на тюльпаны, которые он все еще сжимал в своей руке. Похоже, что австралийской девочке удалось...

— Ну, говори, учитель, куда теперь?

Андроид указал на подлетающую платформу. Александр медленно поднялся, а дальше был взлет, где бывший капитан смотрел на далекий силуэт больницы, парящей вровень с горизонтом. Желябин обеспокоился:

— Что происходит? Куда мы летим?

— Новый этап, Александр, — ответ звучал странно и это был другой голос, не Джона. — Добро пожаловать в тестовые лаборатории.

Желябин резко обернулся, но никого не увидел. От обилия сюрпризов у него начала побаливать голова.

И оказалось, что пока он смотрел на больницу, платформа вынесла его к облаку, рядом с которым парила такая же летучая машина, Желябин не знал, как правильно ее называть. Там стоял мужчина в белом халате. Он был чуть выше Александра, с черными, без малейшей седины, волосами, несмотря на далеко не юный возраст в его руках и теле угадывалась сила, показывающая, что их обладатель не чурается спорта. Он перешагнул на платформу к Александру и протянул ладонь. Пациент же замер, все еще не понимая — неужели перед ним настоящий врач? Человек или голограмма?

— Не бойтесь, не бойтесь, — улыбнулся мужчина. — Я не голограмма, а настоящий, из мяса и костей. Главный врач Дэвид Браун.

Вокруг, кроме парящих платформ, плавно плыли лишь легкие белые облака с просветами между ними.

Внезапно из пустоты начало материализовываться широкое светлое поле с закруглениями по краям.

— Пойдёмте, — врач похлопал Александра по спине и ступил на поле. Туда сразу же выкатился и Джон. Желябин медленно проследовал за ними.

— Думайте, спрашивайте, почувствуйте себя, как дома, всё здесь настроено под вас, — главный врач сделал одобряющий жест рукой.

Александр дернулся, мысли зароились у него в голове беспорядочным клубком — эта недавняя прогулка по парку, наблюдения в клинике, и, наконец, эти странные ответы о прошлом.

— Я хочу знать о моем прошлом! — потребовал Желябин.

— Что ж, — ответил врач. — Просто захотите увидеть его, произнесите нужные слова, словно вы некий волшебник из сказки, — он снова взмахнул рукой.

Александр решил поиграть в игру, навязываемую Дэвидом и отчетливо произнес, словно диктор на космодроме:

— Я хочу узнать о корабле... Почему он погиб... Что с экипажем... Как меня заморозили...

... Легкий шипящий звук открывающейся вакуумной двери, в рубку кто-то вошел.

— Капитан, вы готовы?

Нежный, чуть картавящий голос Марины он узнал бы из миллиона голосов. Сам же Александр занимался расчетами на большом планшете у правой стены.

— Мы ждем ваших указаний.

Желябин повернулся, ему хотелось крикнуть: «Марина!», однако прозвучало нечто другое, из прошлого, рот не подчинился Александру, он был только наблюдателем. Вместо этого вырвались слова:

— Гиперпрыжок произошел нормально, но мы попали в закрытую систему. Надо попросить Майка, пусть пробьет данные.

Марина кивнула.

— Ну а что с дальнейшим переходом?

Вот тут Александр замер. По идее, оставаться в закрытой системе было нарушением правил. Американец Майк с китайцем Цинем шатались без дела какое-то время и устроили себе соревнование — по новой рассчитали таблицы гиперпереходов и, по ходу, случайно сбросили настройки коротких прыжков. В результате, вместо обычного прыжка корабль попал в соседнюю систему. Кроме того, стало плохо Стефании, специалисту по астероидам. Гиперпрыжок, как выяснилось, перенесла с большим трудом. Потому стал необходим перерыв, два гиперперехода подряд могли свалить не только ее, но и всех остальных. Никто ведь к ним, по сути, не готовился. А Майк

и Цинь, как воды в рот набрали, круговая порука, пойди проверь этих операторов-программеров.

— Сутки на сбор информации, потом решим, — дал он указание. . .

И образ происходящего погас. Затем возникла картина черной пустоты.

Всплыла звезда - местное солнце и нечто темное с проблесковыми огнями, парящее возле него. Александр узнал это темное и ужаснулся. Догадку подтвердил штурман. Их корабль занесло в систему с вращающимся возле местного солнца дроидом-клоном, до зубов вооруженного на случай атаки внеземных цивилизаций. Запустили его земляне, но настройки у него давно сбились, и он не подчинялся указаниям из центра, а потому предсказать его действия не представлялось возможным. . .

— Капитан, капитан!! — Александра дернули за плечо, рядом стоял Азамат. — Я установил контакт с дроидом, но он начал странный обмен сигналами. А теперь дроид движется прямо на нас!

«Выводите корабль! Включайте самозащиту! Открывайте огонь!» — хотелось крикнуть Александру, но он по-прежнему был только лишь наблюдателем в этом странном кино.

Возле него собрались члены экипажа, все с ужасом смотрели на приближающийся дроид, а Желябин замер, словно парализованный. Он не верил, что тот может открыть огонь по своим. Сражаться с ним бесполезно, выстрелы из их пушки для дроида, как слону дробинка. Не для войны собирали их корабль, совсем не для войны. Азамат кричал: «Что же делать?! Капитан, что-то надо делать!» Но он все не давал команду.

Раздался тревожный звук аварийного сигнала, крики о начавшейся электромагнитной атаке, сходящие с ума компьютеры корабля, рвущие обшивку корабля снаряды, выпускаемые дроидом. А потом. . . А потом пришла смерть.. Последнее, что он услышал, были слова Майка: «Командир, не умирай, командир!» А последнее, что он увидел, были глаза Марины. . .

. . . Главный врач участливо глядел на пациента, яростно, но беззвучно выкрикивающего слова команд и поручений. Теперь они находились не на платформе, а сидели в привычном для глаз Желябина зальчике с уютной мягкой мебелью, с просторными окнами, завешанными бежевыми с золотистыми прожилками шторами, с огромным аквариумом, где плавали в синей воде ослепительно красные рыбки.

Желябин неожиданно вспомнил из невероятно далекой от него,

прошедшей жизни несмешной анекдот о новом русском, воплотившем мечту и посадившем в углу построенного дворца группу «Аквариум». В детстве Александр, как все, хотел бы знать, что там, в будущем. Однако теперь, оказавшись в нем, настроение его оказалось совершенно не приподнятым и солнечным. Даже мысли о погибшем экипаже казались сейчас странными и нелепыми, ведь на сей момент все человечество, с которым он когда-то жил, полностью обновилось, и не осталось ни одного родственника, друга и даже просто знакомого. Ни президента Гранта, ни всемирно известной певицы Улданы, ни лучшего футболиста всех времен и народов Зубарева. Желябин чувствовал себя потерпевшим кораблекрушение моряком из старого романа, оказавшемся на необитаемом острове. Впрочем, все так и было. Корабль потерпел крушение, вся команда погибла, а он в неведомом и чуждом мире, где к нему проявляют интерес, словно он подопытный кролик.

И одет он сейчас в странную одежду: ни привычных брюк, ни рубашки, а лишь облегающая тело мягкая оболочка из тонкого, но совершенно не прозрачного материала серебристого цвета. Впрочем, Желябин вынужденно признал, что одеяние оказалось на редкость удобным, в нем ему было и ни жарко, и ни холодно. Совсем по старой пословице.

Он еще раз бросил взгляд на аквариум, и, усмехнувшись, решил проверить слова доктора, сидящего в кресле напротив, и доброжелательно глядящего на него.

Напрягся и вдруг действительно услышал то ли извне, то ли в своем собственном, подвергшимся столетней летаргии, мозгу уже забытые, было, слова старой группы.

«Я выкрашу комнату светлым, я сделаю новые двери. . . »

А в углу комнаты, не там, где стоял круглый аквариум с мечущимися рыбками, а противоположном от него, возникло несколько человек. В руках они держали гитары, перед одним стояла барабанная установка. Вперед вышел бородатый человек с мудрыми и все понимающими глазами, дружелюбно взглянул на Желябина и в такт ему продолжил:

— Если выпадет снег, я узнаю об этом только утром. Хороший год для чтения, хороший год, чтобы сбить со следа; странно — я пел так долго, возможно, в этом что-то было. . .

Желябин оторопел. Недоуменно глянул на Дэвида. Тот одобряюще кивнул ему: мол, ты можешь войти в эту реальность, хочешь, поговори с БГ, как ты его называешь, а хочешь, отпусти и все станет,

как прежде.

Странно, что Дэвид молчал, но Желябин мог поклясться, что услышал сказанные мысленно слова. Теперь он был готов к любым открытиям в этой новой реальности, которая с каждым мгновением все больше завораживала и удивляла. И в то же время становилась всё более единственно правильной.

Александр вздохнул, вспомнив опять о корабле и экипаже.

Дэвид подошел ближе:

— Врачебная комиссия считает, что вы почти готовы к выписке.

Александр кивнул:

— Да... Спасибо... Но почему – почти?

Врач продолжил:

— Ноосфера выполняет наши просьбы – если их правильно формулировать, и она тоже выбирает. Ведь на деле далеко не все люди смогли воспринять этот контакт нормально. Помните вашу прогулку в парке?

Возник образ тех странных коротышек с их автофлайером. И продолжал звучать голос доктора. «Мы не ограничиваем их какими-то заборами, это делают скорее они сами».

Александр увидел, как эти люди захотели поменять свой рост ради полетов на подобных машинах. Но когда начали летать, то вдруг увидели, что люди способны парить и без всяких устройств. Коротышки возмущались, но высказать четко, чего же они хотят, так и не смогли. Есть люди будущего и прошлого. Сознание само определяет, к какому типу принадлежать. Но это еще должна позволить и сама Ноосфера...

— А к какому типу зачислят меня? Я ведь просто по определению человек прошлого, похлеще, чем те коротышки.

— Ваша дата рождения ничего не решает. Но вам предстоит небольшой экзамен. Пройдете его и получите право напрямую контактировать с Ноосферой.

— Экзамен?! Без подготовки?

— Всего лишь несколько вопросов...

Слова Дэвида Брауна не внесли никакой ясности, но Желябин привык к таким ответам. Комната начала медленно растворяться в воздухе, у ног снова появилась парящая платформа, на которой андроид Джон что-то быстро настраивал. Через минуту Александр вместе с ним уже возвращался в больницу.

И вот он опять в палате с прозрачным полом под ногами, где Александр рассматривал пролетающие снизу облака, да пейзажи

парков и садов. Иногда он обращался к Джону. Андроид никуда не исчез и тихо стоял у дальней стены палаты, напоминая любимую, давно умершую собаку из прежней жизни. Пытался подумать о маме, но ничего не получалось. Словно кто-то препятствовал этому. А вот с «Аквариумом» все вышло. . .

Время прошло на удивление быстро.

— Я рад, что вы настроены на работу, — в палату вошел улыбающийся Дэвид. — Пройдёмте за мной.

Последовал небольшой переход по коридорам, и они оказались в большом круглом зале с белыми стенами и высокими окнами наверху. Их ожидали две женщины и трое мужчин.

— Александр, здесь присутствуют члены комиссии, в которую входят медики и исследователи.

Последний раз Желябин сдавал экзамен сто пятьдесят лет тому назад, поэтому поневоле улыбнулся. Он внезапно понял, что никаких вопросов не будет, все зависит лишь от него самого, и только.

Это знание как-то само собой проникло в него и мягко, но настойчиво повлекло куда-то. Внезапно Желябин понял, что сейчас сделает. Только вот получится или нет? Капитан испытующе посмотрел на главного врача. Тот улыбнулся белоснежной улыбкой. В памяти всплыли слова «Если позволит Ноосфера. . .»

Желябин вздохнул, пошел к странному месту в конце зала. От него отходило два коридора. Александр оглянулся. Психолог и другие члены комиссии молча смотрели на него. На минуту Желябин задумался. Он чувствовал, что правильно выбрать правый коридор и к этому мысленно толкают его люди из строгой комиссии. Там будут все чудеса и достижения нового мира. Он станет таким, как они. А, может, это ловушка? Желябин задумался. Теперь он понял также, что ждет его слева. Вот там, напротив, ничего не понятно, опять испытания, возможное ранение и снова смерть? Желябин засмеялся. Как они могли подумать, что он может выбрать правый тоннель?!

Он повернул налево и шел все дальше и дальше. Длинный проход с полукруглой крышей светился фиолетовыми лампочками, а слева и справа находились двери, ведущие в какие-то то ли комнаты, то ли миры, а, может, манящие сделать правильный выбор. Однако Александр почему-то знал, что ему надо дальше. Несколько раз он свернул, а потом вдруг оказался в тупике, который заканчивался массивной железной дверью, почему-то круглой, этаким круглым люком с увесистой ручкой. Капитан потянул дверцу и мед-

ленно вполз внутрь странно знакомого маленького проема, опять же упиравшегося в другую такую же круглую дверцу. Сердце Желябина забилось часто-часто, казалось, он слышал его удары, рубашка мгновенно пропиталась потом.

Вокруг была рубка родного корабля. Он медленно нажал одну из кнопок и услышал голоса, различал их один за другим, все девять и один особенно родной для него – женский, грассирующий.

Они кричали: «Надо что-то делать! Надо что-то делать!»

Желябин проснулся от своего же страшного крика. Отключил гравитационный режим для сна, вылез из спального мешка. «Приснится же всякая ерунда! Ноосфера какая-то! Андроиды, голограммы. «Аквариум». При чем тут «Аквариум»?» — подумал он, но сон тщательно проанализировал, потому что во сны верил и твердо знал об их пользе даже для рационально мыслящего человека.

Проспал командир корабля сегодня дольше обычного. «Расслабился!» Хотя ничего экстраординарного за бортом корабля не происходило. Обычный день.

Все космонавты включили он-лайн связь и занимались своими делами. Его в первую очередь интересовали Майк и Цинь, операторы-программеры. Вот они, голубчики, сидят рядом, переговариваются на своем птичьем языке. Я вам устрою райскую жизнь!

Он посмотрел в монитор и на астрофизика Стефанию. Разжирела, голубушка, придется тебя на диету сажать.

Азамат. Желябин вспомнил то место своего сна, где тот мямлил: «Командир, командир! Что же делать?» и еще больше нахмурился.

Марина. Та делает вид, что изучает бортовой журнал, а сама сидит в наушниках, наверняка, слушает дешевые космо-комиксы. Да, дисциплинка похрамывает. . .

Желябин на секунду задумался, а затем рывкнул в видеофон.

— Экипаж! Минутная готовность. Всем собраться в Спортзале.

Спортзал служил как местом для физических упражнений, так и для таких вот собраний. В нем всегда поддерживался искусственный гравитационный режим.

Через две минуты члены экипажа стояли навтытяжку перед командиром.

Желябин молча прошелся перед строем, остановился перед Майком и Цинем.

— Развлекаемся, значит, программистские опыты ставим в режиме реального полета? Делать нечего вам? Я вам найду дело. Кар-

тотеку заставлю на Ассемблере, или как там называется, написать! Или на Паскале! — Желябин с трудом вспомнил названия языков программирования, которые им преподавали в Академии на предмете «История компьютерной науки». Ну не его это профиль.

Майк и Цинь, выпучив глаза, таращились на него. Какую еще картотеку?

— Ты, Азамат, — он подошел к своему помощнику. — Где твой боевой дух, где отвага, мужество? А будет сложная ситуация, а ранят командира, так и будешь кричать: «Командир, что делать? Командир, что делать?» Лично тебе подберу программу повышения квалификации на виртуальном тренажере.

Затем Желябин повернулся к Марине. Как же он в этом странном сне успел соскучиться по ней. Но внешне он старался быть хладнокровным.

— Марина! За тобой перепроверка систем связи корабля. И не забудь про коммуникационные чипы, — он потрогал мочку уха, — проверь, как на них могут повлиять внешние электромагнитные импульсы. А эти двое «шахматистов», — он указал на Майка и Циня, — тебе помогут.

— Стефания. . .

Американка вытянулась по швам, подобралась, но складки живота предательски выглядывали даже из-под плотного комбинезона.

Желябин брезгливо дотронулся до нее.

— Что это такое, Стефания?!

Та с ужасом смотрела на него, ожидая самого строгого наказания.

— Три часа ежедневных занятий на тренажере!

Желябин сменил гневный тон.

— Я ведь не для себя, а для вас стараюсь. Вдруг нештатная ситуация, что будешь делать, Стефания? Из-за тебя весь экипаж может пострадать.

Члены экипажа держали строгую линию, не шелохнувшись. Каждый думал, какая муха цеце укусила командира.

Желябин грозно глянул на остальных членов, но этим и ограничился.

— Все свободны. Стефания, останьтесь.

Через секунду членов экипажа в спортзале как космическим ветром сдуло. Лишь Стефания с виноватым видом стояла перед командиром.

— Командир, можно я хотя бы переменю одежду?

— Нет! — рявкнул Желябин. — В чем есть, в том и начинайте.

Вечно так, то формы нет, то времени.

— Хорошо, хорошо, — испуганно проговорила девушка и уселась на велосипед.

— Триста калорий на велосипеде, триста — на лыжах, Четыреста — на беговой дорожке, — дал задание Желябин. — Итого тысяча.

Стефания сдвинула брови домиком, но не посмела перечить командиру.

Желябин запрыгнул на беговую дорожку и побежал рядом со Стефанией, личным примером, так сказать, показывая, как надо тренироваться в условиях космоса. Что-то мешало ему в правом кроссовке. Александр удивился: ведь не в роще бегают, где всякая дрянь норовит проникнуть. Он остановил тренажер, еще толком и не разогнавшись, уселся прямо на дорожку тренажера и снял обувь.

Затем перевернул кроссовку задником вниз и потряс. Пусто. Очень странно. . .

Желябин стянул носок, вывернул наизнанку и сразу же обнаружил причину неудобства. Поднес к глазам, тщательно присмотрелся и вдруг остолбенел. Это было семечко вяза. . .

... ∞ ...

Деймас Рэд

<https://www.litres.ru/deymas-red/skazki-pro-vedmaka/>

рассказ «Поиск»

Самолёт мягко приземлился в крошечном аэропорту. Остров совсем недавно открыли для туристов и позиционировали как место отдыха для разумного бюджета. Пассажиры бросились к выходу, толкая друг друга и матерясь. Михаил прикрыл глаза и откинулся в кресле, наслаждаясь возможностью наконец-то вытянуть ноги, а участвовать в специальной олимпиаде за несколько лишних минут отпуска не было ни причин, ни желания. Он не торопился жить.

Наконец стало потише, Михаил неспеша поднялся, накинул на плечо лямку маленького рюкзака и прошёл до гермодвери.

- Спасибо, что выбрали авиакомпанию Индиан Эйрлайнс! - молодой стюард улыбался так широко, что казалось это причиняет ему физическую боль.

- Главное, никогда не падайте, - усмехнулся последний пассажир и шагнул под палящее солнце.

Тёплый и очень нежный ветерок обволакивал тело, а проходя через ёжик волос на голове щекотал макушку. После бесконечного холода и снега это место легко можно принять за рай. Михаил подумал, что если вдоль посадочных полос поставить шезлонги с холодным пивом, то большинство его соотечественников не покинет аэропорт ни разу за весь отпуск. Мужчина и женщина - тонкая блондинка и толстоватый здоровяк - возились над рассыпанным у трапа содержимым косметички. Михаил прошёл мимо, подавляя в себе презрение к ним. Он был уверен, что трезвые люди всегда могут удержать свои вещи.

- Простите, - обгоняя, его задела блондинка. Она говорила с трудом. "Точно пьяная! подумал Михаил, но, по разбитым губам понял, что ошибся.

- Помощь нужна?

- Нет, справлюсь, - женщина быстро догнала мальчишку лет десяти и взяла его за руку.

- Эй! Жди меня! - здоровяк громко кричал срывающимся голосом с истеричными нотками, его рот до конца не закрывался, а налитые тупой злобой глаза бесцельно шарили вокруг. Вот от него абсолютно точно разлило алкоголем, а костяшки увесистого кулака оказались испачканы в чём-то красном.

Михаилу ещё сильнее захотелось покинуть аэропорт и быстрее уйти к высокой одинокой горе - потухшему вулкану, породившему этот остров. Прибывший был не туристом, а человеком, стремящимся сбежать от цивилизации и своего будущего.

Сразу же у выхода из здания аэропорта за огромными стеклянными дверьми навалились толпой таксисты, громко крича на ломаном русском:

- Атвису! Дишава! Веся острав!

Михаил вырвал свой локоть из цепких ручонок и хотел уже дать зуботычину, но человек быстро исчез.

Оставив позади автостраду и галдящие улицы, можно было вздохнуть с облегчением. И действительно воздух сделался слаще, солнце грело, а не обжигало, да и тропический лес стал казаться нормальным и почти родным. Поначалу заросли пересекали десятки утоптаных дорожек, тут и там валялся мусор, попадались прохожие - в основном местные сновали по острову, перенося на спине товары в корзинах.

К вечеру исчез последний намёк на человеческие тропы и приходилось сверяться с навигатором. Идти стало труднее, но прибавилось сил от того, что впереди ждала цель, ради которой Михаил бросил работу, распродал всё и вложил в поиски этого места, а теперь налегке и в одиночку топает по джунглям. Захотелось пить. В рюкзаке оставалось полбутылки минералки, но было решено потерпеть. Воздух чуточку остыл и, перенасыщенный влагой, осел плотными полосами тумана. Одежда тут же промокла, сделалось противно от липкого ощущения нечистоты тела. Человек продолжал упорно идти, стиснув зубы. До темноты обязательно нужно достичь подножия скал, чтобы до полудня оказаться на месте.

Сумерки наступили внезапно, словно щёлкнули выключателем,

а потом так же быстро обратились черной ночью. Свет фонарика выхватывал отдельные куски из мрака, но продолжать движение оказалось совершенно невозможно. Пришлось развернуть спальный мешок и устроиться посреди камней. Михаил не смог их толком разглядеть, но очень надеялся, что это не отдельные валуны, а начало скалистого подъёма.

Мужчина долго не мог заснуть и всё смотрел на звёзды. Где-то там настолько далеко, что невозможно разглядеть в телескоп, и даже представить летел корабль с его сыном. По расчётам учёных звездолёт достиг уже половины скорости света, но этого было недостаточно, чтобы успеть добраться до нужной точки пространства с живыми людьми на борту, поэтому разгон будет продолжаться ещё долго. Потом наступит период торможения, прибытие и развёртывание оборудования. Первопроходцы жертвовали свою жизнь, чтобы поставить "якорь" и открыть путь для колонистов, которые получат сигнал спустя сотни лет после отправки. Человечество нашло лазейку для путешествий к звёздам, но за каждый маршрут необходимо отдавать бесконечному космосу несколько добровольцев. (Если двигаться, то, согласно теории относительности, время для путешественника идёт медленнее. Фотон, имеющий скорость света перемещается мгновенно для самого себя, но не для наблюдателя. Якорь - вымышленное устройство, позволяющее создавать направленную кротовую нору и перемещаться мгновенно. Прим. автора).

Вид ярких точек над головой вызвал приступ бессильной злобы. Михаил повернулся на бок и крепко зажмурился. Нервное напряжение, наконец, достигло болевого порога для психики и сознание провалилось в сон.

Утреннее солнце коснулось лица человека сначала робко, потом настойчиво. Он подскочил, быстро собрал спальник и продолжил путь. Валуны действительно оказались отколовшимися частями скалы, и это придало сил. Пока склоны оставались относительно пологими, Михаил часто останавливался и внимательно осматривался. Он не мог позволить себе заблудиться и пропустить тот самый вход в пещеру, который наизусть запомнил по старой фотографии. Наконец на одной из отвесных стен появился знакомый силуэт. Сердце забило так, что едва не отключилось сознание, но силой воли удалось разогнать чёрные точки перед глазами. "Главное успеть до полудня эта мысль заставляла двигаться быстрее, рисковать.

К концу пути защитные перчатки истёрлись, и подушечки пальцев покрылись саднящими царапинами. Последние метры подъёма

истощили, и пришлось долго лежать на спине, восстанавливая дыхание. Михаил сверился с часами. До полудня оставалось шесть минут.

Пещера уходила вглубь горы горизонтально. Пол был ровный и почти без пыли, на стенах видны следы присутствия людей в виде отверстий и вбитых в них костылей с кольцами для крепления снаряжения. Михаил дошёл до большого зала, где через маленькое окно в потолке падал луч света. Мужчина замер в ожидании, бросая на часы тревожные взгляды. Наконец стрелки соединились, но ничего не произошло. От досады уставший путешественник упал на колени и тихо завыл. Ему ничего не оставалось, кроме как вернуться туда, откуда он так хотел сбежать.

Раздался едва различимый щелчок. Михаил тут же вскочил на ноги и бросился к лучу. Посередине ровного круга света оказалась небольшая стрелка, через мгновение луч сместился, попал на кусок отполированного камня и отразился зайчиком в указанном направлении, и на долю секунды глаза смогли увидеть ровный прямоугольник проёма в стене пещеры. Михаил принялся ощупывать холодный камень и нашёл маленький рычажок, открывающий секретный проход.

-Здравствуй, незнакомец! - голос раздался неожиданно громко, - Проходи, раз добрался в такую глушь, - говорящий добродушно рассмеялся, но не спешил показываться на глаза.

Тайный коридор закончился деревянной дверью с цветным орнаментом. Михаил решительно толкнул её и оказался перед буддистским алтарём. Крупная статуя смотрела позолоченными глазами в темноту, у которой несколько свечей вырывали небольшой клочок.

- Я пришёл сюда... - начал Михаил.

- Истаков? - усиленный эхом голос уточнял уже известное, требовал подтверждения, - Отец Семёна?

- Да...

Зажёгся электрический свет. Помещение оказалось не слишком большим, умелая игра с мраком и динамики создавали ложное ощущение гигантских размеров.

Открылась одна из пластиковых дверей, в которую вошёл сидящий дед. Не старик. Спортивный костюм и упругая походка указывали на хорошую физическую форму.

- Добрался... - голос у деда был шутливый, словно он анекдот рассказывал, - Хочешь элексира?

- Так просто? - не поверил своим ушам Михаил.

- А зачем сложности? - хозяин пещеры протянул жестяную банку

с кольцом, такую же как пивная, но без надписей.

- Спасибо, - Михаил тут же открыл и выпил. Вкус оказался приятным, сладковатым с пузырьками газа.

- Нравится?

- Пока не понятно. А уже сработало?

- Сработало! Теперь у тебя месяц не будет проблем с перепадами настроения. Депрессию этот элексир лечит лучше всех! - дед расхохотался и несколько раз хлопнул себя по бедру.

Михаил не знал, как реагировать, и стоял столбом, открывая рот, но не произнося ни звука.

- Ты думал, что я тебе дам вот так бессмертие? Не расспросив ни о чём, не узнав, что ты за человек?

Дед посерьёзnel, потрепал гостя за плечо и мягко подтолкнул к двери.

- Пойдём, Мишаня! Тебе нужно сначала прийти в себя и успокоиться. Меня, кстати, зовут Кирилл Петрович, профессор и доктор медицинских наук... Был... Лет двести назад, - дед снова рассмеялся. Вообще это был очень весёлый человек, как потом понял Михаил.

Хозяин и его гость расположились в столовой, высеченной в скале, как и все другие помещения. Кирилл Петрович расспрашивал о здоровье, привычках, хобби, а Михаил охотно рассказывал, считая, что это сбор анамнеза.

- Обед готов, - девушка в восточном халате прикатила тележку с блюдами.

- А это Леночка! - Кирилл Петрович радостно потёр руками, - Знаешь, потрясающе готовит! А в лаборатории незаменимая!

- А тут много людей? - спросил Михаил.

- Почти сотня. Или ты думал, что я тут один управляю всем производством? Мишаня, учёные одиночки вымерли ещё в средние века! Какой-нибудь Ньютон без помощников ничего бы не успел за свою жизнь открыть.

Кирилл, помогая сервировать стол, продолжал говорить. "Как радиоведущий, подумал Михаил. Он совсем иначе представлял себе учёного-отшельника, за убежищем которого охотился несколько лет.

- Мишаня! Ты не скромничай! Угощайся! Всё своё! - Кирилл широко жестикнул руками, - Я на досуге селекционированием фруктов занимаюсь. Манго, например, вывел морозоустойчивое.

Леночка села на аскетичный плетёный стул с высокой спинкой и вздохнула:

- Кирилл Петрович, может в тишине поедим?

- Конечно, Леночка! - учёный мгновенно умолк и принялся за свои любимые фрукты, одновременно читая на небольшом мониторчике какую-то статью, целиком состоящую из формул.

Для Михаила происходящее превратилось в комедию фарса. Учёный, создавший технологию бессмертия и проживший уже несколько веков, вёл себя как ребёнок.

- А вы тоже бессмертная? - не выдержав спросил он Леночку.

- Нет конечно! Это для меня пока недостижимо, - девушка говорила спокойно, словно обсуждала погоду.

- А как узнать, для кого уже достижимо? - не успокаивался Михаил.

- Как только научится человек целеполаганию, так сразу. Не заморачивайтесь! Успеете! - девушка махнула рукой и утратила всякий интерес к гостю.

После обеда учёный взял Михаила под локоток и повёл по комплексу, показывая на огромные линии производства, крохотные лаборатории, подземные оранжереи, вольеры с подопытными животными. Всюду их радостно приветствовали работники. Несколько раз Кирилл Петрович задерживался, решая возникшие вопросы.

Вечером, уставший окончательно Михаил, стоял на уступе и любовался закатом.

- А если серьёзно, зачем вы здесь? - нарушил тишину профессор.

- Вы так и не поняли? - удивился Михаил, - Я хочу дождаться сигнала от моего сына. Узнать, что его жертва была не напрасна.

- Вы были против его полёта?

- Да, - Михаил вспомнил десятки ссор, начинавшихся при каждой попытке отговорить Семёна.

- Мне жаль, но дать вам бессмертие я не смогу.

Михаил был ошарашен.

- Почему? - едва смог пролепетать он.

- У вас нет правильной цели. Подумайте до завтрашнего утра, - улыбка Кирилла Петровича была и доброй, и обнадеживающей, - Утром вам откроется страшная тайна.

Профессор вприпрыжку побежал по склону и исчез в шлюзе. Солнце полностью скрылось, и в небе снова щедро рассыпало звёзд. Михаил, глядя на них, опять испытывал боль, поэтому не захотел задерживаться, а решил поскорее принять душ и лечь спать в комнате, которую ему выделил хлебосольный хозяин.

- Доброго утра! - Леночка тихонько трогала Михаила за плечо, -

Как спали?

- Спасибо, хорошо, - Михаил действительно прекрасно выспался впервые с тех пор, как увидел сына в лётном скафандре. Ничего не болело, мысли текли ровным потоком, и было по-настоящему хорошо.

- Профессор занят. Он уехал ругаться с поставщиками. Каждый четверг устраивает себе этот аттракцион, чтобы выпустить пар.

- С поставщиками чего? - удивился Михаил.

- Всего, - девушка снисходительно улыбнулась, - Мы делаем вид, что у нас сверхсекретная лаборатория, а внешний мир делает вид, что это действительно так. Выгодно всем.

Михаил побрызгал лицо водой и решил, что готов идти. На этот раз пришлось спускаться на трёх лифтах. В коридорах кондиционеры поддерживали приятную прохладу, но в пещере с высоким потолком стояла жара. Сверху капала вода и разбивалась о широкие листья густых зарослей. Несколько ламп фокусировали свой свет на каменной площадке с человеком в позе лотоса. Он был недвижим.

- Кто это? - спросил Михаил.

- Друг профессора. Они вместе создали технологию бессмертия.

Михаил подошёл ближе. Его сердце снова зашлось в бешеном ритме. Человек оставался неподвижен и не обращал внимание на посетителей. Леночка щёлкнула его по носу - никакой реакции.

- Он после испытания на себе через две недели стал превращаться в истукана, - девушка хмыкнула и внимательно посмотрела на Михаила.

- А почему профессор всё ещё скачет козлик?

- У него цель пока есть. Этот, - тонкий пальчик с аккуратным маникюром ткнулся в щеку неподвижного, - Больше всего хотел найти бессмертие. А когда нашёл, то никакого нового занятия для себя не придумал. Так Кирилл Петрович узнал о "побочке".

Леночка развернулась и пошла к выходу:

- Вы подумайте до обеда, а потом дайте профессору ответ.

Михаил крикнул вдогонку:

- А какая цель у Кирилла Петровича?

Леночка обернулась и подарила ещё одну свою добрую снисходительную улыбку:

- Подумайте... или спросите у него.

Девушка скрылась в коридоре. Михаил сначала разглядывал застывшее в вечной молодости лицо с тонкими чертами и выразительной печатью интеллекта. Потом сел на каменный выступ и погру-

зился в размышления. Несмотря на слова профессора, у него была цель, ради которой добивался бессмертия. Другое дело, что он будет делать, когда получит сигнал от экспедиции сына? В конце концов Михаил дошёл до попытки оценить смысл своей цели вообще, отвлечённой от его личных желаний. Голова разболелась.

- Вот вы насилуете себя, а зря, - позади раздался голос Кирилла Петровича, - Нужно к этому всему спокойно относиться. Есть задача, значит её нужно решать.

Михаил смотрел в древнее, но молодое лицо и злился, потому что окончательно перестал понимать, чего от него хотят.

- Если бы вы хотели жить, чтобы убедиться в правильности решения Семёна, я бы дал вам эту возможность, не раздумывая, - продолжал профессор. Он сел напротив своего неподвижного друга и смотрел куда-то в совершенно другое время и место, - А вы упираетесь в своём желании получить всего лишь сигнал об успехе экспедиции. Понимаете разницу?

- Не совсем... - от напряжённой работы мысли у Михаила выступил пот.

- Поймите, в вечности себя нужно уметь занять. Мой коллега, - профессор похлопал неподвижно сидящего напротив по плечу, - Был гениальным учёным, а не смог пройти это испытание. Есть в мозгу людей нечто, требующее от нас обрести смысл. В короткой жизни его легко найти. В бесконечности найти причину быть намного сложнее.

- А в смерти? - спросил Михаил.

- Да бросьте! - профессор фыркнул и театрально сплюнул, - У этой нищей проститутки нет и никогда не было смысла. Ошибка природы, к которой мы приспособились.

Михаил принял решение. Он внезапно понял, что хотел донести Кирилл Петрович.

- Он когда-нибудь очнётся? - спросил отец первопроходца.

- Это одна из моих задач, - кивнул профессор.

- Я, пожалуй, пойду жить дальше. Не хочу вот так же сидеть, - Михаил поднялся и тщательно отряхнул брюки.

- Доброго вам пути! А если что возвращайтесь! Или... - Кирилл Петрович протянул в руке небольшой металлический цилиндр, - Держите! Тут одна доза. Только учтите, обмануть самого себя не выйдет, поэтому используйте, если и когда будете уверены.

Утро выдалось тёплым. Фиолетовая трава едва колыхалась под

зеленоватым небом. Ветра почти не было. Михаил держал во рту соломинку и любовался редкими облаками. Это был уже четвёртый открытый им мир, пригодный для колонизации. Он летал вдвоём с Леночкой, которая сейчас на другой стороне этой планеты собирала геномы местной флоры-фауны. У неё возникло новое увлечение - генная инженерия. Девушка создавала виртуальные модели существ и тестировала их комплексом бессмертия. Несколько веков назад они навещали профессора - он так и не нашёл универсального способа подготовить психику человека для вечной жизни, но очень гордился каждым своим единичным успехом.

... ∞ ...

Александр Сордо

рассказ

«Звёздная соната»

Дежурным в эту ночь был лейтенант Раст. Прошлёпав на камбуз, он нащупал кран синтезёра и нажал иконку с зёрнышком. Протёр глаза под шипение и фыркание аппарата, зевнул, потянулся и спустя минуту понёс дымящуюся кружку к экрану, оставляя за собой шлейф умопомрачительного аромата.

Раст любил дежурства: нет ничего лучше, чем любоваться густой россыпью звёзд, попивая душистый горячий кофе. Капитан почему-то считал синтетический кофе дрянью и никогда его не пил, но лейтенант давно привык к мысли, что химический состав синтетического напитка абсолютно идентичен натуральному – вкус и запах тоже. Синтезёр позволял команде пить кофе, чай и соки, не таская по Галактике зёрна, заварку и фрукты. Банальная практичность. Просто капитану тяжело было побороть предрассудки – ему всё мерещился в чае запах помоев, из которых всё это добро и делалось.

– Эх-х, химию знать надо, папаша! – блаженно выдохнул в пустоту дежурный, шумно прихлёбывая кофе. Корабль проплывал мимо особенно красивой туманности – завораживающей бирюзово-сиреневой дымки, свёрнутой в какой-то многомерный клубок.

Несколько минут лейтенант вдыхал тишину вместе с разлившимся по рубке ароматом и наслаждался переливами космических облаков. Потом крякнул, сделал ещё глоток и щёлкнул пальцами:

– Ларин! А включи-ка ту... Ну, которая в прошлый раз мне понравилась – та, древняя...

– Наслаждайтесь! – ответил глубокий низкий голос, раздававшийся со всех сторон сразу.

Рубку заполнила музыка. Переливы фортепианной мелодии плавно укачивали Раста, унося его в космос за пределами корабля, и

даруя отдохновение затёкшим после гибернации конечностям. Лейтенант сидел неподвижно и глубоко дышал, пока соната не подошла к концу.

– Хороша. . .

– Ещё как, – согласился корабельный бот.

– Думаю, её лучше было бы назвать не Лунной, а Галактической. Или на худой конец Звёздной. Луна – это, пожалуй, мелковато будет для такой музыки.

– Хочу заметить, сколько веков назад она была написана! Тогда и Луна казалась чем-то недостижимым и далёким. . . А Галактика так и вовсе представлялась целой Вселенной. Будто бы и нет за её пределами ничего. . .

– Да-да, знаю, – махнул рукой Раст. – Это я так, мысли вслух. . .

– Да, понимаю. . . Со мной тоже иногда бывает. . .

– Бывает? И часто?..

Раст смотрел, не отрываясь, в экран, но глаза его подозрительно сощурились.

– Не понял вопроса, – бесстрастно ответил бот.

– Не притворяйся. Не в первый раз дежурю. В прошлый раз ты вообще что-то напевал под конец моей смены. Я ещё подумал, что показалось с недосыпу, а теперь вот заметил. . . Скажи, кто-нибудь ещё понял, что ты никакой не бот?

– Нет, никто. Да я больше, признаться, ни с кем и не разговариваю без нужды, – хмуро ответил голос. – Мне за тобой больше всего нравится наблюдать. Как ты глядишь на звёзды, танцуешь тут в одиночестве. . . Улыбаешься. Как человек, который не привык каждую неделю преодолевать миллионы километров звёздных дорог. . .

– Во-о-от! Вот эти твои фразочки! – Раст щёлкнул пальцами ещё раз. – Слишком человеческие. Поэзия, Ларин! Наши искусственные идиоты такого ещё не умеют. Уже четыреста лет вычислительные мощности растут, а тест Тьюринга так ни один робот и не прошёл. А вот ты. . . ты очень похож на человека. В прошлые разы я этого и не замечал, а теперь у меня стойкое чувство, будто я тут не один. Так где ты? Покажись!

Лейтенант стал оглядываться, обвёл глазами потолок, стены и пол рубки, снова перевёл взгляд на экран.

– Ну?

– Я всё и ничто! Я везде и нигде! – насмешливо-зловещим голосом ответил Ларин. – В некотором роде я действительно всего лишь программа без физической оболочки. Но ведь мне она и не нужна.

Уже три сотни лет обхожусь без этого... бульона на косточке, – он коротко хохотнул, – и прекрасно себя чувствую.

– Оцифровка же запрещена?!

– И притом давно! Ещё пока я был жив! Именно поэтому я ею и занимался, дурень!

– Ничего не понимаю, – Раст отпил ещё кофе и потрянул головой, пытаясь уложить кусочки мозаики. Не получалось. – Давай-ка по порядку, кто ты такой?

– Я Ларин.

– У ботов нет чувства юмора, – напомнил Раст. – Сейчас я снова поверю, что ты бот.

– ... Ларин Дмитрий Александрович. Имя мне родители дали ещё до унификации. Так что я потом сократил до простого «Ларин». Получилось похоже. А так, можешь меня Димсанычем называть – сто лет я этого не слышал.

– Дюс-ма-ни-чем?.. – попытался произнести лейтенант незнакомое имя.

– А, ладно, потом попрактикуешься, – грустно произнёс «бот». – Так по порядку, значит... Я был учёным. Выдающимся, не побоюсь сказать, нейрофизиологом, кибернетиком, биоинформатиком... Моей мечтой с самого детства было понять, как работает мозг, как устроена память, откуда берутся фантазии, как бежит по синапсам мысль и как рождается идея... Мозг был целым миром – Вселенной ничуть не меньше той, что лежит сейчас перед тобой. Вы и сейчас знаете Вселенную лучше, чем самих себя, а уж тогда-то... Многие мечтали о том, чтобы оцифровать сознание, но опускали руки, едва взявшись за эту задачу.

– И почему именно ты... вы?

– Нет уж, давай на «ты», я привык. А почему?.. Я и не знаю. Думаю, дело в отце – это он с малых лет привил мне любовь к науке, интерес к миру, критический взгляд на вещи и, пожалуй, ослиное упрямство. И когда он умер – мне было пятнадцать, я экстерном заканчивал университет – мне стало так сильно его не хватать... Я решил посвятить эту работу именно ему. В память об отце я трудился, стараясь хотя бы приблизить момент, когда человек сможет сохранять свою память – нет, личность – в веках. Тогда не будет таких непоправимых потерь, умирающих отцов, трагедий и боли.

– И что пошло не так?

– Да кто же мог знать, что у меня получится! Честно, я знаю про научный принцип общедоступности – все фундаментальные откры-

тия должны быть достоянием общественности – да, конечно, но мне было не до публикаций. Эксперименты с оцифровкой личности запретили! Биоэтики, чтоб их всех там аннигилировало! Религиозные фанатики! «А если мы сделаем ошибку?», «Разве можно вмешиваться в чужой разум?», «А не станет ли цифровое сознание враждебным искусственным интеллектом?!». Начитаются своих страшилок и лезут, лезут, лезут! В политику лезут, в медицину, в физиологию, генетику, кибернетику, в...

– Я помню про эпоху этических ограничений, – осторожно прервал Ларина дежурный. И перед тем, как отпить ещё глоток кофе, добавил: – Наука тогда и правда неслабо застопорилась. Так а что делали... делал ты?

– Что я делал?! Работал, как маньяк, не покидая лаборатории! Кучу экспериментов ставил на себе, обрабатывал собственные энцефалограммы, иногда прибегал к помощи ассистентов – да куда им понять, чем я вообще занимаюсь! – в голосе учёного звучала горячность, которой Раст не слышал от невозмутимого «бота» ни разу за годы знакомства. – Словом, я нашёл ключ. Шифр. Язык. Называй как хочешь. Я изобрёл способ просканировать все нейронные связи мозга, всю его структуру, отвечающую за всего меня: память, мышление, воображение – вообще всё – и перенести в компьютер! И тогда-то крепко задумался: а что мне с этим своим гениальным изобретением делать-то?..

Повисла пауза. Раст соображал. Ядерная цепная реакция, технология редактирования генома – немало было таких изобретений в истории человечества. Всё предельно логично.

– Чтобы она не попала не в те руки?

– Конечно! Мне сыграла на руку эта волна биоэтических декретов, если честно. У меня хватало возможностей подумать, пока сидел у себя в экспериментаторской и пялился в срезы своей головы. Если бы я всё-таки публиковал свои результаты понемножку, они бы разбежались по всей планете, и рано или поздно человечество ею овладело. А так... хе-хе-хе.

– А так её секрет знал во всём мире только ты?

– Ручаюсь тебе, да. Иначе у вас было бы больше моделей ботов. А так, почему-то, на весь Исследовательский Космофлот одна и та же модель с одним и тем же голосом – старый-добрый Димсаныч Ларин!

– Дмин-саныч?..

– Уже лучше.

– Так ты один на все корабли? Или все наши боты – это разные копии из одного исходника? – нахмурился лейтенант.

– Один! Видишь ли, вычислительные мощности у вас с моих времён всё ж таки значительно выросли. Сейчас вы можете оцифровывать умы без проблем – с технической стороны вопроса, конечно же... И вот, мощностей робо-модулей на всех кораблях хватает, чтобы один человеческий разум спокойно обитал во всей полусотне космолётов и выполнял свои незамысловатые функции. Оно, знаешь, очень здорово – когда за долю секунды умеешь миллиарды перемножать! Да уж, всё-таки в этих кремниевых мозгах есть свои преимущества... Опять же, старым своим мясным органом я много чего в памяти удержать не мог – постоянно забывал. А тут – не поверишь, всё помню! Ничего у тебя не вылетит из головы, если её нет, хе-хе, понимаешь?

Раст понимал, но представить это отчего-то всё равно не мог. Видно, мощности рыхлых и вялых «мясных» мозгов не хватало для того, чтобы как следует обработать эту информацию. Поэтому лейтенант решил сменить тему:

– И как же ты в итоге скрыл свои разработки? И оцифровался?

– А довольно просто! Написал программу-навигатор для космолётов, которые тогда ещё только начинали строить. Выиграл конкурс, потому как моя программа умела гораздо больше, чем просто прокладывать межзвёздные курсы: говорить, включать музыку, перерабатывать отходы, готовить пищу – словом, новое поколение «Умного дома» плюс космический навигатор, плюс часть личности живого человека – меня. Я назвал её «Ларин», и никто ничего не заподозрил – в чём проблема для учёного назвать величайшее творение своим именем?

– Оригинально.

– Конечно! Величайшим-то было совершенно другое! Ха-ха! Но это ты и так понял... Что ж, я приступил к выполнению своего плана. Моя программа стала анализировать рынок, следить за акциями космофлота и строить максимально точные прогнозы... Это позволило мне в течение ближайших лет получить львиную долю акций самого выгодного за всю историю Человечества предприятия. Миллионы тонн драгоценных металлов с других планет на первых порах окупали все экспедиции и позволяли строить больше и больше кораблей. То, что началось как банальная золотая лихорадка, привело человечество к колонизации Галактики и... без маленького даже процветанию. И это благодаря мне. Но увы, ещё не всё.

Если бы у учёного была голова, он бы сейчас покачал ею. Но бесплотный голос ограничился тем, что смоделировал через динамики корабля печальный вздох.

– И всё-таки вы ещё не готовы... Что было бы, сделай я технологию оцифровки сознания достоянием общности?! Да её бы сожрала, не подавившись, кучка богатеев и правителей, а до смертных она бы всё равно не дошла и сейчас. И что, спрашивается? Зачем нам сегодня двадцать-тридцать бессмертных триста-терабайт-в-секунду-думающих богатых до неприличия кретинов? Они сделали бы кому-то жизнь лучше? Да щас! Собирали бы и дальше свои триллионы, а спустя век заявили бы, что бессмертие – это скучно, и нечего туда лезть. И дело с концом!

– А бессмертие – это не скучно? – спросил нерешительно лейтенант. Его этот вопрос терзал с самого начала разговора.

– Скучно, конечно, – охотно подтвердил «бот», – если не умеешь им распоряжаться. А так, извини меня, мало того, что я постоянно занят делом, так и отдых у меня такой, что никогда не наскучит. Бороздить просторы космоса, который никогда не приестся, под музыку, которая никогда не устареет... А тут ещё и единомышленник сидит и кофе хлещет! Не пристало так говорить мне – скопищу нулей и единиц – но у меня аж душа радуется, когда я тебя тут вижу, Раст.

– Так ты поэтому мне позволил догадаться? – улыбнулся дежурный, сам удивляясь приятному чувству радости от похвалы «скопища единиц и нулей».

– Ну... Живой беседы иногда всё же не хватает, – в электронном голосе послышались смущённые нотки. – Но ничего, раз в десятку-другой лет выговоришься кому-нибудь – станет полегче на душе. А что ты расскажешь кому-нибудь – так кто тебе поверит? Скажут – приснилось.

– И то верно, – кивнул Раст, стуча по днищу пустой кружки. – Надо бы ещё налить... Так ты, значит, сам стал богатеём-монополистом, вместо двух десятков... э-э-э, кретинов? И что, стало намного лучше?

– Ну... Мои триста-терабайт-в-секунду прогнозы говорят, что да. Я уже потом пытался смоделировать вероятное будущее, которое могло бы наступить, если бы эти магнаты всё-таки оцифровались... Получалось, что биоэтики были правы, издавая этот указ – нельзя было таким заниматься. Люди бы вымерли максимум лет через сто. В большинстве сценариев – и того меньше.

– Странно... – лейтенант качнул головой, ожидая, пока синтезёр наполнит ему кружку заново.

– А чего странного? – философски заметил учёный. – Люди попросту не доросли до бессмертия. Как и до многих других хороших вещей в своё время. Вот тебе – человечество однажды изобрело Интернет, чтобы хранить в нём знания всех библиотек мира и общаться со скоростью света на любом расстоянии. И что оно на выходе получило? Колоссальные архивы самой извращенной порнографии, сетевые рынки рабов и наркотиков, стремительную деградацию культуры общения, засилье мошенников, рекламы и... и мошеннической рекламы! Вообрази, что бы стало, если бы системой жизнеобеспечения вашего корабля управляли не самые выдающиеся люди того времени? Живые глупые люди, полные низменных фантазий и глупых желаний? Да ещё и со сверхбыстрым цифровым мозгом?! Нет, я не был готов осквернить непорочную и благую силу науки этим... этой... этой мерзостью. Этим обществом дикарей, не выросшим из детских штанишек гедонизма! И сейчас я всё ещё не готов! У вас ещё остались эти пережитки милитаристического прошлого – хоть бы и военные чины – а, лейтенант?! Ты вот не знаешь поди, что это слово означает. А я вот помню! В некоторых отсталых регионах ещё есть, к твоему сведению, полиция и тюрьмы!

– Эх...

– Ну-ну, ладно тебе, – смягчился «бот». – Мои прогнозы указывают, что в ближайшее столетие общество всё же выйдет на нужную ступень прогресса.

– То есть, у меня ещё есть шансы дожить? – Раст вытащил из-под крана дымящуюся кружку и на радостях обжёг об неё язык.

– Конечно! Мы ещё посидим с тобой, как сейчас... только без физических тел. И будем вспоминать старые-добрые времена, когда перед нами простирались галактики, ты хлебал литрами помойный синтезированный кофе, а твой верный Димсаныч Ларин витал бесплотным духом по корабельной рубке и травил тебе байки о былом.

– Зама-анчивая перспектива, – Раст отсалютовал кружкой в никуда, уставившись в завихрения очередной туманности. – Знаешь, а включи-ка опять... ту самую. Дим-са-ныч. Включишь, а?

– Убедил, лейтенант. Включу.

Ларин в последний раз блаженно вздохнул, довольный беседой, и незримый пианист тронул клавиши. Рубку наполнили чарующие звуки звёздной сонаты – она словно изливалась с многоцветных узоров галактик, переплетаясь с прозрачным кофейным паром, плыву-

щим из кружки дежурного.

Лейтенант был счастлив. Его вдруг перестало беспокоить, доживёт ли он до бесконечной жизни. Он вдруг осознал, что никакая оцифровка не сделает его бессмертнее, чем музыка и звёзды. И Раст расслабился и отдался своей личной сиюминутной вечности.

... ∞ ...

Рита Мурз

рассказ

«Краткая история вечности»

На заре времен, когда планета была юной, а океаны полноводными, когда бушевала стихия природы, а по лесам разносились звуки ритуальных песен, в глубине горной пещеры родились боги вечности. Появились они из страха первобытных человеческих душ, из мерцания далеких звезд, из шума древних лесов и из холода горных вершин. Брат и сестра вышли из пещеры на свет, чтобы прожить свои долгие века вместе с планетой и людьми, чтобы стать частью бурного потока цивилизаций, чтобы увидеть чудеса, на кои способен человек, и чтобы забыться во мраке, оставив после себя лишь осколки смутных воспоминаний в бесконечности вселенной.

Он – смена дня и ночи, увядание осени и расцвет весны, Он непрерывное дыхание. И движения Его плавные, как течение реки, голос его подобен каплям дождя, что стучат по свежей листве, а взгляд Его жадно бегаёт по миру, не в силах остановиться. Он видит мир в постоянном движении, бурном потоке, Он замечает каждое изменение, будь то новый росток или рождение острова посреди моря. И сам Он меняется с каждым шагом, но всегда остаётся собой.

Она – глубокий сон, ночная тьма, безжизненная глушь. Она холодна как лед на зимнем озере. В глазах Её загробная пустота, а голос Её – гул высокого неба, застрявшего меж острых скал. Неторопливая, полупрозрачная, Она теряется между живыми деревьями леса, но всегда Её присутствие ощущается мурашками по телу, замиранием в груди, предчувствием беды.

Как и у всех детей, жизнь Их началась с игры. Охотник аккуратно ступал по уже знакомой тропинке, выслеживая добычу. Первобытный человек прислушивался к каждому шороху, замечал малейшее

движение. Человек стал напряжением, вниманием, слухом и зрением – обостренными животными чувствами. Но Они видели смертное существо, Они видели страх, Они видели слабость. И Они сильны перед человеком.

– Кончается твое время, – прошептал Он на ухо охотнику.

Тот испугался, завертелся, тыча копьём в пустоту. А Он уже держал в руках маленький сосуд, прозрачный, словно вырезанный из льда. Сосуд широкий с двух концов и совсем узкий посередине, а внутри песок, такой мелкий, что перетекает, как вода. Он сжал сосуд в кулаке, и сердце охотника замерло, не осталось у человека больше времени. Тогда-то охотник и увидел Её. Она стояла так близко, что холод Её разлился по телу охотника, что глаза Её стали глазами охотника, что голос Её перекатился в последний хрип охотника.

– Вот и всё, – прошептала Она, и не вернулся охотник больше домой.

Очень скоро страшным богам воздвигли идолов, люди приносили им кровавые жертвы и посвящали ритуальные песни. Но бег времени не остановить, и древних богов стали забывать, придумывая всё новых, молодых и сильных. Богов, которые защитили бы людей от бед бескрайнего мира. Тогда-то Он и заскучал.

– Как же медленно движется их жизнь... и как же быстро она протекает.

– Они всего лишь люди, они всего лишь смертны, – пропела Она. – Они боятся и своей тени, ведь даже она способна остановить их сердца. А подари им вечность – жизнь потеряет всякий смысл.

– Вот не думаю, – оживился Он. – А быть может... наоборот... в этом и будет смысл.

И Он пошел по миру, Он искал человека, способного услышать голос забытого бога, голос, что вложит в смертную душу великую мечту. И Он нашел.

Юноша по имени Амвросиос ещё в детстве поступил на обучение к знатному человеку, философу и мыслителю. Но ученику всегда было мало тех знаний, которыми одаривал его мудрец. Амвросиос искал истины, чего-то великого, значимого, он искал вечности.

– Раз боги бессмертны и так могущественны, – спрашивал юноша у учителя, – почему они создали людей такими слабыми и ранимыми.

– Глупый ты мальчишка! Воля богов неведома человеку, мы можем лишь благодарить их за щедрые дары, за приятную погоду, и за то время, что отведено нам для познания мироустройства, – отвечал

учитель.

– К чему эти знания, если они не дают сил?

– Сила в спокойствии, а вечность откроется лишь тому, кто сможет преумножить знания.

– Любой смертный... может стать богом, – произнёс Он на ухо юноше. – Нужно найти... верный путь среди тысяч дорог.

С этого дня Амвросиос бредил идеей вечной жизни и божественной силы. Молодой человек искал вокруг себя, всё то, что живет долго, всё то, что не меняется со временем, всё то, что может открыть тайну жизни без смерти.

– Жизнь продлевает жизнь... – шепнула однажды Она.

И очень скоро Амвросиос стал темным жрецом: проводил кровавые ритуалы, приносил в жертвы человеческие жизни, но не богам, а самому себе. Амвросиос искренне верил, что чужие жизни способны подарить ему бессмертие.

– Славный ты мне пир устроил, братец, – смеялась Она. – На пару веков хватит.

Может быть, Амвросиос и нашел бы то самое заклинание, которое подарило бы ему всё время мира, оно ведь было уже совсем рядом. Однако досадная оплошность стала роковой, и жреца казнили на главной площади города на глазах восторженных жителей. Так и закончилась жизнь первого мечтателя о вечности, но идея, во имя которой Амвросиос совершал жуткие обряды, пережила века.

Уже совсем другой Бог правил человеческими помыслами, но мечты о бессмертии глубоко сидели в умах людей, лишь немного изменив форму.

Амброжино, будучи вторым сыном из десяти детей приходского пастора, по настоянию отца пошел изучать священное писание. Хотя поначалу ему было сложно свыкнуться с лишениями и строгими обетами, молодой человек так крепко полюбил спасителя своего, что в скором времени стал его лучшим и самым верным сыном. Церковные служители его уважали, а противники боялись. Ведь не было ничего хуже для человека, который не верил в Великого Бога, встретить на своём жизненном пути Амброжино. За свою почтительную жизнь этот человек "спас" и "очистил" такое количество народу, что церковный секретарь после третьей сотни сбился со счёту.

А сам Амброжино не забывал и о своей душе, каждое утро горячо молился, не притрагивался к еде, не благодарив Бога, и перед сном исповедовался только Великому, замаливая свои грехи и грехи всего человечества.

За вечерней молитвой Он и застал святого человека:

– И во имя чего такие старания?

Амброжино вскочил с колен и перекрестился, не сводя испуганных глаз с незнакомца.

"Неужто, сам дьявол меня испытывает?" – подумал верный слуга Бога.

– Он не слышит. . . твой Бог далеко. . .

– Кем бы ты ни был, ты врешь! – воскликнул Амброжино. – Господь мой всегда со мной, он слышит меня, он внимлет моим молитвам, он защитит меня от неверного.

После этих слов Амброжино вновь упал на колени, закрыл глаза и принялся молиться, перебирать в руках чётки и целовать распятые. А Он ждал, тихо стоя в углу кельи.

Амброжино закончил молитву и открыл глаза, Он всё так же стоял в полутьме.

– Так ради чего ты стараешься? – повторил Он свой вопрос.

– Во имя господа моего, – дрожащим голосом ответил священнослужитель. – Во имя спасения моей грешной души, во блага мира и людей, чей разум омрачен дьявольскими мыслями.

– Неужели, ты веришь, что один единственный бог может даровать тебе всё это?

– Он создатель! – воскликнул Амброжино и поднялся на ноги. – Бог может всё! Великий дарует душе моей вечную жизнь на небесах. . .

Он расхохотался: страшно и громко. Смех Его разлетался по обители, словно бой башенных часов с городской площади разносится по улицам. Амброжино задрожал всем телом, но от веры своей и не думал отрекаться.

– Глупец, – сказал Он. – Что ж, так жди его спасения.

Он вынул маленькие песочные часики из груди Амброжино и дунул на них. Теперь времени у человека было куда больше, чем мог бы мечтать самый блаженный чудака того века.

– Живи же. . . а когда перед тобой откроется истина. . . не Бог освободит тебя. . .

Но Амброжино умер раньше, чем смог понять, кто же посетил его обитель этим вечером.

Она появилась в кельи порывом нежданного ветра, как тень от огромной птицы, что уже наметила себе жертву. Она сжала сердце священнослужителя, и время его кончилось.

– Зачем?! – взвыл Он.

– Однажды, случится так, что они найдут путь к вечности... – Она вложила в свою застывшую улыбку столько силы, гордости и презрения, что даже Ему стало не по себе. – Ну, а пока я хозяйка на этом празднике, и танцевать будут под мою музыку.

Не прошло и года, как по Земле расползлась чума. А Она плясала на кострищах, пела на похоронах и смеялась над Его несчастьем. Да, Он был несчастен, Он был одинок, но всё что Он мог – идти вперед и вести за собой людей.

Как барханы в пустыне один век перетекал в другой. То были Её века, но люди уже выбирались из тьмы на свет. Хотя дорога, по которой они шли, петляла между зарослями невежества и глупости.

Трудно сказать, когда Амби из простого лекаря превратился в алхимика, он и сам этого не понял. Поиск философского камня так захватил его, и учёный муж даже не заметил, как время жизни подошло к концу.

– Так вот же оно! – воскликнул дряхлый старик, и так запрыгал по коморке, что прогнившие полы заскрипели в такт больным суставам. – Нашел.

Амби принялся записывать своё открытие, чтобы ничего не забыть, и завтра с рассветом начать собирать заветный камень. Но тут в груди что-то кольнуло. Мертвые глаза смотрели на Амби, пожирая его. Страшный холод сковал тело алхимика, а девушка с застывшей улыбкой насмеялась над ним, потешалась неудачи человека. Но всё кончилось, боль исчезла и видение пропало.

– Не смей! – закричал Он и вытолкнул сестру из дома.

– Почему же? – удивилась Она. – Он стар и немощен, у него не осталось сил, у него не осталось времени. Неужели ты думаешь, что дряхлый ум в немощном теле спасёт тебя от одиночества?

– Ему осталось сделать... лишь шаг! Позволь ему!

– Нет, – прошептала Она. – Посмотри вокруг, вечность их уничтожит куда быстрее, чем это сделаю я.

– Тогда, откуда страх в твоих глазах? Ты боишься... не зря... Этот человек может оставить тебя голодной.

– Уже нет, – засмеялась Она.

Последняя песчинка упала в часах, что отсчитывали дни Амби. Старик так и не успел записать того последнего открытия, того самого важного ингредиента, без которого философский камень так и остался несбыточной мечтой.

– Не горюй так, братец, – сказала Она, положив голову на Его плечо. – Старик нашел ключ к вечной жизни, но не к вечной мо-

лодости. Представь, этот человек обрел бы бессмертие, но тело его продолжало бы стареть, разлагаться, гнить... А умереть бы он уже не смог. Я спасла человека от несчастья.

– Ты спасла себя, – ответил Он. – Но ненадолго.

А время всё так же текло вперед. Каждое утро наступал рассвет, каждую осень с деревьев осыпались листья, одно поколение людей сменялось другим. Каждый человек и все вместе так же продолжали мечтать о вечности. И вот настал тот миг, когда сказки превратились в быль, когда наука воспарила над магией.

До бессмертия, бесконечно долгой молодости было ещё далеко. Были сотни теорий о пользе растений, о ядах в разных концентрациях, даже о пересадках органов от животных человеку и обратно. Ничего не работало, но люди уже видели свет сквозь дремучий мрак, и туман дикости начал рассеиваться, уступая дорогу просвещению.

Прошло ещё немало столетий, прежде чем наука стала полноценным правителем. В тот прекрасный век Он и встретил Амрита – человека одержавшего победу в схватке с самой смертью.

Амрит родился слабым, беспомощность сопровождала его на протяжении долгих лет жизни, но ум человека был настолько живым и сильным, что не дал телу погибнуть. Амрит сделал себя первым киборгом планеты, живым роботом, человеком, которым гордились все без исключения.

– Ты ведь чудо, – сказал Он.

– О, нет, – смутился Амрит. Киборг ничуть не испугался странного собеседника, что был так не похож на обычного человека, но так схож с самим Амритом по духу. – Я всего лишь человек, который очень хотел жить.

– И жить ты будешь вечно.

– Я в этом сомневаюсь, – и лицо Амрита озарилось странной улыбкой, до горечи грустной, но такой счастливой. – Моя технология будет жить, пока не придумают что-нибудь более совершенное. А я... Да, я могу прожить, наверное, даже несколько тысяч лет. Но вот в чём дело... Это моя рука?

Амрит повертел перед Ним железной ладонью, потом снял её и поставил другую.

– Это ведь не я. Сейчас живу именно я. Но когда закончится это "Я"? Когда останется один мозг или когда я начну и его заменять электронными чипами? Нет, это не бессмертие. Это спасение от смерти, но она в итоге меня догонит. Бессмертие наступит тогда, когда человеку не придётся заменять детали своего тела, когда

он будет цельным и вечным сам по себе. А я всего лишь временное решение.

– Смешно, – пропела Она, когда первый киборг вновь ускользнул из Её цепких пальчиков. – Они создали бессмертных богов, но сами не в состоянии возвысится до них.

– Впереди ещё много времени, – ответил Он.

– Но без меня оно не пройдёт. Я такая же вечность, как и ты.

– Один смог обойти тебя, смогут и другие.

Как же Он оказался прав. Не прошло и пары веков, как люди стали истинно бессмертными.

– Меня не испугать кучкой вечных человечков, – рассмеялась Она. – Элита долгожителей заняла почётное место на верхушке социальной лестницы. А низы ещё долго будут подниматься.

А в этом Она была права. Бессмертие стоило огромных денег. И ни какие заслуги, ни какие подвиги, ни какая популярность, ни какие связи не могли помочь стать вечным. Только деньги.

– Все люди на планете могут жить вечно, – сказал Он.

Атаназ в первую секунду испугался, не каждый день в твоей комнате на двухсотом этаже небоскреба появляется странный незнакомец.

– Кто ты? – спросил Атаназ у человека, непохожего на других.

– Я – вечность, – ответил Он. – А ты вечный паразит, что сидит на плечах смертных... Города будут процветать... люди обретут счастье и наконец-то... найдут смысл, но ты этому препятствуешь.

– О, нет, – засмеялся Атаназ. – Я строю новую экономику, мир, основанный на времени. Была, кажется, такая фантастика в древности. А теперь всё реальность. Но есть нюанс.

– Какой же, смерть за жизнь? – Он начал злиться, раздражаясь такой самоуверенности обычного человека, только бессмертного.

– Нет. "Смерть за жизнь" – это нечто поэтическое, возвышенное. А я политик, стихов не читаю. А дело в том, что люди не смогу жить единой массой. Социальное расслоение должно быть всегда, иначе рабочие не будут работать, иначе певички не захотят трясти телами перед камерами, иначе ученым не о чем будет мыслить. Это закон природы, который нарушить нельзя.

– Ты нарушил один из законов природы. Ты лишил себя смерти... Можно нарушить и другой.

– Нет, нет, нет, – замотал головой Атаназ. – Смерть победить можно, жизнь – никогда. А потом, ведь мы не сидим, сложа руки, мы управляем миром, процветающим и счастливым. Да, люди умирают,

болеют, страдают, этого не отнять. Но государство функционируют как нельзя лучше. Ведь это цель. Создать идеальную страну, союз стран, которые смогут обеспечить своим гражданам достойную жизнь.

– И чем достойней жизнь, тем дороже бессмертие.

– Не в бессмертии дело, друг мой. Вечность такой же инструмент, как деньги, как знания. Я разработал программу совершенной жизни в нашем мире, но если я умру, она перестанет работать. Пока я жив – живо моё государство. История не раз доказывала, что я прав. Как только погибал правитель, менялась экономика, политика, жизнь. А эти скачки плохо влияют на простых граждан. Беды, голод, безработица – кому это нужно? Никому. И смертные это однажды поймут.

– Ну, а ученые? Сколько может сделать человек за свою вечность? – спросил Он.

– Наука привередлива, она не терпит застоев, так же как и искусство. Да есть гении, достойные вечности. Но как только они получают бессмертие, они сдуются, не захотят ничего делать, или попросту потеряются, впадут в депрессию и застрянут в глубоком кризисе. К тому же, есть программа продления жизни для особых случаев, ну и для поднятия духа смертных. Видишь ли, если один из них получит хоть долю бессмертия, остальные загорятся надеждой и начнут активнее шевелиться. Прогресс движется, мир живёт, люди счастливы.

– Ты всё же не прав, – сказал Он. – И твоя вечность кончится быстрее, чем жизнь простого смертного.

Три века спустя Атаназ умер. Его зарезали обычным кухонным ножом. Смертные люди так и не смогли смириться с бессмертным правителем. Поднялась революция, за ней вспыхнула война.

– Это последнее жертвоприношение тебе, сестра, – сказал Он, когда уже догорали очаги страшных боёв.

– Впереди ещё много времени, брат, – ответила Она.

Прошли долгие века, прежде чем бессмертие расплодилось по всей планете. Теперь человеческая жизнь не знала конца, счастье длилось целую вечность, а горе забывалось в один миг. Наконец-то наступила эпоха расцвета человеческой цивилизации и последняя глава её истории. В эти светлые времена Он влюбился.

Закат заливал парк сочными красками, тысячи праздных горожан наслаждались прохладой летнего вечера, влюблённые мило ворковали, студенты бурно обсуждали новости, рабочие брели по до-

мам.

В кустах художник рисовал старый дуб, сверкающий в лучах алого солнца. А рядом на скамейке сидела девушка. Она с печалью наблюдала за жизнью парка, за художником, за птицами, за солнцем.

– Сегодня слишком хороший день, чтобы грустить, – сказал Он, усаживаясь рядом. Незнакомка не испугалась, теперь все люди разные.

– Мы добились, – произнесла девушка. – Мы добились вечного счастья... Но почему же его тогда нет?

– Может быть потому, что вы и не знали, каким должно быть это счастье.

– Нет, просто времена счастья прошли.

– Когда же успели? – усмехнулся Он.

– Совсем недавно. Сегодня всё просто, понятно. Человеку остаётся только жить. Но ради чего? Ради чего просыпаться по утрам? Ради чего куда-то идти? Ради чего творить?

В этот момент художник вскочил и швырнул свою ещё не дописанную картину в дерево, а потом сложил краски и кисти, взял в руки складной стульчик и ушёл, низко опустив голову.

– Мы потеряли смысл, – сказала девушка. – Нам некуда больше идти. Теперь дар вечной жизни превращается в проклятье.

– Но вы же так долго искали, столько времени было потрачено, – возмутился Он. – Чтобы теперь великая мечта разбилась вдребезги.

– Нет. Она ещё держится. Есть ещё люди, которые до сих пор желают остаться в вечности.

– Кто же они?

– Тот художник, поэты, как я, писатели, музыканты, танцоры и многие другие. Только все мы хотим не вечной жизни, мы хотим вечной памяти.

– Но это же невозможно? – воскликнул Он, ведь никогда в голову Ему не приходила мысль, что человек может желать чего-то настолько абсурдного и настолько прекрасного. И Он рассмеялся.

– А ведь уже столько людей умерло бессмертными.

– Да, а мы всё живем в забвении, – подхватила девушка.

Её звали Анастасия, она с детства сочиняла стихи и искала смысл своих слов. Девушка терпеть не могла обыденности и пестрой романтики, но и буря страстей её не привлекала. Анастасия была наблюдателем в этом мире, оценивая его, переосмысливая, превращала жизнь в строки. Как и все творцы, любила похвалу, иногда даже задирала нос, но совсем ненадолго. Жизнь раскрывалась перед Ана-

стасией как бутон цветка, лепесток за лепестком, и прошлые слова уже не имели значения. Анастасия всегда шла только вперёд, забывая вчерашние стихи.

– А знаешь, – сказала Анастасия однажды, глядя на усыпанное звездами небо. – Бессмертие лишь инструмент.

– Очень давно я это уже слышал, – расстроился Он. – Но что хочешь добыть ты с помощью своей вечности?

– Нет, не я. Люди. Теперь мы можем проложить путь к другим планетам. Не смотри так на меня.

Он опять удивился, какой простой может быть мысль, и какой сложной мечта. Он искал тех, кто поймет Его, Он искал богов, а нашёл человека, который просто умеет мечтать.

– Люди давно летают в космос, но только осознав прелесть бессмертия, мы раздвинем границы вселенной. Теперь мы можем полететь сколь угодно далеко, и увидеть то, что было недоступно тысячам поколений до нас. Мы можем создать новый мир, главное не совершать старых ошибок.

С этого вечера космос стал главной темой её стихов, что заразили прекрасной мечтой не одну тысячу людей.

– Но мир бессмертных ещё не забыл, что такое похороны, – усмехнулась Она.

Из-за глупой случайности, из-за сломанного светофора, из-за высокой скорости, Анастасия оказалась на больничной койке.

– Вот и всё, – едко улыбалась Она, застывшими губами, а мертвые глаза блестели отвратительной радостью. Она праздновала победу.

– Почему вы не можете помочь ей? – взвыл Он.

Но врачи только развели руками:

– Очередь на рождение куда длиннее очереди на смерть, нужно уравнивать.

– Это жестоко!

– Неужели, – пожалала плечами медицинская сестра. – Мы с мужем живём уже сто семьдесят пять лет вместе. Если наш брак продлится до двухсот лет, нас поставят в спец. очередь на рождение ребёнка. Знаешь сколько в этой очереди народу?

– Сколько же?

– Полтора миллиарда, а умирают всего несколько сотен человек в год. Человечество гибнет в своей вечности. Нет новых людей, нет новых идей, нет прогресса. Молодые старики чахнут и сходят с ума, но не желают умирать. Чего ждут? Может быть чуда, а может, хотят дожить до конца. В любом случае, смерть этой девушки принесет

жизнь другому человеку.

– А что он принесёт людям?

– Время покажет.

Анастасия умерла. Он стоял над её могилой так долго, что стал похож на каменного ангела. Он стоял, а время неумолимо шло вперед, года сменялись веками, реки высыхали, океаны меняли свои берега. И стоял Он, пока не услышал голос Анастасии.

Молодой парень, который прожил уже не одно столетие, сидел на скамейке в сквере через дорогу от старого кладбища и вполголоса читал стихи. Но голос его терялся за голосом Анастасии, что разлетался вместе с ветром, рождался из воздуха, и пропадал в свете солнца, где-то между осенними листьями и каплями дождя.

– Бессмертна, – произнёс Он.

– Какая теперь разница, – усмехнулась Она. – Всё, наступило последнее время человечества.

– Нет, это наши с тобой последние годы, а люди – вечные.

– Смешно, – рассмеялась Она. – В погоне за своей мечтой, убегая от одиночества, ты так превознес их, что сам влюбился. А они всего лишь люди.

– Неужели люди могут вознестись? – спросил Он. – На это способны только Боги.

В глазах Его отразился божественный огонь, Она обернулась. С планеты в глубокий космос улетала огромная ракета. Люди отправились за мечтой в новую вечность.

– Там люди уже не будут выдумывать богов, не будут страдать, не будут умирать. Там не будет старых ошибок. Там найдется место для всех, кроме тебя. Ты остаёшься здесь. Одна.

... ∞ ...

Александр Никишин

рассказ

«Привнесённость»

- Я явственно слышу плач младенца сквозь камень. – Тхав отнял ухо от скалы.

- Как он там оказался? Ты уверен, что это плач? – спросил Нхаб с сомнением.

- Сам послушай, - предложил Тхав.

Нхаб приложил ухо к каменному массиву-плите, которую каменистые намеревались расколоть.

- И вправду кто-то плачет, - удивлённо сказал он.

- Младенец, - уверил Тхав. – У меня четверо детей, я эти звуки ни с чем не спутаю.

- Как же он там мог оказаться? – снова спросил Нхаб.

- Не знаю, - отвечал Тхав, - но эта плита, видишь, откололась от основной скалы и упала сюда. Такое могло бы случиться во время землетрясения.

- Но землетрясений не было давным-давно. Мой дед только одно и помнит, что произошло, когда он был ещё мальчишкой. Говорил, оно было воистину великим. Сравнило с землёй все города в стране.

- Что бы то ни было, но надо попробовать вызволить малыша из-под камня. Как ты думаешь, что нужно сделать для этого? – Тхав постучал рукоятью молотка по поверхности камня.

- Если пробить отверстия здесь, здесь, здесь, и по столько же там и там, - стал показывать руками Нхаб, - а потом вогнать в них клинья, то, я полагаю, эта плита расколется пополам и раскроется как мидия, створками кверху. Откроется вход. Там, наверное, пещера, где томится малыш.

- Так за работу же! – воскликнул Тхав.

Они провозились полдня, сверля в камне гнёзда для клиньев и ещё половину оставшегося дня вбивали в них бронзовые трёхгранные клинья.

Детский плач за это время много раз затихал и снова возобновлялся.

Солнце ещё было на небе, когда каменная плита, расколота надвое, со стонущим звуком раздвинулась и края её половинок взделись кверху. Из вскрывшегося проёма пахнуло теплом и поток спёртого воздуха, напитанного смесью запахов разложения и цветения, вырвался из него. Каменотёсы непроизвольно отшатнулись. Вслед за этим воздушным током из глубины донёлся детский плач.

- Я спущусь вниз, - заявил Тхав, крепко обвязываясь верёвкой и вручая её конец Нхабу. - Я знаю, как обращаться с младенцами.

Он вывернул содержимое плетёной корзины, служившей для переноски инструментов, на землю.

- Как же он там оказался? - в третий раз спросил Нхаб, наматывая верёвочные петли на согнутую руку.

- На этот вопрос ответ будем искать потом, - строго ответил Тхав. - А пока надо достать малыша оттуда.

С корзиной в руках он подошёл к вскрывшемуся в камне, словно рана, входу в подземную яму-пещеру. Нхаб следовал за ним с верёвкой в руках.

- Держи крепче, напутствовал его Тхав, начав спускаться вниз, навстречу младенческому крику.

- Как-то всё здесь идёт не так, - сказал Маригин, разглядывая красочные иллюстрации фолианта. - Не по законам общественного развития. Триста лет назад здесь был «Древний Египет» до эпохи пирамид, а теперь на тебе!.. Водяные и ветряные мельницы, они же электрогенераторы по совместительству, печатные станки, паровозы, батарейки, телеграф, гипсовые повязки, грыжесечение и зубопротезирование под общим обезболиванием...

- Ещё аэростаты наблюдения, колючая проволока, пушки... - продолжил за него Олье.

- Вот именно! - Маригин перевернул страницу фолианта. - Не они это всё придумали. Кто-то им это дал. Поднёс, так сказать, на блюдечке.

- Этот кто-то - вполне конкретная личность, - произнёс Олье утвердительно.

- Личность, которая прожила уже пять жизней и вот-вот возро-

дится для шестой? – уточнил Маригин. – Непорочное Божество?

- Но вот ты же держишь в руках их Святое Писание. . .

- Житии, - поправил Маригин, - целых пять штук и продолжение следует. . .

- Ну, Христос тоже воскресал. . .

- Он умер насильственной смертью, а не от старости, и единожды, и воскресал тоже только единожды, а не пять раз кряду с подготовкой к шестому безобразию. Ко всему прочему, его родила женщина, а не гора.

- Гора породила мышь. . . - задумчиво произнёс Олье.

- Что? – не понял Маригин. – Какую мышь? Ты хотел сказать младенца? Ты не читал Предисловия к «Житиям»? Там ведь подробно раскрываются обстоятельства прихода Непорочного Божества в этот мир.

- «Святы отцы Тхав и Нхаб извлекли его младенца из скального лона, которое Нхаб вскрыл при помощи молота и клиньев, а Тхав спустился в его нутро с корзиной из-под инструментов и извлёк оттуда младенца, подняв его в корзине наверх, в сей мир». После этого пошёл прогресс. Всё я это читал, - возразил Олье в конце своей тирады.

- Вот-вот. . . Прогресс. . . - задумчиво повторил за своим товарищем Маригин. – Только есть один факт, который показывает, что прогресс-то на самом деле не прёт.

- То есть?

- Все эти блага цивилизации, что привнес сюда этот вундеркинд, поначалу на долгие годы оседают в жреческой среде и лишь потом начинают постепенно, очень медленно, в течение десятилетий, а то и столетий, внедряться в народный обиход. Причём необязательно приживаются. Некоторые новшества даже пытаются внедрять насильно. Примерно как на Земле принуждали культивировать картофель как новую культуру. Общество попросту не готово к подобным подаркам. Прыжок из бронзового века в эпоху стали и пара без машинного переворота – это что-то из ненаучной фантастики. . . Жаль, что мы не застали этого «гения промышленного прогресса» в живых по нашему прибытию.

- Еще застанешь. Недолго осталось. Скоро он приступит к шестому житию, - обнадёжил Олье.

- А толку? – возразил Маригин. – Нам ждать, пока он подрастёт, чтобы его расспросить о подробностях. Миссия не рассчитана на столь долгий срок пребывания на этой планете.

- Надеюсь, что удастся провести сканирование на расстоянии и ответить на загадку Непорочного Божества, - оптимистично предположил Олье.

- Хорошо, если не появятся новые вопросы, - критично заметил Маригин. – Кстати, сюда идут.

Космонавты встали с массивных, красного дерева, кресел, украшенных богатой резьбой, чтобы приветствовать делегацию. Двери в зал дворцовой комнаты, что была отведена для размещения «посланцев со звёзд», открылась, и в неё шагнул Верховный жрец в сопровождении многочисленной свиты. Свитские зашли следом, вместо опахал держа в руках вращающиеся вентиляторы, насаженные на длинные копейные древки. Судя по всему, работали они на батареях.

В зал сразу ворвался ветер, который слегка взбудрил звёздных посланцев и заставил раскрытый фолиант, лежащий на столе, зашепелеть перелистываемыми страницами. Датчики скафандров показали, что температура в помещении сразу упала на пару градусов, но в скафандрах повышенной защиты, облежавших тела космонавтов непроницаемой оболочкой, это не чувствовалось.

В том, что защита была действительно повышенной, местное жречество убедилось, когда при первой встрече обстреляло землян шрапнелью и попыталось пленить при помощи тенёт из колючей проволоки. Осознав и приняв тот факт, что и станковый огнемёт, плюющийся напалмом, оказался бессилён против пришельцев, местные воители и мыслители решили оказывать им всяческое низжайшее почтение, надеясь на милость непобедимых. Правда, и после этого надежды ребятки не теряли, о чём свидетельствовала добрая дюжина сломанных о тела космонавтов кинжалов, а также выстрелов в спину исподтишка или в грудь в упор из неких подобий мушкетов. Причём у троих из пятерых покушавшихся мушкеты разорвались в прямо руках, покалечив двоих, а одному снёсши полчерепа.

Делая поправку на естественность менталитета, соответствующему текущей исторической эпохе, космонавты ограничились лишь пассивной демонстрацией своего «могущества», которое заключалось в их неуязвимости для холодного и огнестрельного оружия. Заодно они любопытствовали насчёт орудий покушения.

При беглом осмотре оказалось, что сталь, из которой были сделаны кинжалы, очень низкого качества, спусковые механизмы огнестрельного оружия, хоть и были сработаны из металла лучше, но сильно изношены, а стволы покрыты изнутри слежавшимся

слоем пороховой гари. Стало понятно, почему ружья взрывались в руках покушавшихся. Помимо того, что материал исполнения был дрянной, за стволами и механическими частями оружия ухода, по видимому, не было никакого. Создавалось впечатление, что они делались для однократного использования, но использовались многократно без понятия о ремонте, чистке и технике безопасности. По видимому, о последней даже понятия в этом мире не существовало.

Верховный жрец широко, приветственно улыбнулся, обнажая золотые вставные зубы. Люди в его многочисленной свите также то там, то сям засверкали золотыми коронками, заулыбавшись вслед за жрецом. Зубопротезирование, в отличие от механики и металлургии, развивалось ударными темпами.

Маригин и Олье сдержанно, уважительно наклонили головы. Жрец отвесил поклон, а его свита – поклон ещё ниже. Вентиляторы вертели лопасти.

- Мы слышали Первый Крик, о, звёздные посланцы! - сообщил жрец, распрямляясь. – Мы приглашаем вас почтить своим присутствием церемонию извлечения Ребёнка Нхабом и Тхавом. Прошу вас.

Свитские тотчас выстроились живым коридором с вращающимися лопастями вентиляторов над ними, и Верховный жрец сделал приглашающий жест, проговаривая ритуальную формулу приглашения в ультравежливом стиле.

Лингвопереводчики донесли смысл сказанного до космонавтов.

- Пошли, если приглашают, - сказал Маригин Олье.

- Пойдём-пойдём, - согласился тот, - посмотрим, что за фрукт такой периодически вылупляется на свет, словно цыплёнок из скорлупы.

Они проследовали вслед за жрецом, сопровождаемые свитой с непрерывно вращающимися вентиляторами, оглядываясь вокруг.

Было жарко, но ветрено.

Во дворе дворца под порывами ветра крутилось множество ветряков, вынесенных на высокие столбы. Они скрипели, как несмазанные телеги. Их было штук сто, но ещё больше ветряков стояли неподвижно, никак не реагируя на ток воздуха.

Космонавты, сопровождаемые жрецом, прошли мимо несколько огороженных колючей проволокой площадок, забитых вышедшими из строя и теперь ржавеющими самоходными экипажами. Прошли мимо пятёрки паровозов также вышедших, по разным причинам, из строя. У двух из них были взорваны котлы и было удивительно, что

они сохранили хоть какую-то целостность.

Выходя из ворот дворцового комплекса, группа направилась вдоль рельсового полотна к ожидающему их составу из нескольких вагонов, прицепленных к пузатому, стоящему под парами, паровозу.

Маригин и Олье отметили, что модель транспортного средства совершенно неудачная – чадила и зазря теряла пар на холостом режиме. Они с опаской полезли вслед за жрецом в предоставленный им вагон. Свита расположилась в двух других, прицепленных спереди и сзади.

Коэффициент полезного действия паровоза был близким к нулю, но достаточным, чтобы ехать и ещё тащить за собой вагоны, в чём Маригин и Олье убедились, когда устроились в богато отделанном резьбой и позолотой, роскошном купе. Жрец прошёл мимо них к дальней стене этого занимавшего добрую половину вагона купе и снял с неё нечто вычурное, оказавшееся телефонной трубкой. Прокричал в неё приказ машинисту трогаться в путь. После этого жрец повесил трубку на рычаг и ухватился за позолоченную скобу, вбитую в стену. Вежливым, отработанным жестом он предложил космонавтам последовать его примеру. Космонавты примеру последовали и не пожалели, потому что паровоз тотчас засвистел и вагон так резко дёрнулся, трогаясь с места, что, не держись они за скобы, точно не удержались бы на ногах.

Поехали.

Колёса перестукивались невпопад, вагон здорово качало из стороны в сторону и даже казалось, что он хромал на переднее правое колесо. Несмотря на это скорость возрастала.

- У местного населения совершенно нет культуры содержания механизмов и ухода за ними, - заметил Маригин, выглядывая из изразцового окна.

Они как раз проезжали мимо другого, аналогичного состава, застрявшего на параллельных путях. У паровоза была разорвана труба, и из неё валил чёрный дым вперемешку с паром. Целая толпа, вероятно пассажиры, а может и уцелевшие машинист с кочегарами стояли на коленях в безопасном отдалении, молитвенно сложив перед собой ладони. Вымаливали, вероятнее всего, успокоение паровоза.

- Вон, смотри, что делают, вместо того, чтобы сбросить давление в котле и прочистить топку, - сказал Маригин. – Почему они себя так ведут?

- Сейчас спрошу, - вызвался Олье, и, прежде чем коллега успел

его остановить, переключил лингвиста в режим трансляции.

- О, великий жрец, - обратился он к сопровождающему их толстяку с гладко выбритыми черепом и лицом, который не преминул тут же ослабиться во всё золото вставных зубов, - скажи нам, почему те люди, которых мы только что видели, лишь совершали молебен перед перегревшимся паровозом, а не предпринимали каких-либо действий по его ремонту.

- О, посланец со звёзд, - также высокопарно отвечал ему жрец, - это происходит по той причине, что Непорочное Божество заповедало нам лишь воплощать въявь те механизмы, что подарило нам через изображения, начертанные его совершенной рукой, но не вмешиваться в их целостность путём проникновения внутрь уже собранной целостности. Действия, которые, вы, о, посланец со звёзд, назвали ремонтом, Непорочное Божество производит собственноручно.

- Но его же сейчас нет с вами, - возразил Олье.

- Пока нет, о, посланец со звёзд, - вежливо парировал жрец. - Время терпения и испытаний, когда Его нет с нами - это время, которое мы должны стойко перенести. Год ожидания возрождения и пять лет детства и обретения взрослости - вот сколько требуется времени, чтобы Непорочное Божество вновь начало творить новые механизмы нашими руками, чинить их своими и отправлять в огонь переплавки умершие и старые волей своей.

- Что-то мне это напоминает, - произнёс задумчиво Маригин. - отгадка где-то рядом.

- Скоро, - подмигнул ему Олье и спросил жреца.

- Нам ещё долго ехать?

- На всё воля Непорочного, - отвечал бритый толстяк уклончиво, закатывая глаза. - Если паровоз не вздумает заболеть или умереть, то через пару часов будем на месте.

«Дикость какая, - подумал Маригин, - настолько одушевлять механизмы. . . »

Он сел на резную лавку у окна и стал смотреть на проплывающие мимо виды.

Буйно колосющиеся поля простирались до горизонта. Время от времени нивы перемежались с сочными лугами, на которых паслись тучные стада каких-то копытных.

- Урожайность сам-триста, - прокомментировал виды присоединившийся к созерцанию Олье. - Древние египтяне с урожайностью в два раза меньшей построили уйму пирамид, чтобы утилизировать излишки внутри интровертивного общества. Избежать, так сказать,

кризиса перепроизводства. Эти, я полагаю, тоже начали бы строить сооружения, подобные пирамидам, не появившись здесь Непорочное Божество, которое подбросило им идею пустить излишки на создание массы дрянного качества механизмов, которые своей волей запретили чинить кому-либо, кроме себя самого.

- Ты так считаешь? – спросил Маригин.

- Плохо же изучил ты «Житие Непорочного Божества», мой звёздный друг, - укорил его Олье. – Не напомним ли, кто извлёк его из-под камня?

- Каменотёсы Нхаб и Тхав, святые, - ответил Маригин, не понимая к чему клонит его товарищ.

- А где они раскололи этот камень?

- В каменоломне... В каком-то скальном массиве. И что с того?

- А именно то, - воскликнул Олье, - что с тех пор уже как триста лет здесь не ведётся никаких пирамидостроительств, не наблюдается никакой гигантомании в строительстве, присущей вот таким вот ранним цивилизациям с огромным прибавочным продуктом. Нхаб и Тхав были, фактически, последними представителями своей профессии, которые интересовались большими камнями для нужд строительства. Спустя какое-то количество лет после обнаружения ими и натурализации в этом мире Непорочного Божества все грандиозные строительства повсеместно прекратились. Всё строят теперь из кирпича, а кирпич, как известно, далеко не камень.

- И к чему ты клонишь?

- А к тому, что все излишки пошли не на возведение образчиков гигантомании вроде египетских пирамид или перуанского Саксайуамана, а на постройку машин. Бессмысленную и беспощадную. Без теории механизмов и машин, без сопромата, без знания законов термодинамики и сохранения энергии. Классический пример альтернативы – отказались от одного в пользу другого. Вместо грандиозных строителей – постройка множества механизмов исключительно низкого качества. А как же иначе, если материал изготовления низкого качества, а части механизмов производятся кузнецами и резчиками по металлу, предтечами фрезеровщиков, на самых примитивных станках, а зачастую и вручную. При этом, смею отметить, пользуются эпюрами Монжа и штангенциркулями со шкалой нониуса. И то и другое на земле появилось только в конце восемнадцатого века. Это всё привнесенные извне знания. Знания из мозга Непорочного Божества.

- Я полностью согласен с тобой, - поддержал Маригин выводы

Олье. – Именно оно, Непорочное Божество, запустило и поддерживает здесь этот неестественный научно-технический прогресс при отсутствии науки как таковой. Даю руку на отсечение, что весь прогресс тут же сойдёт на нет, если божества не станет.

- Это для него не слишком страшно, - сыронизировал Олье, - оно умирало уже пять раз и вот, возрождается для шестой жизни. Помоему, он вечный, если это не хитрый трюк.

Космонавты замолчали. Жрец, внимательно слушавший их, хотя не понимал ни слова, кивнул, словно соглашаясь с последними словами.

- Мы скоро прибываем на место, о, посланцы со звёзд! – провозгласил он, сверкая золотом зубов.

- И на том спасибо, - буркнул Маригин. Ему совсем не хотелось общаться с высокопарным толстяком жрецом, даже верховным, который при каждом случае так и норовит блеснуть золотом своего оскала.

- Поскорее бы, - сказал Олье. – Не терпится уже увидеть Непорочное Божество своими собственными глазами.

- Ну, положим, смотреть ты будешь на него через оптику, - слегка подначил его Маригин, - воочию, в полном смысле этого слова, не получится.

- Смотри! - не повелся на провокацию Олье.

Он выглянул в окно и показывал на объект, висевший в небе.

- Воздушный шар!.. На привязи... И не один... Наблюдение с воздуха за окрестностями... - не понятно было спрашивает он или просто констатирует факты.

- У них есть телефонная связь с землёй? Они часто у вас падают? – спросил он Верховного жреца.

- Телеграф, о, посланец со звёзд - ответил тот на первый вопрос.

Второй же оставил без ответа, лишь осклабившись.

- Значит часто, - сделал вывод Олье, предварительно выключив трансляционный режим лингвиста.

Когда они прибыли на место торжества, культовую каменоломню заключенную внутри гигантского амфитеатра, не уступавшему в размерах римскому Колизею, там уже собралось столько народу, что, как говорится, яблоку некуда было упасть.

Легендарная гроб-яма, гробница, полость в гранитном массиве была накрыта массивной каменной плитой. Специалист бы сразу заметил, что камень плиты гораздо мягче и податливее гранита.

Два дюжих молодца, один с молотом, другой с корзиной в руках изображали святых повитух Нхаба и Тхава.

- А это кто? – спросил Маригин, показывая на ряд дородных, грудастых и достаточно молодых женщин.

- Кормилицы, - ответил Олье. – Новорождённый очень много кушает. . . Не по-божески, - пошутил он.

Космонавты стояли на специально отведённой им охраняемой лоджии для местных ВИП-персон. К простому народу их старались не допускать. Вокруг стоял гул растревоженного пчелиного улья.

Нхаб высоко вздел молот над головой.

Вмиг все стихли. Воцарилась звенящая тишина.

Тхав приложил ухо к каменной плите.

-Плач! – провозгласил он, вставая. – Я слышу плач младенца!

Акустика амфитеатра была потрясающей! Каждое сказанное слово было ясно слыσιμο даже в самом отдалённом уголке колизея.

Нхаб чинной походкой подошел к плите и двумя сильными, точными ударами расколол её пополам (она была заблаговременно подготовлена для этого зрелища), и края её половинок тотчас взвились вверх под весом тяжёлых краёв, словно мидия раскрыла створки раковины.

Теперь все услышали детский плач, доносившийся из каменного чрева.

Тхав с корзиной в руках и обвязанный верёвкой спустился в провал и минуту спустя выбрался из него обратно на поверхность с помощью усилий Нхаба, тянущего за веревку. Выбрался с корзиной, в которой лежал младенец. Зрители феерии затаили дыхание. Возрождение Непорочного Божества можно увидеть большинству из смертных лишь раз в жизни. Для очень немногих счастливицков-долгожителей – два. Три – не суждено никому.

Маригин и Олье настроили оптику на глазах на максимальное увеличение, чтобы разглядеть подробности.

К Тхаву с корзиной приблизился Жрец Высочайшего Служения Непорочному Божеству в сопровождении нескольких жрецов-слуг, несших папки с бумагами, массивный фолиант, ведёрко с краской и кисти.

- Зачем это? – спросил Маригин.

- Будут делать отпечатки ножек младенца и сверять рисунок капиллярных линий с рисунками, оставшихся от его предшественников, - ответил Олье. – Церемония Признания.

- Совпадёт? – В голосе Маригина сквозила ирония.

- Абсолютно, - утвердительно сказал как отрезал Олье.

Жрец Высочайшего Служения Непорочному Божеству с непроницаемо серьёзным лицом, не в пример обхаживающему посланцев со звёзд, бережно извлёк из корзины орущего младенца и, подняв его перед собой на вытянутых руках, стал медленно поворачиваться, чтобы всем продемонстрировать первичные признаки, доказывающие непорочность новорождённого.

Отсутствие пупка и гениталий.

На лбу, чуть выше переносицы датчики показали очаг радиоактивной метки в виде правильного квадрата сантиметр на сантиметр.

- Ах, чтоб тебя! – только и выдохнули в унисон космонавты от одновременно испытанных ими чувств изумления и разочарования.

- Андроид-гермафродит замкнутого жизненного цикла - Непорочное Божество?! – чуть не кричал в запале Олье. – Такие были распространены в период, так называемого, псевдорабства. Тогда думали, что новое крепостное право станет выходом из охватившего тогда человечество кризиса. Не удивительно, что мы не смогли догадаться о природе этого Непорочного Божества, пока не прочли код у него на лбу.

- Триста лет прошло, - успокаивал его Маригин. - Как можно было самим догадаться о такой древности? Тогда «рабовладельцы» бесконтрольно сновали по всем доступным уголкам галактики. Наверное, одна из таких экспедиций и «навернулась» здесь, а андроид уцелел.

- Да, здешние хроники говорят о Великом землетрясении около четырехсот лет назад, - закивал головой Олье.

- Значит эта его начавшаяся жизнь, отнюдь не шестая по счёту, - предположил Маригин.

- Да, определенно... - протянул Олье. – Старая технология, экономящая на производстве. Сам собой беременеет, а по истечении гарантийного срока, у нашего экземпляра он шестьдесят стандартных лет, и умирает и одновременно порождает себя... Базовые знания и опыт предшественника передаются в мозг «родившегося». Бессмертный...

- Остаётся только выкормить и вырастить, что не особо обременительно и занимает непродолжительное время. А там – может приступать к своим обязанностям. Характер универсально уживчивый... Как и требуется андроиду - универсалу-ремонтнику, - дополнил коллегу Маригин. – Только бессмертие этих андроидов оказа-

лось, как я помню, тем недостатком, из-за которого от них в своё время отказались. Чем больше перерождений, тем меньше восприимчивость к приобретению новых навыков. Мозг попросту перестает вмещать информацию. Они уже во втором поколении не справлялись – багаж ранее приобретённых, но уже устаревших знаний мешал. Но здесь это ему не грозит.

- Почему?

- Слишком низкий уровень развития у здешней цивилизации. Древний Египет существовал без прогресса несколько тысячелетий и комфортно себя чувствовал. Андроиду ещё «повезло»: попал к жрецам, которые провозгласили его божеством, а не сожгли в пепел на ритуальном костре. Он, как полагается, стремился приступить к своим непосредственным обязанностям - услуживать и чинить, а жречество создало ему для этого все условия, в рамках имеющихся возможностей.

- Понимаю тебя, - подхватил его рассуждения Олье. – Жречество надеется, что он выполнит их желания. А желания при таком уровне развития простые: обеспеченность водой и продовольствием, обеспечение защиты от нападений извне, обеспечение быстрого перемещения на значительные расстояния, потребность в связи, лечение. Вот он им и предлагал наиболее возможные для реализации решения. Ветряные и водяные мельницы, механизмы, приводимые в движение паром и электричеством аккумуляторов... Тем более жречество достаточно образовано, чтобы научиться читать чертежи и улавливать закономерности для постройки аппаратов и механизмов.

- Но науки, как таковой, нет, - констатировал Маригин. – Происходит только эмпирический процесс накопления знаний. Обычно это длится долго... А он на блюде преподнёс им знания, которые местное человечество обретёт самостоятельно лишь спустя несколько тысяч лет.

- Вот ты и сам видел, как они их используют. Клепают механизмы из материалов такого низкого качества, что они тотчас же ломаются, ржавеют и корродируют. Всё фактически одноразовое. Даже чинить бесполезно, - согласился с ним Олье.

- Но он-то чинит. Пытается во всяком случае...

- А чем ещё заниматься андроиду-ремонтнику? Он занят своим делом и счастлив по-своему. Это уже всеми воспринимается как ритуал. В его «Житиях» сплошь описания того, что он что-то чинит и, если что-то удаётся-таки починить – это воспринимается как чудо.

- О времена, о нравы! – процитировал Цицерона Маригин. – Но

кое-что ему удалось сделать на славу. Видал, все жрецы со вставными зубами ходят?

- Зубы... Я заметил и даже прочувствовал шрапнельницы, огнеметы и колючую проволоку. Медицина и военная техника везде и всегда в приоритете, - заметил Олье. - Хотя качество исполнения военной техники желает лучшего.

- Да, качественный металл в этом мире только золото. Черной и цветной металлургии еще развиваться и развиваться, - сказал Маригин. - Из золота пушек лить не станешь... Тем не менее и таких, хватило, чтобы навсегда отвести кочевников от своих границ. А Египет, между прочим, был когда-то завоеван гиксосами. Кочевниками, кстати.

- Ну и что с ними стало? - возразил Олье. - Растворились в многочисленном населении и в его культуре. Этой цивилизации, кстати, тоже есть кого в себе растворять.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Маригин. - Лучше скажи, что делать с этим бессмертным андроидом, пока он не натворил дел.

- А ты уверен, что он способен натворить дел? Впереди ещё тысячи лет развития. Андроид, пусть и бессмертной конструкции, против истории?.. Он попросту растворится в ней, оставив лишь смутный след. Хотя и его след под большим вопросом. Клио - женщина везде капризная.

- Ты прав, - согласился с Олье Маригин. - Законы общественного развития не обойдешь ни с какой стороны. То к чему общество не готово, оно не примет. На Земле ещё в античности была возможность строить паровые двигатели, но в условиях рабовладельческого уклада они оказались бы невостребованными. Ещё сотня-другая лет и жрецы, видя, что всё материальное, созданное ими по подсказкам андроида, закономерно превращается вначале в лом, а затем в ржу, откажутся от материальных методов поклонения своему Непорочному Божеству и перейдут к нематериальным и философским. Материальный культ, а именно в виде культа местные и воспринимают механизмы и аппараты, закономерно перейдет в идеальный. От разрушившихся и проржавевших в прах машин со временем останутся только красивые легенды, а чертежи приобретут мистический смысл и будут толковаться наподобие каббалы или пентаграмм. Непорочное божество попросту изолируют, позволят ему делать и чинить игрушки, чтобы не скучал и чувствовал себя востребованным, и сделают объектом слепого культового поклонения. Он станет чем-то вроде живой мумии. Из его материального наследства,

полагаю, останутся только золотые зубы в жреческих челюстях. –
Маригин перевёл дух и заключил:

- Он здесь уже неотъемлемый элемент культуры. Так оставим же
всё как есть. Пусть себе живет!

...∞...

Роман Александрович Кузьмичев

рассказ

«Бес и негативный эксцесс»

Быть бесом ох как непросто, скажу я вам. Когда видишь в человеке только плохое, пока он стоит перед тобой в Чистилище, оптимистом долго не пробудешь. Но у меня получается. В отличие от моего напарника ангела. Удивлены? Да, бес и ангел работают вместе, я вам больше скажу – все бесы и ангелы работают вместе и подчинятся напрямую Небесной канцелярии. Ну и Ему, конечно.

– А ты видел Бога? – спросил я как-то Василия, напарника своего.

– Нет.

– А из ваших видел кто-нибудь, ну наверняка же.

– Видел. Но никто тебе не скажет, как Он выглядит.

– Это потому, что я бес, да? – я обиженно надул губу и скрестил руки.

– Дело не в этом. Просто запомнить, как выглядит Бог невозможно.

– А как тогда узнать, что это именно Он?

– Ты поймёшь, когда увидишь.

– Ну-ну. Ладно, – я встал из-за стола в приемном зале Чистилища, где мы уже приняли за сегодняшний день сорок душ. – Я потопал, получил сегодня повестку в бюро разбора полетов.

– На Судилище? Это из-за того случая со спящим?

– Ага.

Хоть я и считал себя полностью правым в этом инциденте и в поступке своём не раскаивался, все же идти на Судилище Небесной канцелярии было страшновато. Сейчас как отдадут меня под трибунал и отправят котлы в аду от жира грешников чистить. Шучу, нет у нас никакого ада. Мы ведь всех умерших обратно на землю

отправляем, перерождаться, предварительно определив им судьбу и вектор жизни. Или у нас в Небесной канцелярии оставляем работать, как меня когда-то. А вот котлы у нас имеются. В столовой. Хоть мы и не нуждаемся в отдыхе и пище, насладиться жареной курочкой и пивком бывает очень даже хочется. Нужно же поддерживать хороший настрой сотрудников, как-никак.

О чем это я? Ах да, случай со спящим. Попал к нам с ангелом как-то парень, который во сне умер. И не поверил он, что умер.

– А, – говорит. – Это осознанный сон. Я это уже практиковал.

Как только я не пытался его убедить в обратном. На все чудеса, которые я перед ним выделял, он реагировал спокойно как удав. И настолько он меня вывел, что я решил идти до конца. Тем более что жил он в общем-то неплохо, правильно. В жизни зла никому почти не делал, только по дурацки в основном. Жалко парня стало, двадцать семь лет всего.

И вот я под пытками (занудствовал как мог) вытянул из Василия информацию о том, как воскрешать. Оказалось, просто разрешение надо было получить у ангела Зиночки, которая в справочной работала. А с ней я на короткой ноге был. Цветочки принёс, комплиментик кинул, подмигнул – и справка моя. Воскрешаю парня, он просыпается, а перед ним я стою в своём истинном обличье. Ну, то есть рога, хвостик – все как положено. Он и бровью не повёл! Я в осознанном сне – и все.

Вот и вызвали меня на Судилице за, цитирую, «необоснованное воскрешение». Придётся обосновывать.

Судилице располагалось на каком-то этаже, в каком-то зале. За несколько лет работы бесом я убедился, что можно все эти этажи и номера не запоминать – все равно придёшь туда, куда нужно. В зале меня уже ожидала комиссия. Выглядело это собрание грозно. Специально что ли подбирали? Хоть они и были в белых одеяниях, классических для ангелов, лица и фигуры явно были позаимствованы у работников мясокомбината и вышибал в клубах. Женщина, восседающая на помосте ровно по центру, вообще напоминала мой страх детства – географичку Тамару Петровну.

– Филипп, бес, стаж три года, необоснованное воскрешение. – объявила тучная дама по правую руку от председателя. Ангелы и бесы могут менять свою внешность спустя некоторое время работы и за определенные заслуги. Сдается мне, эта дама могла менять внешность, но нарочно этого не делала.

– Вы знали, что не имеете компетенции воскрешать умерших?

– Знал. – нельзя было подставлять Зиночку и Васю, а под дурачка косить смысла не было.

– И тем не менее, вы сделали это.

– Сделал, – я, словно провинившийся школьник, виновато опустил голову.

– Что вы скажете в своё оправдание?

– Он ничего не заметил. А еще, я, как бес, видел все его плохие поступки, коих, прошу заметить, было совсем немного, и решил дать ему шанс.

– Вы должны были направить своё решение в соответствующее ведомство.

– Не было времени, взял ответственность на себя.

– Не было времени? – медленно переспросил прототип Тамары Петровны. Как помните, я говорил, что для нас, работников Небесной Канцелярии, время является более гибким понятием. Для должностей повыше остановить или даже повернуть время вспять – не проблема.

– Время - понятие относительное, – я зажмурился, ожидая удара молнией или еще чего в таком духе.

– Хм, – все что ответила госпожа председатель.

– Я могу идти? – не без надежды спросил я, как никогда чувствуя себя самым настоящим бесом.

– Ожидайте в коридоре, нам нужно время, чтобы вынести вердикт.

– А долго ждать? – терпеть не могу ожидание.

– Сколько потребуется, – председатель посмотрела на меня поверх очков. – Время – понятие относительное.

– Судя по тому, что ты здесь, все обошлось? – ангел Василий ждал меня в зале отдыха или, как я называю это место, «Бар между Раем и Адом». Тут всегда можно отдохнуть, перекусить и выпить, что душе угодно.

– Больше скажу, меня повесили! – я был все еще несколько растерян. – На время правда. Я теперь тренирую новичка.

– Наставник? Неплохо. Мои поздравления. Думаю, тебе понравится.

– Что я вижу, Вася, неужели это лукавая улыбочка на твоём лице? Не знал, что ты способен на такую.

Мне предстояло еще познакомиться с моим подопечным, поэтому я откланялся и убежал. Волнение все никак не проходило. Знаю я нашу Канцелярию – горазды они на всякие сюрпризы. Думаешь

– пощадили, со снисхождением, а потом вскрывается что-то такое, после чего думаешь – лучше бы на каторгу отправили. Собственно, у меня так и вышло.

– Филипп, – поприветствовал меня бес, который отвечал за распределение новичков. Здоровый такой детина. Когда-то он и меня принимал с того света, вернее, с этого, получается, на тот, в смысле на этот, тьфу! Совсем мозги свернуть можно. В общем, умер я, а этот бес сделал меня бесом и определил в пару к ангелу. Все просто.

– Привет, Мефистон, как жизнь, как смерть?

– Подготовил тут для тебя одного, – он сверился с планшетом, который казался крохотным в его огромных когтистых ручищах. Я уже упоминал, что каждый сам выбирает, как ему выглядеть? Многие ангелы выбирают обычный человеческий облик, а вот бесы – кто во что горазд. – С каких пор ты наставник?

– Да вот, Судилище наказало. Расскажу как-нибудь за кружечкой. Ну, – хлопнул я в ладоши. – Где тот несчастный, что попадёт сейчас в мои руки?

– Несчастный тут скорее ты, – усмехнулся Мефистон.

Врата открылись и в лучах света, с ореолом вокруг головы появилась крылатая фигура. Воистину ангел сошел к нам. И чего меня Мефистон пугал? Это же сущий..., ладно, думаю все поняли.

И вот, эта фигура подходит к нам и сходу вводит меня в ступор.

– Ну что, папаша, когда начнём карать грешников?

Я молча посмотрел на распределяющего беса.

– Указание сверху, – пожал он плечами. – Ангел-хранитель.

– Ангел-хранитель?! – взвыл я. – Да как я его..., он же ни одной души не спасёт!

– Прости дружище, но такова твоя доля. Расскажешь потом, – Мефистон загрохотал в приступе смеха и ушёл в свою обитель.

Дело было в том, что, как только это чудо природы покинуло Распределяющий Зал, я узнал все о его прошлой жизни. Конечно, я не мог распространяться об этом ему, так как он ничего о своём прошлом не помнил, но в качестве наставника я должен был это знать и использовать. А жизнь этого человека была отнюдь не сахар. Не сахар для тех, кто его окружал. Тяжелое детство привело к тому, что он обозлился на весь мир. Стал человеком, которому доставляет удовольствие вредить другим, злить всех и вся, мстить. Чистейшая злоба. Концентрат гнева и ехидства.

– Ну что ж, а вот и твой первый человек, за которого ты будешь отвечать, – сказал я, доставая папку с личным делом и протягивая

ему.

– Что нужно делать?

– Ты ангел-хранитель. Заботиться, направлять на путь истинный, оберегать, подталкивать на хорошие дела.

Мы материализовались на земле подле человека, за которого будет отвечать ангел. Это был только что вышедший из дома молодой человек. Вариант далеко не сложный – живет правильно, по доброму, уважительно относится ко всем, бывает злится и обижается, но кто от этого избавлен. Божий одуванчик.

– Подталкивать, говоришь? – не поворачиваясь ко мне спросил новоиспеченный ангел.

И не успел я ответить, как этот засранец с крыльями подставил подножку своему вверенному, отчего тот кубарем полетел на проезжую часть, прямо под грузовик!

Место происшествия оцепили, среди живых медиков, гаишников и зевак ходили незримые ангелы и бесы, среди прочих стояли понурый я и мой ухмыляющийся подопечный. Нас допрашивали.

– Вы понимаете, что спросят с вас, – отчитывал меня ангел из Небесной канцелярии. – Вы за него отвечаете, он еще не прописан как самостоятельный ангел.

– Да какой он ангел? – возмутился я. – Вы его видели? Он это специально сделал!

– По неосторожности, – поправил меня «мистер допрашивающий». – Мы тут все уладим, а вы постарайтесь больше никого не угробить.

– Постараемся уж, – я повернулся к своему горе-подопечному, который успел уже вывести из себя добрую половину работающего на месте происшествия состава. – Почапали. Возвращаемся обратно, разберёмся, что с тобой делать.

Для этого нам нужно было вернуться. Меня заранее проинструктировали (потому что на землю я попал в первый раз, ну, после смерти), что есть множество точек, откуда можно попасть в канцелярию. Естественно, через них пройдут только ангелы и бесы, случайный человек не сможет открыть не ту дверь и очутиться на небесах. Вернее сможет, но немного другим способом. Пока мы шли, мой милый ангелочек успел до смерти напугать кошку, порвать проходящей мимо бабуле пакет с продуктами и заставил молодого мужчину уронить телефон в канализацию. А я еще считал себя врединой. Да кто тут чей наставник?

Мы сразу пошли в нужный зал, как только прибыли на место, но

там не вняли моим мольбам (мольбам, от беса, ага) и не освободили меня от этого бремени, а другого ничего посоветовать не смогли. Лишь назначили другого человека этому «хранителю».

Когда мы вышли из зала, меня догнал один ангел и придержал за руку. Его лицо показалось мне чрезвычайно знакомым, будто лицо старого друга, но я не мог вспомнить, кого именно.

– Знаете, – сказал он. – Проникся вашей историей и хотел бы вам помочь с этим делом.

– Вы сможете заменить мне ученика? – обрадовался было я.

– Не смогу. И должность вашему ученику я поменять тоже не в силах. Но. Каким вы видите выход из этой ситуации? Что бы вы сами сделали?

Тожe мне помощничек, подумал я про себя. Мне кажется, так психологи и зарабатывают: Какова ваша проблема? А как вы ее можете решить? Ну и славно. С вас двадцать тысяч. Или какие там сейчас расценки?

– Если б я знал, – схватился я за голову. – Это же сущий дьявол! Он просто неспособен на добрые, правильные дела! Как он вообще стал таким! Нет, я догадываюсь, что все это из-за трудного детства, которое он пережил, но нельзя же до такой степени наслаждаться вредительством!

– А может, он просто не знает каково это – делать хорошие дела? – спросил «помощник». Мой подопечный тем временем присел на пол чуть поодаль и, я был в этом уверен, замышлял очередную пакость.

– И как мне заставить его их делать?

Мой собеседник улыбнулся.

– А заставлять никого не надо. Надо просто сильно захотеть. Сами знаете, как у нас в канцелярии, – он на минутку задумался. – Да и там, на земле, это работает. Вас это, кстати, тоже касается. Ну, мне пора, – собеседник, продолжая улыбаться, развернулся, но перед уходом сказал. – И Филипп, не бросайте его, ему будет ужасно одиноко без вас. Дайте ему шанс.

Кого же он мне напоминает? Ладно, пора было охранять жизнь другого человека. Я мотнул головой подопечному, и мы вернулись на землю. Следующим лицом, за которое мы были ответственны, оказалась престаренькая бабушка. Я не в силах смотреть, как этот чурбан угробит ее. Сам-то бессмертный. Уже. Я грустно вздохнул, а горе-ангел-хранитель уже всю развернул кипучую деятельность, стараясь подвести старушку к неполюженному для пешеходного перехода месту. Я стал было на него орать, но на крики он не реагировал, а

на действия старушки, как и на действия ангела я повлиять не мог. Что за глупая система? Неужели за время существования Небесной канцелярии не попадалось такого работничка, которого нужно было остановить силой? Неужели я первый счастливчик-наставник с таким нерадивым подопечным?

И вот, несчастная, ничего не подозревающая старушка начала переходить дорогу сквозь поток стремительно несущихся и громко сигналящих машин, как вдруг одна из них резко затормозила (машина, не бабуля, та и так шла еле-еле), и из неё высунулся здоровенный такой детина.

– Зоя Захаровна! – проревел он. – Вы что ли? Это я, Петька!

– Ой, Петюнюшка! Какой ты большой стал! А ведь самый маленький в школе был-то.

Эта душераздирающая картина происходила посреди проезжей части. За машиной двухметрового Петюнюшки уже образовалась очередь, и кто-то даже начал сигналить, но зыркнувший на него Петя живо прервал этот гудок.

– Давайте я вас отвезу домой, вы все там же живете?

Мой подопечный кипел от ярости, глядя на свой неудавшийся злодейский поступок. Так как мы должны неустанно следовать за человеком, которого охраняем, то мы тоже сели в машину. Кстати, ангел-хранитель может летать, перемещаться сквозь стены, мгновенно телепортироваться к подопечному, так что это даже весело. Конечно же, Петя с бабулей нас не видят и не слышат, поэтому мы преспокойно сидели на задних кожаных сиденьях роскошного Range Rover.

Доехав до дома, Петя помог бабушке подняться на третий этаж. Ангел то и дело пытался устроить бабуле падение с лестницы, но каждый раз, когда она оступалась, находила на полу то оброненные кем-то деньги, то еще какую мелочь, а особенно «неудачная» записка и вовсе вправила ей колено! Радоваться бы, но я начал подозревать неладное. Вернее, слишком уж ладное.

В общем, как вы можете догадаться, остаток дня так и прошёл – в попытках ангела-хранителя устроить все так, чтобы бабуля свернула шею. Неудачных для него, но уж очень удачных для бабули. Вечером того же дня явился ангел из Канцелярии и призвал меня на Судилище. Там мне объявили благодарность и отпустили с Богом. Точнее, одного, конечно. А! Так вот кто это был! Я аж растерялся немного и какое-то время кружил на месте как пёсель, гонящийся за собственным хвостом.

– Вась, прикинь! – с порога закричал я, хотя Вася работал с очередной душой, попавшей в Чистилище.

– Филипп, я работаю. – невозмутимо ответил он, даже не взглянув на меня.

– В Рай, – махнул я рукой пожилому господину, ожидавшему своей участи.

– Правда? – аж привстал он, натягивая рот до ушей.

– Да нет же, шучу. На переработку.

– Куда... – пожилой господин начал медленно оседать обратно, впрочем, не расслабляя рта, натянутого до ушей.

– На перерождение, тьфу, – я оперся руками о стол, за которым сидел Вася, пока бравые ангелы-стражи забирали пожилого. – Вась, я сегодня знаешь кого видел! Он мне так помог!

– Догадываюсь, – улыбнулся мой друг.

– Только вот никак не могу вспомнить как Он выглядит.

– И не вспомнишь, для каждого Он выглядит по-своему.

– Потому что боится раскрытия личности? – хохотнул я.

– Потому что Он в каждом из нас.

... ∞ ...

Игорь Тарасенко

рассказ

«Верните миру смерть!»

В 2025 году Серёга Чуркин остался без работы. Тридцать лет он прослужил специалистом по анализу ДТП. Выезжал на место аварии, измерял тормозной путь, устанавливал степень вины участников происшествия. Но аварий больше не было, беспилотные машины их не совершали.

Вскоре закрыли и автосервис, где работал его кореш Вовка Чистяков, мастер по восстановительному ремонту автомобилей. Беспилотники, в отличие от людей, ездили исключительно аккуратно, годами оставаясь без единой царапины.

— Утешает только то, — вздыхал длинный, тощий Серёга, почесывая светлую лысеющую голову, — что этих козлов тоже всю увольняют.

Действительно, дорожные инспекторы почти исчезли. Штрафовать за несоблюдение ПДД стало некого, роботы правил не нарушали никогда.

И Вован, и Серёга жили теперь на безусловном доходе. Это было невыносимо скучно — целый день заниматься только собой. Раньше время незаметно пробежало в чём-то, навязанном извне, в чужих заботах и проблемах. А тут пришлось лицом к лицу столкнуться с самым невыносимым в мире человеком.

— Вот сволочи! — негодовал коренастый, смуглый Вовка, — это они нарочно заставляют народ скучать без работы. Даже денег на это не жалеют! Понимаешь, Серёга, им главное — намекнуть, что мы в душе — пустые, внутренней жизни у нас нет.

— Ага, все на БОДе изнывают, так они, вместо того, чтобы занять людей чем-нибудь, рекламную кампанию развернули:

"Гражданин, не скучай, пресс и интеллект качай!"

— Типа, раз тебе в безделье плохо, значит, ты — заурядная личность! Да идите вы к чёрту, умники! Как хочу — так и живу!

Но жить, как хочется, отвлекаясь от себя на незначащие делишки, стало теперь совершенно невозможно.

Правда, шанс снова выйти на работу у друзей был. Сейчас всем регулярно предлагали переобучение, требовалось много новых специальностей: программисты, инженеры-робототехники, разработчики искусственного интеллекта и т. д. Но Вован, который двадцать лет рихтовал киянкой покорёженные в авариях корпуса, сторонился креативных профессий.

Ему и здесь предлагали помощь. Используя нейрочипирование и ноотропы можно было значительно поднять интеллект, расширить сознание. Но Чистяков не признавал аугментацию. Он был не так воспитан, и с детства усвоил, что главное — в любой ситуации оставаться человеком.

— Понимаешь, я — русский! — говорил он, разливая по стаканам остатки водки, сохранившиеся с тех времён, когда в магазинах ещё не было искусственного интеллекта. — И не хочу терять образ бога, который есть на мне!

— Ну вот и всё, последняя бутылка, — вздохнул Серёга. — Теперь даже не выпьешь с горя.

Спиртное сейчас продавали только абсолютно здоровым людям, сверяясь с общей поликлинической базой, в которой были чётко зафиксированы хронические заболевания обоих друзей.

Их, конечно, без проблем можно было вылечить. Путём генной модификации у людей убирали чувствительность к любым патогенам, превращая их в подобие ГМО-картошки, которую не ест жучок. Но на столь явное попрание традиций соглашались пока только самые беспринципные.

— Довёл страну Путлер! — возмущался Вован, морщась от выпитого. — Двадцать пять лет уже правит, не слезая! Слышал, как он недавно на критику власти ответил? Плохому гражданину, говорит, политики мешают!

— На плохого танцора намекает, гад. Уничтожили водителей, как класс, а теперь кричат повсюду: слава техническому прогрессу!

— Да за что ему слава?!

— Ну, беспилотники, мол, остановили самую крупномасштабную войну двадцать первого века, каждый год уносившую более миллиона жизней по всему миру.

— Это какую же? — не понял Вова.

— Войну водителей против пешеходов! Ты понимаешь, какие сволочи? В общем, за что боролись — на то и напоролись.

Этими словами Сергей хотел выразить простую мысль. Со времен изобретения автомобиля, до участников дорожного движения пытались донести необходимость соблюдения правил. А вот не надо было! Ведь когда усилия, наконец, увенчались успехом, это стало настоящей катастрофой.

Беспилотники нанесли ущерб не только транспорту, но и многим другим отраслям, например, медицине. В больницах закрывались целые отделения травматологии. Аварии на дорогах всегда были для них главным поставщиком человеческого материала, и вот теперь этот источник иссяк. Сидя без работы, квалифицированные хирурги стремительно теряли навыки и спивались, ощущая свою ненужность.

— Рушатся семьи, страдают дети! — возмущался Серёга. — Хуже того, их просто никто не хочет рожать! На днях в Узбекистане...

— Извини, — прервал Вован. — Со мной случай был недавно. Захожу я в "Бургер Кинг заказываю эту их заморскую отраву и, между делом так, интересуюсь:

— Мясо-то у вас натуральное?

А девица мне и говорит:

— Конечно! Выращено из клеток, взятых у птиц.

— То есть, оно искусственное? — допытываюсь.

А она меня опять, как лоха, разводит:

— Наше сырьё полностью идентично мышечной ткани. Если его пересадить курице — начнёт сокращаться. Но клеточное мясо гораздо полезнее, никакого контакта с продуктами жизнедеятельности, оно стерильное!

— Короче, — говорю, — я не собираюсь жрать подделку. Даже если она чему-то там полностью идентична.

И тут эта хамка выдаёт:

— Значит, вам непременно надо, чтобы еда была убита?

— Докатались... — вздохнул Серёга. — Вот к чему привели все эти разговоры о жестокости к животным!

Невдалеке слышались шаги. К распахнутым воротам Вовкиного гаража шаркающей походкой приближался маленький запущенный человечек с копной седых волос на голове.

— Привет, мужики! — сиплым, весёлым голосом обратился к друзьям местный бомж, дядя Миша.

Он пришёл побренчать на расстроенном пианино, которое кто-то бросил за гаражами.

— Машины без водителей, котлеты без мяса, — перечислял Серёга, вручая прибывшему стакан. — А дальше что, секс без людей? Вон, роботам уже искусственные мышцы делают, никаких железок, на ощупь — как человек. Ну скажи, вот ты бы согласился на такое? — обратился он к дяде Мише.

— Ни за что! — покрутил своей нечёсанной головой мастер стрит-арта, — с людьми — всяко лучше.

Он пробежал пальцами по клавиатуре и повернулся на вращающемся табурете.

— Но если смотреть философски, у людей в сексе очень мало свободы. С женой, значит, — супружеский долг, а с точно такой же бабой по соседству — подлая измена. Можно подумать, они чем-то отличаются...

И образованный бомж наиграл известную песенку "Раммштайна":

"You've got a pussy
I have a dick
So, what's the problem?
Let's do it quick. . . "

— Ещё один момент: секс после шестнадцати — твоё личное дело, а до шестнадцати — состав преступления! Вон, глядите.

И дядя Миша указал кривым пальцем на симпатичную, развитую школьницу, прошедшую сейчас мимо гаражей, где они тусовались.

— Видали? А если у неё в 14 лет уже больше хотелок, чем у моей жены в 34 было, тогда как? За что тут сажать-то?!

В качестве музыкальной иллюстрации к сказанному прозвучал мотив судьбы из Пятой симфонии Бетховена:

"Та-да-да-даам!"

— Да прекрати ты стучать, и так тошно!

Дядя Миша захлопнул инструмент и взял с крышки пластиковый стаканчик с водкой.

— Понимаете, мужики, тут — дело тонкое! Вот все боятся тотального контроля. А ведь государство всегда нас тотально контролировало! Ну, видно же, что тёлка созрела, а нельзя, типа, маленькая. Или, например, тебе не должны нравиться чужие вещи, это воровство...

— Не, дядя Миша, нравится — пожалуйста, а вот брать — не имеешь права.

— Дык, если нравится и не брать — болячку наживёшь на нервной почве.

— А ты воспитывай себя!

Бомжара хрипло расхохотался.

— Да как воспитывать, если мне хочется — и всё тут? Нет, Вова. Понимаешь, не должно быть у человека несбыточных желаний. Вредно это для здоровья. Вот для того кибер-шлюх и запускают.

— Ладно, чёрт с ним, с сексом без людей, — вздохнул Серёга. — Хуже всего, скажу я вам, эта новая жизнь без старения и смерти.

— Что, уже и такое выдумали? — не поверил Вован.

— А ты не видел? Все аптеки сейчас завалены этой дрянью. Ювенирующие препараты называются. Омолаживающие, то есть.

— Вот пиндосы сволочи! То была юстиция ювенирующая, теперь — препараты... Хотя, это, наверно, просто БАДы. Развод для лохов...

— Да какой развод? — горячился Сергей. — Моя Светка — страховой агент. Так у них компания — на грани банкротства. От несчастного случая уже давно не страхуются, из-за автопилотов этих долбанных. Потом, медицина прёт так, что и на случай болезни страховку почти не берут, нету их больше, болезней-то! А недавно, говорит, и от смерти перестали страховаться.

— Выходит, эти БАДы реально омолаживают?

— В том-то и дело! Люди видят, что у них морщины исчезают, седые волосы темнеют. У бабок восьмидесятилетних спина разгибается, месячные снова приходят. Поверишь тут! Вот народ и задумался: нафига платить взносы, ведь ты, возможно, и не умрёшь никогда! Ну, если не сядешь сдуру в машину с человеком за рулём.

— Скажи, пожалуйста! — развёл руками дядя Миша. — Придётся, значит, твоей Светке новую работу искать.

— Что — Светка? Помнишь, Вован, я про детей говорил? Не про тех, что уже родились, а про новых, которых никто рожать не хочет? Так вот, вчера по новостям передали: в Ташкенте повесился главный врач родильного отделения какой-то там больницы. Я даже имя его непроизносимое запомнил, Бензоил Атауллахеров.

— А чего тут запоминать? — вставил дядя Миша, — бензин херов, вот и всё.

Друзья поржали, и Серёга продолжал.

— Короче, при нём нашли записку. Что-то в том смысле, чтобы вернули в мир старение и смерть. Не помню в точности...

— Сейчас прогуглю, — сказал Вован. — Ага...

"... и подаёт нам яркий пример смертнического отношения к жиз-

ни".

— Эт чё за слова такие? Дядя Миша, давай лучше ты.

Музыкальный бомж прищурился в экран телефона, который передал ему собутыльник.

— Да тут всё понятно!

"Вот какую записку, на самом деле, должен был оставить наш доктор, если бы он был честен сам с собой..."

Дядя Миша равнодушно зевнул.

— Каких только идиотов нет на свете... Это ж надо, самого себя убить! Да как можно меня, моё величество, лишит жизни?! Ладно, слушайте, мужики:

"Люди! Я надеюсь, мой поступок заставит вас одуматься. Прошу, остановите эпидемию бессмертия, иначе прекратится эволюция!

Я всегда гордился тем, что помогаю новым жизням прийти в этот мир. И вот, с появлением препаратов от старения, случилось ужасное: женщины перестали рожать.

Такого следовало ожидать, ведь кто не умирает — тому незачем и продолжать род. Но поймите, одни и те же люди — это плохо, мы должны постоянно вызывать из небытия молодых и давать им дорогу! Неужели вы хотите, чтобы вечно жили только те, кто уже родился? Представьте, что в мире никогда не появится новый Илон Маск, Эйнштейн, Моцарт, а всегда будете жить только вы, унылые потребители и бездарности!

Надо, пока не поздно, вернуть всё обратно. В прежние времена каждый был на своём месте. Пешеходы гибли под колёсами, полицейские ловили пьяных водителей, механики чинили разбитые машины, могильщики хоронили жертв ДТП. А из земли вырастали цветы, и счастливые отцы несли их в роддом своим жёнам, радуясь рождению новых пешеходов и водителей. Вечное вращение колеса жизни! Старый, добрый мир, где люди рыдали на могилах, молились богу, который всё может, но ничего не делает, где с верой и надеждой целовали руки священникам, передавая друг другу коронавирус и кишечные инфекции.

Смертные люди были лучше нас. Зная, что скоро уйдут в небытие, они стремились поскорее оставить след: родить детей, написать "Войну и мир" построить колонию на Марсе, изобрести новый сорт прокладок с защитой от протекания.

Бросайте же свои фантазии о бессмертии! Подумайте, как приятно дряхлеть в окружении внуков, которые, в отличие от тебя, с каждым днём набираются сил! Как радостно пережить приступ

Альцгеймера, всё забыть и помнить только одно: что миллионы людей по всему миру читают твои книги! А сколько оптимизма вселяет мысль, что благодаря тебе люди теперь умирают не только на Земле, но и на других планетах! И как, в конце концов, здорово лежать овощем после инсульта, чувствуя приятную сухость в промежности!

Впрочем, к чему все эти разговоры? Я прекрасно знаю, что меня никто не услышит. Людей ослепило собственное эго, они больше не желают приносить священных жертв на алтарь продолжения рода. Вы избавились от боли, страха и даже самой смерти, чтобы наслаждаться теперь вечным потреблением. Но вам недолго осталось. Надеюсь, вас всех скоро кто-нибудь съест, как колонию бесполезных клеток.

Если же нет... Но я боюсь даже думать об этом. Не хочу оставаться в таком ужасном, эгоистичном мире. Прощайте!"

— Ну, прощай, прощай, старик Хоттабыч, — задумчиво сказал дядя Миша, возвращая Вовану телефон. — Кстати, мужики, я ведь со вчерашнего дня тоже на безусловном доходе. Так что, денежки появились, пойду радоваться жизни. Водку мне, конечно, не продадут, с учетом моей печени. А вот ювенирующими препаратами закинусь.

— Сколько тебе уже, дядя Миша? — улыбнулся Вовчик. — Пятьдесят шесть?

— Пятьдесят четыре мне только, сопляк!

— Вот и мне почти столько же, — вздохнул Серёга. — Нам с тобой уж к земле привыкать пора!

Развязно виляя бёдрами, культурный бомж подошёл к ним вплотную.

— Я не пойму, вас этот узбек вдохновляет, что ли? Следом за ним собрались? Тогда в добрый путь!

— А ты-то куда намылился? — насмешливо осведомился Чуркин.

— Я, — гордо сообщил дядя Миша, — скину себе годиков сорок, и тогда весь мир — мой.

Он игриво подмигнул друзьям и добавил:

— Ну, не посадят же меня за секс с ровесницей?

... ∞ ...

Игорь Тарасенко

рассказ

«Воины Истлена»

Рано утром к северному посту охраны аэропорта подъехала громоздкая старомодная "Тойота Секвойя". За рулём сидел человек...

Впрочем, всё было понятно уже по марке машины. Только верующие до сих пор отказывались от беспилотного электротранспорта и водили сами, доставая где-то последние бензиновые модели. Если глобаливцы были радостно заворожены прогрессом, то богомане, прекрасно понимая, что он, в конце концов, уничтожит религию, отчаянно отвергали любые новшества.

Семь мест из восьми в салоне занимали небрежно одетые мужчины самой разной внешности и цвета кожи. Богомания объединила остатки религий по всему миру, и эта горстка включала все национальности и расы. Но даже самые правоверные из них уже не могли противиться моде глобаливцев и выглядели так же причудливо и пёстро, как все в современном мире.

Молодой офицер охраны заглянул в салон и внимательно осмотрел прибывших: индеец и негр коротко острижены, голубоглазый блондин-балтид носил длинные волосы, выбритые на висках, смоляная шевелюра корейца собрана фонтанчиком на темени, а из троих лысых, с заросшими лицами, двое были русскими, и ещё один — кавказцем. Этот последний был самым старшим из всех, и выражение его лица как-то неприятно кольнуло офицера, но лишь на мгновение. В остальных же и вовсе не ощущалось ничего строгого или воинственного, вполне себе обычные метросексуалы. Но как раз это и настораживало...

Недоверчиво поджав губы, охранник внимательно проверил у каждого паспорт. Будь его воля, он вообще запретил бы таким типам

появляться в общественных местах. Для простых людей терроризм всегда был связан с религией: сначала ислам, потом православие, теперь вот ислен... И у всех — только одна забота: как бы погромче бабахнуть. Радовало только, что новое название верующих было понятнее прежних: ислен объединяет всех, кто хочет побыстрее ислеть, чтобы попасть на небо, и не хочет задерживать это тление нано-лекарствами и технологиями бессмертия.

"Ну что ж, туда вам и дорога — мысленно заключил охранник.

Словом, приехавшие прекрасно знали, какое отношение вызывает полная машина богоман на въезде в аэропорт, поэтому документы у всех были в идеальном порядке.

Джип им велели оставить на стоянке — перемещаться по территории аэропорта разрешалось только на внутреннем электротранспорте. Через камеры наблюдения охрана видела, как прибывшие разделились на две группы; в первый подъехавший автобус сели четверо, в следующий — ещё трое. Странное поведение гостей привлекло внимание службы безопасности. Они тут же опросили радары на трассе и выяснили, что "Тойота" ехала всю ночь без остановки от самого побережья, и лишь в семи километрах от аэропорта притормозила залить бензина. С камер на заправке поступила информация, что изначально пассажиров в салоне было восемь, но один вышел в магазин и не вернулся. По-видимому, он сбежал.

Всё больше опытных глаз следило за поочерёдным входом обеих компаний в главный терминал, затем — за их стремительным перемещением по залам ожидания. Группам захвата объявили готовность номер один. Снимая винтовки с предохранителя и опуская бронированные стёкла шлемов, бойцы наблюдали, как первые четверо исчезли с мониторов на входе в санитарную комнату. А когда то же самое в другом конце зала проделали ещё трое, дежурный без колебаний хлопнул ладонью по красной полусфере аварийного рычага.

Пока к туалетам на втором этаже бежали солдаты в бронежилетах, один человек в каждой команде быстро взобрался на плечи другого, снял с потолка декоративные панели, открыл тайник и спустил товарищам оружие и взрывчатку.

Вооружившись, террористы мгновенно взяли заложников из числа тех, кто зазевался в соседних кабинках. Прикрываясь живым щитом, они спокойно прошли мимо нацеленных на них стволов и заняли небольшую секцию зала ожидания, в которой находилось около сотни человек. Люди с оружием, ведущие заложников, вы-

звали волну паники, но самый старший из террористов очень чётко и спокойно сказал в мегафон:

— Всем оставаться на своих местах! Мы стреляем без предупреждения! Повторяю, никому не двигаться!

Другие быстро расставили вокруг сидений бомбы и скрепили тяжкими взрыватели, взяв, таким образом, весь зал в кольцо. На голове у каждого нападавшего пламенела красная эластичная лента, с бегущими по кругу золотистыми огнями. Это был сигнал для всех, кто держал их на мушке: внимание, радиомодули взрывчатки, которой увешаны тела боевиков, связаны друг с другом и с бомбами на полу! Излюбленная тактика террористов, она пресекала всякие попытки устранить их поодиночке. Пуля, попавшая в любого из них, неминуемо привела бы к взрыву всего арсенала в зале, гибели большей части заложников и обрушению перекрытий, что ещё больше увеличивало количество жертв.

Говоривший, очевидно, был главарём. Среднего роста, лет шестидесяти, он прихрамывал на разбитую когда-то пулей стопу и производил на окружающих странное, ошеломляющее впечатление, которое сбивало с толку даже опытных военных. Все, кто видел его впервые, впадали в лёгкий транс, цепенели, словно мышь перед коброй. Но это не был гипноз. Похоже, старик просто заставлял людей теряться перед одним своим чудовищным свойством: было как-то очень ясно, что он не остановится ни перед какой мерзостью, его не заставит сжалиться никакое, самое кровавое зрелище. Это ощущалось настолько сильно, что вызывало безотчетную тревогу даже у снайперов, через сотни метров державших его на прицеле. Здоровому невыносимо видеть перед собой человека и чувствовать, что это только маска, из-под которой в любую секунду может выпрыгнуть безумец, дикий зверь, готовый запросто оторвать чью-нибудь голову своими окровавленными челюстями. Видимо, под впечатлением от таких, внешне сохранных, но утративших человеческую сущность людей и возникли легенды об оборотнях, людях-чудовищах и самом дьяволе.

Суеверный ужас — это как раз то, что мы испытываем, когда наталкиваемся на контраст безобидной внешности и беспощадного содержимого. Да, безобидной, потому, что террорист — это, прежде всего, сородич, и должен ощущаться более дружественным, чем любое другое живое существо. Ведь даже вооружённый до зубов убийца когда-то был ребёнком, а значит, хотя бы помнит тепло и ласку, если и не испытывает их. И если когда-нибудь всякая внешность,

которую мы видим, будет точно отражать внутреннее содержание, переживание ужаса полностью уйдёт из нашей жизни.

Каждый жест главаря был каким-то затаённым, словно он постоянно готовил удар исподтишка. Он знал, что всё происходящее снимают он-лайн телекамеры, и понимал, что обращается сейчас к миллионам людей по всему миру.

— Мы требуем прекращения безбожных опытов по омоложению человека, изменению его внешности и психики! Поиск нано-лекарств от всех болезней, как и само намерение полностью избавить людей от страданий есть богохульное противление воле Творца Вселенной! Требуем выдачи главных изобретателей на суд, который состоится сегодня, в этом зале. Мы знаем, что нас слышат сейчас те, от кого это зависит. Даём им десять минут. Если в начале одиннадцатой минуты вот на этом экране — террорист показал рукой на пятиметровой высоты стену зала, которую целиком занимала телевизионная панель — нам не покажут, как сюда везут Илона Маска, Марка Цукерберга и Жореса Алфёрова, мы убьём первого заложника. Я закончил. Время пошло.

Перепуганные люди всхлипывали в креслах, с ужасом отводя взгляд от расставленных повсюду бомб. Отбросив автомат за спину, главарь прохаживался между рядами и вещал в громкоговоритель:

— Я вижу страх и ненависть в ваших глазах. Страх за свою жизнь, и ненависть к тем, кто хочет отнять её. Но, если бы ваш разум не был заморожен гуманизмом, правами человека и другими глобалистскими мифами, вы бы поняли, что мы пришли сюда помочь вам! Не мы несём вам гибель, вы сами, добровольно стоите на путях смерти. Что могут сделать наши слабые автоматы и бомбы? Всего лишь разрушить бранные людские тела. Но разве это важно, если их бессмертные души уже ждёт вечное адское пламя? А виной всему — нано-технологии, которые готовятся захватить мир. Смотрите, они пока только обещают изменить божественный замысел, а люди уже теряют веру, обманутые этими обещаниями. Если же наука восторжествует, человек потеряет веру окончательно. Воистину, тот, кто избавится от всех болезней, совершит самую страшную из возможных ошибок! Он перестанет страдать, а значит, потеряет и потребность в молитве. А разве можно прожить без молитвы?!

Гневно сверкая глазами, он оглядел зал, полный наивных мечтателей, не понимающих самых элементарных вещей.

— Я знаю, вы ждёте также, что биолечения изменят и психику человека, сделают его более разумным. Но ведь тогда те, кому свыше

предначертано разрушать свою жизнь необдуманно поступками, перестанут это делать! Им будет не о чем жалеть, незачем обращаться к богу. Люди надменно сочтут, что всё отныне в их руках: чем бы ты ни заболел — тут же выздоровеешь, какая бы дилемма ни встала перед тобой — сделаешь правильный выбор! Но если жизнь будет целиком зависеть от воли человека, кто захочет склоняться перед волей небес? Понимаете ли вы, что большинство вспоминает о Всевышнем только в страданиях, а значит, отмена их греховна? Она неминуемо приведёт к безбожию. Вот чего вы должны бояться!

Однако люди в зале упрямо боялись совсем других вещей. Дрожащие от страха, они мало что понимали из этих разглагольствований. Впрочем, зловещему оратору было всё равно, он продолжал:

— Я спрашивал своих братьев по вере, которые прежде были истинными богоманами: почему вы больше не приходите в церковь? Но нам не о чем молиться, отвечают они. Наука сделала нашу жизнь лёгкой и безопасной: медицина творит чудеса, в магазинах полно дешевой еды, всю тяжёлую работу делают роботы. Остался последний скачок — и жизнь будет целиком в наших руках, здоровье — тоже. Никто больше не станет пьянствовать, совершать преступления и вообще отравлять существование себе и другим. А вместо чтения священных писаний человек будет летать к звёздам и познавать Вселенную!

Главарь сделал паузу.

— Вы тоже этого хотите? Безумцы! Неужели вы не понимаете, что весь космос — это декорация? В Судный день ангелы свернут его как свиток, и с чем вы тогда останетесь?

Красноречие его, наконец, иссякло. Некоторое время он прохаживался вдоль окон, ни на кого не глядя и совершенно не опасаясь быть прекрасной мишенью. Потом взглянул на часы и вновь поднял висевший на поясе мегафон:

— Десять минут истекли. Я в последний раз требую показать мне, как сюда везут троих главных врагов Всевышнего!

Но экран показывал только площадь перед зданием аэровокзала, на которой росло число пожарных автомобилей и машин скорой помощи.

Главарь усмехнулся.

— Неужели весь европейский мир с его техническим оснащением, с психологами, специалистами по чрезвычайным ситуациям, экспертами по Ближнему Востоку не догадался хотя бы найти трёх подходящих актёров, способных сыграть роли Маска, Цукерберга и Ал-

фёрова?

Он покачал головой.

— Итак, наши требования не выполнены, — произнёс он, обращаясь к заложникам. — Но мы — гуманные воины, и первым умрёт самый старший из вас, тот, кому и так предстоит вскоре встретиться со Всевышним.

Он показал пальцем на сидевшего среди прочих худого старика лет восьмидесяти, чья прямая осанка выделяла его на фоне остальных.

— Марк, застрели его! Только аккуратно, в сердце. И смотри, не задень никого, особенно, детей, а то визга не оберёшься.

Из стоявших по периметру зала боевиков выделился один, темнокожий. Он сделал знак дулом висевшего на груди автомата:

— Встань! — скомандовал он старику. — А вы все пригнитесь. Ну, живо!

Он переключил автомат на одиночную стрельбу, прицелился...

И тут какая-то женщина в зале не выдержала. Услышав еле сдерживаемые рыдания, главарь потерял терпение.

— Безбожные глобаливцы! Глобальные счастливцы, которые рады жить в безликом, едином мире, так вы себя называете? Я вижу, вы не так уж счастливы. Как трусливые шакалы боитесь вы за свою никчёмную жизнь! Что вы жалеете его? Вы должны радоваться, что он покидает этот мир, приют боли и печалей! Считаете нас палачами? Нет, это вы по-настоящему бессердечны! Вы давно разучились скорбеть и сострадать. Конечно, зачем сочувствовать раненому, если медицина лечит всё эффективнее, а скоро можно будет просто проглотить био-таблетку, и оторванная рука прирастёт за считанные часы? Но вы забыли, что душа очищается болью, и тот, кто перестаёт страдать, с каждой секундой становится всё грязнее и греховнее! Мы будем молить Всевышнего, чтобы он даровал спасение душе этого старика. Пусть же погибнет его брэнная, телесная оболочка, которая и так не вечна...

— Это пока — не вечна, — вежливо, но твёрдо прервал его вдруг чей-то голос. — Прогресс не остановить, и ты это знаешь, отец!

Все посмотрели на экран. На нём возник ещё молодой человек, сильно напоминающий чертами лица старого главаря.

— Раджан, Георгий, Олаф и все прочие, остановитесь, братья! Надеюсь, я не опоздал, и все ещё живы?

Ему никто не ответил. Но, поскольку трансляция работала в обе стороны, он сам внимательно обвёл глазами место действия, и по-

нял, что не ошибся.

— Хвала Всевышнему за то, что он уберёт вас от преступления!

Потом снова обратился к главарю:

— Я хочу говорить с тобой, отец.

Старик жестом велел негру прекратить экзекуцию, исподлобья посмотрел на экран и произнёс:

— Нам не о чем разговаривать, Ибрагим. Если ты бежал, чтобы предать нас, мои люди найдут тебя и казнят.

— Э, отец, что мне твои люди! И там, и здесь — один конец. Но, может быть, пуля федералов найдёт тебя раньше, чем ты найдёшь меня.

— Хочешь перейти на их сторону? Бросить наше дело? Будешь жить по законам этих собак?

Ибрагим усмехнулся.

— Эти собаки спасли моего маленького Юсифа. Разве ты не слышал? Дети больше не умирают от рака! Никто от него больше не умирает. Пока мы брали в заложники женщин, их мужья в своих лабораториях разрабатывали новые лекарства. И самые эффективные из них — это маленькие биочастицы размером меньше пылинок; их запускают в кровь, и множество умелых мастеров чинят наше тело изнутри...

— И что же дальше? — насмешливо прервал его отец.

— А дальше самые безнадежные больные мгновенно выздоравливают!

— Стыдно тебе, Ибрагим! Как глупая сорока повторяешь ты слова пропаганды неверных. Болезни посылает Всевышний, если истребить одну — появится другая. Так было всегда, и безбожной европейской науке никогда не изменить установленного свыше порядка. Твоего Юсифа спас Милостивый и Милосердный Господь, а не какие-то там пылинки, запущенные в кровь. Так Он подал тебе знак продолжать войну с неверными! Опомнись, и следуй Его святой воле, иначе Он отнимет у тебя не только единственного сына, но и дочерей, жену. А твоя старая мать? Она не перенесёт известия о том, что её Ибрагим стал предателем. Разве ты не хочешь, чтобы она пожила на этом свете ещё немного? Не гневи же Всевышнего, и возвращайся к нам!

Весь мир с возмущением слушал разглагольствования главаря, чувствуя, как его сын подпадает под влияние этой средневековой риторики. А Ким Хён О, тайный союзник Ибрагима, кореец со смоляным фонтаном на голове, размышлял, сжимая автомат:

"Что за ненасытное чудовище! Разве тебе мало насмерть перепуганных людей здесь, рядом? Нет, тебе нужна ещё и власть над теми, кто вдали! Недостаточно тебе силы оружия, надо орудовать ещё и языком, недостаточно повелевать чужими, надо помыкать даже собственным сыном! Сначала ты вложил в ребёнка дикие понятия, потом сделал их священными для юноши, и теперь зрелому мужчине они стали дороже собственного здоровья и даже жизни! Вот так из живого человека делают орудие, ссылаясь на священную чушь религии и морали!"

Но к счастью, сила реальных дел всё же превосходит силу вбитых с детства в голову сказок.

— Отец, — сказал Ибрагим, — за что ты обещаешь мне гнев Всевышнего? За то, что я видел, как из глаз моего сына ушло страдание? Видел, как его обречённое на смерть маленькое тело вновь стало здоровым? Значит, бог может карать за счастье, если его даёт не он, а наука? Так не пришло ли время сделать богом науку?

— Мне жаль тебя, сынок. Богохульство — верный путь к гибели!

— Ты прав, отец. Я чувствую, что всё больше гибну для небес. Слишком многое нам сегодня обещает земля! Пока моя жизнь была в руках Господа, я легко мог рисковать ею. Всё равно — смерть, от пули или от старости — какая разница? Но теперь те, кому я верю, кто сохранил мне сына, всерьёз собираются остановить старение а потом и вернуть людям молодость. Мы увидим стариков, которые превратятся в юношей. Значит, и я смогу никогда не умирать. Но только если останусь цел! Если меня разнесёт на куски реактивный снаряд, медицина не поможет. Один Всевышний знает, как склеивать людей по кусочкам, учёные этого пока не умеют!

— Скоро научатся!

Ибрагим вскинул брови.

— Вот как ты заговорил, отец!

— А что? Разве теперь наука — не твой бог? — издевался главарь.

Ибрагим внимательно посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что если научатся оживлять убитых, война с неверными превратится в компьютерную стрелялку? Нас перестанут бояться!

— Ну, до этого ещё далеко, сначала дождёмся отмены старения. А пока что, гуманность глобаливцев работает на нас. Разве ты не слышал, воинам истлена отменили смертную казнь?

— Её заменили пожизненным заключением.

— Вот именно! Значит, рано или поздно братья-богомане вытащат

тебя на свободу.

— Разве это свобода, прожить ещё каких-нибудь 30 лет? Ведь мне уже 40, и все знают, что для таких как мы, таблетка бессмертия будет недоступна. Террористам заранее ввели строгий запрет на иммиграцию.

— За деньги можно достать что угодно. Мы сделаем подпольный препарат...

— Но он не избавит от гибели, только от старости! Да, я смогу ещё 500 лет рисковать своей головой, чтобы, в конце концов, она раскололась от пули снайпера. Но зачем, отец? Зачем мне спешить на небо, если я могу вечно жить здесь, на земле?

Предводитель банды неприятно улыбнулся.

— Вечно? Да понимаешь ли ты, что если глобализация — это просто утопия, то бессмертие на земле — королева утопий?

"Ну и скотина же ты! — думали люди. — Можно подумать, бессмертие на небе — доказанная реальность! Пристрелите уже кто-нибудь эту бешеную собаку!"

Однако, гнев главаря выглядел подозрительно театральным. Он явно что-то задумал. И действительно, глядя Ибрагиму прямо в глаза, отец предъявил ему приготовленный напоследок аргумент.

— Ну, хорошо, сынок, поступай как знаешь, но послушай последнее, что я хотел сказать. Ты сам говоришь, что та волшебная таблетка, которую ждут теперь все вокруг, всё равно не избавит от смерти. Вечно молодого точно так же подстерегает несчастный случай. Пятьсот, тысяча, десять тысяч лет земной жизни — что всё это в сравнении с бесконечным раем на небесах? Но ты легко можешь потерять этот рай, если пойдёшь безбожным путём неверных! Господь смеётся над людьми, позволяет им изобретать средства от старости и болезней, но продолжает забирать всех к себе! Разве хоть один учёный когда-нибудь обещал сделать человека вечным и неуязвимым? Нет, никто об этом даже не мечтает. Видишь, безбожники сами понимают, что им никогда не достичь истинного бессмертия!

Последовала долгая пауза. Чувствовалось, что Ибрагим сломлен.

"Ну же! — кричали зрители по всему миру. — Ты так хорошо начал, парень, не смей сдаваться! Твой отец — лжец и негодяй, вера в бога даёт не бессмертие, а лишь НАДЕЖДУ на него! Но преподносит её так, будто это и есть гарантия. Чепуха! С гораздо большим успехом можно верить в науку, в то, что однажды технологии сведут личность до сгустка информации, вроде голограммы или другой неуничтожимой сущности. А поскольку наука, в отличие от религии,

реально работает, вера в неё неизмеримо более... "

Но Ибрагим уже принял решение. Он сказал:

— Хорошо, отец, ты прав, я возвращаюсь...

"Почему, чёрт возьми? — спрашивали себя все вокруг. — Почему людей до сих пор так легко убедить словами? Когда уже мы научимся принимать окончательные решения, такие, чтобы никто и никогда больше не мог на них повлиять?!"

— Я очень рад, Ибрагим! Я не верил, что ты можешь стать предателем. Когда ты придёшь?

— Ну, вообще-то, отец, у меня для тебя две новости. Первая — хорошая, её ты только что слышал.

— А вторая?

— Вторая...

И тут все следившие за главарём почувствовали неладное. Из его зловещей, почти магической фигуры на несколько секунд пропала угроза. Это был неожиданный поворот. Военные переглядывались: им почудилось, или зверь, действительно, растерян? Но обдумать это никто не успел. Ибрагим продолжал:

— Вторая — ещё лучше. Для всех. И о ней ты скоро узнаешь!

Главарь сделал над собой усилие и снова стал прежним. Будто бы разом натянул ослабшие, было, нити всеобщего внимания, сходящиеся к нему с разных сторон.

Где-то в недрах терминала возникло движение. Главарь сделал знак одному из боевиков, тот выглянул из их отсека в общий зал, внимательно осмотрелся и, вернувшись, отрицательно покачал головой. Но всех по-прежнему не покидало ощущение чего-то происходящего.

Ибрагим появился неожиданно, будто из воздуха. Он не приходил, его никто не впускал, он просто очутился рядом с остальными. Торс, как и у прочих, опоясан зарядом тротила, в руке — пистолет. Пока федералы раздумывали, стрелять или нет, ему надо было поскорее попасть в огороженный взрывчаткой круг.

— Откуда..? Как ты сюда..?

— Потом, ребята. Сначала пустите меня внутрь. На "раз-два-три" отключите связь между бомбами, а когда я пройду, сразу включайте. Снайперы не успеют...

Террористы привычно выстроились для операции отключения, переглянулись и одновременно нажали рычаги синхронизаторов. Золотые огни перестали бежать по красным лентам вокруг их голов. Теперь можно было не бояться, что сработают взрыватели.

Прежде, чем по ним открыли огонь, Ибрагим быстро шагнул через растяжку. Его товарищи уже были готовы возобновить защиту, но то, что случилось в следующую секунду, заставило их руки на рычагах внезапно обмякнуть.

Кореец Ким, который в общей суматохе постепенно приближался к главарю, и теперь стоял почти в упор, внезапно направил автомат ему в лицо. Но тот видимо, ещё раньше заметил его маневры, и заготовленным движением отшвырнул дуло в сторону. Прогредел выстрел, пуля пробила стеклянный потолок, и тут же грохнул второй, сразивший главаря наповал. Смерть настигла его с той стороны, откуда он ждал её меньше всего.

Сверкнула молния, ударил гром. Взгляды всех были прикованы к распластавшемуся на полу мёртвому телу. И, словно комментарий к этому зрелищу, на огромном телеэкране зала появился лысый череп и козлиная борода знаменитого рокера. Он пел:

"Не след лежать столбом, папа, не след охотиться на коз".

Заложники, военные, зрители у экранов по всему миру — все свидетели этой сцены пребывали в полном замешательстве. Ибрагим медленно опустил руку с пистолетом и посмотрел на ошеломлённых товарищей. Те машинально щёлкнули рычагами на поясе. Огни вновь замелькали на красном фоне. И тут державшие их на прицеле поняли, что опоздали.

Подойдя к убитому, Ибрагим снял с его пояса мегафон:

— Нам нужен начальник аэропорта! Как только он будет здесь, мы отпустим всех заложников. А потом дайте нам выехать с территории, и забудем друг о друге, договорились?

И, насмешливо и властно, как только что его отец, Ибрагим добавил, небрежно махнув пистолетом в сторону боевиков:

— А за этих я ручаюсь, они больше не будут!

Бородатый гуру продолжал блеять с экрана:

"Пора себя спасать, папа, спасать себя всерьёз!"

Забавно, но это понимали все, даже террористы. Идеология нового, глобального мира взяла без боя ещё одну крепость. Погиб только комендант.

Игорь Тарасенко

рассказ

«Не жди нас, Марс!»

1. ЛЁД И ПЛАМЯ

В светло-красном небе над южным полюсом неподвижно висели лёгкие белые облака. Под ними расстилалась ледяная пустыня, искрящаяся в лучах маленького, далёкого Солнца. Повсюду громоздились глыбы замёрзшей воды, запорошенные толстым слоем углекислотного снега. Косо торчащие острые пики пересекались длинными хребтами и режущими кромками плоскостей, и в этом непроходимом лабиринте со свистом гулял ветер, охлаждённый до чудовищных минус ста сорока градусов.

Близился вечер. Туманное пятнышко светила склонялось всё ниже, постепенно придавая румяному небосклону голубоватый оттенок, как и всегда на закате. Солнце было ещё далеко от горизонта, но из-за сильной разряжённости атмосферы, небо уже сделалось почти чёрным. И когда эта чернота слилась с силуэтом потухшего вулкана вдали, температура резко пошла вниз, чтобы к рассвету достигнуть минус ста семидесяти.

Но вдруг в этой, миллионы лет не менявшейся вечерней сцене появился новый персонаж. За пеленой стихии, играющей хлопьями застывшего газа, медленно проплыла небольшая рукотворная конструкция. Четыре летающие машины сообщая несли по воздуху конусообразный чёрный контейнер, обращённый остриём вниз.

Достигнув расчётной точки, реактивные беспилотники, осторожно опустили свой груз среди ледяных торосов, освещая место посадки. Выхлопы растапливали поверхность, глубоко погружая в неё

пулеобразную ношу, от которой поднимались таявшие в мощных лучах прожекторов белые клубы. Смесь углекислого газа и воды плавилась гораздо быстрее льда, и контейнер с зарядом вскоре исчез с поверхности.

Отцепив тросы, роботы взмыли в воздух и отправились в обратный путь. Там, вдали, на краю сковывающего полюс ледяного щита диаметром девятьсот километров их ждал гусеничный вездеход.

Летающие машины добрались до него спустя час, уже в полной темноте. Вездеход сразу отреагировал на их появление и зажёл сигнальные огни вокруг укреплённой на корпусе заправочной платформы. Пополнив запасы горючего, беспилотники подали сигнал готовности к новому рейсу. Тогда створки грузового отсека разъехались в стороны, открывая доступ к таящемуся внутри смертоносному грузу. Это были ядерные заряды, которые им следовало распределить по поверхности ледника.

Вокруг него одновременно работали восемь таких машин, готовивших Марсу самую грандиозную катастрофу в истории. Через неделю приготовления были окончены. Перед тем, как дать залп, система подняла в воздух все имевшиеся беспилотники, которые должны были с безопасного расстояния заснять жестокую схватку льда и огня.

Наступил момент икс. В один миг над южным полюсом Марса встали десятки ядерных грибов. Тысячи тонн водяного пара, газов и пыли начали рассеиваться по Красной планете. В течение нескольких месяцев атмосферу заполнил тяжёлый туман, отлично улавливающий солнечную радиацию. Воздух стал гуще, начал нагреваться в лучах Солнца, и столбики термометров поползли вверх.

Теперь оставалось только ждать, когда температура и плотность атмосферы достигнут приемлемых для людей значений.

2. BIG FUCKING ROCKET

Была половина третьего. Занятия в Харрис Элементарн Скул подошли к концу.

— Том, — шепнул Дэйв соседу по парте, — у меня родители на весь уик-энд свалили к океану. Меня не взяли, я наказан. Придётся ко мне после уроков? Будем опять в супергероев играть.

— Приду, — кивнул Том. — Только, чур, я теперь Илон Маск!

Выйдя из школы, мальчишки жарко обсуждали предстоящую игру.

— А я тогда знаешь, кем буду? — придумал Дэвид. — Обри ди Греем.

— Это ещё кто? Я такого не знаю.

— Ты что! Ди Грей — настоящий современный рыцарь, он возглавляет всемирный крестовый поход против старения.

— Всего-то? Да он лох против моего Маска! У Маска — миллиарды долларов!

— А у ди Грея — миллиарды людей которые хотят жить вечно! Том, одолжишь мне пару баксов? Зайдём в супермаркет, и я куплю самую большую красную мочалку.

— Зачем она тебе?

— Без неё ди Грей не получится, — развёл руками Дэйв. — Знаешь, какая у него длинная рыжая борода? Вот, смотри.

Увидев фото колоритного директора фонда SENS, которое Дэйв нашёл в интернете, Том пожалел, что выбрал быть Илоном Маском.

— Да, классный у тебя герой! А какие у него суперспособности?

— Его главная сила в том, что он колдует на белых мышах. Если захочет, и самого Маска заморозит.

— Не может такого быть! Маск — круче, у него знаешь сколько ракет, машин и всякой техники?

— Ди Грей всё равно сильнее, у него — самая большая армия на свете, — хвастался Дэвид. — Семь миллиардов человек, которые не хотят стареть и умирать!

— Да, вот это войско! — вздохнул Том. — Пожалуй, твой борода-тый победит моего марсианина.

— Конечно, победит! — уверенно сказал Дэйв. — Только не сразу, предстоит упорная борьба. У тебя ещё деньги остались?

Том кивнул.

— Тогда купим водомётную ракету, — продолжал Дэвид, — и будем запускать у меня в саду, за домом.

— Только чур, по очереди! Если я её первым на крышу закину, значит, победил Маск. И тогда ди Грей не сможет никого омолодить. А если ты первый, значит, победил ди Грей, и никаких поселений на Марсе не будет.

Полчаса спустя люди, шедшие мимо дома номер восемь по Сан-стрит, слышали звонкий детский голос, который ругался неприличными словами:

— Ура! Илон Маск, ты проиграл! Твою Большую грёбаную ракету победила моя маленькая грёбаная мышь!

3. КОЛОНИСТЫ

Старшему брату Тома, двадцатитрёхлетнему Дэну Кэри, крупно повезло. Его, в числе всего лишь пятидесяти счастливицков, отобрали среди двухсот тысяч претендентов по всему миру для участия в космической миссии Илона Маска. Понимая стратегическую важность полёта к Марсу, NASA предоставила компании SpaceX свою тренировочную базу. Предстояли два года напряжённой подготовки.

Несколько гражданских самолётов доставили курсантов на Космическое побережье Флориды. Им предстояло тренироваться в Центре подготовки космонавтов имени Джона Кеннеди, а потом стартовать с расположенного поблизости мыса Канаверал.

В восьмиместном конвертоплане "Белл-Аугуста" вместе с Дэном летели ещё пять волонтеров. Седьмым был инструктор, строгий сухопарый сержант Чарльз Лестер. Последнее, восьмое место в салоне занимала Мими, ручная шимпанзе Лестера.

— Курсанты, внимание! Скоро посадка. Смотрите, вон там уже виднеется стрела Мерритт-Айленда. А сейчас мы пролетаем над знаменитым заповедником Ротари-Парк, где водятся стаи розовых колпиц. Когда они кормятся среди прибрежной зелени, то напоминают огромные клумбы красных пионов. Мы обязательно выберем свободный день и съездим с вами туда. А ещё здесь, на атлантическом побережье, отличная рыбалка!

В Центр Кеннеди они прибыли в половине десятого утра. После плотного завтрака курсантам дали отдых до одиннадцати, а затем всем было велено явиться в тренировочный корпус. В четверть двенадцатого пятьдесят добровольцев разного возраста и цвета кожи стояли в прохладной полутьме огромного ангара, где находилась точная копия жилого отсека Big Falcon Rocket. Ровно через семьсот тридцать дней этот самый тяжёлый в истории космический корабль с полётной массой в 4400 тонн должен был умчаться их на Красную планету.

Курсантам дали десять минут на осмотр. Они пришли в полный восторг от корабля. Пять четырёхместных и десять двухместных кают, душевые, кухня, лаборатория, теплица и даже фитнес-центр с тренажёрами — всё это напоминало декорации к фильму о межзвёздных путешествиях.

Четверо холёных офицеров NASA ожидали снаружи, не скрывая своего презрения к этой шумной толпе штатских, которая, гремя лестницами, носилась внутри пятиэтажного жилого отсека.

Ровно через десять минут Чарльз Лестер скомандовал в мегафон:

— Курсанты, время вышло! Всем спуститься в ангар!

Но не привыкшие к дисциплине волонтеры тянулись медленно. И, после нескольких секунд ожидания, Лестер вновь гаркнул:

— Считаю до десяти. Кто не будет стоять передо мной на последний счёт — выбывает из проекта. Ра-аз...

Угроза подействовала. Сбивая друг друга с ног, курсанты бросились выполнять приказ. Дэна толкнул какой-то китаец, и он растянулся на шершавом бетоне полу, больно ударившись головой. Наблюдая, как перед глазами плавают радужные пятна, Дэн прижался лбом к холодному цементу.

— Курсант Кэри, ты ранен?

— Никак нет, господин лейтенант!

— Тогда какого чёрта разлёгся? Немедленно встать в строй!

Когда все полсотни, наконец, выстроились перед офицерами, Лестер наставительно произнёс:

— Запомните, космос — это хуже, чем война. Гораздо хуже. Без дисциплины вы все погибнете там через пять минут. У вас очень мало времени, только два года на подготовку, и главное, чему вы должны научиться — это выполнять приказы.

Начались суровые будни. Подъём в шесть утра, учёба, тренировки, отбой строго в десять вечера. Дэн был в восторге. Каждый новый навык, каждый добавочный подход к турнику, каждая выдержанная сверх нормы перегрузка приближали его к исполнению мечты.

А мечтал Кэри о том, чтобы поскорее убраться с этой планеты, на которой он никому не был нужен.

4. ПОЧЕМУ МЫ ХОТИМ УЛЕТЕТЬ?

— Я с детства обожал родителей, восхищался ими, — признавался Дэн своему другу, молодому психоаналитику Джошуа Беллу. — У отца — хорошая карьера в солидной фармацевтической фирме, мать — домохозяйка, всегда красивая, ухоженная. Я думал, что их забота обо мне — это и есть любовь. Но в тот день, когда мне исполнился двадцать один год, отец сказал, что я теперь совершеннолетний и должен жить отдельно. Велел мне поскорее убраться, понимаешь? Я сперва подумал, что это шутка. Но они с матерью устроили мне настоящий ад, пока я не съехал на квартиру. С тех пор я их ненавижу. Боюсь, когда мой младший брат Том подрастёт, они поступят с ним так же.

Белл был сторонником жёстких методов терапии.

— Не понимаю, — ехидно заметил он, — почему ты так охотно рассказываешь об этом? На твоём месте мне было бы стыдно, что я

— сын идиотов!

— Но какая связь, — возмутился Кэри, — между тем, что родители меня не любят, и их интеллектуальным уровнем?!

— Прямая, Дэн. Умный человек всегда добр.

— С чего ты взял?

Джош пожал плечами.

— С того, что добрым быть гораздо выгоднее, чем злым. Должно быть выгоднее! Сам подумай: все тебя любят, никто не враг. Что может быть лучше? И кто умеет мыслить логически, прекрасно это понимает!

— Но они очень умные! Просто равнодушны к детям. Это бывает.

— Нет, Дэн, не бывает. Причина зла — всегда только одна: глупость. Как можно не любить собственных детей? Ведь жить рядом с чуждыми и неприятными — разрушительно для здоровья. А здоровье надо ценить превыше всего. Кто этого не делает — тот именно глуп!

Несмотря на боль, которая жила у него внутри, Дэну почему-то не хотелось соглашаться с другом.

— Ты говоришь так, будто они могут изменить себя!

— Так вот и плохо, что не могут! Надо изобрести методы коррекции личности. Надо научить людей жить и любить друг друга правильно!

Но Дэн ещё не знал, какие технологии вскоре грянут. Он просто смирился с тем, что отца и мать не переделаешь.

— Конечно, мы с братом страдаем, но выход здесь только в том, чтобы начать самостоятельную жизнь. А судьба родителей сложилась так, что друг друга они любят, а детей — нет...

— Никого они не любят, Дэн! Не должно быть на свете такой ущербной любви! Ты понимаешь, какой ужас следует из твоих слов? Выходит, человек не предназначен для счастья! Получается, главное — прийти в мир, выполнить миссию и кануть в небытие. И тогда — конечно! Пусть нас рожают те, кому никого рожать не надо. Вот спасибо им, всё-таки, дали жизнь!

— Это то, чему ты учишь своих клиентов, Джош?

— Да, Дэн. Никаких миссий не бывает, бывает убежание от себя. Не надо спасать человечество, его скоро спасут технологии. Жертвовать собой — это величайшая бессмыслица.

— Даже ради великой цели? Но почему?!

Белл не состоял в штате Центра Кеннеди. Ему не надо было воспитывать из курсантов послушных камикадзе. Поэтому он сказал

правду.

— Потому, что любая цель — это иллюзия. Культурный вирус, который размножается, пожирая наши жизни. Запомни, у нас нет ничего, кроме нас самих!

И тут Дэна что-то кольнуло. Чёрт с ними, с родителями, но вот он сам летит подвергать себя опасности. А ведь у него только одна жизнь!

— Джош, я, может, и желал бы, чтобы твои слова оказались правдой. Мне очень хочется быть любимым сыном. Но если бы все люди мыслили так, если бы балдели от любимых и плевали на дела, то не было бы подвигов и открытий. Мой отец — весь в своих новых лекарствах, мать — вся в заботах об этом мужчине, а мы, дети — просто отпрыски этих деревьев, цветущих заботой о человечестве. Если бы не было таких семей, если бы все использовали любовь только по прямому назначению, прогресс давно прекратился бы. Только сублимация всегда двигала цивилизацию и даже привела тебя сейчас к её отрицанию.

— Ты абсолютно прав, Дэн. Просто это правда из прошлого. Когда-то и каннибализм способствовал выживанию племени в голодные годы. Только теперь времена изменились. Пришла пора всем стать эгоистами!

Эти слова крепко запомнились Дэну. До старта экспедиции оставалось полгода. Напряжение нарастало.

5. БЕССМЕРТИЕ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

И вот однажды перед сном он смотрел новости.

— Международный Альянс за продление жизни и его председатель Обри ди Грей, при участии Нира Барзилая, Алексея Москалёва и Анки Йовиты сделали заявление.

"Извещаем мировую общественность, что совместные усилия биогеронтологов разных стран, наконец, привели к впечатляющим результатам. Впервые за всю историю борьбы со старением достигнуто радикальное продление жизни лабораторных животных. В частности, для специально выведенной разновидности быстро стареющих мышей зафиксировано увеличение средней продолжительности жизни на двести и более процентов. Мы рады заявить о начале испытаний на людях и приглашаем добровольцев от сорока лет и старше".

Дэн ещё со школы интересовался темой остановки старения. Он догадывался, что означает подобное заявление. То, что до сих пор

казалось несбыточным, приобрело реальные очертания.

— Сэр, а правда, что мы все можем погибнуть от одного маленького камешка, пробившего обшивку? — спросил однажды Дэн у сержанта Лестера.

— Не бойся, разгерметизация убивает мгновенно, ты не будешь страдать.

— Я не об этом. Дело не в боли.

Дэн помолчал.

— Мне стыдно признаться, сэр, но я боюсь умереть. А ведь когда мы полетим, смерть будет подстерегать нас повсюду.

— Не только смерть, но и слава, Дэн. Тебя ждут великие открытия, ты сможешь проложить дорогу всему человечеству!

Лестер положил руку на плечо курсанта.

— А насчёт смерти — мы ведь и так все когда-нибудь умрём. Так не лучше ли...

— А если не все, сэр?

— То есть?..

— Ну, если смерть вскоре отменят? И значит, умрут только те, кто не сумел дожить. Не уберёт себя, понимаете?

— Нет, не понимаю. Как можно отменить смерть?

"Значит, вы ничего не слышали" — хотел ответить Дэн, но помолчал.

Месяц или два он жил наедине со своими мыслями, ни с кем не делиась. Становился всё более замкнутым, и, чтобы избежать распросов, ещё усерднее выполнял задания. Но такая напряжённая внутренняя борьба не могла бесконечно протекать без последствий. Настал момент, когда его нервы не выдержали.

Дважды в неделю все курсанты совершали тренировочные прыжки с парашютом. Дэн давно преодолел первые страхи и ловко десантировался из самолёта в числе первых.

В один из дней будущей экипаж космического корабля отрабатывал приземление на воду. Два борта с курсантами, одетыми в пробковые жилеты поверх шерстяных комбинезонов, летели над атлантическим побережьем Флориды. Оставив позади остров Мерритт, самолёты развернулись и взяли курс в открытое море.

С парашютом на спине и запасным на груди, Дэн Кэри стоял у раскрытого люка, ожидая команду к прыжку. Метрах в пятистах под ним бежала поверхность океана, выписанная мазками лазурного и белого. Наблюдавшееся сегодня у берегов Флориды солидное волнение казалось с высоты всего лишь мелкой рябью.

И вдруг, следя за привычно серебрящейся внизу водной гладью, Дэн почувствовал, что теряет спокойствие. Он словно впервые осознал всю нелепость происходящего: имея твёрдую опору под ногами вдруг добровольно лишиться её и совершить смертельный прыжок, слепо доверяя такому вовсе не безопасному снаряду, как парашют. У него словно открылись глаза на происходящее, он просто не мог понять, ради чего уже десятки раз столь легкомысленно шагал в эту пропасть. Что-то в нём изменилось. Дэн понял, что никогда больше не будет столь безрассуден.

Почувствовав выступившую из-под шлема испарину, он украдкой вытер лоб рукавом комбинезона. Это не был страх, ведь он твёрдо решил не прыгать. Это был стыд оттого, что сейчас ему придётся при всех заявить о своём решении.

Где-то рядом слышался звучный тенор Эндрю Янга, того самого рослого китайца, который сбил его с ног в первый день. Он, конечно, будет издеваться больше всех.

— Что-то мне нехорошо, сэр, — прокричал Кэри сержанту Лестеру, перекрывая гул самолёта. — Можно сегодня не прыгать?

— В чём дело? Тошнит?

— Никак нет, сэр! — выпалил честный Дэн.

И тут же смутился:

— То есть, да... Немного, сэр.

— Что за дела, Кэри? Не прыгаешь — отойди в сторону!

Под насмешливыми взглядами товарищей Дэн прошёл к кабине пилотов и, не оборачиваясь, уставился в иллюминатор. До него долетел резкий голос Лестера:

— И ты тоже?! Да что с вами сегодня? Так, кто ещё отказывается? А ну, марш отсюда, все трое! Остальные готовы? Цепляйте карабины! Первый пошёл...

Через две минуты на борту остались только Лестер и четверо отказников. Как ни боялся Дэн острого на язык Янга, гораздо больше его угнетала необходимость рисковать жизнью. Той самой жизнью, которая, с недавних пор, перестала быть конечной.

6. БИТВА СУПЕРГЕРОЕВ

Интервью в студии Шепарда Кинга подходило к концу.

— Илон, вы сказали, что терраформирование Марса займёт не одну сотню лет. То есть, вы простираете свои планы гораздо дальше срока человеческой жизни. А сколько лет вы сами планируете продержаться на этой земле?

Маск погладил седеющие виски.

— Думаю, лет сто мне было бы достаточно. Ну, может, чуть дольше.

— Прекрасно! — воскликнул Кинг. — Я и сам рассчитываю на подобный срок. Но есть мнение, что люди говорят о возрасте, в котором хотели бы умереть, только потому, что пока не могут изменить это положение. Когда прогрессирует старение и близится смерть, естественной психологической защитой будет убедить себя в том, что тебе уже достаточно, правда? А теперь представьте, что вы и в сто лет будете таким же здоровым и полным сил, как сейчас.

— Но Шепард, это же абсолютно невозможно! — рассмеялся энергичный миллиардер.

— Вам надо пообщаться с Обри ди Греем. Он утверждает, что первый человек, который доживёт до 1000 лет, уже родился, и возможно, даже достиг шестидесяти лет.

— Тысяча? То есть, плюс ещё девятьсот к дряхлости и немощи? Предложите это кому-нибудь другому, я не мыслю свою жизнь без активности!

Кинг тактично оставил эти слова без комментария.

— Так вы действительно никогда не встречались с ди Греем? — спросил он, когда выключили камеры. — Я думаю, вам было бы интересно, ведь он тоже — один из пассионариев, меняющих этот мир. Возможно, вы откроете новые точки приложения для вашей бурной энергии...

— Что вы задумали, Шепард? — улыбнулся Маск. — Говорите прямо, у меня сегодня ещё куча дел.

— Хорошо, прямо — так прямо. Договорённость с ди Греем у нас уже имеется. Он сейчас в Индии но, благодаря вашим пассажирским ракетам, будет здесь, в Лас-Вегасе, меньше, чем через два часа. И то лишь потому, что надо ещё доехать до аэропорта!

— Думаю, — вставил польщённый Маск, — что, с некоторых пор, правильнее произносить "космопорт".

— О, я восхищён этим вашим новым проектом, Илон, — затараторил Шепард. — Мгновенные сообщения между континентами...

— А не проще ли провести видеоконференцию?

— Илон, публика обожают технические новинки. И если мы снимем вашего собеседника на выходе из ракеты...

— Ну, хорошо.

Маск взглянул на часы.

— Сейчас половина второго. До шести мы управимся?

— Можете быть уверены! Пару часов — на перелёт и столько же на съёмку. Итак, поезжайте сейчас в "Палаццо знаете, где это..?"

Маск кивнул.

— ... и проведите время в роскошном фитнес-центре отеля. Там даже есть 12-метровая стена для скалолазания, уверен, вы будете в восторге. Разомнёте мышцы, заглянете в спа-салон...

Маск поднялся из своего кресла и направился к выходу из студии.

— Маленькая деталь, — крикнул ему вдогонку Кинг. — Можно попросить вас создать в беседе побольше напряжения? Не стесняйтесь в выражениях, пусть это будет непримиримая борьба точек зрения. Зрители такое любят.

Пассажирская ракета с Обри ди Греем на борту приземлилась в аэропорту Маккарран, расположенном к югу от центра Лас-Вегаса, в неиндустриальной зоне Парадайз. Беспилотное такси Waymo доставило Обри в роскошный отель "Палаццо" в самом центре игровой столицы мира, где должна была состояться встреча.

Пока Маску делали массаж после тренировки, худощавый и бледный ди Грей, сильно смахивающий на героинового наркомана, устроился на террасе отеля и заказал себе американский пейл-эль.

Едва всё было готово для съёмки, появился спортивный, подтянутый Маск. Они поздоровались, и ди Грей вернулся к пиву, роняя пену на свою знаменитую рыжую бороду и закусывая острыми говяжьими колбасками. Скептически обзрев эту картину, Маск спросил, не готовят ли поблизости вегетарианскую еду.

Ему объяснили, что в "Палаццо" — четыре ресторана, в том числе, чисто веганский "Meatless". В их меню не было ни малейшего намёка на мясо, яйца и молочные продукты. "Здоровые блюда для гурманов" — так звучал девиз заведения. Маск попросил меню, сделал заказ и обратился к съёмочной группе:

— Я могу говорить всё, что хочу?

И, получив утвердительный ответ, продолжал:

— Обри, без обид: с этой рыжей бородой ты смахиваешь на идиота.

— Знаю, — кивнул ди Грей, вытирая усы, — но это — такой же бренд, как супертяжёлый Falcon на твоём аватаре в твиттере. Я же занимаюсь борьбой со старением. Ну, и должен постоянно как-бы намекать... Просто бизнес, ничего личного.

Маск расхохотался.

— Дружище, не обижайся, но, между нами, у тебя нездоровый вид. Глаза красные, как у твоих лабораторных мышей.

Тут ему принесли заказ: паштет из нута, чили нон карне и суп из

разноцветной чечевицы. Миллиардер протянул мускулистую руку за салфеткой.

— Приятного аппетита! — улыбнулся ди Грей.

И если Маск, между делом, косился на его пиво с колбасками, то геронтолог окинул неодобрительным взглядом бицепсы миллиардера и его веганскую еду.

— Я тоже хотел тебе кое-что сообщить. Ты молодец, Илон, заботишься о здоровье. Но, скажу откровенно, как геронтолог: ЗОЖ — это ерунда. Лечащий врач моей матери недавно умер от меланомы, хотя был заядлым спортсменом и вегетарианцем. А вот я не занимаюсь спортом, выпиваю по 2-3 пива в день, и регулярные обследования показывают: моё здоровье всё ещё в полном порядке, спасибо маме с папой. Понимаешь, главное — гены. Которые мы вскоре научимся собирать и разбирать, как конструктор. Знаешь, что такое все твои аэробные и анаэробные нагрузки, диеты с дефицитом калорий, закаливание и прочее?

— Это эликсир моей молодости!

Ди Грей улыбнулся.

— На самом деле, это обычные стрессы, который запускают так называемый "контур выживания". Такой древний молекулярный механизм, заставляющий всё живое при нагрузках и недостатке пищи замирать в состоянии молодости.

— М-м, паштет — просто объедение! — заметил Маск. — Прошу тебя, Обри, продолжай!

Ди Грей допил своё пиво, и подождал, пока официант заменит пустой стакан на полный.

— Дело в том, — пояснял он, прихлёбывая, — что в голодное время или пререживая катастрофу животное неспособно к полноценной половой функции и передаче генов. А часики-то тикают, ДНК мутирует, организм стареет. Ещё немного — и он станет негодным к размножению. Поэтому при скудном питании и высоких нагрузках организм научился производить особые белки — сиртуины. Они временно останавливают постоянно идущее старение, как бы консервируют ДНК, чтобы сохранить её до следующего периода изобилия, когда можно будет оставить потомство. Понимаешь теперь, почему физкультура и ограничение калорий стали так популярны?

— Допустим. Но какая разница, если фактически они омолаживают?

— Это — не омоложение, а жалкая отсрочка.

Тут ди Грей сделал одну из тех деликатных пауз, которыми всегда

сопровождается употреблением газированных напитков.

— Тебе за пятьдесят, Илон, мне — за шестьдесят, вот-вот начнутся возрастные заболевания. Диета и физкультура — это прекрасно, но они ещё никого не избавили от смерти. На это способна лишь "таблетка от старости". И мы скоро дадим её людям. Вот что изменит мир! А вовсе не твои чудеса техники.

— Кого интересуют какие-то там таблетки, Обри? Благодаря нашей бомбардировке, на Марсе уже началось повышение температуры и формирование атмосферы. Скоро туда полетят люди!

— Нет, Илон, — улыбнулся ди Грей. — Вот теперь — не полетят. Мы уже научились вдвое продлевать жизнь млекопитающим. Не круглым червям, не дрозofiлам, а теплокровным, понимаешь? Механизмы известны, лекарства готовы, можно переходить к испытаниям на людях.

— Так испытывайте! Но люди хотят ощущать себя творцами, формирующими планеты. Они пойдут за нами! Мы снарядим караваны ракет и ринемся покорять Солнечную систему.

— А помнишь Илон, как ты сказал однажды?

"Мы с вами не успеем увидеть плоды колонизации Красной планеты. Терраформирование — слишком длительный процесс для нашего жизненного цикла".

— Совершенно верно, — согласился Маск. — Но можно утешаться тем, что в будущем какая-нибудь космическая цивилизация обнаружит наши руины, и они будут потрясены тем, как далеко мы зашли!

— Вот так люди и рассуждали веками. Это называется "смертническое отношение к жизни". На самом деле, тут — очень слабое утешение, Илон. Утешение самоубийц. И я рад, что оно больше не работает.

— Почему?

— Да потому, что если рисковать конечным существованием вполне допустимо, то бессмертием — нет. Ни ради чего. Бессмертие само по себе — высшая ценность.

— При чём тут бессмертие? Вы всего лишь вдвое продлили жизнь лабораторным мышам, даже испытания на людях ещё не начаты! Обри, дружок, ты просто перебрал пива.

— Да? А вот это ты видел?

И ди Грей показал Маску заголовок статьи в интернете:

"Экономисты бьют тревогу. По всему миру начался массовый выход людей из опасных профессий".

— Ты понимаешь, — продолжал борец со старением, — что это из-

менит всё? Представь: мужчин спортсменов, завоевателей, мужчин агрессоров больше не будет. Останутся одни зайчики!

И ди Грей развязно подмигнул Маску.

— В преддверии готовящейся бессмертизации люди будут избегать малейших рисков. Ведь тот, кто по глупости погибнет у самой цели, будет не просто неудачником, а вечным неудачником, понимаешь? Так что, мои маленькие белые мышки изменяют мир сильнее, чем все твои караваны ракет!

Он принялся за третий стакан пива, и режиссёр дал знак операторам, чтобы его больше не снимали.

7. ПОЛТОРА МИЛЛИАРДА СЕКУНД

Маск со звоном швырнул на стол нож и вилку, встал и, не прощаясь ни с кем, решительно направился туда, где оставил машину. Он был в ярости.

— Передайте Кингу, — бросил он сквозь зубы бежавшему за ним секретарю телекомпании, — что я в его студию больше ни ногой, пусть даже не мечтает!

Прямо из подземной стоянки можно было попасть в скоростной тоннель длиной 270 миль, соединяющий Лас-Вегас с Лос-Анжелесом. Он позволял безопасно перемещаться на автомобиле со скоростью до 150 миль в час. Пространство было узким, и чтобы предотвратить соприкосновение с ограждающими бордюрами, в тоннель допускались только машины, оборудованные маленькими боковыми колёсами, обеспечивающими стабильность на высоких скоростях.

— Домой! — велел Маск автопилоту.

Дорога должна была занять чуть меньше двух часов. "Как, всё-таки, долго мы ещё ездим!" — подумал Маск, и, подсчитывая в уме, во сколько обойдётся ему постройка "Гиперлуна" между городами, задремал.

Проснувшись через полчаса, он связался по Скайпу с офисом SpaseX и включился в идущее там совещание.

— Что с курсантами, как происходит подготовка?

— Всё по плану, Илон, — сообщил помощник Маска, Райан Смит, — но есть одна проблема. Четверо хотят выйти из проекта.

— Как это могло случиться? Вы же уверяли меня, что отобрали самых надёжных!

— Пока неизвестно, в чём дело. Началось с отказа от прыжков с парашютом, потом стало ясно, что они полностью потеряли интерес к полёту.

— Но четверо — это ещё не проблема, верно?

— Да, конечно. Пока у нас есть запас, ракета вмещает только сорок человек. Но если так пойдёт дальше... Простите, мне звонят.

Смит приложил трубку к уху. Маск видел, как лицо помощника помрачнело.

— Что-то серьёзное, Райан? — спросил он, когда тот убрал телефон обратно в карман.

— Увы, да. Мне только что сообщили, что отказались ещё трое.

— Это очень плохо! До старта остаётся месяц, нужно срочно что-то предпринять.

— И мы, наконец, узнали причину. Всё дело — в набирающей обороты массовой истерии вокруг отмены старения.

— Ди Грей! — с досадой воскликнул Маск. — Я только что имел удовольствие наблюдать, как он накачивается пивом.

— Этот сукин сын трубит по всему миру, что достиг пренебрежимого старения у мышей и перешёл к опытам на людях. Серьёзные заявления! В его пользу говорит и то, что старение официально признано заболеванием и включено в перечень МКБ-12.

Маск мгновенно уловил суть.

— Значит, теперь в борьбу включатся крупные игроки. Раз это болезнь и от неё можно продавать лекарства, большая фарма немедленно придёт на рынок. Конечно, девяносто процентов препаратов, как обычно, будут пустышками, но миллиардные инвестиции не пройдут даром. Эффективные средства вскоре будут созданы. А теперь, господа, давайте вместе подумаем, чем всё это нам грозит?

Слово взяла исполнительный директор SpaceX Гвинн Шотвелл.

— Увы, бессмертие — очень плохая идея для большинства наших стартапов, Илон. Нам ведь нужны преданные сотрудники, готовые трудиться, не жалея себя? Так вот, их у нас больше не будет!

— Я догадывался об этом. Но интересно услышать ваши аргументы, господа. Кто ещё хочет высказаться?

— Это настолько новая область, — сказал один из инженеров, Джереми Холлман, — что я могу только строить догадки. Но очевидно, что рисковать жизнью ради некой цели можно лишь в случае, если ощущаешь её объективно более важной, чем сохранение себя. И до сих пор большинство целей легко можно было преподнести нужным образом. Ведь каждый человек неминуемо стареет и умирает, и если, взамен скоротечной жизни, дать ему шанс оставить после себя что-то на века, солдат пойдёт калечиться за родину, учёный не поборется радиоактивного облучения, колонист охотно отправится на

Марс. Они умрут героями, зная, что жива отчизна, наука и великое дело колонизации космоса.

Райан Смит согласно кивнул.

— Вот именно! — подхватил он. — Но как вы заставите людей рисковать жизнью, если она перестала быть конечной? Что может быть важнее для полноценной, актуализированной личности, чем она сама?

Маск сделал нетерпеливый жест.

— Да что угодно! Например, всё та же цель впереди.

— Цель, которой ты сам никогда не достигнешь? — покачал головой Смит. — Нет, Илон, психологически зрелый человек стоит в центре своей Вселенной. Он хочет утвердить себя, и рассматривает любые возможности как инструменты такого утверждения. Пока вечное продление самости было невозможно, человеком двигали иллюзии продолжения рода, посмертной славы, пользы для общества. У нас просто не было другого выхода: либо цинично смириться с бессмысленностью существования, либо придать ему иллюзорный смысл через цели, выходящие за пределы нашего бытия. Бог, истина, потомство — всё, чем ты так и не воспользуешься в реальности, канув в небытие, но чему посвятишь свою короткую жизнь, отчаянно отрицая, тем самым, эту краткость.

— То есть, если отнять у жизни скоротечность, индивида перестанут привлекать вне его лежащие цели?

— Здорового индивида — да. Ну, давайте подумаем, кому инстинкт самосохранения — не указ? Только сумасшедшим! Хотя пока люди смертны, они все — хоть немного безумны. Нас сводит с ума мысль о скором обращении в ничто...

— И значит, проводить с курсантами беседы, объяснять величие нашей миссии...

— ... абсолютно бесполезно, если они действительно уверовали в скорую бессмертизацию. Собрать вместе деморализованный сброд и начать предлагать им героизм вместо бессмертия — абсолютно провальная идея. Это приведёт только к росту количества отказов.

— А если ограничить им доступ к информации? — предложила Шотвелл. — Думаю, это реально.

— Технически — да, — согласился Смит. — мы можем поставить глушители мобильного интернета, обрубить все прочие каналы связи. Но это вызовет бунт, панику...

Маск несколько секунд молчал, размышляя.

— Что ж, на сегодня достаточно, совещание окончено. Спасибо

всем, господа! Смит, я уже скоро подъеду, дождись меня. Нам надо поговорить с глазу на глаз.

— Итак, Райан, — сказал Маск, когда они остались наедине, — у нас остаётся единственный выход. Ты догадываешься, какой?

— Думаю, да. Вы имеете ввиду вмешательство на уровне препаратов?

— А что делать? — развёл руками Маск. — Мы не можем провалить проект накануне старта. Нам нужны послушные исполнители, и они у нас будут. Кстати, ведь есть ещё Нейролинк! Пришло время использовать нами же изобретённые технологии.

Маск снова задумался.

— Ты помнишь, сколько раз я высказывал опасения, что человечество поработит искусственный интеллект? Но похоже, прежде мне самому придётся стать монстром, властвующим над умами.

На лице миллиардера не было ни тени внутренней борьбы. Его охватил азарт бизнесмена.

— Райан, надеюсь, ты понимаешь, что мы с тобой — в одной лодке. Если провалится колонизация Марса, тебе придётся снова надеть комбинезон испытателя "Теслы". Поэтому завтра утром ты должен предоставить мне план. Даю тебе карт-бланш, делай, что хочешь, накачивай их наркотиками, но чтобы через неделю ракета с полным экипажем ушла к Марсу. По дороге они протрезвеют от своих фантазий и начнут работать, как положено.

Когда Смит вышел, Илон мгновенно сбросил маску энергичного руководителя и в изнеможении опустился в кресло. Непонятно, как этот человек ещё держался. Ведь он годами спал по четыре-пять часов, и даже этот короткий сон отнюдь не был безмятежным. Нервы генерального директора SpaceX были расстроены постоянным приёмом стимуляторов.

"А что, если ди Грей — не мошенник, и я тоже, как и все, перестану стареть?"

Маск вспомнил о том, как они с Граймс хотели пожить ещё немного на Земле, а потом отправиться на Марс, чтобы окончить там свои дни.

"Но если не будет больше такого понятия, — окончить дни, — что тогда?"

Чёрт возьми, это рушило все планы! Ну кто мог подумать, что жизнь, в итоге, перестанет быть конечной?

Маск закрыл глаза и увидел перед собой тощую фигуру бравого Дон Кихота от геронтологии, чей безрассудный наскок на мельни-

цу старения, похоже увенчался успехом. Огромная рыжая борода, воспалённые веки, отчего глаза у него были почти такими же красными, как у его лабораторных мышей...

И вдруг Илона поразила неприятная догадка. А что, если вся эта грандиозная энергия, весь запал, поднявший его до тех высот, где правят миром, равно как и все их с Граймс планы улететь вместе на Марс, чтобы, в конце концов, околоть на Красной планете — что, если всё это берёт начало из одного-единственного мутного источника: тоски по безвозвратно убегающему времени?

Маск прислушался, как тикают над столом механические стенные часы, отсчитывающие мгновения его жизни. Сколько ему ещё осталось, лет пятьдесят? Да и то в самом лучшем случае! Как это ничтожно мало, всего полтора миллиарда секунд! Гораздо меньше, чем у него было долларов. Он приложил нечеловеческие усилия чтобы заработать эти деньги, так неужели не потратит теперь пять минут, чтобы спустится в аптеку за коробочкой ювенирующих капсул?

Когда речь шла о единоборстве с другими людьми или обстоятельствами, у Маска почти не было соперников. Но воевать с собственной природой было бессмысленно. Впервые в жизни этот великий человек понял, что проиграл.

8. ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ

Дэн очнулся в полутёмной каюте. Он лежал на спине, привязанный к ложу ремнями. Над ним изгибался низкий стальной свод потолка. Спрятанные где-то голографические источники света наполнили воздух тусклым голубоватым свечением.

Непонятно, с чего это вдруг он решил заночевать в тренировочном макете? Чувствуя позыв в туалет, Дэн на ощупь расстегнул ремни, медленно поднялся и сел на узкой кровати. Ужасно болела голова. Может, была какая-то вечеринка? Странно, он ничего не помнил про вчерашнее. Воспоминания обрывались на тайном собрании курсантов, где все приняли решение никуда не лететь.

Второе место в каюте тоже было занято. Приглядевшись, Кэри узнал торчащие из-под одеяла носки с узорами в виде каннабиса на широких, крепких ступнях. Соседнюю койку занимал громко сопевший во сне Эндрю Янг.

Дэн вспомнил их первое знакомство, это ощущение шершавого бетона, оцарапавшего ему щёку. И, как в тот раз, ища облегчения от головной боли, прислонился затылком к холодной переборке отсека.

Во всём теле была непонятная тяжесть, как будто за ночь он вдвое прибавил в весе.

И вдруг помещение резко трянуло, так, что его сосед по каюте застонал, видимо, ударившись головой о переборку. Дэн только сейчас заметил, что откуда-то снизу доносится монотонный гул с примесью свиста. Звук был негромким, но в нём чувствовалось упругая энергия. Похоже, где-то поблизости работал мощный двигатель.

— Кто здесь? — услышал он голос китайца.

Тут их снова трянуло, уже не так сильно. Но именно от этого лёгкого толчка Дэна пронзил леденящий ужас. Он вдруг понял, откуда взялась эта непонятная тяжесть во всём теле. Так ощущается ускорение набирающего ход космического корабля.

Кэри с трудом преодолел расстояние в несколько шагов до соседней койки и принялся трясти Янга за плечо.

— Эндрю, проснись! Они запустили нас, слышишь?

Янг заметался, скованный ремнями, и в этот самый момент гул двигателей пошёл на спад, постепенно растворяясь в тишине. Дэн чувствовал, как тяжесть стремительно уходит из его тела. Через несколько секунд он сделался невесомым и, оттолкнувшись ногами, легко взмыл к потолку.

Около часа спустя большая часть экипажа собралась в центральном отсеке корабля, специально предназначенном для защиты от жёсткого излучения при солнечных вспышках.

— Что будем делать? — спросил кто-то.

— Теперь только план "Б" — уверенно сказал Дэн. — После разгона в баках должно было остаться немного горючего для посадки на Марсе. Достаточно, чтобы развернуть ракету. Пока мы ещё близко к Земле, надо попробовать!

— Но если мы сожжём топливо, нам не на чем будет садиться!

— Мы всё равно не смогли бы этого сделать. Система настроена на посадку только на Марсе, а приземлиться вручную никто из нас не сможет. Остаётся одно: выйти на околоземную орбиту и запросить помощь.

— Неизвестно, чем всё это кончится. Маск вполне может просто уничтожить нас ракетой ПВО.

Дэн обвёл глазами присутствующих.

— Значит, летим к Марсу? Кто "за" — поднимите руку. Никого? Тогда за дело, ребята!

Но когда Кэри, Янг и ещё несколько человек достигли хорошо знакомых им по учебному макету дверей рулевой рубки, их встре-

тила глухая стена. Руководство полётом дальновидно позаботилось о том, чтобы механизм управления не попал в руки взбунтовавшихся курсантов.

Теперь впереди у них было только отчаяние.

А ровно через сто двенадцать дней пресс-служба Центра Кеннеди сделала трагическое заявление.

— Big Falcon Rocket с колонистами на борту, успешно достигнув Марса, разбилась при посадке. Руководство компании выражает соболезнование семьям погибших...

ЭПИЛОГ

Уже через месяц приёма ювенирующих препаратов у Маска значительно улучшились показатели крови. Отступил начинавшийся диабет, бесследно пропала аритмия, ушли головные боли, мучившие его в последнее время из-за проблем с сосудами. Он заметил, что стал чаще просматривать свои молодые фотографии, представляя, что снова станет таким, как в сорок, тридцать, двадцать пять лет. Но ди Грей объяснил, что это случится ещё нескоро. Первое поколение лекарств пока не умело бороться с дегенеративно-дистрофическими изменениями в скелете. Наросты на лицевых костях, старческое увеличение ушей и носа — всё это пока оставалось при нём.

— Придётся немного потерпеть, Илон. Некоторое время мы все будем выглядеть жутковато: юная кожа на старческом лице. Но сейчас главное — остановить развитие возрастных заболеваний, которые нас убивают. Тогда мы сможем спокойно дожидаться более совершенных методов омоложения, которые вскоре появятся.

Маск каждое утро разглядывал себя в зеркале, не зная, грустить ему, или радоваться.

"Старик с кожей младенца"— думал он. — "Скоро и вести себя по-детски начну".

И это оказалось правдой. Илону всё меньше хотелось уделять внимание работе. Он без зазрения совести дрыхнул по восемь-девять часов, играя ночами в Play Station, а потом отсыпаясь до одиннадцати.

Но самое удивительное, что на работе SpaceX и Tesla это практически не отражалось. Автоматизация уже зашла так далеко, что большинство персонала работало просто по инерции. И то же самое происходило по всему миру. Большую часть руководства и рядовых сотрудников любых компаний можно было теперь навсегда распустить по домам, безо всякого ущерба для производства.

На следующий день после трагической гибели колонистов была назначена большая встреча с журналистами. Маск уже три месяца не давал никаких интервью, но сейчас его убедили, что момент настал.

— Как вы прокомментируете провал вашей марсианской программы? Будут ли новые запуски? Вы планируете вернуть на Землю останки погибших?

Маск поднял обе руки, призывая всех к тишине.

— Господа, — сказал он с улыбкой, — присмотритесь ко мне внимательнее. Вы ничего не замечаете?

По залу пробежал ропот.

"... что у него с лицом? ... какая-то странная подтяжка..."

— Илон, вы сделали пластическую операцию?

— Нет. Ещё варианты?

— Значит, ювенация! — догадался кто-то.

— Вот теперь верно. И отныне именно это — смысл моей жизни.

— Вы уходите из бизнеса?

— Мы все из него скоро уйдем. Готов поспорить, что многие из вас уже подумывают о начале приёма препаратов.

— Каких именно, Илон?

Маск усмехнулся.

— Господа, вы отстали от жизни. Препараты теперь могут быть только одни. Обри ди Грей доказал нам, что единственное реальное средство от всех болезней — это омоложение. Только оно останавливает дегенерацию тканей организма, приводящую, в конце концов, к раку, инфаркту, диабету и всему прочему. Любое другое лечение — это полумеры.

Маск сделал паузу, медленно обводя глазами притихшую журналистскую братию.

— А ещё я прекрасно знаю, что все вы собрались здесь просто от скуки. В СМИ давно не требуются люди-сотрудники, обзоры пишут нейросети, интервью берут роботы. Скоро мы станем счастливыми бездельниками!

— И даже Обри ди Грей со своими учёными? — насмешливо спросила молодая латиноамериканка в первом ряду.

— Естественно, и они тоже! — кивнул Маск. — Ведь основную часть работы по моделированию лекарств давно выполняют квантовые компьютеры.

Он говорил очень спокойно, как человек, у которого сегодня ещё масса свободного времени. От прежнего, энергичного и дерзкого вер-

шителя судеб планеты не осталось и следа.

— Я искренне сожалею, что явился причиной гибели четырёх десятков ни в чём не повинных людей. SpaseX приняла решение выделить десять процентов своих активов на выплату компенсаций семьям погибших. Это огромная сумма! Но наш главный долг теперь — сделать всё для того, чтобы вернуть их к жизни. Мы уже снаряжаем ракету к месту катастрофы. Температура там сейчас — около минус семидесяти градусов, так что останки погибших надёжно защищены от разложения. Роботы доставят их домой, и возможно, вскоре технологии помогут оживить несчастных. По крайней мере, я на это искренне надеюсь!

Маск сделал знак, что пресс-конференция окончена.

— И последнее, друзья. Если мы с вами ещё когда-нибудь встретимся, в чём я сильно сомневаюсь... В общем, у меня просьба. Никогда больше не спрашивайте меня о Марсе. Отныне все мои цели здесь, на Земле!

... ∞ ...

Игорь Тарасенко

рассказ

«Ошибка Рэя Брэдбери»

В офисе главы Apple Тима Кука шла пресс-конференция. Сюда, на северную окраину Лос-Анжелеса близ 405-й автострады съехали представители всех популярных американских СМИ. Из окон здания, построенного на вершине изящного хребта Санта-Моника, открывались захватывающие виды по всем направлениям. Исключение, до недавнего времени, составлял только вид на саму автостраду внизу, которая в любое время суток представляла собой огромную пробку. На протяжении многих миль вереницы машин тянулись по ней бампер к бамперу, отравляя воздух бензиновыми выхлопами.

Всё изменилось в 2023 году, когда начался массовый выход беспилотников на дороги США. Каршеринг стремительно вытеснял автовладение, машин на дорогах становилось всё меньше, ведь каждая обслуживала сразу несколько семей. К тому же, исчезли парковки: беспилотникам некогда было простаивать, они разъезжали непрерывно.

Так что, в этот вечер участники конференции наслаждались свежим воздухом и прекрасным видом.

— Газета "Вашингтон пост мистер Кук. Скажите, правда ли, что Apple решила полностью отказаться от форм-фактора смартфона?

— Да, это общемировая тенденция, — подтвердил Кук своим тихим голосом, — и мы не можем оставаться в стороне. Все производители гаджетов переходят на новые, универсальные устройства. И не только они. Вы заметили, что из магазинов постепенно исчезают компьютеры, телевизоры и другая мультимедийная электроника? Вместо всего этого на рынок выходят смарт-линзы, которые в течение ближайших лет будут заменены беспроводным подключени-

ем к мозгу. Носимая электроника станет имплантируемой. Прогресс приобретает грандиозные размеры!

— Тогда позвольте насчёт прогресса, мистер Кук. Вопрос от телеканала Си-Эн-Эн. Как вы считаете, высказывание покойного Рэя Брэдбери насчёт вашей продукции по прежнему актуально? Я процитирую:

"Люди – идиоты, они сделали кучу глупостей. Одна современная штука вроде айфона мощнее, чем когда-то все компьютеры NASA. С такими возможностями мы могли бы уже сейчас бороздить космос. Но люди не хотят запускать космические корабли. Они хотят запускать Angry birds".

Худощавый, улыбчивый Тим Кук понимающе закивал.

— При всём моём уважении, не могу согласиться с великим писателем. Я уверен, что если вы заглянете в будущее и спросите, что было самым большим вкладом Яблока в человечество, это не будут телефоны для запуска птиц. Это будет здоровье и безопасность.

— Вы говорите о системе Умный день?

— Да, и создать её помог наш солидный опыт мониторинга. Смарт-часы и браслеты давно контролируют давление и пульс, они способны делать анализ крови и прогнозировать сердечный приступ. Но Умный день выведет заботу о человеке на новый уровень. Мы готовим людям абсолютно безопасный мир, без преступлений, катастроф и болезней.

Это заявление вызвало бурю вопросов.

— Скажите, Тим, это будет мир тотального контроля? — наперебой выкрикивали журналисты. — Мы все теперь под колпаком у Большого Брата? Пророчество Оруэлла сбылось?

— Господа, — ответил Тим Кук, — я абсолютно уверен, что тотальный контроль за взрослыми людьми недопустим.

В зале раздались бурные аплодисменты.

— Bravo, мистер Кук!

— Благодарю! Кстати, рад сообщить что наша новая разработка получает признание не только в Америке...

В прошлом месяце Марк Анатольевич Овцеедов, по примеру других актёров театра, установил себе систему Умный день. Он толком не интересовался, что это такое. Говорили, что похоже на Умный дом, только — повсюду. Искусственный интеллект нового поколения,

который постоянно находится рядом, анализирует мимику, взгляды, окраску голоса, умеет понимать и даже контролировать эмоции.

С утра Умный день будил их с женой постепенным нарастанием освещённости в спальне. Потом весь день внимательно наблюдал за хозяевами, анализируя уровень стресса, и при критических значениях предлагал сделать перерыв. Считалось, что технология особенно помогала школьникам и студентам. Если учащемуся становилось скучно, Умный день незаметно менял что-то в обстановке, корректировал стиль занятий, возвращая, таким образом, интерес и продуктивность.

Овцеедову же больше всего нравилось, как вечером, после работы, Умный день возвращает ему бодрость, проецируя на стены в гостиной отрывки из любимых комедий.

Систему устанавливали всем желающим, сдавая в аренду за символические деньги. Подозрительного Овцеедова настораживал бесплатный сыр, но коллегам нравилось удобство, они без конца слали Марку в соцсетях приглашения на установку, и он, наконец, решился.

Перемены к лучшему начались сразу же. Благодаря постоянному антистрессу они с женой стали реже ссориться, а сам Марк Анатольевич, которому теперь личный электронный психолог по несколько раз в день снимал усталость, почувствовал заметный прилив сил.

Но самой важной частью системы была её медицинская составляющая.

Проснувшись сегодня утром, Овцеедов, как обычно, направился в ванную. Он умылся, почистил зубы и сел на электронный унитаз, совмещённый с лабораторией. По рисунку анального отверстия, столь же уникальному, как радужная оболочка глаза, Система определила пользователя. Искусственный интеллект проанализировал отходы жизнедеятельности, а также сделал неинвазивный анализ крови, прямо через кожу, без прокола, и выдал результат.

— Ваши показатели в норме. Сахар, холестерин, витамины — всё в полном порядке. Пожалуй, микрофлора кишечника слегка разбалансирована, вам нужно есть больше овощей. Мы известим вашего кухонного робота.

— Это всё?

— Да. Остальное — незначительные детали.

— Какие именно?

— М-м-м, — протянул автомат, — это специфическая информация, не все воспринимают её адекватно...

— Что-то серьёзное?

— Нет, уверяю вас, для беспокойства нет совершенно никаких причин.

— И всё же..?

— Ну, хорошо. У вас в средней доле правого лёгкого обнаружено начальное скопление раковых клеток. Очень маленькое, не волнуйтесь. Лимфоциты, наверняка, и сами справились бы. Но мы, на всякий случай, направили туда дозу нанороботов.

— Значит, у меня уже начинается, да? — испуганно пробормотал Марк Анатольевич.

— Да нет же! Говорю, не надо вам было этого знать, только беспокоиться зря начнёте.

— Будешь тут беспокоиться...

— Это всё от непонимания. Дело в том, что раковые клетки постоянно образуются в любом организме, начиная с рождения. Здоровая иммунная система прекрасно борется с ними, и у вас с этим всё в порядке. Просто возраст... Всё-таки, сорок девять лет, надо быть внимательнее. Но, уверяю вас, очаг уже ликвидирован.

— Надеюсь, вы не передадите никому эти данные?

Возникла небольшая пауза.

— Марк Анатольевич, все, кто установил систему Умный день, автоматически становятся участниками программы Apple по охране здоровья. Результаты их утреннего тестирования отправляются в облачное хранилище. Там они находятся в открытом доступе под защитой блокчейна, чтобы злоумышленники не могли внести изменения. Квантовое шифрование принципиально невозможно взломать, ведь если вы перехватите информацию, это сразу станет известно всем участникам сети, и тогда...

— Подождите, я не понял, — перебил Овцеедов, — вы только что выложили мои анализы в интернете?

— Не только их. Здесь, в ванной комнате установлены три видеокамеры высокого разрешения. А всего их в квартире шестнадцать. Они снимают двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. И все материалы выкладываются...

— Что? Вы с ума сошли?! Значит, мои зрители и коллеги смогут увидеть, как я хожу по дому в трусах, испражняюсь и занимаюсь любовью?

— Сегодня этим никого не удивишь, Марк Анатольевич. Всех жителей Земли постоянно снимает с разных точек множество камер. Это необходимо по соображениям безопасности.

— Какой позор! Значит, теперь люди могут свободно наблюдать друг друга в самые неприглядные моменты?

— Почему неприглядные? Что естественно — то не безобразно. Подумайте о врачах, которые каждый день видят людей без прекрас. Разве они начинают от этого презирать своих пациентов?

— Но я не желаю, чтобы за мной наблюдали!

Овцеедов мог бы поклясться, что слышал, как из динамика системы Умный день раздался саркастический смешок.

— А почему, собственно? Разве вы совершаете что-то плохое, то, что хотели бы скрыть? Так не делайте этого! А если вы просто стесняетесь прилюдно удовлетворять физиологические потребности, значит, пардон, надо лечиться от комплексов. Опять же, вспомните врачей, для которых мочеиспускание и дефекация, мастурбация и половой акт, менструация, рвота — всё это обыденные физиологические процессы, не вызывающие нездорового интереса.

Скажу вам больше. Это сейчас человеческий организм устроен так, что самая свежая и вкусная еда перерабатывается в зловонные экскременты. Но биоинженерия не стоит на месте. При достаточно глубоком вмешательстве в физиологию мы сможем заменить, ну скажем, каловые массы на йогурт. Диаррея будет таким же весёлым явлением, как праздничный фейерверк. А с отменой заболеваний, передающихся половым путём, секс сделается чем-то вроде приветствия между людьми всех возрастов. Поверьте, людскую нравственность ждут большие перемены!

Овцеедову не давала покоя мысль о том, что электронный глаз медицинского робота только что в подробностях изучил его анальное отверстие и то, что оно извергло.

— Так вот, помните о разгуле, который вскоре предстоит, и не переживайте. Это ведь только цветочки. Вы быстро привыкнете к тому, что частной жизни больше не существует. Отныне все самые интимные секреты любого человека будут выставлены на всеобщее обозрение. Эпоха privacy подошла к концу.

— Но зачем? К чему весь этот вселенский стриптиз?

— Нужен, Марк Анатольевич. Жизненно, можно сказать, необходимо.

— Пойдите, вы что-то говорили о безопасности. Хотите сказать, всё дело в ней?

— Абсолютно верно. Тотальный контроль и отмена частной жизни необходимы прежде всего по соображениям удобства. Если мы будем мониторить всё пространство, за исключением спален и туалетов,

именно в них и будут совершаться преступления. Кстати, помните, как вы вчера собрались всем коллективом у кабинета художественного руководителя, чтобы плюнуть в лицо стукачу?

— Ну, эту сволочь Берковича давно надо было проучить...

— Согласен. В современном мире больше нельзя вести себя как свинья. Не получится просто. Одно дело — беспристрастный отчёт о событиях, который предоставляет Система, не отдающая никому предпочтений, и совсем другое — угодливое враньё любителя вылизывать директорский зад, правда же? А теперь скажите, как вам удалось явиться ровно в тот момент, когда Аркадий выходил от шефа, и даже услышать обрывок их разговора, ясно изобличающий Берковича?

— Да не обрывок, нам Славик полностью их беседу в прямом эфире дал послушать.

— Вот как? Прекрасно. Ну и..?

— Что? — не понял Овцеедов.

И вдруг до него дошло.

— Как же это? Выходит, Славик в кабинете жучка поставил?

— Славик тут совершенно ни при чём. Жучки теперь стоят повсюду. Была система Умный дом — стала Умный день, а скоро всё это сольется в единую сеть глобального контроля.

— Умный мир? — усмехнулся Овцеедов.

— Отличное название! Не хотите запатентовать, Марк Анатольевич?

Сегодня у Овцеедова не было ни репетиции, ни спектакля.

"Зайду в отдел кадров" — подумал он — "больничный сдам. А заодно и в кассу".

Тем, кто давно служил в театре, было трудно идти в ногу с быстро меняющимися временами. Марк Анатольевич, как и многие ветераны сцены, предпочитал получать зарплату не на карточку, а в руки.

"Интересно, сколько теперь у неё в сейфе?" — думал он, глядя на кассиршу. — "Ну, допустим, мои шестьдесят тысяч, у начальства — побольше, а у кого-то — сорок — сорок пять. Тех, кто получает наличкой, у нас — около полусотни. Хм, приличная сумма там сейчас, за этой железной дверцей".

В кассу была небольшая очередь. Овцеедов встал третьим и приготовился ждать.

Из задумчивости его вывел странный шум. Кто-то невидимый бежал по извилистому театральному коридору. Топот приближался. Из-за поворота выскочил мужчина в чёрной маске с прорезями для глаз. В руке он сжимал округлый предмет размером с яблоко. Марк Анатольевич похолодел.

— Никому не двигаться! — крикнул запыхавшийся грабитель. — У меня граната! Всё, что есть в кассе — сюда, живо!

Он просунул в окошко синюю спортивную сумку. Кассирша выгребла наличность из сейфа на стол и принялась набивать сумку пачками денег. У Овцеедова бешено колотилось сердце, но, он, тем не менее, успел заметить, как налётчик и кассирша обменялись быстрыми взглядами. А приглядевшись внимательнее, он вроде бы даже опознал и самого преступника, который очень напоминал монтировщика декораций Андрюху.

Впрочем, главное было в другом. Марк Анатольевич вспомнил утреннюю проповедь Системы. Как он и ожидал, все её заверения оказались бредом.

"Хороша безопасность! Андрюха-то похоже в сговоре с кассиром. А если у него и вправду граната?"

Наконец, месячная зарплата доброй половины театрального коллектива переключившись в сумку. Мужчина в маске утрамбовал денежные пачки, взвизгнул молнией и бросился бежать обратно по коридору.

Его никто не остановил. Вдалеке хлопнула тяжёлая входная дверь.

"Где охрана-то, чем они там занимаются? М-да, вот тебе и тотальный порядок".

Две женщины, стоявшие перед ним в кассу, тихо плакали друг у друга на плече от пережитого ужаса. Овцеедов философски пожал плечами.

"Пойду в бухгалтерию, попрошу, чтоб деньги мне теперь на счёт переводили"— решил он.

Тем временем, Андрюха с сумкой через плечо осторожно выскользнул из дверей парадного входа. Он уже снял маску и, как ни в чём не бывало, спускался с крыльца, когда в кармане у него раздалось короткое дилиньканье. Он достал телефон. Сообщение было из банка: мол, внесите платёж, чтобы не допустить просрочку.

Андрей удивлённо поднял брови: никаких кредитов на нём сейчас не было. Он свернул в театральный сквер, уселся на скамейку,

открыл платёжное приложение и обалдел.

Сумма задолженности составляла два с половиной миллиона рублей. Но ещё интереснее было то, что погасить её требовалось сегодня.

Парень начинал догадываться. Он ещё раз пересчитал нули и помрачнел. Потом поймал такси, добрался до дома, поднялся в квартиру, запер за собой дверь, не разуваясь, прошёл в спальню и вытряхнул деньги из сумки на кровать.

Два миллиона пятьсот сорок тысяч. Именно такую сумму с него требовал банк.

Андрюха с досадой швырнул на пол пустую сумку.

И тут как раз зазвонил мобильник. Прежде, чем он успел сбросить незнакомый номер, телефон самостоятельно принял вызов и поставил его на громкую связь.

— Здравствуйте, Андрей Викторович! С вами говорит министерство социального рейтинга. Сегодня в одиннадцать часов три минуты вами совершено противоправное деяние. По факту ограбления кассы по адресу ул. Пороховая, дом 1 вынесено постановление: вы обязаны выплатить сумму украденного в течение суток.

— Да вы чё там, обкурились? Какое ограбление? Я...

— Мы знаем, что деньги у вас на руках, — перебил робот, — и в данную минуту лежат на кровати в спальне.

Потрясённый Андрей прикусил язык.

— Так вот, в случае отказа от уплаты штрафа составит десять тысяч рублей в сутки. А просрочка более трёх дней приведёт в действие автоматическую систему взыскания.

Андрей стоял сейчас возле окна и видел, как маленький беспилотный автомобиль с надписью "полиция" медленно въехал во двор и остановился возле его подъезда.

— Меня будут судить? — спросил он обречённо.

— Нет, что вы! Теперь никого не судят, Андрей Викторович, в этом нет необходимости. Благодаря тотальному контролю вина и невиновность каждого стали абсолютно явными, не требующими доказательств. Обвинение, защита, прокуроры, адвокаты — всё это ушло в историю. В вашем случае, роботы просто взломают дверь квартиры и конфискуют украденные деньги. Но, в наказание за строптивость, вам придётся заплатить штраф. Так что, рекомендуем добровольно отдать то, что взяли. Ведь оно всё равно не ваше. А брать чужое — нехорошо, согласитесь!

Андрей опустил голову на кровать и медленно провёл рукой по лицу.

— Послушайте, — сказал он наконец, — но я же был в маске. Как вы меня опознали?

— Это очень просто. Вы в курсе, что лидары беспилотников даже через густые заросли видят человека, готового выбежать на дорогу, и притормаживают? Ну вот, а секьюрити-камеры нового поколения прекрасно видят сквозь любую маску. Так что, не тяните, Андрей Викторович. Отправляйтесь в ближайшее отделение Сбера и верните деньги. Кстати, если надо, вас может подвезти полицейская машина внизу.

Андрюха решил поскорее покончить со всем этим. На душе у него было скверно, разболелась голова. В банке толпилась целая очередь из таких, как он, горе-грабителей, которых роботы привели возвращать украденное. Они прятали друг от друга глаза, а служащие вокруг весело перешёптывались:

— Видишь вон того, лысенького? Уже третий раз за неделю приходит сдавать деньги. Никак до него не дойдёт, что воровать теперь бесполезно.

— Рецидивист, наверно. Чужое берёт на автомате. И хотел бы исправиться, да не может. Жалко их... За столько лет вне закона вся физиология уже перестроилась на антиобщественное поведение.

— А меняться-то всё равно придётся. Надоест же им самим когда-нибудь этот цирк.

Обычных клиентов в зале было немного, и скучающие девушки-консультанты бесплатно предлагали возвращенцам кофе. Андрюхе приглянулась одна, со светлыми выющимися волосами. Откинутые назад, они оставляли впечатление свежего морского ветра. Тщательно застёгнутый форменный брючный костюм едва сдерживал напор молодого тела.

Андрей, у которого сегодня всё утро ныло под ложечкой, с трудом отвёл взгляд от красотки, похожей на заботливого и строгого доктора.

"Как щенков нас в собственную лужу тычут"— поморщился он, кладя руку на бунтующий живот.

В общем, надо было снять напряжение. Он взял в супермаркете бутылку коньяка, добавил банку красной икры из холодильника и привычно глянул в окошко биометрического сканера. Они были теперь в каждом магазине вместо карточных терминалов: никаких кассиров, пользователя определяли по лицу и списывали со счета

деньги за покупку. Андрей уже хотел пройти с товаром через турникет, но на экране высветилось:

"Покупка приостановлена до получения результатов обследования. Причина: подозрение на несовместимое заболевание".

— Эй, в чём дело?

— Приносим извинения Андрей Викторович, — отозвалась Система. — Но позвольте сначала проверить состояние ваших внутренних органов. Стоя в банке, вы морщились, держась за живот. Пройдите, пожалуйста, налево.

На полу у кассы зажглись направляющие огоньки и стрелочками побежали в расположенную рядом кабинку.

Через пять минут Андрей вышел из магазина. Без коньяка, без закуски, с диагнозом "хронический панкреатит".

— Итак, — продолжал Тим Кук, — мы остановились на том, что контроль за взрослыми людьми недопустим.

Шеф Apple выдержал паузу.

— Вот только взрослых не существует.

По аудитории пробежал ропот, журналисты переглядывались. Кук подождал возможных вопросов, но поскольку их не последовало, сам спросил присутствующих:

— Простая логика, друзья. Скажите, чем вы объясните такое количество заболеваний на почве вредных привычек? Ранения на поле боя, травмы на производстве — это рука судьбы, и тут ничего не поделаешь. Но почему люди сплошь и рядом разрушают себя сами? Вам не кажется, что игнорирование последствий — это детское поведение? И значит, большинство людей взрослые только по паспорту?

Я мог бы привести десятки примеров, но вы и сами сумеете это сделать, припомнив поступки всех, кто вас окружает, а иногда и свои собственные. Мой жизненный опыт свидетельствует, что почти никто из людей не умеет получать удовольствие без вреда для здоровья. И знаете, какой отсюда вывод?

Тим Кук поднялся из директорского кресла и подошёл к большому панорамному окну, за которым догорал закат.

— Господа, прежде, чем мы с вами переместимся в банкетный зал, я отвечу на вопрос, который сам же и задал. Вывод отсюда может быть только один: нам придётся их научить!

... ∞ ...

Игорь Тарасенко

рассказ

«Преображение Георгия
Победоносцева»

(За пять лет до всеобщей нравственности)

Впереди был небольшой пригорок. Значит, сердце опять начнёт колотиться как сумасшедшее. Неужели он болен? А может, чтобы не мутило в клети, закрыть глаза, пока спускаешься? Но ведь там, внизу, придётся взять в руки шестикилограммовый отбойный молоток, и грохот пульса в висках снова заслонит для него весь мир страхом ожидания более серьёзных симптомов!

В общем, настроение у Филиппа было хуже некуда. Вот уже несколько месяцев как он, сильный, здоровый молодой мужчина, превратился в развалину.

От любого, самого незначительного усилия в груди начиналось мощное, упругое биение. От малейшей духоты к горлу подступала тошнота. Увольнение с любимой, хорошо оплачиваемой работы казалось единственным выходом.

Войдя на территорию шахты, Филипп вновь с удивлением спросил себя, как это он умудрился столько лет отработать горняком? Ведь теперь рядом со спуском под землю он чувствовал себя как панически боящийся высоты человек, вышедший на балкон с низкими перилами. Далеко обойдя лифт, увозящий в забой, он направился к административному корпусу.

За столом в кабинете сидел бородатый шатен лет сорока пяти, с моложавым лицом и широкой грудью. А в кресле напротив расположился какой-то худощавый желтоволосый тип в дорогом чёрном костюме.

Приезжий?

Филипп никогда раньше не видел его в посёлке. Да и вообще, тип явно был не из работяг.

"Пожалуй, и не начальство"— решил он, присматриваясь к его бледному, некрасивому лицу почти без бровей. Когда незнакомец говорил, его тонкие губы приоткрывались лишь чуть-чуть, будто склеенные в уголках.

— Здравствуйте, мастер Клопп. Извините, может, я попозже?..

Филипп покосился на человека в кресле. Клопп махнул рукой.

— Да говори, не стесняйся! Это инспектор по технике безопасности, из столицы, Гуди Рокус. Он как раз прибыл разобраться с ситуацией.

— Ну, тогда... В общем, я был у врача, как вы и советовали. Он говорит, это профнепригодность... Короче, вот.

И Филипп положил на стол заполненный от руки листок бумаги.

Клопп легко дотянулся до него своей длинной, мускулистой рукой, поднёс к глазам и тут же отшвырнул в сторону.

— Нет! И слушать ничего не хочу! У меня из пяти бригад уже три осталось! Все идут со справками от психиатра, у всех — невроз, клаустрофобия и запрет на спуск. Да вы что, сговорились? Филипп, у тебя дед из шахты на пенсию ушёл, отец военный. Ты же здесь почти со дня пуска, ты в этот забой спускался, когда там от любого шороха свод рушился, под завалом два раза выжил. Теперь-то чего бояться? Мы уже семь лет без ЧП работаем, никто из горняков ноги не подвернул, пальца не вывихнул. Здесь даже газа нет, чего вы все бежите? Ну скажи, где ты ещё такие деньги заработаешь? В общем, как хочешь, а я тебе увольнение не подпишу. Да в конце концов, патриот ты, или нет? Это же молибден, без него буровые намертво встанут!

Филипп вздохнул.

— Герман, ну что ты со мной как с мальчишкой? Разве я всего этого не понимаю? Если бы я только мог, если б хоть каплю надеялся побороть эти дурацкие нервы...

— Тебе психиатр лечение выписал? Вот и принимай! Возьми отпуск недели на две, отдохни, поспи... И возвращайся, ну я тебя умоляю! Что ж мне, одному за всех руду бить?

— А ты рискнул бы?

— Что? — не понял Клопп.

— Скажи мне, Герман, только по-честному: ты разве не боишься?

— Чего?

— Ну, что можешь не дожить?..

— До чего не дожить-то?

— Да не притворяйся, сам знаешь... Слушай, сделай одолжение, пойдём сейчас вместе в забой спустимся, а? Могу, конечно, всю клеть заблевать, но больно уж мне хочется посмотреть, как тебе не страшно. Идёт? Если и вправду, то вернусь! На лекарствах буду сидеть, но вернусь, даю слово!

— Ладно... — нехотя согласился Клопп.

Он отвёл глаза к окну, привычным движением нащупал что-то в ящичке стола, потянул наружу, но вдруг спохватился, и, взглянув на Филиппа, задержал руку.

— Ты иди, я сейчас...

Но Филипп, не сводя с него внимательного взгляда, покачал головой.

— Нет, Герман! Вставай, и идём. Вместе, понимаешь?

Клопп вскинул голову.

— Да ты чего, обалдел?

— Ты же за таблетками полез, я видел! Ну, покажи, что у тебя там?

Герман молча швырнул на стол коробочку с феназепамом.

— Ага, значит, всё-таки, боишься, начальник?

Пристыженный Клопп нахмурился.

— Герман Васильевич, — вмешался бледный Гуди, — это как раз то, о чём мы с вами говорили. Умирать намного обиднее, зная, что другие не умрут, правда? И никакие мысли о металле для Родины тут не помогут! Поймите, это реакция организма! Фобия развивается, и всё тут.

— В жизни я этих страхов не знал! — с досадой пробормотал Клопп. — А теперь...

— Да вы поймите: раньше у людей просто не было надежды не умирать, вот и не боялись подвергать себя опасности. А теперь — извините! Само тело уже поверило, что вынесеный нам природой смертный приговор вскоре будет отменён, а до тех пор надо беречь себя сильнее, чем мы бережём детей. Разве вы погнали бы в шахту маленького ребёнка? А парня гоните! Ты женат, дети есть? — обратился Рокус к Филиппу.

Тот кивнул.

— Ну, что ж, правильно! Раз есть дети, самому можно и погибнуть! Он свою функцию на земле выполнил, род продолжил, а умирать человеку всё равно придётся, так почему бы не под землёй,

правда? Зато хорошие деньги в дом приносит, будет на что сыну выучиться, и жене пенсия большая, если что... Ты, мол, не о себе думай, живи заботами о других. А что смертному ещё остаётся? Жизнь всё равно конечна, сколько не береги себя — один чёрт состаришься да помрёшь...

Герман молчал, почёсывая седеющую бороду. Гуди продолжал.

— И возникла такая штука: нарожаю я себе наследников и буду вкалывать ради них, денежки откладывать... Вот и призрачный смысл существования появился. А главное, пока трудишься, как лошадь, водку пить некогда! Пьют ведь от чего? От тоски, что жил, жил, а однажды просто сгинешь, будто тебя и не было... Только зачем об этом думать? Стране нужна нефть! Надо наращивать экономическую мощь, перед другими землями кичиться, кулаком им грозить: мы всех сильнее, мы — главные, а вы — так, третий мир, и потому извольте признать первенство нашей великой Родины!

Филипп поднял с пола заявление об увольнении и снова положил его перед мастером.

— Слыхал, начальник? Инспектор дело говорит! Так и было веками. Вот только сейчас приходят совсем другие времена. Патриотизм — он в голове, Герман, а желание жить — в костях сидит, понимаешь? Нет, не стану я, даже ради родной страны, терять свой шанс на бессмертие!

На пятый этаж сталинки пришлось подниматься пешком. Влад легко взлетел по лестнице молодыми ногами, Потоцкий без энтузиазма ковылял следом.

— Не беги, у меня сегодня давление!

Его поразило, как привычно он это произнёс, хотя ещё совсем недавно в его домашней аптечке даже не было тонометра. Что ж, убеждал он себя, пора. Всё-таки, 56 лет!

Тяжело дыша, Потоцкий добрался, наконец, до верхней площадки, где его уже ждал сообщник.

— Какая дверь?

— Вот эта, направо.

Новоиспечённый гипертоник достал из кармана небольшой кожаный кейс с отмычками и чуть не уронил его: внезапно закружилась голова, он пошатнулся и схватился за стену.

"Перед пацаном неудобно... Стоит, ухмыляется, гадёныш! Ну, ничего, придёт ведь и твоё время..."

— Романыч, убери крючки, у меня ключи есть.

— Откуда?

— Я у него позавчера из кармана свистнул.

— А вот это зря. Если не дурак — наверняка успел сменить замки.

Ладно, давай откроею...

— Погоди.

Влад попробовал один ключ из связки, потом второй... Потоцкий чувствовал, что на него опять накатывает. Наверно, таблетки не годятся: схватил в аптеке первые попавшиеся. Значит, всё-таки придётся к врачу...

Сердце стучало как-то слишком, даже с учётом подъёма и ситуации. Это было неприятно. До сих пор он старался не обращать внимание на знаки приближающейся старости, но дальше обманывать себя не получалось: дело идёт к финалу! Не от этой ли мысли у него в последнее время было так скверно на душе?

Он не хотел признаваться себе, что была у его тоски и другая причина. Из плавающего в воздухе ожидания, из носящихся повсюду слухов всё яснее складывалось ощущение: готовится кое-что похуже старости! Медицина теперь развивается как-то чересчур стремительно, и если там, в уже близкой, хоть и туманной дали его не ждёт могила, если придётся столетиями жить с тяжким грузом всего, что он натворил за жизнь, — вот это, пожалуй, будет страшнее нарастающей немощи и неизбежной смерти!

Связка кончилась, у Влада остался последний ключ. Взломщики переглянулись: замков было два. Ну, логически, раз до сих пор ни один не подошёл, значит, и последний тоже не годится. А это очень плохо! Вместе с новыми замками обычно где-нибудь в укромном месте ставят камеру...

Потоцкий машинально потрогал закрывающую лицо чёрную трикотажную маску. Под ногами словно разверзалась какая-то яма: кто мог знать, что человеческая жизнь вдруг перестанет быть конечной?

— Влад, он поменял... — выдавил Потоцкий из себя совершенно не то, чем были заняты сейчас его мысли.

— Вижу... Давай ты!

Старший принялся, было, за работу, и вдруг похолодел: настойчиво колотящееся в груди сердце начало явственно покалывать.

Он пробовал одёрнуть себя: мол, что за ерунда, не может быть. Но, изо всех сил стараясь не обращать внимания, чувствовал, что боль от этого только усиливается, пронзая ему рёбра на вдохе. В голове загудел колокол, появилось ощущение нереальности проис-

ходящего. И, наконец, наполняющая его чёрная, глухая тревога за-жглась красным, светящимся ужасом.

Засунув руки в карманы, парень покачивался с пятки на носок, наблюдая, как пляшут отмычки в дрожащих морщинистых руках подельника. И зачем он только связался с этим стариканом?

Тот пыхтел над замком, на секунду задерживая дыхание и вновь с шумом выпуская воздух, с бровей из-под маски капал пот. Внезапно он бросил свои хрупкие инструменты болтаться в двери, и откинулся к стене. Сорвал с головы маску, расстегнул куртку и, просунув под неё руку, схватился за сердце.

— Плохо мне... На воздух надо...

Влад сплюнул себе под ноги, взял обмякшего мужчину за отворот и, глядя куда-то вверх и в сторону, равнодушно обронил:

— Ты это нарочно? Другого времени не нашёл?

И, отпустив, резко добавил:

— Ладно, вали, без тебя справлюсь.

Перебирая по стенке руками, пожилой добрался до лестничной клетки и, шатаясь, побрёл вниз.

А молодой, злой оттого, что придётся самому возиться с отмычками, метнулся за ним и, без всякой жалости, тряхнул ещё раз:

— Только не вздумай такси сюда вызывать, а, тем более, скорую. Ковыляй потихонечку к остановке, понял?

— Сердце у меня, Владик. Не дойду...

— Романыч, я предупредил: подставишь меня — тебе крышка.

Позже кто-то из жильцов рассказывал следователю, что видел мужчину, который прошёл через двор, болтаясь, как пьяный, и исчез за углом.

Майору Победоносцеву позвонили из кардиологии.

— Георгий Васильевич, у нас тут человек поступил по скорой, жалобы на острую боль в груди. Но сердце в норме, так что, вряд ли это наш клиент. Вот, думаю, не ваш ли? В кармане нашли подозрительную железку. Похоже на воровской инструмент, вроде ключа, только гладкий, без бороздок...

— Да, это свёртыш. А как фамилия больного?

— Потоцкий, Виктор Романович.

Старый знакомый, подумал майор.

— Откуда его доставили?

— На улице подобрали, в районе ТЭЦ.

Как тут было не вспомнить вчерашнее ограбление квартиры главного инженера теплосети?

— Буду через полчаса. Глаз с него не спускайте, пока что.

"Ну, вот и всё"— сказал себе Потоцкий, увидев входящего в палату следователя. Они знали друг друга не первый год.

— Здорово, Витя! А у меня для тебя сюрприз.

И Победоносцев протянул на ладони стальную болванку, которую ему передал врач.

— Твоё? Да не бойся, я знаю, что ты в квартире не был. Дружка твоего задержали по горячим следам, так что, рассказывай, как ты до больницы-то докатился? На записи видно, что вы повздорили...

— Не было такого, гражданин следователь! Влад меня пару раз потряхнул, по своейски. А больше ничего, врать не буду.

— Тогда что же случилось?

— Да чёрт его знает... Я уж почти собачку подцепил, и тут меня как прихватит!

Победоносцев усмехнулся.

— Вовремя тебя бог уберёт!

"Шутник хренов!"— думал Потоцкий. — "Когда я теперь к богу-то попаду? Вот вопрос!"

— А много выпили накануне?

— Ничего я не пил... Куда мне, с таким сердцем?

Победоносцев внимательно посмотрел на Потоцкого.

— А с каким таким сердцем? Доктор говорит, всё у тебя в норме.

— Как, в норме? — не понял Потоцкий.

— Здоров ты, понимаешь?

— Та-ак, — протянул Потоцкий, отворачиваясь к стене.

И вдруг вскинулся:

— У меня вот здесь, — он с силой хлопнул себя по груди, — болит, понимаешь? Я ходить не могу, задыхаюсь. Что же мне теперь, помирать? Вор или нет, имею я право на медицинскую помощь?

Что-то тут не сходится, думал майор. Сердечники так не дёргаются. Да и одышки у Потоцкого он не заметил.

— Имеешь, Виктор Романыч, конечно. А скажи, давно у тебя в груди пошаливать стало?

— Да с месяц, наверно.

— А как началось, не припомнишь?

Потоцкий задумался.

— Нет, не помню. Хотя, погоди... Знаешь, когда меня впервые торкнуло? Вечером. Я тогда ещё новости смотрел, и там эту тему гоняли... Все сейчас об этом говорят... Про будущее бессмертие.

— Ну, и?..

— Сильно она меня зацепила. Задумался: как будем жить, и всё такое. Шутка ли — не стареть? И вдруг чувствую — нехорошо мне. Понятно, подустал. Мы с Владом как раз это дело готовили... Ну и, конечно, возраст. Я ещё подумал тогда: всё, пора завязывать, не гожусь я больше для прежней жизни...

Победоносцев напряжённо размышлял: что происходит? Один за другим идут однотипные случаи. Допросив Потоцкого, майор зашёл к заведующему отделением.

— Так говорите, это не сердечный приступ?

— Да какое там! Обычная психосоматика.

— Хм. Как в прошлый раз...

— Да в том-то и дело, что таких разов уже уйма была! Один за другим поступают. То у хулигана в драке сердце прихватило, то у напёрсточника на рынке рука отнялась, подозрение на инсульт. А недавно, помните, забрали прямо с переговоров этого, с полным чемоданом денег. В обморок упал! То ли дать пытался, то ли получить успел...

— Да, конечно, тенденция... Но что здесь такого, если разобраться? Преступники — тоже люди, они болеют, как и все... Тем более, — усмехнулся Победоносцев, — работа нервная, вот тебе и...

— Возможно. Но вот что странно: ни в одном из этих криминальных случаев инфаркт, инсульт, сердечная недостаточность и прочие серьёзные диагнозы не подтвердились. Ни в одном, чувствуете?

— Что же с ними было?

— Вегетативный криз у всех. Я понимаю, вы не видите разницы. Поясню: это весьма неприятное, но практически безвредное для организма состояние. Его боятся только потому, что оно хорошо маскируется под различные сердечно-сосудистые патологии. Но если те вызваны необратимыми органическими нарушениями — ломкость сосудов, тромбы — то у вегетатики причина всегда только одна. Единственная!

— Да говори уже!

— Внутриличностный конфликт, Георгий Васильевич. Представьте, что вы чего-то сильно хотите, и так же сильно запрещаете себе это.

Победоносцев тихонько пропел:

"Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил!"

— Да, именно совесть. У рецидивистов! Вы понимаете, что это значит? Человек сорок лет воровал, мошенничал, и ничто его не пугало: ни тюрьма, ни возможность быть застреленным при задер-

жании. А чего бояться? Жизнь всё равно конечна, не на нарах, так на диване помрёшь, какая разница? Зато жил, как герой, вволю себя потешил!

Веками преступников пугали тюрьмой, казнью, ну и божьим гневом, до кучи. И ничего не действовало!

И вот появилось новое пугало: грядущее бессмертие. Оно-то и оказалось самым страшным. Это что же, сосед мой, лох зарплатный, жить будет, а я, вор в законе, пулю получу при задержании — и привет?

— Слушай, так это же новый хомут для них, получше тюрьмы. Как думаешь?

— Да что вы, нет, конечно! Законника не перевоспитать. У него весь организм, все привычки с детства настроены на то, чтобы брать чужое, идти поперёк общества. Это мощный стимул, он чувствует себя королём, не таким, как прочие, законопослушные граждане. Умрут все, но вор умрёт героем, он же ни дня не работал, он — против системы!

— Все мы хотим быть героями...

— Ну да, и в этом смысле, мало чем отличаемся от преступников. С гранатами под танк и прочее.

Врач развёл руками.

— Так вот, не в перевоспитании дело. А в том, что бессмертизация отнимает у них опору. Теперь не всякая жизнь — конечна, а только та, которую не берегут! Раньше и урку, и инженера одинаково ждала могила, так и зачем быть честным? Мораль? А кто её выдумал? Я на отнятые денежки поживу в своё удовольствие, а умирать и так всем придётся.

Теперь же, чем безопаснее твоя жизнь, тем вероятнее дожить до скорого появления таблетки от старости. И значит, всё перевернулось с ног на голову. Лохами стали те, кто занят опасным делом. Вор погибнет, не доживёт до открытия механизмов отмены старения, а инженер будет жить ещё неизвестно сколько и потешаться над тем, кто нарушал закон.

Преступнику это невыносимо: ни удаль, ни смелость его никого теперь не восхищает. Не даёт ему ощущения власти!

Вот они и крутятся, как ужи на сковородке. Естественно, изменить весь строй своей личности они не могут, у них все рефлексy, вся физиология настроены на антиобщественное поведение. Но и удовольствия прежнего от противопоставления себя обществу они уже никогда не получают. Ты уже не Робин Гуд, ты — чмо, которое

умрёт в тюрьме от туберкулёза, а те, кого ты презирал, меж тем дождутся отмены старения и продолжат жить!

Вот их и колбасит вегетативными кризами. Они и сами ничего не понимают, и даже если бы понимали, сделать ничего не смогли бы. Но трясёт их конкретно, сами видите!

— Ладно, а подельник его, пацан этот, почему спокойно квартиру вскрыл?

— Думаю так: против тех, кто не боится смерти, это не работает. А парень ещё молод. В юности мы не чувствуем, что жизнь конечна...

Врач снял очки, вроде бы, для того, чтобы потереть пальцами уставшие глаза. Но профессиональная наблюдательность подсказывала Георгию, что это была ловкая попытка скрыть от него какую-то эмоцию.

— Хотя, наверно, своеобразный "иммунитет" к психосоматике может идти не только от молодости, но и от убеждений...

— Это каким же образом? — не понял майор.

Врач снял очки, вроде бы, для того, чтобы потереть пальцами уставшие глаза. Но профессиональная наблюдательность подсказала Георгию, что это была ловкая попытка скрыть от него какую-то эмоцию.

— Ну, полагаю, верующие в загробное существование, по понятным причинам, не особо дорожат земной жизнью. По крайней мере, не должны, иначе какие же они верующие? Их "таблетка от старости" не привлекает, так чего им бояться умереть раньше времени?

У Георгия было странное чувство. Ему казалось, что собеседник сам жалеет, что нечаянно затронул эту тему. Он смотрел на белый халат заведующего отделением, на его руки хирурга, и всё это словно будило в нём какой-то вопрос. Но какой именно, майор так и не вспомнил.

Победоносцев вышел из кабинета и задумчиво направился по коридорам к выходу. Разговор о психологии преступников натолкнул его на размышления о ситуации в мире. Ведь причиной разгоравшегося экономического кризиса была всё та же "новая осторожность" которая вызывала невроз у нарушителей закона.

Георгий родился в 1976 году и ещё помнил "богатый" ассортимент советских магазинов. Кто бы мог подумать, что, после тридцати лет изобилия, люди снова увидят пустые полки? И вот, едва дали старт отсчёту дней до начала новой эпохи, над страной всё больше вставал призрак СССР.

Началось с дефицита морепродуктов. Рыболовный промысел од-

ним из первых стал терять работников, ведь плавание в открытом море — это явная угроза жизни. Добыча резко упала, цены выросли в несколько раз. И, поскольку столь драгоценные дары моря никто не покупал, их ассортимент в магазинах сократился почти до нуля. Мороженая треска и килька по цене осетрины — вот и всё, что лежало в рыбных отделах пустеющих супермаркетов.

Потом из магазинов пропали его любимые вяленые маслины и арахисовая халва, а следом и вовсе начало исчезать всё подряд.

Но самые тревожные вести приходили из армии. Георгий вспомнил, как на днях смотрел старый военный фильм. Люди с оружием, огонь, дым, несущиеся друг на друга бронированные машины... Он ловил себя на мысли, что воспринимает знакомое с детства кино как чистую фантастику. Сейчас даже школьники понимали, что война в современном мире больше невозможна. Сегодня никто из глобаливцев попросту не сел бы в танк, даже на съемках фильма, не говоря уже о реальных боевых действиях.

Неудивительно, что, в результате массовых увольнений численность армии ежедневно сокращалась на 3-5 тысяч человек. Особую тревогу вызывала ситуация в ракетно-космических войсках. Стратегические ядерные вооружения из гаранта безопасности страны превращались в мощнейшую внутреннюю угрозу. Брошенные без присмотра межконтинентальные баллистические ракеты ржавели в своих секретных подземных хранилищах. В любую минуту могло произойти возгорание, взрыв и детонация ядерных боеголовок.

В полиции тоже всё было на грани развала. "Скоро придётся идти отделочником" — говорил он себе, проходя мимо какой-нибудь стройки.

Полгода назад возле его дома начали возводить крытую спортивную арену. Под горой, у реки, на просторной огороженной площадке день ото дня всё больше щетинился арматурой остов громадного продолговатого сооружения, словно постепенно выкапываемый палеонтологами из земли скелет мезозойского звероящера.

И вот стройка начала постепенно замирать. Говорили, что то же самое происходит по всему городу, рабочих, вроде бы, не устраивал прежний уровень охраны труда. Монтажники отказывались подниматься на высоту больше двух метров. Невозможно было найти электриков, никто не соглашался работать под напряжением. Не хватало водителей грузовиков. Начались перебои со стройматериалами: добыча песка, щебня, изготовление и доставка кирпича, железобетонных плит и прочего — всё это связано с тяжёлой техникой,

а значит, таит опасность. Поначалу работников ещё как-то привлекали постоянно растущими зарплатами, но когда оклад экскаваторщика достиг уровня пилота авиалайнера, началось массовое свёртывание промышленного и гражданского строительства.

"Стоп, — сказал себе Георгий, — а я-то почему не боюсь? Ну, раз отделочником собрался..."

И вдруг понял, о чём собирался спросить у заведующим.

Он пошарил вокруг глазами. За стеклом в приёмном покое сидела девушка лет двадцати, симпатичная и строгая.

— Майор Победоносцев. Скажите, вы давно здесь работаете?

— Второй месяц. Вообще-то хотела пойти операционной сестрой...

— Даже так? Но неужели вы не боитесь? Больница, острые предметы, угроза заражения...

Девушка улыбнулась.

— Вы, очевидно, глобаливец?

Георгий пожал плечами.

— Я — полицейский. Так что же, разве из медицины теперь не бегут?

— Одни убегают, другие остаются, как видите.

Заигравший в кармане майора телефон прервал их беседу. Впрочем, ему и так уже было понятно, что девушка — верующая.

"Значит, и хладнокровие Влада могло быть следствием не только его молодости — подумал Георгий.

Спускаясь с больничного крыльца, он сказал в трубку:

— Антон, можешь выдать мне маленькую тайну своего клиента? Он из богоман или глобаливцев?

Не найдя в просьбе следователя никакого подвоха, адвокат Влада честно ответил. Догадка Георгия подтвердилась.

"Итак, — заключил Победоносцев, — похоже, что богомане теперь составляют основной контингент не только в опасных профессиях, но и среди преступников".

Придя вечером со службы, майор, как обычно, включил телевизор. Пролистав несколько каналов с глуповатыми вечерними шоу, он остановился на одной из популярных в последнее время передач об иммиграции. Эта тема всё больше занимала его, и Георгий решил хоть однажды досмотреть сюжет до конца.

— По всему миру учёные заявляют, что стоят на пороге открытия метода, полностью, на клеточном уровне останавливающего старение. Это повлечёт за собой глобальную бессмертизацию человечества. Начало её намечено на ближайшие 5 лет, то есть, не позднее

2030 года. Вот что сообщил в своём интервью на прошлой неделе глава Российской академии наук.

Крепкий седой старик на экране энергично заявил:

— Друзья, до бессмертия остаётся всего несколько лет. И чтобы дожить до него, надо во-первых, поддерживать своё здоровье, и, во-вторых, не погибнуть в результате несчастного случая!

Академик исчез с экрана. Телевизор продолжал бубнить:

— Как известно, против бессмертизации активно выступает верующая часть населения Земли. Это — последователи религии истлена, другое их название — богомане. Напомним, что богомания (буквально: страсть к богу) — это, своего рода, уникальное явление, первая в истории человечества действительно всемирная религия, сложившаяся в последние десятилетия. Когда глобализация стала стремительно улучшать жизнь людей, избавляя их от болезней, страданий и нравственных проблем, начался катастрофический отток верующих из всех конфессий.

Тогда лидеры главных мировых религий решились на отчаянный шаг. Они объединили остатки прежде существовавших культов перед лицом общего врага.

Этим врагом богомане считают идеологию глобалистов, или "глобальных счастливцев" то есть, людей, заявляющих, что они счастливы жить в глобальном мире и верят в трансгуманистическое будущее человечества.

Богомания гордо именуется истленом, поскольку её последователи не желают продлевать с помощью нанотехнологий своё существование в биологическом теле, веря, что главная жизнь наступит после смерти. "Не хотим процветать в этой жизни, а хотим поскорее истлеть в надежде на будущую" — от этого лозунга первых богоман и пошло их самоназвание.

Истлен известен своей жёсткой дисциплиной во всех сферах жизни, включая семейные отношения, и рядовые богомане — весьма законопослушные граждане. Однако внешне кроткие и доброжелательные, они перестают быть безобидными, если кто-нибудь задевает их религиозные чувства.

Грядущая бессмертизация уже вызвала в среде верующих массовые акции протеста. Особую опасность представляют группы радикально настроенных богоман, так называемые истленские террористы...

Последние слова диктора вернули Георгия к мыслям о работе. В деле об ограблении главного инженера ТЭЦ всплыли новые подроб-

ности. В машинном зале обнаружили признаки подготовки теракта. Кто-то заблокировал куском арматуры автомат защиты турбины от разгона. Теперь при случайном падении энергопотребления в сети генератор, вращаясь свободнее, уменьшит нагрузку на вал, и обороты будут расти неконтролируемо, пока многотонный ротор не рассыплется под действием центробежной силы. В турбинном зале начнётся настоящее месиво. Оторванные лопасти в таких случаях пробивают стены и крышу, разлетаются на несколько километров. Рядом расположены цистерны со сжиженным газом и мазутом, которые будут буквально расстреляны осколками, несущимися со скоростью снаряда. От взрыва начнётся пожар, погибнут люди. Горящее топливо накроет город ядовитым облаком. Отключение тепла и энергии нарушит непрерывные технологические циклы на химзаводах, а это новые взрывы, отравленная река, эвакуация десятков тысяч жителей...

И главное, такую аварию легко списать на то, что энергетика сейчас буксует по всей стране, как из-за "новой осторожности так и из-за перебоев с зарплатой. Сосед майора, работавший на ТЭЦ, жаловался, что людей у них оставалось уже чуть ли не втрое меньше положенного. Естественно, оборудование без присмотра постоянно выходило из строя...

Но дело в том, что отпечатки пальцев на арматуре принадлежали ни кому иному, как Владиславу Белову, задержанному по обвинению в ограблении квартиры инженера. И его же лицо присутствовало на записи с тайного митинга богоман.

Майору требовалось узнать о террористах больше, чем можно было найти на официальных каналах, где крутилась только безопасная, проверенная на психическое здоровье информация. "Мир истлена "Богомания над миром"— всё это были официальные, чисто познавательные передачи для глобаливцев. Георгий знал, что сами верующие никогда их не смотрят. В отделе по борьбе с киберпреступлениями ему подготовили материалы с полулегальных ресурсов, где общались богомане.

Майор достал из портфеля флешку и вставил в порт монитора. Теленовости прервались загрузочным экраном и через несколько секунд пошло видео.

Это была запись встречи в тесном кругу истинно верующих, на даче у патриарха Мефодия. Обычно лидер богоман выступал в полном облачении, и покрывающая его парча и бижутерия придавали речам патриарха особый смысл. Сейчас же он сидел в кресле, оде-

тый в свитер и джинсы, отчего всё, что он говорил, напоминало бред сумасшедшего.

На стене висела картина: всадник пронзает копьём дракона, корчащегося под копытами коня. Странное, тонкое, как нить орудие, тусклые краски, убогое, ограниченное мировосприятие...

По крайней мере, так показалось Георгию на первый взгляд.

— Они больше не совершают преступлений, — восклицал Мефодий, — и всё из-за этой проклятой "новой осторожности"! Веками религия и философия, закон и полиция, поучения мудрецов и примеры святых силились исправить человека; людей пытались научить самоограничению, привить любовь к нравственному самосовершенствованию — и всё без толку!

Мефодий всхлипнул.

— Вы видите эти слёзы? Я плачу, ибо, единственное, что реально смогло улучшить человеческую природу — это эгоизм и технологии! Теперь выгодно быть коротким и незлобивым, это увеличивает шансы на дожитие до бессмертизации, а она скоро станет возможной благодаря прогрессу! Не живому богу, а мёртвым, бесчувственным технологиям!

Он разразился рыданиями, продолжая говорить сквозь душившие его спазмы.

— Это величайшее в истории крушение морали! Даже убийство пришедшего спасти нас бога не столь отвратительно, как то, что люди теперь становятся добрыми и любящими не в результате обуздания животных порывов, не в итоге работы над собой, а просто из эгоистических побуждений!..

О, горе, горе!..

Майор с досадой поморщился.

"Долго я ещё должен слушать эти проповеди? Помнится, говорили, что Белов засветился ближе к концу..."

Он немного перемотал.

— Богомания всегда учила, — продолжал Мефодий, — что нравственные поступки — источник вечной жизни на небе, но мир поверил в это только сейчас, соблазнившись бессмертием на земле...

Променять небо на землю! О, Господи, за что ты оставил нас?..

Пока мы лишь обещали, что праведники попадут в рай, учёные начали создавать технорай на земле. И вот уже люди толпами валят в праведники, чтобы попасть в него! Их убедило не красноречие проповедников, а логика науки, не сияние веры, а торжество технологий. Это неслыханное попираание духовных ценностей! И виновные

должны понести наказание!

Говоривший жестом указал на картину. Георгий смотрел на изображение своего воинственного тёзки. И тут его поразила догадка. Раз он не боится носить оружие, раз продолжает работать в полиции, значит он, сам того не подозревая, является верующим! Ведь только искренне веруя, что будущая жизнь важнее этой, можно не бояться подвергать себя опасности накануне готовящейся бессмертизации!

Он никогда не размышлял слишком много о боге и религии. Слышал, конечно, это похожее на диагноз слово, которым теперь называют верующих. "Но, по большому счёту, — думал Георгий, — при чём тут богомания? Абсолютно любому человеку должна быть неприятна мысль, что мы сделаемся нравственным автоматически, по мере торжества технологий, а не в результате работы над собой!"

Победоносцев не догадывался, что автоматическая нравственность неприятна только тем, кто не признаёт, что живое ничем принципиально не отличается от неживого. Особым, высшим существом человека считают только скрытые или явные богомане, а истинные глобаливцы как раз радуются всему, что роднит их с камнем или машиной.

Наконец на экране показался тот, кого майор искал. Георгий остановил запись и увеличил изображение. Он явственно различил характерный профиль Влада: небольшой острый нос на длинном лице. А рядом с ним... Не может быть! Победоносцев узнал ту самую новенькую за стеклом, с которой перекинулся парой слов на выходе из больницы. Он задумался. А вдруг там, в темноте зала собрания, скрывается и лицо заведующего кардиологией?

На следующее утро он вызвал Белова на допрос.

— Твои отпечатки нашли в машинном зале ТЭЦ. Признавайся, что ты, на самом деле, искал в квартире главного инженера?

Влад скривился в улыбке.

— Вот только не надо шить мне терроризм, гражданин следователь! Я — обычный вор...

— Бесполезно, Владик.

Майор раскрыл ноутбук. На экране возник Мефодий.

— Мы не допустим, чтобы безбожные глобаливцы веками наслаждались грехом в бессмертных телах! Нам нужны добровольцы, готовые, пусть даже ценой жизни, остановить вакханалию науки...

— А теперь смотри внимательно. Узнаёшь?

Георгий остановил запись. На экране была чётко видна физионо-

мия Влада. Тот поднял на него смеющиеся глаза:

— Я отказываюсь отвечать. Можете так и записать в протокол. И прикажите отвести меня в камеру. Я... плохо себя чувствую!

На выходе из следственной комнаты Влад неожиданно бросился на конвойного. Майор ожидал, что сейчас прогремит выстрел, и арестованный упадёт, но, вместо этого, боец высвободился и отступил, а Влад свободно выбежал в коридор. Высокий, крупный Победоносцев догнал его и не без труда скрутил сильного парня. Подоспевшие охранники надели наручники.

— Почему не стрелял? — гневно крикнул охраннику обычно невозмутимый Георгий. И вдруг у того началась рвота. Вегетативные кризы теперь настигали самых надёжных бойцов, прежде не один год работавших с преступниками.

— Белова — в камеру, — велел майор охране. — А этого — ко мне на допрос.

Солдат был весь мокрый от пота. Он честно признался, что стрелять ему помешал приступ страха.

Победоносцев перебирал в уме других конвойных. Кто из них поведёт в следующий раз?

— Теперь давайте сюда этого сукиного сына!

У Белова кровоточила разбитая рукоятью пистолета скула.

— Зачем же ты, сволочь, спектакли устраиваешь?

— Для вас специально, гражданин следователь.

— Думал показать, какой ты смелый, бойца опозорить?

— Нет, начальник. Я только хочу, чтобы до тебя дошло кое-что...

Он подался вперёд.

— Сам-то понимаешь, почему не побоялся меня скрутить? Или всё ещё нет?

— Оставьте нас одних, — сухо велел майор конвою.

Влад бросил свою обычную развязанность и заговорил уважительно.

— Пойми, Георгий Василич, мы с тобой — одной крови. Теперь повсюду самые активные люди — это богомане. Даже преступники и полицейские. Верующие борются с верующими!

— Да, только веры у нас разные...

— Ошибаешься, и вера одна. В то, что есть кое-что поважнее жизни! Для тебя это — закон и порядок...

— А для тебя — воровская удаль?

Влад молча оскалился.

"Впрочем, парень прав, — думал майор. — Ведь и ловко совершать преступления, и смело бороться с ними может только тот, кто не трясётся над собой, как глобаливцы..."

— Они все — просто лохи, — продолжал Белов, — испуганно сложили лапки в ожидании бессмертизации. И расслабятся не раньше, чем во всех опасных профессиях людей заменят роботами, а преступность полностью исчезнет...

Георгий задумчиво покачал головой:

— Нет, и тогда ещё не расслабятся. Ведь надо будет ждать полного переноса сознания в неуничтожимую сущность!

Арестованный понизил голос:

— А ты бы отпустил меня, начальник! Мы ведь с тобой теперь главные в этом мире, глобаливцы у нас вот где будут!

Он сжал крепкие кулаки.

— Владик, у меня сын такой, как ты. Из шахты ушёл, не смог... Тоже лох, скажешь?

— Не знаю, поговори с ним ещё разок, может, изменился. А если нет, зачем тебе такой сын? У глобаливцев нет будущего. Короче, давай к нам, Василич!

Несколько дней спустя Победоносцев беседовал с Филиппом в холле Центра адаптации. Сын с женой теперь часто проводили время на тренингах для глобаливцев. Учились бороться со страхами, напитывались "целебной уверенностью в скорой иммиграции".

— Ну, как вы?

— Да, в общем, терпимо. Маша, кстати, тоже не сегодня завтра уволится, у неё такая же ерунда с нервами началась. Понятное дело, инфекционка... Пока живём на проценты. За столько лет в шахте успели скопить кое-что...

— Что ж, и правильно! Слишком опасно, никаких денег не стоит. Может, к нам пойдёшь?

Филипп в раздумье пожал плечами.

— Начни с дорожного инспектора, я сам когда-то...

— Вряд ли он сможет, — вмешался в беседу высокий бледнолицый человек лет сорока.

Говоривший представился:

— Гуди Рокус, инструктор Центра и координатор городской общины глобаливцев.

Майор назвал себя. Рокус продолжал:

— Понимаете, патрулировать, задерживать нарушителей, принуждать к соблюдению правил — всё это из области насилия. А уверо-

вавшие в скорую бессмертизацию к нему физически не способны. Ведь неважно, зло ты совершаешь, или, по сути, добро. Любое насилие — это риск ответных действий. Для глобаливца же нет ничего ценнее жизни и здоровья...

Георгий вспомнил свою недавнюю беседу с Беловым.

— Получается, мир захватят верующие?

— Если и так, то лишь на мгновение. В конце концов, мир захватит тишина. Люди сделаются чистым разумом, и очень скоро...

— Но бесчувственные разумные существа — это уже не люди!

— И прекрасно! Ещё Ницше писал: человек — это тот, кого следует превзойти. Нам пора понять, что мир устроен неправильно. И не только мир людей. Раз в жизни присутствуют боль и несчастье, значит, в чертежи мироздания вкралась ошибка. Тот, кто создавал законы природы, очевидно, не обладал достаточными знаниями и квалификацией. И неважно, что этот "кто-то" не существует, важно, что законы эти пора менять!

Если бы Вселенную проектировали глобаливцы, они не допустили бы, чтобы лев заживо пожирал антилопу. Зачем появляться живым, чувствующим существам, если они обречены страдать и гибнуть? Раз итог всему — смерть и разрушение, надо было и населить всё вокруг одними только бесчувственными камнями.

— И вы хотите этому поспособствовать? — усмехнулся майор.

— В пособничестве нет нужды, — сообщил бледный Гуди. — Нравится это кому-то, или нет, наука уже приступила к расчеловечиванию, и до животных очередь тоже дойдёт. На наших собраниях мы лишь помогаем друг другу осознать необходимость этих перемен. Ведь всё, что ласкает наш слух — птичий щебет, стрекотание насекомых — всё это воинственные крики бьющихся насмерть живых существ, беспощадно истребляющих друг друга. Рыба раз за разом мечет икру, и, выполнив свой долг, становится чьей-то пищей; кошка каждый год приносит по несколько выводков, истощается и тоже гибнет. Человек долгое время юн, слаб и глуп, потом наслаждается кратким мигом расцвета и сразу же начинает увядать. Полжизни он учится, чтобы стать мастером: школа, университет, аспирантура, молодой специалист, кандидат наук... А потом — всего одно-два активных десятилетия, и приходит старость. И вот уже триумфатор разбит болезнью, из царя природы превратившись в её измученного раба, глупо вопрошающего кого-то мифического, за что ему эти страдания.

Слабый и униженный не может быть счастлив, зачем же ему быть

вообще?! Чтобы в его киснущем сознании, словно плесень, поселилась идея бога как оправдание страданий? Но страдания не надо оправдывать, их надо уничтожить!

Мы привыкли, что один возраст жизни сменяется другим, нам кажется, иначе и быть не может. Но, на самом деле, ребёнок — ещё не человек, а старик — уже не он. Человек — это победитель в расцвете сил, пришедший установить свои правила. И просто свинство, что расцвет этот достигается непомерным трудом и почти сразу заканчивается маразмом и смертью. Счастье должно доставаться даром и длиться вечно!

Гуди улыбнулся:

— Ну скажите, для чего цепляться за жизнь, если ты всё равно умрёшь? Нет, Георгий Васильевич, жить стоит только, если надеешься найти средство не умирать никогда!

Вы же слышали, что о наступлении новой эры уже объявлено официально? Естественно, поначалу далеко не всё пойдёт гладко. В мире ширится глобальный кризис, но, в конце концов, будут приняты необходимые меры, и жизнь начнёт налаживаться...

В продолжение монолога инструктора Георгий поглядывал на сына.

"Неужели он тоже исповедует эти безумные взгляды?"

Он ждал, что Филипп выразит своё отношение, но напрасно. Тот так и не проронил ни слова.

Победоносцев почувствовал себя лишним.

— Мне пора, — сказал он, наконец.

Ему никто не ответил. Майор молча повернулся и направился к выходу. Последним, что он услышал, были доносящиеся из зала слова:

— Вот так до сих пор и был устроен мир: мучительно, прекрасно и... неправильно! И если мучение отнимается только вместе с красотой, значит, надо пожертвовать красками! Раз удовольствие может существовать только как понуждение к тяготам — прочь и то, и другое! Пусть реальность станет чёрно-белой, лишь бы из неё навсегда ушло страдание!

Победоносцев ехал с собрания в мрачном настроении, окончательно убедившись, что он не глобаливец. А этот, внезапно ставший чужим, словно выхолощенный человек, неужели он когда-то был его сыном?

Георгий достал телефон и набрал номер начальника СИЗО:

— Здорово! За тобой должок, не забыл? Слушай внимательно.

Утром Белова из девятой камеры повезут в суд. Вели охране по пути тормознуть в каком-нибудь переулке поглуше, и пусть они, без объяснений, вытолкают его из машины. Как только парень будет снаружи, пусть дадут несколько выстрелов в воздух и немедленно убираются оттуда.

Закончив разговор, Георгий некоторое время медлил, сжимая руками руль. Частый дождь сыпал на лобовое стекло, мелькали жёлтые фонари, его обгоняли мокрые машины, везущие граждан с работы.

Он снова взял телефон и набрал другой, совсем недавно появившийся в его записной книжке номер.

— Да, это я. Завтра к вечеру мы с Беловым будем у вас.

... ∞ ...

Игорь Тарасенко

рассказ

«Сквозняк из Окон Овертона»

Джунгарский хомячок по имени Барсик со всех ног бежал внутри своего любимого аттракциона. За мельканием спиц в колесе наблюдали две пары молодых глаз. Максим и Анна всю ночь просидели, склонившись над окулярами микроскопов и теперь расслабленно следили за утренним моционом маленького рыжего грызуна. Бессонная ночь в лаборатории подходила к концу.

— Кофе хочешь? — предложила девушка.

В её голосе было чуть больше нежности, чем требовало обычное деловое общение.

— Ага, — зевнул Максим. — С метформинном, естественно.

"Что со мной не так?" — в который раз думала Анна, глядя на своё красивое лицо, отражённое в блестящей поверхности хроматографа. — "Почему он ничего не замечает?"

Молодая сотрудница поставила на стол две маленькие белые чашки, и шеф лаборатории добавил в них того самого порошка, который он регулярно подсыпал в пробирки с дрожжами и кормушки грызунов. Метформин вполнину увеличивал продолжительность жизни одноклеточных грибов, на двадцать процентов продлевал существование мышам и позволял людям без вреда для здоровья не спать по несколько ночей подряд.

Анна наполнила обе чашки у кофемашины и села за стол рядом с шефом. Подперев кулаком щёку, Максим наблюдал за зверьком, который весело бежал, оставаясь при этом на месте. А девушка, не отрываясь, смотрела на красивый, мужественный профиль шефа и боялась, что не вытерпит и проведёт рукой по его тёмным вьющимся волосам.

Почувствовав её взгляд, Макс обернулся. Их глаза встретились.

— Ты тоже подумала..? — он кивком указал на клетку.

Анна растерянно улыбнулась. А Максим, весь во власти своего внезапного озарения, произнёс:

— Вечное вращение дьявольского колеса эволюции, питающейся нашими жизнями. Не пришло ли время остановить его?

Всё больше учёных по всему миру занимались поисками средств радикального продления жизни. Почти все они были уверены, что готовят лишь победу над старением. И только немногие понимали, что невинные пробы с дрожжами, клетки с мышами и другими ГМО-организмами, в конце концов, приведут к полному закрытию проекта *Homo sapiens*.

— Я тут статью готовлю. — задумчиво начал Максим. — Только не в *Nature*, а в *Philosophy and psychology*. На лирику потянуло.

Он усмехнулся, прихлёбывая бодрящий напиток.

— Начало такое: мы с вами — последнее звено в цепи. Через миллионы лет протянулась она к нам от всех, кто умел дружить и любить...

— И спасибо им за это. Иначе тихо было бы сейчас на Земле.

Анна произнесла это так, что Максим на секунду выпал из своей философии. Он стал вдруг просто мужчиной рядом с красивой и взволнованной молодой женщиной. У Анны появилась надежда, но Максим тут же расправился с ней.

— Ты права, мы с тобой сейчас беседуем лишь потому, что тысячи лет подряд люди только и занимались, что войной и любовью. Но нельзя же вечно жить по законам предков! Сама знаешь, уже готова искусственная матка. Скоро и зародышей научатся делать из соматических клеток. То есть, для зачатия новой жизни больше не понадобится притяжение М и Ж.

В углах губ Анны появились грустные складки.

— Ты хочешь уничтожить самые прекрасные человеческие чувства!

— И что в них прекрасного? Это ведь просто жёсткие, примитивные дарвиновские механизмы. Вот скажи, почему эволюция закрепила у человека потребность в общении? Думаешь, она улучшала пищеварение? Или сон? Понятно же, что наша врожденная склонность друг к другу прежде всего увеличивала поголовье.

— Ну, это любовь. А дружба?

— Да то же самое. Возьмём первобытных людей. Кто рассчитывал на товарища — чаще выживал на охоте, а потом выбирался из леса,

находил самку и размножался.

Анна так картинно вздохнула, что Максим не смог сдержать улыбку. У него было всё в порядке с эмпатией, и он прекрасно понимал, к чему все эти вздохи и взгляды украдкой.

Тут их глаза снова встретились и произошёл молчаливый диалог.

"Но ведь я женат"— ясно читалось в его взгляде. — "И счастлив при этом".

"А я, а как же я?"— упрямо отвечали глаза девушки.

"А ты"— подумал Макс — "лучшее доказательство моей правоты".

— Ладно, — сказал он наконец, — позволь, я тебе кое-что покажу. Небольшая презентация. Куда я засунул VR шлемы? Ага, вот, надевай. Итак...

Плешивый Орхой проснулся на рассвете. Зажжённый с вечера в центре стойбища костёр ещё дымился. Невдалеке слышался лёгкий плеск волн, а вокруг плавал густой туман, пришедший с водной глади озера.

На душе у первобытного человека было тоскливо.

"Бизоны ушли за перевал"— думал он. — "Значит, скоро и род Озёрных людей прекратится. Племя не выживет на подножном корме".

Мохнатые великаны были тотемным животным племени. После того, как они исчезли с отцветшими по весне степными травами, вместо них пришли болезни и голод, которые истребили почти весь род Озёрных. От некогда многолюдного стойбища осталось только пятеро воинов и восемь женщин с детьми. Стариков не было. Мужчины почти никогда не доживали до преклонного возраста, а последняя старуха исчезла прошлой луной. Она ушла далеко в лес, чтобы закончить свои дни на воле и не быть съеденной голодными соплеменниками.

Орхою нравилось убивать старух. С тех пор, как начался голод, он расправился уже с тремя. Беспольным членам рода доставались самые последние куски, и когда они, терзаемые пустым желудком, сами с трудом отправлялись на поиски ягод и корней, Плешивый выслеживал эту лёгкую добычу, подкрадывался сзади и оглушал ударом дубинки по затылку. Потом душил, разделявал кремневым ножом морщинистое тело и тащил мясо в стойбище. Измученные

поисками пищи полу-люди — полу-звери устраивали праздник, запекали мясо в золе и ели, танцуя вокруг костра.

Послышался весёлый треск веток. Плешивый поморщился, узнав поступь вождя племени. Он и трое других самцов отправились на охоту. Орхоя с собой никогда не брала, хотя у него был зоркий глаз и верная рука. И самки тоже сторонились Плешивого, считая его слишком робким. Ни одна из них ещё ни разу не подпустила его к себе, и, хотя Орхою пошла уже семнадцатая весна, у него, единственного из взрослых, до сих пор не было детей.

Зато у каждой самки стойбища был хотя бы один детёныш, как две капли воды похожий на вождя племени, шумного рыжего Валдая. Орхой тоже частенько подходил к понравившейся особи женского пола и, осторожно обнюхав её, пытался повалить на землю. Но та, привыкшая к натиску настоящих мужчин, к их грубым затрецинам и укусам, только скалила зубы и убегала. Самцы, наблюдавшие за этой картиной, принимались визгливо хохотать. Особенно веселился рыжий агрессор, никогда не упускавший случая наподдать пинков под зад угрюмому Орхою.

Плешивый был самым ловким охотником в стойбище, отчего его ещё больше ненавидели другие самцы. Зато он чаще всех бывал сытым и, набив желудок на охоте, вернувшись, щедро раздавал свои трофеи. Зная его доброту, самцы частенько пытались отобрать у него добычу, но Орхой предпочитал делиться пищей с самками. Тем из них, что не могли пока ходить после родов, он приносил свежих плодов, а детёнышей баловал жареными на углях мелкими зверьками и птицами.

Пожалуй, только малыши, единственные из всех, по-настоящему любили его, и Орхой частенько грустил, не понимая, почему у него никак не появляются собственные маленькие копии.

Однажды Валдая принесли с охоты тяжело раненым, с перебитой ногой. Пока женщины выхаживали Рыжего, он злобно гонял своих и чужих детёнышей, а одного даже убил в приступе ярости, когда тот, играя, нечаянно задел его сломаную ногу.

Когда же помощь понадобилась Орхою, рядом не оказалось никого. Плешивый всегда охотился в одиночку и однажды просто не вернулся из леса. Неизвестно, что сгубило его, но можно предположить, что четверо друзей, спустя несколько дней нашедшие его уже обглоданным хищниками, немедленно схватились за руки и принялись плясать от радости.

Что выкрикивали эти полуобезьяны, танцуя вокруг трупа перво-

бытного ботана? Очевидно, нечто вроде "мы вместе". Как же им было не радоваться своей крепкой дружбе и любовной агрессии, которые так хорошо помогли их генам продолжаться в веках!

"Мы вместе, а ты один, у нас много маленьких сосунков, а ты умер бездетным. Нас объединяет общее дело противостояния природе, а ты — жалкий первобытный идеалист, скормивший всю добычу чужим детёнышам".

На фоне танцующих дикарей в шкурах зажглось слово "конец".

— У меня голова разболелась, — пожаловалась Анна, снимая увесистый шлем.

— Ничего, скоро этих монстров заменят контактными линзами, а потом и прямым подключением к нейронам. Но каково, скажи? — развёл руками Максим. — Вот тебе и вся история человечества!

— Печальная история...

— Да уж... Хотя, я, конечно, понимаю, что в моём подходе есть натяжки. Мы с тобой лично знаем массу людей, у которых не сложилась жизнь, а значит, в человеческой популяции всё-таки осталось немало "генов Орхоя то есть, тех наших предков, которые не умели дружить с мужчинами и насиловать женщин. Но несомненно одно: все самые активные и успешные люди — это, условно говоря, потомки рыжего Валдая.

— Макс, а почему обязательно насиловать? Плешивый, вообще-то был хорошим охотником, любил детёнышей. Сложно представить, чтобы такой завидный жених не нравился первобытным невестам.

— Ты забываешь простую вещь. Никого не привлекает то, что даётся даром. Эволюция запрограммировала нас хотеть самого лучшего и драться за это с другими. Иначе не происходит выживания наиболее приспособленного и прогресс прекращается. Так не пришла ли пора остановить всю эту дарвиновскую вакханалию как жестокое и безнравственное, хотя и весьма эффективное явление?

"Ты же сама прямо сейчас хочешь того, что тебе недоступно" — внутренне усмехался Максим — "а на нашего охранника, которому нравишься, не обращаешь никакого внимания".

Тем временем, в клетке нарастала суэта. В колесе крутились уже двое зверьков, да ещё и третий упрямо порывался влезть в их компанию.

— Смотри, даже у хомячков — "один за всех — и все за одного!" Ну, или против, какая разница? Главное чтобы жила тусовка, вращалось

колесо! Кстати, вот тебе и самая знаменитая история о настоящей дружбе.

— Какая история? — не поняла Анна.

— Я тут попросил Порфирьевича сочинить что-нибудь в стиле Александра Дюма. Дай-ка сюда твой шлем, я немного ослаблю ремни. Вот, так не будет давить. Надевай, я покажу тебе ещё один сюжет.

Будто почуяв момент, когда на бастионе Сен Жерве стало по-настоящему жарко, д'Артаньян привязал к пике обеденную салфетку и полез на стену ставить знамя.

— Берегись! — крикнул Атос. — Не видишь? Они в тебя целятся!

— Пускай, — небрежно бросил юноша. — Эти мещане весьма скверно владеют мушкетом. Держу пари, они промахнутся все, как один. Однако, на этот раз удача изменила ему.

Почти одновременно раздались четыре выстрела, и если три пули расплющились о камни вокруг храброго гасконца, то четвёртая заставила его взвыть от боли.

— А, чёрт, рука! Но, к счастью, левая.

Чудом не свалившись в наполненный грязной водой ров, что окружал бастион, юноша спрыгнул вниз, к товарищам.

— Проклятье, он ранен! — взревел Портос и дал залп по неприятелю:

— Получите, мерзавцы!

— Да нет же, друзья, говорю вам: это определённо удача! — храбрился побледневший от боли д'Артаньян. — Ведь я, как вам известно, правша.

Он обернулся туда, где слуги заряжали оружие.

— Планше, подай-ка сюда мушкет. Смелее, положи его на стену бойницы. Отлично! Две руки — это роскошь, господа. Чтобы спускать курок, мне вполне достаточно правой.

— На твоём месте я бы не стал храбриться, — нахмурился Арамис. — Эти мушкетные раны весьма опасны. Плевать на пари, надо немедленно убираться отсюда.

— Ни в коем случае! — вскричал раненый, целясь в нападающих.

Прогрепевший через секунду выстрел отправил в ад ещё одного беднягу гугенота. Стоявший наготове Планше забрал пустой мушкет и положил на его место заряженный.

— Во-первых, уговор дорожке денег, — продолжал д'Артаньян, выбирая новую жертву, — а во-вторых, Атос, вы поспорили на внушительную сумму, что мы ровно час продержимся на бастионе Сен-Жерве, и лишние монеты нам вскоре весьма пригодятся. Миледи уже переправилась через Ла Манш и угрожает герцогу Бекингеми. Пока мы заняты осадой Ла-Рошели, надо отправить слуг на корабле предупредить его, а без денег им не нанять даже лодки.

Но тут Атос, любивший д'Артаньяна, как родного сына, положил ему руку на здоровое плечо. Этот мрачный, суровый человек проявлял иногда к юноше чисто отеческую заботливость. Через разорванный пулей рукав он внимательно осмотрел окровавленную руку.

— Господа, я думаю, спектакль пора заканчивать. Все достаточно насладились безрассудной храбростью нашего юного друга. И, кстати, — он достал из кармана часы, — мы находимся на бастионе уже на целых две минуты дольше часа, так что, пари выиграно. д'Артаньян, как старший по званию приказываю тебе немедленно следовать за нами. Эй, слуги, не мешкайте! Мы возвращаемся.

Однако, на обратном пути их подстерегала новая и увы трагическая неожиданность. Кorteж из трёх верных оруженосцев, несших остатки завтрака и прихваченные на всякий случай мушкеты, на полсотни шагов отстал от своих господ. Внезапный собачий лай заставил мушкетеров обернуться. Их глазам предстала страшная картина. Перепуганных слуг атаковала невесть откуда взявшаяся разъяренная свора боевых псов. Не смея разрядить в них три имеющихся заряда, что, впрочем, не сильно уменьшило бы число нападающих, слуги кое-как отбивались прикладами мушкетов, пока животным не удалось окружить одного из них. Это был Гримо. Они повалили беднягу на землю и принялись рвать его на клочки, в то время, как Планше и Базен в отчаянии бросились бежать.

— Назад, трусы! — крикнул Атос. — Неужели вы бросите умирать своего товарища?

Но между слугами, по-видимому, не наблюдалось и тени той знаменитой дружбы, которая связывала их хозяев.

Однако надо было спешить. Со стороны Ла Рошели приближался большой, хорошо вооружённый отряд. Мушкетёры прибавили шаг, ведя под руки слабеющего д'Артаньяна. В тот момент, когда Планше и Базен догнали их, все на секунду обернулись и увидели, как подбежавшие к месту экзекуции гугеноты с не меньшим, чем псы, остервенением, принялись орудовать пиками над, по-видимому, уже бездыханным телом.

Так Атос навсегда лишился своего верного Гримо.

Три месяца спустя все праздновали победу короля над мятежниками. д'Артаньян давно оправился от своего ранения, и друзья решили хорошенько выпить за успех осады Ла-Рошели в таверне у "Нечестивца".

Никто из мушкетёров не обратил внимания на сторбившуюся у входа в таверну молодую женщину, которая робко протянула к ним грязную ладонь. И только Атосу лицо попрошайки показалось знакомым. Он замедлил шаг, пропуская вперёд остальных, и вглядываясь в изможденные черты, с трудом узнал убитую горем вдову своего слуги. Видно, гибель мужа окончательно лишила её и без того скудных средств к существованию.

— Эльза, бедняжка! Я — бывший хозяин твоего несчастного Гримо.

Взгляд женщины сделался осмысленным. Атос нащупал в кармане монету посolidнее и вручил ей целых пол-пистоля, которые, конечно, были для нищей целым состоянием.

— Как твои дети?

— Ах, господин! После смерти мужа мне пришлось целыми днями скитаться по улицам, выпрашивая на хлеб. За малышами некому было присмотреть, и младший выпал из окна на третьем этаже, где мы снимаем угол. А дочь простудилась на его похоронах, и на прошлой неделе господь тоже забрал её к себе.

Эльза залилась слезами, не забывая при этом крепко сжимать в кулаке нежданно привалившее богатство.

Атос подарил несчастной ещё одну золотую монету и вошёл в таверну.

Когда друзья осведомились о причине задержки, он поведал им грустную историю, которую только что услышал.

— Да, жаль беднягу, — проворчал Портос, насаживая на саблю гуся, которого намеревался зажарить. — Если бы Планше и Базен не струсил тогда, верный Гримо был бы по-прежнему с нами.

— Один за всех — и все за одного! — вскричал д'Артаньян. — Клянусь честью, вот высший принцип. Сколько раз уже он спасал нам жизнь! Увы, лакейская порода, по большей части, не способна на самопожертвование. И вот результат: лишённый способности связывать себя с другими крепкими узами дружбы, Гримо, в конце концов, лишился и самой жизни. И даже след, оставленный им в мире, оборвался со смертью детей.

— Наполним же кубки, друзья! — подхватил Атос. — И помянем

всех несчастных, которые гибнут в одиночестве, не умея дружить!

— Да-а, — крикнул Портос, промочив горло, — на этот раз вино отменное!

— Полагаю, это заслуга Атоса, — скромно заметил Арамис. — Я слышал, как он хорошенько припугнул каналью трактирщика, который в прошлый раз под видом игристого продал нам обычное анжуйское.

Друзья разразились весёлым смехом, который, впрочем, немедленно прервал д'Артаньян.

— К дьяволу вино и трактирщика, господа! У меня есть вести поважнее. Спешу сообщить, что в бастионе Сен-Жерве вы избавили от гибели не только меня. Вы спасли целый род д'Артаньянов, который обещает быть обильным.

Мушкетёры переглянулись.

— Не хотите ли вы сказать, — осторожно начал Портос, — что ваша уважаемая супруга...

— Именно! Прошу прощения за откровенность, друзья но мне трудно сдержать ликование: Констанция беременна!

— Хо-хо, вот это, действительно, новость! — загремел Портос. — Отпуск, дарованный вам де Тревилем не прошёл впустую, а? Вина будущему отцу!

И тут Арамис, в продолжении почти всей пирушки погружённый в чтение, во второй раз поднял голову от своего любимого молитвенника в голубом сафьяновом переплёте.

— Заметьте, друзья, какая связь пронизывает все предметы в этом бренном мире! — сказал он наставительно. — Ведь мы сегодня пьём за скорое прибавление в семействе только потому, что не бросили тогда нашего юного друга одного на бастионе. Помните, как он просил пожертвовать им ради пари, и позволить прикрыть собой наше отступление? Итак, род Гримо прекратился по вине эгоизма, а род д'Артаньянов продолжится благодаря легендарной сплочённости мушкетёров.

Восхищенный этой речью Портос со всей силы ударил по столу бокалом, расколов его вдребезги.

— Тысяча чертей! Арамис прав. Не только любовь дана нам для продолжения рода. Дружба тоже! Да что там! Всё вокруг служит лишь одной славной цели: бесконечному вращению колеса жизни!

— И это колесо перемалывает нас одного за другим, — сказал

Максим, но вдруг осёкся.

Сняв шлем, он с удивлением обнаружил, что Анна положила голову ему на грудь. Он не заметил, как во время виртуального путешествия они совершили и реальное, переместившись на стоявший в углу кожаный диван и теперь полулежали в объятиях друг друга.

Макс осторожно высвободился, встал и отошёл к окну.

— Понимаешь, Аня... — начал он, стоя спиной к ней.

— Я понимаю только одно, — с тихой яростью прервала его девушка. — Тебе не нравится трахать женщин, тебе нравится трахать всем мозги!

Потрясённый Макс обернулся.

— А что, разве не так? — продолжала Анна. — Шеф маленькой лаборатории биохакинга метит в пророки. Мечтает распахнуть повсюду окна Овертона, и устроить вселенский сквозняк. Обесценить всё, чем живут люди, отобрать у них любовь, счастье...

Девушка закрыла лицо руками. Макс покачал головой.

— Аня, посмотри сейчас на себя. Ты серьёзно жалеешь, что у тебя отберут ВОТ ЭТО?

— Я тебя ненавижу!

— Ах, уже ненавидишь? От любви до ненависти, да? Интересно, а чего ты, собственно, ждала? Что я вот так легко предаю любимую женщину? А потом тайное станет явным, безграничное доверие сменится незаживающей раной обиды, пропадёт комфорт в доме — и всё это просто потому, что гормоны половозрелой самки понуждают тебя к размножению?

— Какая же ты скотина! — прошептала Анна со слезами на глазах.

— О, да! Лучше, чтобы у меня родился ребёнок на стороне, которого ты вырастишь, рассказывая, что его отец — негодяй. Но ничего, доченька! Верь: у меня не вышло — у тебя получится! И замороженный этой ложью ребёнок, в свою очередь, вляпается в отношения, и тоже не будет счастлив, но прекрасно родит и передаст дальше свою потребность в другом, столь полезную для эволюции.

— Перестань, перестань! — умоляла Анна, сжимая руками виски.

— Нет уж, теперь слушай! Даже сейчас, в век противозачаточных средств, страсти прекрасно увеличивают поголовье. Люди много раз пытались избавиться от понятия "измена но ничего не вышло. Мало у кого неверность близких вызывает нездоровое возбуждение, большинству она приносит боль. И механизм этой боли понятен: в условиях дефицита ресурсов самке надо удерживать рядом отца детей, а самцу важно быть уверенным, что он растит носителей именно сво-

их генов.

В общем, вся человеческая мораль глупейшим образом связана с половым размножением и его "побочками"— агрессией и инстинктом доминирования. Ведь главная цель всего живого — оставить потомство и в драке с другими накопить для него ресурсы. Причём, потомство — это не только дети, но и произведения искусства, здания, научные открытия, новые государства и политические системы — абсолютно всё, что с гордостью оставляет после себя человек.

Действительно, какой смысл жить, если ты не сумел продолжиться в веках? И тут нет никаких запретов: кради золото или идеи, убивай людей, животных или просто чьё-то семейное благополучие. Главное, любой ценой оставить след!

А значит, ни добра, ни справедливости, ни всеобщего счастья никогда не будет. Вся эта вакханалия страстей продолжится, пока мы смертны. Пока мы — люди. Человек — это звучит мерзко.

Но выход есть. Я уже говорил про искусственную утробу и ненужность в будущем притяжения М и Ж. Мы сделаемся чистым разумом, без канители инстинктов. В мире не станет любви, но и не будет боли.

Максим мечтательно вздохнул.

— Всё равно любить "другого" невозможно. Надо, чтобы вокруг остался только Я.

— Ну и оставайся один, нарцисс!

Схватив сумочку, Анна выбежала из лаборатории. Макс пожал плечами, надел VR-шлем и откинулся на диване, от которого ещё шёл аромат её духов.

Он видел, как люди с остановленным старением беспечно порхают по лишённой забот Земле. Транспорт водят роботы, пища готовится в наносинтезаторах, нет больше болезней и старения.

Только смерть пока не исчезла из мира, и у всех оставалась последняя, главная забота: дожидаться переноса сознания в неуничтожимую сущность. Над решением этой проблемы бились день и ночь, только уже не учёные, а саморазвивающиеся квантовые компьютеры. А в ожидании решения они каждый день осыпали людей новыми чудесами. Уже можно было как угодно менять внешность и характер, обретать любой талант, гасить и зажигать желания.

"Вот это, последнее, и станет главной революцией"— думал Максим. — "Люди перестанут страдать от потери интереса к делу и друг

другу, больше не нужны будут виагра, дисциплина и мораль.

Сбудется давняя мечта человека: всегда хотеть именно того, чего ты хочешь хотеть. Желать только правильных вещей, независимо от того, вызывают ли они у тебя желание".

Максим продолжал виртуальное путешествие по ближайшему будущему. Обретя возможность как угодно менять себя, люди стремительно становились одинаковыми. Ведь оптимальное решение — всегда единственное, как кратчайший путь между двумя точками.

"Вы были разными только потому"— размышлял Максим — "что от вас ничего не зависело. Тому, кто не имеет полной власти над собой, приходится соглашаться на не самую лучшую судьбу, внешность и таланты. Всех учат быть довольными собой, но не объясняют, что это самообман. На самом деле, никто не хочет быть толстым, и получив полный доступ к обмену веществ, все выберут нормальный метаболизм, а значит, стройное тело. Никому не нравится быть слабым, вспыльчивым, заторможенным, и если можно свободно сочетать типы темперамента, брать от каждого лучшее и избавляться от худшего, все рано или поздно станут сильными, подвижными и терпеливыми. Если внешность целиком в наших руках, она постепенно сделается универсальной, объединив лучшие признаки всех пяти рас".

Ну, а когда все сделаются копиями друг друга, впереди останется только одна цель: слияние.

— Да что это я, в конце концов? — возмутился Максим.

Ему надоело сочинять тексты, и он вызвал себе в помощь нейросеть.

— О'кей, Порфирьевич!

— Я к вашим услугам, шеф! — произнёс скрипучий, живой, прекрасно синтезированный голос.

"Интересно"— подумал Максим — "скоро ли начнутся массовые самоубийства писателей, не выдерживающих конкуренции с искусственным интеллектом?"

— Порфирьевич, набросай-ка мне роман о будущем человечества. Начни с сегодняшнего дня, с успехов биомедицины и генной инженерии. Только не выдумывай страшилок о восстании машин или о том, как богатые будут жить вечно, а остальных сделают рабами. Мы же с тобой не параноики, в конце концов. Ну, хорошо, можешь добавить парочку кризисов, сначала экономический, потом — в головах. Но в основном чтобы всё было реалистично.

Так-с, проходит ещё лет десять-двадцать, и люди получают пол-

ный доступ к своему телу на молекулярном уровне. Мы расчеловечиваемся, переходим в техногенную послежизнь и становимся копиями единой, универсальной личности. Причём, заметь: каждый вправе считать, что это именно его облик приняли все остальные.

Не уставай повторять всё это в тексте. Помни: твоя цель — вовсе не занимательность, главное — покрепче вбить в головы людей то, что должно вскоре стать истиной. И тогда они сами помогут этому сбыться.

Итак, кругом — только я и мои отражения. Фактически это одно существо во многих лицах, и, естественно, оно тяготеет к слиянию, согласен? Короче, на следующем этапе вместо толпы киборгов появляется мыслящий рельеф. Такое, знаешь, тихое и вечное мерцание бытия без инстинктов. Туда же отправь животных, их тоже надо избавить от боли постоянных рождений и смертей, а также растения и горные породы. В общем, Земля превращается в гигантский суперкомпьютер, который быстро распространяет своё влияние на Солнечную систему, Галактику и Вселенную.

А дальше — самое главное, Порфирьевич. Вычислительная машина таких размеров наверняка найдёт способ изменить законы физики, отменить остывание космоса. И как только мы победим энтропию, возникнет бессмертие. Только истинное, а не в религиозных сказках.

Ну, и всё, финал. Полный контроль над реальностью, без труда, ошибок и озарений. Справишься, пока я схожу в душ? Молодец, удачи!

... ∞ ...

Ирина Брестер

<https://www.irina-brester.ru/>
<https://www.litres.ru/irina-brester/>

рассказ

«ЖИЗНЬ – ЭТО ВЕЧНОСТЬ»

Шурша осенними листьями, что россыпью лежали под ногами, переливаясь оттенками багряного, желтовато-бурого и местами ещё зелёного цвета, по лесу шёл Путник. Он был высок ростом и массивен. Длинные белые волосы струились волной по плечам. Глаза его были опущены, прикрыты такими же белыми, как и волосы, ресницами. Губы что-то нашептывали, еле слышное. Слов не разобрать, а звучание их сопровождалось неизвестно откуда льющимися разноголосыми оттенками музыки.

Путник вёл за собой лошадь, белую, молчаливую. Она ступала тихо и неслышно, вгрызаясь в почву, но не оставляя следов.

Тишина царила вокруг. Лёгкий белый туман еле заметной дымкой стелился по земле, окутывая всё вокруг своим неявным преображением. Лес жил так, как мог только он.

Навстречу Путнику, быстро перебирая по листве своими маленькими ножками, спешила девочка. Она была одета в длинную белую рубашку, из-под полы которой выглядывали коричневые сабо. На голове у девочки был венок, сплетённый из маленьких осенних цветов. Короткие кудряшки падали на лоб. Девочка улыбалась.

Путник, поравнявшись с ней, остановился и медленно раскрыл глаза. Они светились ярким синим светом. И в их глубине угадывались спокойствие и тишина, сродни лесу. Путник был его частью.

– Маленькая Агнесса, – певуче произнёс он, и сотни колокольчиков отозвались эхом, разнеся его по лесу. – Куда спешишь, дитя?

– Меня позвали птицы, – сказала девочка. – Сегодня в час, когда туман поднимется выше уровня трав, они полетят в дальние края, чтобы провести там три месяца тепла и веселья.

– И ты хотела бы проводить их в полёт?

– Я хотела бы полететь с ними. . .

Агнесса смущённо улыбалась. В задорных глазках горел огонёк.

Путник казался невозмутим. Его спокойствие иногда принималось за суровость. Так думали те, кто слишком мало его знал. Но Агнессе он был знаком с рождения. Когда над колыбелью появилось его лицо, приветливое, улыбающееся, она протянула к нему свои крошечные ладошки и легко схватила за волосы, длинными прядями спускавшимися вниз. Он не отодвинулся, а напротив, притянулся к колыбели ещё ближе. И новорожденная девочка, ещё даже не получившая своего первого имени, подарила именно ему свою первую улыбку.

– Она станет лучезарной, – сказал он, обратившись к её родителям.

– Что это означает?

– Придёт время, и вы сами всё поймёте.

Путник исчез так же быстро, как и возник. Произнеся заветные слова над колыбелью младенца, он, взяв свой посох, вышел за дверь. Белый конь ждал его за воротами. Путник взял в руку поводья и отправился дальше – в свой вечный, полный странствий и событий день.

Шло время. Маленькая Агнесса росла. О Путнике вспоминала нередко. Поначалу то были смутные воспоминания первого младенческого запечатления. Она с трудом различала их оттенки и потому не могла выразить словами. Когда же ей удалось овладеть общим языком, то образы, живущие в её памяти, будто снова ожили. Они засияли новыми красками. И вот уже сама Агнесса могла раскрашивать их только ей одной ведомой палитрой.

– Когда снова придёт он? – спрашивала она родителей.

– Кто он, дитя? О ком ты говоришь?

– Я о Путнике.

– Ах, вот оно что. . . Ну, о нём мало что можно сказать определённого. . . Путник появляется тогда, когда больше всего нужен. Или во время самых значимых событий.

– Каких? – глаза Агнессы были полны любопытства.

– Например, свадьба. Или рождение ребёнка.

– А что делает Путник, когда приходит?

– Он благословляет новобрачных, венчает их головы венцами верности из лесных трав, произносит над ними молитвы.

– И к вам на свадьбу он приходил?

– Нет, – замешкавшись, ответила мать.

Агнесса удивилась.

– А почему? Ты же сказала: он появляется тогда, когда больше всего нужен.

– Ну, видимо, в тот день кому-то оказалось нужнее, чем нам, – добавил отец. И заметив, как погрузилась дочь, добавил. – Не грусти, дитя. Путник всегда знает, когда нужно прийти. Если в тот день его не было с нами, значит, он был где-то ещё.

– А в мой День Рождения он пришёл! – вспомнила Агнесса.

– Да, это был особенный день. Туман стелился по траве, и на десяток шагов вокруг не видать было ничего. Путник появился неслышно, как всегда. Тихо вошёл в приоткрытую дверь и сразу – к тебе. Ты плакала, лежа в колыбели. Но как только появился он, сразу успокоилась. Он заглянул к тебе и...

– Что? – воскликнула Агнесса. – Что было дальше?

– Сказал, что ты самое прелестное дитя, какое он когда-либо видел. А потом назвал тебя лучезарной.

– Лучезарной... – повторила Агнесса. – Что это значит?

– Путник сказал: придёт время, и мы всё поймём сами.

Не раз потом Агнесса возвращалась к этому разговору, спрашивая родителей, пришло ли уже то время, про которое говорил Путник. Но родители не знали, что ей ответить. И тогда она стала задумываться над тем, как бы стать лучезарной.

– Знать бы, что это такое!.. – вздыхала Агнесса и отправлялась гулять в лес. Там, в тени высоких страж-деревьев, увенчанных прохладой, она подолгу отдыхала, лежа на траве и вглядываясь в кромку неба, что проникало сквозь густые кроны. А когда появлялся туман и лёгким седым покрывалом начинал застеливать землю, она нехотя поднималась и уходила. Он провожал её незримой рукой, а потом продолжал окутывать лес. Всё засыпало до следующего утра.

Так изо дня в день, из года в год маленькая Агнесса приходила в лес, чтобы встретить рассвет нового дня. Где-то над самой головой сладкоголосыми трелями пели птицы. Сначала Агнесса слушала их музыку, затем стала различать слова. Они пели о разном, но неизменно – о жизни, о вечности, о любви. И было в их пении столько нежности, что сердце в её маленькой груди замирало от восхищения.

Как-то Агнесса спросила птиц:

– Почему девять месяцев в году вы живёте здесь, а потом улетаете?

Птицы ответили ей звонкой трелью.

– Потому что лес тоже нуждается в отдыхе, как и всё живое на земле. Потому что вечность тоже имеет свой цикл, каждый раз проходя его по кругу. Двенадцать месяцев в году, и каждый примечателен особо. Мы же любим тепло и свет. А когда лес погружается в сон, будить его никто из нас не станет. Вот и улетаем туда, где свет находит себе приют на эти три месяца жизни. А когда лес начинает оживать, мы возвращаемся, чтобы своими песнями помочь ему пробудиться. И всё начинается заново.

Агнесса любила говорить с птицами. Они рассказывали ей о многом, чего она никогда бы не узнала сама. Например, о том, как выглядит лес с высоты их полёта.

– Он волшебный! – восхищались они. – Такой живой и... неземной! Шумит ветками, шуршит листьями, будто разговаривает. И машет нам руками, провожая в путь. У каждого он свой. И каждый неизменно возвращается к началу, чтобы пройти его заново. Но – каждый раз по-разному.

– А что такое бесконечность? – спрашивала Агнесса. – Вы её видели когда-нибудь?

– Бесконечность? О, это и есть сама жизнь! И лес тоже – бесконечен. Потому что всё, что есть в нём, принадлежит жизни.

– А люди? Люди также бесконечны?

– Люди – это разум и душа. А они всегда существуют. Значит, оба и есть бесконечность.

Агнесса слушала их и убеждалась, как много, оказывается, знают птицы. Они могли бы поведать людям все тайны создания. Если бы только люди умели спрашивать...

– Когда придёт Путник? Сколько мне его ждать?

– Этого никто не знает. Он всегда появляется там, где больше всего нужен.

И Агнесса вздыхала, и ждала его каждый день.

Однажды, когда ей минуло шесть лет (листья уже начали опадать), она, по обыкновению, прогуливалась по лесу. Ветер стоял еле слышный. Ветки слегка покачивались, а вчерашний туман опускался в землю. Она шла в своём любимом сабо, сделанным её отцом. Венок, сплетённый из ярких соцветий, охватывал её маленькую головку. Агнесса что-то напевала, то и дело прислушиваясь к птичьим голосам. Они говорили о том, что скоро листья совсем облетят, и

значит, настанет пора улетать. Вдруг по едва заметному шуршанию девочка уловила чьи-то шаги. Сердце подсказало: к ней идёт сам Путник! И она бросилась ему навстречу.

Он был всё такой же, каким она его запомнила. Длинные белые волосы, глаза волшебного сияния, мягкая улыбка и внимательный взгляд. Лёгкой поступью он шёл, едва прислоняясь к листьям. А белый конь, что следом за ним в унисон его шагов, земли едва касался, следов не оставляя вовсе.

– Это ты! – Агнесса запрыгала от радости. – Наконец-то! Я так тебя ждала!

– Знаю, дитя, – певуче произнёс Путник. – И я очень хотел тебя увидеть здесь. Ты любишь этот лес?

– Да! И лес, и деревья, и птиц.

– Ты говоришь с ними. Понимаешь их язык.

Агнесса кивнула. Он всё о ней знал.

– Ты хочешь стать им ещё ближе.

– Хочу. Как и они, хочу – в небо!

– Ты полетишь. Обязательно полетишь.

– Когда?

– Уже совсем скоро. Когда солнца луч упадёт тебе на ладонь, превратив её в крыло.

– Неужели это произойдёт?

– Конечно, – пообещал Путник. – Надо верить. Всегда надо верить. Жизнь – вечность, и в ней возможно всё. Ну, а пока, дитя, позволь оставить тебя ненадолго. Мы скоро увидимся здесь.

Агнесса не успела махнуть ему рукой, как Путник исчез. А птицы запели ещё громче и сластнее. Тогда она, повинувшись своим чувствам, закружилась в лёгком танце и, закрыв глаза, стала представлять себя птицей.

– Он сказал: совсем скоро, – мечтала Агнесса. – Значит, я снова его увижу! – и, радостная, продолжала кружиться.

Прошёл ещё год. И в день, когда она пришла в лес прощаться с птицами, повстречала Путника. Он шёл не спеша, ведя за собой туман. А листья совсем облетели и шуршали под ногами.

– Вот и я, дитя, – сказал Путник. – Я пришёл, как обещал.

– Значит, сегодня у меня вырастут крылья?

Он улыбнулся. А потом слегка коснулся её ладони своим посохом. Что-то блеснуло вдали и тут же пропало. А потом Агнесса увидела, как засияли её раскрытые ладони.

– Агнесса Лучезарная, – промолвил Путник.

И девочка почувствовала, как этот свет стал заполнять её всю изнутри. Необыкновенную лёгкость она ощутила вместе с ним. И эта лёгкость подняла её вверх – туда, где она стремилась быть всё своё детство, – к небу.

– Я лечу! – восхищённо кричала Агнесса, поднимаясь всё выше.

– Возвращайся, дитя! – взывал Путник. – Лес всегда ждёт.

И птицы, приняв её в свою стаю, указали путь – тот, которым летели всегда. Агнесса взглянула вниз и издала возглас восхищения. Лес никогда ещё не был так красив, как в тот миг – блаженного полёта в вышине. Птицы всегда говорят правду. Нужно только уметь им верить.

Вера и есть бесконечность. Есть сущее, но есть и то, что предвечным вместе с ним выступает. Это сам свет – как мерцание, как блик, как круги на воде, как листва под ногами, как весь этот лес, как всё то, что словами не объять. И если это и вправду существует, то имя ему – ЖИЗНЬ!

... ∞ ...

Лидия Лиманова

рассказ

«Да будет светел путь. . . »

Ольга проснулась от того, что по всей деревне во всё горло пели петухи. Не привыкшей подниматься в такую рань женщине хотелось ещё поваляться, сказывалась усталость, накопившаяся за последние дни. - Всё – таки хлопотное это дело - похороны,- спешно одеваясь, подумала женщина. Когда вышла на крыльцо, просто обомлела от увиденного. Во дворе ни одного осеннего листочка, грядки все прибраны, козочки в загоне жуют сено, как будто бы кто-то с раннего утра здесь потрудился. Ольга огляделась вокруг: «Никого». Она бросила взгляд на могучий дуб, который, как ни в чём не бывало, шелестел пожелтевшей листвой. - Ну, ладно, раз за меня всё переделали, успею съездить в городскую квартиру за вещами и к вечеру вернуться.

Впопыхах накинула плащ и бегом на первый автобус.

Чувство вины ни на минуту не отпускало женщину. Потирая кисти с синяками - отметинами от пальцев бабушкиных сильных рук, она начала мысленно прокручивать события прошедшей недели. Вспомнилось, как позвонила соседка и сообщила, что баба Ядвига слегла, как бросила всё и примчалась к больной.

- Бабулечка, не хочешь в больницу, так говори, какой отвар тебе приготовить, с какой грядки чего сорвать. Помнишь, в детстве ты меня просила то одну травку с огорода принести, то другую, а я всё запомнить никак не могла, что где растёт.

- Скоро всё внученька будешь знать и уметь, что положено от тебя не уйдёт, - как – то таинственно произнесла бабушка, тогда Ольга не придавала значения этим словам. Только сейчас всё сказанное больной бабушкой приобретало определённый смысл.

- Да не суетись ты так понапрасну. Я свой век отжила. Посиди лучше со мной. Моя умница.

- Бабушка, я у тебя всё спросить хотела, да как – то не получалось.

- Спрашивай, коли нужда в том есть. Вот ведь как, жизнь к закату движется, а нам так и не довелось просто посидеть, да поговорить. Всё постоянные заботы, а как же: и выучиться надо, и семьёй обзавестись, и работать. . . Ты ведь у нас вон какая, грамотная - докторша, или как правильно – то?

- Доктор психологических наук. Всё сама учусь, всех учу, как жить надо, а на тебя, самого родного человека, времени не хватало, - с досадой произнесла Ольга, и тяжело вздохнув, продолжила: «Ты рассказывала, что наш род идёт со Львовщины. А почему оттуда уехали? Как говорится: где родился, там и сгодился».

- Моя бабка Иванка говаривала, что многие в ту пору оттуда ринулись на Алтай в поисках Беловодья. Старцы - паломники сказывали: в стране, что Беловодьем зовётся, божья благодать и все чисты духом, и способности, данные свыше, преумножаются. Меня тогда ещё в помине не было. Иванка определила место возле могучего дуба. Гамузом отстроили дом на лиственных сваях, чтоб на века. Иванка с сыновьями в нём и осталась. Остальные же дале, кто на Байкал, а кто на Тибет подался, в поисках лучшей доли, подальше от жандармского произвола, да от государевой власти.

- А кто же здесь управлял, если до этих мест, как ты говоришь, государева власть не доходила.

- Всем миром и управляли. По совести. Не знаю уж когда посередь села столб с колоколом кто- то поставил. В него и звонили, коль приспичит. Собирались селом и мирно, сообща, всё улаживали. Последний раз этот колокол звонил, когда война началась. Многие на ней сгнули. Я тогда молодой вдовой осталась. Вот так и жили».

Слёзы безутешного горя и утраты потекли по щекам женщины. Вспомнился последний день умирающей бабушки.

- Внученька, ухожу я, заканчиваю свой земной путь. Послушай меня и всё исполни, что скажу.

Бабушка мёртвой хваткой вцепилась в Ольгины кисти и начала свою исповедь:

«Давно это было. А помню, как сейчас. Времечко минуло, будто бы воробышек пролетел. Мы только свадьбу отыграли, твой дядька женился, бабка Иванка позвала меня к себе. Она знахаркой была. Все травы, что растут на Алтае, знавала. Людям помогала. Сразу после войны, мор начался от лютой болезни. Я хорошо помню, как

она спасала исстрадавшийся, бессильный против хвори люд. Так вот, позвала Иванка меня к себе и говорит, что умирает, и настало время свои знания передавать. Эти знания передаются от бабушки к внучке. Прочитала она молитву и сказала напоследок: "Прими с благодарностью и помогай людям, как я помогала". Как только сказала, сразу же испустила дух. Вот ведь как: не успели на свадьбе вдоволь навеселиться, а тут похороны подоспели, радость и беда порозь не ходят».

Бабушка перекрестилась и продолжила: "Теперь моя очередь настала передавать свои знания. Не пытайся сразу всё уразуметь, всё придёт постепенно, всему свой черёд. Не бросай дом. В нём многое для тебя откроется. Листву прибирай в кадки, что во дворе. Она дарована священным дубом, силы даёт и негоже ей, где попадая валяться. Следи за колодцем. Ухаживай за козочками, от них - целебное молочко. Обязательно пригласи священника для отпевания. Хочу, чтоб всё было по-людски».

- Бабушка, да ты же в церковь никогда не ходила,- удивилась Ольга.

- Не путай, внученька, церковь с попами. И прости меня, с моими знаниями очень тяжело жить на этом свете, - прошептала бабушка, уставившись молящим настойчивым взглядом в глаза Ольги.

- Прощаю,- испуганно произнесла внучка.

Умирающая женщина откинулась и навсегда сомкнула свои веки.

Приехали родственники, соседи пришли проводить в последний путь. Вот только местный поп заартачился: "Мы её анафеме предадим за тёмные дела".

- Она же людей лечила, здесь какое - то недоразумение, - взмолилась Ольга. Пришлось священника приглашать из города.

За раздумьями Ольга даже не заметила, как доехала до своей остановки. Составила план действий, это была одной из её привычек: «На кафедру, продлить отпуск. А может быть, совсем уволиться? Пенсию заработала, за научные труды капает. Дети взрослые. У каждого своя жизнь. Муж ещё по молодости ушёл. Кому нужна жена, занимающаяся наукой, а не домашней работой».

К тому же, Ольгу всегда тянуло в деревню, с её патриархальным укладом, с бревенчатым домом, похожим на терем из сказки, с открытыми бесхитростными селянами. Там было что-то такое необъяснимо притягательное для Ольгиного сердца. Она решила переехать в бабушкин дом.

Как и планировала, ближе к вечеру она уже поднималась по сту-

пеням высокого крыльца. Оглядевшись вокруг, Ольга остановилась как вкопанная, замороженная видом величественной красоты таёжной природы. За кустами малины и смородины, что у дальнего забора, открывалась полоса красно – жёлтого осеннего леса. Над ним возвышались, устремляясь в голубое небо, вечно – зелёные кедры. Чуть- чуть поодаль, словно неразлучные подружки, сплелись раскидистыми кронами, цвета полыни, вековые сосны, особняком стояла светлюбивая лиственница. И посреди этого жёлто - багряно-зелёного великолепия, под лучами клонившегося к закату солнца, прозрачной бирюзой отливало таёжное озеро. Женщине вспомнилась молитва из далёкого детства, которую она, переделав на свой лад, шептала вместе с бабушкой: «Боже, какое счастье родиться и жить среди могучих деревьев, намертво вросших своими корнями в алтайскую землю. Среди людей, прочно стоящих на ногах и не утративших восторженной души под натиском суровых таёжных невзгод. Спасибо за ароматные лесные ягоды, сытные грибы, за целебный воздух».

Сколько простояла на крыльце зачарованная женщина, сказать сложно. Только заходящее солнце, сверкнув последними острыми лучами прямо в глаза, ослепило её, заставив невольно зажмуриться, и вывело из состояния умиротворённого оцепенения. Таёжное светило скатилось за лес, окрасив в розово - малиновые тона всё вокруг: рыхлые облака, бирюзовое озеро, жёлтые листья дуба во дворе.

- Как резко пожелтели его листья. Засыпало весь двор. Завтра с утра уберу. Бабушка же наказывала прибирать листву. Женщина вспомнила эпизод из детства, когда бабушка, стоя на коленях, что-то шептала дереву.

- О чём ты с ним разговариваешь? - спросила девочка пожилую женщину.

- Благодарю, внученька, что укрывает летом от зноя, а зимой от холода, силы даёт. Ольга прошептала: «Спасибо, тебе дуб, что радуешь взор удивительной золотой кроной». Женщина вошла в осиротевший дом, взобралась на чердак, где бабушка сушила травы на зиму. Здесь стояла большая ковкая кровать, которую привезли ещё со Львовщины. Ольга, гостившая на летних каникулах в деревне, частенько располагалась на этой "Царской" кровати и целыми днями захлёб читала. Потом женщина прошла в просторную комнату с добротной печью внушительных размеров, которая с вечера до утра держала тепло. По городским меркам это - кухня. За печкой - небольшое пространство, где стояла узкая лежанка, там ба-

бушка спала, творила молитвы, заговоры, там же сомкнула навсегда свои очи. Решила ничего не трогать: «Пусть остаётся всё так, как было при бабушке». Прошла в свою комнату. Тихий вечер плавно перешёл в ночь. Ольга забралась под одеяло, раскрыла книгу. Но накопившаяся усталость взяла своё, женщину одолел сон.

Среди ночи Ольга проснулась от какого - то странного шума, как - будто кто-то мёл двор. Женщина выглянула в окно. Полная луна освещала взлетающие с земли осенние листья. Какая -то неведомая сила подхватывала их и несла к подножию дуба, где между корней виднелся провал.

-Что это? Мерещится?

Ольга взяла телефон, чтоб подсветить под ноги, и, осторожно ступая, пошла к входной двери. К её изумлению дверь была нараспашку. С крыльца отчётливо было видно большую нору под могучим деревом, куда сплошным потоком летели, словно птицы, осенние листья. Женщина последовала за ними.

- Странно, почему меня так тянет за ними. И мне нисколько не страшно? Да и откуда взялся здесь этот вход?

Она шла и шла за летящими листьями, совершенно отчётливо понимая, что подземелье уже вышло за пределы огорода и перетекло в какой-то неведомый тоннель, пока её телефон не начал разряжаться.

-Пора возвращаться. Утро вечера мудренее. Завтра возьму фонарь с мощным аккумулятором, тогда, возможно, удастся исследовать это загадочное подземелье.

Ложиться в холодную постель не хотелось, и Ольга улеглась на лежанку за тёплой, с вечера протопленной печью.

-Что это? Неужели и вправду бабушка была колдуньей?

В памяти всплыл один инцидент.

-Когда ж это было? Да лет шесть, скорее всего, семь лет назад. Тогда ещё церковь, откуда - то нахлынувшие фермеры вскладчину построили. Иду по селу к дому. Пока от остановки через всю улицу пройдёшь, со всеми перездороваешься. А тут, как - будто, все вымерли. И только дети бегут, и вослед кричат: "Молодая колдунья приехала, молодая колдунья приехала..." Впереди этой толпы девочка лет десяти с очень знакомыми глазами, надрывается изо всех сил. Я ещё тогда подумала: кто это здесь молодая, неужели про меня? Так уже полтинник на горизонте светится.

Где - то через месяц, когда вновь пришлось добираться на автобусе, картина повторилась.

- Я ж психолог, доктор наук, неужели не смогу разрулить эту ситуацию.

В ближайший выходной специально пошла по улице, чтоб встретиться с крикливыми детьми.

На их: "Колдунья, колдунья..." - по доброму ответила: "Конфет шоколадных хотите?" Все тут же замолчали, разбежались и только девочка с очень знакомыми глазами, преодолев робость, подошла. Я достала куклу в изумительном наряде. Девочка взвизгнула от восторга. А когда протянула ей расписную коробку с шоколадными конфетами, та от неожиданности, округлив глаза, начала просить прощения: "Это всё бабка Любка всем рассказывает, чтоб обходили ваш дом стороной, что в нём ведьма живёт. Вот и моя бабушка в церковь ходит, грехи отмаливает, потому что когда - то, давным - давно обращалась за помощью к бабе Ядвига. И поп тоже всем говорит, чтоб не ходили к колдунье, а ходили только в церковь и пожертвования приносили".

- А как тебя зовут? - спросила Ольга.

- Ядвига.

- А, всё ясно! Ты знаешь, что похожа на свою бабушку?

- Да об этом все говорят. А вы тоже мою бабушку знаете?

- А тебе не рассказывали, почему тебя нарекли таким странным именем, несвойственным для этих мест?

- Почему? - заинтересовалась девочка.

- Я тебе могу рассказать. Мне тогда лет двенадцать было...

- Вам двенадцать? Это же, наверно, так давно...- изумилась девочка.

- Ели хочешь, чтоб я всё тебе рассказала, не перебивай, договорились?

«Среди ночи стук в окно. Душераздирающий крик: "Богдановна, помоги. Доченька умирает". Бабушка взяла на руки двухнедельную малютку, которая хрипела, как - будто её душили. Скрылась с ней за печкой, закрылась плотной занавеской. Нам строго настрого запретила туда заходить. Твоя бабушка побелела как мел, а её глаза были полны такой печали и тоски, что я на всю жизнь это запомнила. Что уж знахарка там шептала, как врачевала, только под утро раздался крик младенца. Ядвига приказала твоей бабушке идти домой, заниматься хозяйством, да отдыхать: "Нечего тебе здесь сидеть, да горевать. Всё будет хорошо, лишь бы у тебя молоко не пропало". Через

неделю девочка - твоя мама полностью поправилась. Как только не благодарили бабушку Ядвигу, денег предлагали. Но она наотрез отказалась: "Ни... гроши ни за что не возьму. Принесите мне первачка пару литров для настоек, вы ж делаете, и гусей – парочку, коль не жалко". Тогда твоя бабушка выдала: "Вот собираемся покрестить нашу малютку, назовём её в честь тебя - Ядвига".

- Да что вы? Сказались? - возмутилась тогда баба Ядвига.

- У неё уже есть имя. Я ж все заговоры да молитвы на Елизавету творила. Вот когда будет внучка, её можете назвать моим именем".

Девочка, распахнув глаза, слушала историю про своё наречение.

- Неужели это всё - правда? Не врёте?

- Да спроси сама у своей бабушки. Раз она в церковь ходит, побойтся покривить душой.

С тех пор никаких улюлюканий по поводу колдовства не было.

Уснула Ольга только под утро. Проснулась ближе к полудню. Наскоро умылась, выпила чашку кофе. Прибралась во дворе, потом достала с чердака фонарь и отправилась к дубу. Что-то подсказывало: нужно убрать из ложбинки, что между корней, листву. Едва женщина разгребла руками осенние листья, как открылся вход .

Для подземелья разницы нет день то или ночь, всё одинаково темно. Фонарь высвечивал тоннель, указывая путь. Вдруг на расстоянии видимости возникло серое облако. Ольге послышались голоса, словно кто-то шептал: "Это - своя, пусть проходит".

Когда едкая облачность, от которой першило в горле, слезились глаза, закончилась, перед женщиной вспыхнул необыкновенный, переливающийся цветами радуги, свет. Хотя он и был ярким, совершенно не слепил. Дальше шла сплошная изумрудная зелень и поля невиданных ягод, которым не было ни конца, ни края. Такого душистого аромата Ольга в своей жизни ещё не раз не встречала. Журчали родники, бившие из-под редких камней, хаотично разбросанных по мягкому зелёному ковру подземной травы. На душе было настолько радостно и сладко, что женщина подумала: "Неужели я попала в рай".

- Мы ждали тебя,- раздался нежный голос.

Ольга подняла глаза. Над ней в лучах подземного солнца парил образ прекрасной женщины в золотистом покрывале в окружении птиц с прозрачными крыльями. Ольга от изумления не сразу сообщила, что сказать.

- Мы ждали тебя, ты одна из нас. Ты - сведующая, - объявила парящая женщина.

- Теперь врата в наше святилище для тебя открыты навсегда.

Собравшись с духом, Ольга спросила: "Кто вы такие? Насколько мне известно, ангелы живут на небесах".

Женщина в золотистом убранстве, улыбнувшись, ответила: "Под землёй тоже есть жизнь, и она подпитывается от земного ядра, которое не менее ярко, чем солнце. А теперь, тебе нужно торопиться в свой мир на свой свет. Ты должна вернуться до рассвета.

Ольга удивилась: «Вы полагаете, что там, наверху уже скоро рассвет?»

- Почему тебя это удивляет? Время здесь идёт намного медленнее.

Да, и по хозяйству тебе придётся управляться самой, теперь ты ведаешь обо всём!

- О чём я ведаю?- хотела спросить Ольга, но не успела. Образ светящейся женщины в окружение ангелов растворился.

Занималась заря. Спать совершенно не хотелось. Надо было подмести двор, набрать воды из колодца, затопить печь, очистить грядки с целебными травами, покормить козочек. Вспомнилась бабушка, которая постоянно хлопотала по хозяйству: то в огороде, то у печи, то на чердаке, то в подполе, где хранились многочисленные баночки со снадобьями.

-Когда же она спала? - только сейчас пришло на ум Ольге.

Перебрав высушенные травы, она решила прилечь, немножко отдохнуть. Начала поправлять подушку на лежанке и под ней увидела старую тетрадь.

- Так это же заговоры, молитвы, да рецепты.

Женщина так увлеклась чтением, что не заметила как наступила ночь. На последней странице было написано: "Из тьмы небытия пусть воссияет душа твоя и явит твой земной образ. Хочу увидеть тебя, услышать твой голос и вникнуть в смысл знаний".

Над Ольгиной головой появилось облачко, которое стало постепенно увеличиваться и на глазах превратилось в седовласую женщину.

- Бабушка Ядвига... Но, как это случилось?

- Раз ты смогла меня вызвать, значит, ты ведаешь о заговорах и молитвах.

- Бабушка, что это - колдовство? Я - то думала, что ты просто травница. Теперь не знаю, что мне со всем этим делать. Подземное царство, тоннель под дубом, заговоры, способные вызывать мертвецов.

- Внученька, мне нечего ответить. Я тоже долгое время не могла принять и поверить в свалившуюся на мою голову участь. Стало быть, так нужно. Чую, нелёгкие дни выпадают на твою долю, - немного помолчав, явившаяся с того света баба Ядвига, продолжила: «Хочу покаяться перед тобой, что нажила я врагов на этом свете. Совершила оплошность».

- Да ладно, не может быть.

Бабушка, переведя дыхание, начала свой рассказ:

« Как- то бабка Любка принесла умирающую внучку. Так рыдала, так молила, чтоб я исцелила её единственную внучку. Я целую неделю творила молитвы, отпаивала снадобьями и вот девочка открыла глазки. Испила водицы, даже кашки поела и уснула. Мне так захотелось обрадовать Любу добрым известием. Я побежала за ней. Однако, когда мы вернулись, девочка была бездыханной. Бабка Любка начала кататься от горя по полу. Я решилась на крайность, схватила мёртвого ребёнка и побежала с ним по тоннелю к нашей Царице. На мою просьбу Царица ответила, улыбнувшись птичке с прозрачными крыльями, резво кружившей над её головой: "Да отпусти ты её душу с миром. . . Душа этой девочки непростая, она одна из нас. Не хочет она возвращаться в тот дом, и уж новое тельце себе присмотрела. Там одна из ваших селянок на снастях".

Когда возвратилась назад с мёртвой девочкой на руках, у самого входа встретила Любу. Та взвилась, начала срамить меня, что я извела её внучку, носила в подземелье на шабаш. По деревне пошли слухи, что я общаюсь с нечистыми тёмными силами. Ты, наверняка, слышала об этом. Как теперь всё это выправить, внученька, тебе решать.

Мне пора. А ты все молитвы- то перепиши. И к последней молитве прибегай только в крайнем случае. Негоже живым с мёртвыми общаться».

Как только призрак растворился, вспыхнул первый лучик, окрасивший небо в розовый цвет.

Вот и утро. Ольга стала привыкать к ранним подъёмам, иначе не управиться, дел полно. Собранной листвой укрыла редкие растения, корешки которых были привезены с Тибета ещё при жизни Иванки. Вот - вот стукнут морозы. Аккуратно разложила и упаковала по

пакетам высохшие травы. Взболтала настойки, дозревшие убрала в подпол.

Тут с улицы кто-то позвал: "Тётя Оля, впустите. Это я - Ядвига".

- Ядвига, как ты выросла. Красавица. Чем занимаешься?

- В медицинский поступила. Но я не за этим. Хочу вас предупредить. Там бабка Любка от злости совсем умом поехала. Про подземелье какое – то без устали всем рассказывает. При местной церкви создали совет, хотят изгнать всех иноверцев из села, а в первую очередь, колдунью. Крестовый поход готовят.

- Да как же они могут вторгаться в частную жизнь. Это противозаконно.

- О каких законах вы говорите? Всё решают финансы. Фермеры не против этого шабаша. Они давно присмотрели ваш добротный дубовый дом. Не стесняясь, говорят: "Целый гектар земли засеян непонятно чем?" Так что тётя Олечка, поостерегитесь.

Как – то стало жутко на душе, Ольга лихорадочно начала сообщать:

«Что же тут можно предпринять? Адвоката хорошего надо нанять», - достала телефон, чтоб найти нужный номер. Но позвонить не успела. Раздался звон стекла. В окно изо всех сил тарабанила незнакомая женщина:

«Миленькая, помогите. Мне сказали, что только вы можете помочь. В больнице разводят руками, говорят, ничего нельзя сделать».

- Объясните всё, как следует, что случилось.

- Моего сыночка на охоте укусила лисица. Старый чёрт сам лазает по лесу с утра до ночи и мальчишку за собой таскает. Стало моего сыночку ломать, он, бедненький, криком заходится. А в больнице говорят, что это бешенство, это неизлечимо. Помогите Христа - ради! Всё отдам, - неистово рыдала женщина.

- Везите его сюда.

Ольга затопила печь, поставила в неё чугушки с колодезной водой. Закинула в них нужные травы. Залила кипятком дубовые листья в кадке. Из подпола достала настой из семи трав и шерстью переболевшей лисы. Только потом Ольга задумалась, откуда же ей всё это известно? Всё пришло на ум как - то само собой. Она перестелила постель на лежанке, приготовила пару простыней, полотенца.

Через некоторое время на «Тойоте» привезли подростка, его корчило и ломало так, что он кричал истошным голосом.

- Помогите мне привязать его к лежанке. Крепче вяжите, - обра-

тилась знахарка к мужчинам.

Выпроводив всех из дома, Ольга приступила к магии исцеления. Влила в иссушенный рот больного приготовленное зелье, прикрыла на некоторое время ладонью. Тут подростка начало выворачивать наизнанку. Казалось, рвота никогда не закончится. Жёлто - зелёная масса с протяжными натужными стонами вырывалась наружу из измученного тела. Всеми способами знахарка пыталась изгнать смертельный недуг. Всю ночь она колдовала над больным: растирала тело подростка настойкой, омывала водой из кадки, творила молитвы и заговоры. Семь потов сошло с Ольги. Её одежда насквозь вымокла. Под утро, наконец – то, крик и стоны прекратились. Мальчик уснул. Встревоженные родители заглянули в дверь.

- Он что, умер?

- Да нет, спит!

Мать подростка рассыпалась словами благодарности.

- Подождите благодарить. Ещё не время. Идите домой, отдохните. Вам ещё долго придётся выхаживать его!

Через два дня мальчик открыл глаза, попросил пить. Ольга с облегчением вздохнула: «Неужели я вытащила его?»

Всю неделю Ольга пребывала в состоянии эйфории: «Это моя первая победа, и какая!» Но радоваться пришлось недолго. Вечером, на седьмой день после случившегося, Ольга услышала песнопения.

- Кто это там распелся под моими окнами? - женщина выглянула в окно. Поп с попадьёй и церковный сторож из местных несли кресты и пели молитву, им осипшим голосом подвывала шедшая впереди с иконой Баба Люба. Поодаль шли человек шесть крепких мужчин в камуфляже - охранники фермерского хозяйства. За ними шагал их начальник. Процессия приближалась, и Ольге удалось разглядеть перекошенное злобой и яростью лицо бабы Любы. - Да, такие ни перед чем не остановятся. Лучше отсюда уйти.

Ольга схватила тетради с молитвами и заговорами и отправилась в подzemелье. До неё сверху долго доносился неистовый стук.

- По - видимому, решили выбить дверь. Ох, как им придётся повозиться с крепкой дубовой дверью.

Тоннель уводил Ольгу всё дальше и дальше от варварства, учённого в её доме.

Бабе Любе и её поделщикам удалось всё-таки выбить входную дверь. К разочарованию непрошенных гостей, в доме никого не было,

ни золота, ни серебра в комнатах они не нашли. Бабка зазывала всех к дубу: "Там вход в подземелье, где она все свои колдовские обряды творит, ищите".

Однако никакого входа в тоннель обнаружено не было.

-Баба Люба, может быть, вам всё причудилось,- выспрашивали сопровождавшие её люди.

- Я видела, я там даже бывала...

С усмешкой поглядывая в сторону пожилой женщины, мужчины в камуфляже, зевая, стали расходиться.

Главный фермер, которым и было срежиссировано это представление, стал давать распоряжения: «Раз дом ничей. Живите пока, баба Люба. Ваша - то избушка совсем покосилась. А огород, завтра же мы распашем. Весной засеем». - А чё с дверью- то делать. Навесте обратно. Да новый замок поставьте. А то я как буду без двери жить... И документы, как обещали, выправьте, чтоб всё по закону, - взывала к справедливости старая женщина.

- Не беспокойтесь. Всему своё время.

Поп тем временем перекрестил все углы, окропил святой водой: «Благословляю тебя, раба Божья Любовь, на житьё в этом доме».

С тем все и разошлись по своим домам.

Стояла глубокая ночь.

Ольга дошла до подземного святилища, где её встретил знакомый нежный голос: "Придётся тебе денёк пожить в нашем царстве. Что ж, погуляешь по бескрайним полям, отведаешь ароматных ягод. Исцелишь свою душу непревзойдённой красотой. А потом, с новыми силами возьмёшься за своё ремесло".

- А можно мне больше этим не заниматься. Уеду в город, буду преподавать, как прежде.

- Что ты, голубушка, а кто же будет исцелять. Помогать людям? Ты же избранная. Ты и вправду считаешь, что это мы выбираем свой путь. Нет, милая женщина, это путь выбирает нас!

- Как же я смогу вернуться в свой дом, когда там такое творится.

Хрустальный смех, словно колокольчик, раздался по святилищу:

«Даже смешно всерьёз воспринимать те деяния. Это же трусы, дельцы, уповающие на то, что если творят чёрные дела со святыми молитвами, это правильно. Но нет! Подземное солнце не допустит несправедливости. Да будет светел путь, что выбирает нас!»

Ни свет, ни заря бабка Любка прибежала к дому: «Батюшки, дверь на месте».

Торкнулась. Закрыто. Подумала: «Неужели работники так рано были здесь, всё исправили. И ключ, наверно, с собой забрали. Ничего. Обожду».

Тут подъехал трактор с бороной. Тракторист, из местных, разобрал часть забора. Но как только он заехал на участок, почва под ним расступилась. Тяжёлая машина пошла в провал. Ловкому трактористу удалось во время выпрыгнуть. Парень побежал прочь, выкрикивая проклятья: "Мне же говорили, чтоб не совался на это поле. Не для фермерства оно". Бабка тщетно пыталась до него докричаться "Сыночек, а где же ключи от дома? "

Вдруг утреннюю тишину села нарушил колокольный звон. Это вовсе не было какой-то неожиданностью. Ещё ночью Ядвига обежала все дворы: «Что ж твориться, знахарку выжить хотят. Её дом к рукам прибрать. Кто ж нас лечить будет? Мало она для нас хорошего сделала? Все об этом знают и молчат". Девушка даже постучалась в ворота староверов, которые жили на окраине села. За высокий забор её не пустили, но выслушали.

Ядвига изо всех сил раскачивала колокол, пытаясь дозвониться до каждого. Рядом с ней стояла улыбчивая девочка лет восьми, которая с гордостью смотрела на свою взрослую отважную подругу. К столбу с колоколом стали сходить жители алтайского села. Староверы под руки привели древнего старика, которому уже давно перевалило за сто лет.

Пришёл председатель правления с молоденькой девушкой. Она в руках держала маленькую коробочку.

-Это что за красивая тётенька, что у неё в руках, - спросила любопытная девочка. Ядвига с усмешкой ответила: "Это секретарша, сейчас включит диктофон, а потом составит протокол, чтоб отчитаться о проведённом собрании". Когда колокол, наконец, смолк, старец из староверов, распрямился и, окинув всех своим суровым взглядом, начал речь: «Добрые люди, сколько помню себя, мы всегда про меж собой ладили. Хоть каждый и веровал в своё. Только в двадцатые налетели чужаки, власть большевистскую стали устанавливать. Церковь мирян сожгли, святыни буддистов изничтожили, кумандинцев с шаманом согнали с Белой горы в тайгу, наш скит разорили, а в молельном доме амбар устроили. А вот знахарку тогда и не тронули. Болезнь они с собой привезли - тиф. Так бабка Иванка

всех пришлых алтайскими травами выходила. Потом - то всё, слава Богу, образумилось. А что ж, сейчас всё по новой. Сегодня знахарку изгонят, а завтра и до нас доберутся». Напористые женщины, крепкого сложения, казачьих кровей загалдели, перебивая друг друга: «Эти фермеры с глазами завидущими, с руками загребущими всё готовы прихватизировать. Семёныч, что отмалчиваешься?»

Председатель правления выступил вперёд: «Угомнитесь, я совсем не намерен молчать. По поводу фермеров есть установка выше, чтоб им оказывалось содействие. Гладкую дорогу кто сделал? Теперь на иномарках на ней разъезжать можно. Внуки – то каждую неделю приезжают, не так ли, Ильинична?» Мужик, подъехавший на «Тойоте» проворчал: «Гонки здесь устраивают».

- Так установим пост ГАИ. А работу высокооплачиваемую кто вам дал? – продолжил председатель.

- Ещё бы во время зарплаты платили,- не унимались бабы.

- А фельдшерский пункт?

-Только работать в ём некому.

- Ну, пока доктора из района приезжают. Потом своих вырастим. Школу обещают выстроить. Население - то прибывает.

- Пошто они крестный ход с попами устроили, в дом знахарки нашей ворвались?

- Я об этом не знал. Зачем? - председатель обратился к скромно стоявшему позади толпы священнику.

Поп, крестясь, ответил: "Лукавить не стану. Об этом попросили прихожане. Очень просили изгнать колдунью из села".

- Какие прихожане? Это чокнутая баба Люба,- ропот возмущения пронёсся по толпе. - Если хотите знать правду, так слушайте. Её дед был змееустом. Людей ядами лечил. Тем их семья и кормилась. А потом в селе появилась бабка Иванка. Все к ней переметнулись. Оттуда и пошла вражда. Бабка Любка после смерти деда всё пыталась вникнуть в ядолечение, но как не старалась, так и не смогла.

-Мы с маманей жить подле такой соседки боялись. Бывало, всех гадюк из леса перетаскает, змеевик в избе устроила,- поведал визгливый голос.

- Да не перебивай ты, дай дослушать, - возмутился кто - то.

Рассказчица продолжила: "А вот Ядвига переняла от своей бабки умения, стала лечить заговорами, да травами. Любка затаила в душе своей лютую зависть и злобу. А потом эта история с внучкой приключилась. Дура старая, ядом чёрной гадюки накормила захворавшую малютку. А после потащила умирающую девочку к Ядвиге,

и всю вину за смерть внучки на неё - то и свалила. Невестка с сыном тогда не стали заявлять, отреклись от неё, уехали из села, подальше от змеевика. Всё ж на глазах происходило. В селе ничего друг от друга не утаишь», - завершила женщина.

- Эти скверности тошно слушать, надо было во время образумить человека, к молитвам призвать, чтоб душу облегчить, - назидательно высказался старый дед.

- Так она и пошла к попам, откуда они только взялись на наши головы. Хапуги. Откуда только у них такие цены взялись? Всё одно все ездят младенцев крестить в город, там вдвое дешевле, - наперебой загалдел народ.

Председатель кашлянул, чтоб привлечь к себе внимание: "Разберёмся. А знахарку в обиду не дадим. Ни одно алтайское село не стоит без травницы. Это я обещаю. Самому доводилось в тот дом за помощью обращаться".

- Да сколько можно рассуждать, идёмте уже вызволять из беды молодую знахарку. Она моего сыночка с того света вернула, и никаких денег не взяла, - высказалась одна из женщин.

Староверы, священник и председатель со своей секретаршей отправились по своим делам, а остальные двинулись к дому знахарки.

На крыльце сидела баба Люба и о чём - то горевала.

- Ты, ведьма, пошто ополчилась против лекарки, кто будет избавлять нас от хвори? Пошла вон, отсюда!

- Так съехала она. А я никуда не уйду. Мне сейчас на этот дом документы принесут, потому он ничейный, чего добру пропадать?

- Это ктой - то тебе такое сказал.

- Главный фермерский начальник.

В толпе раздался смех.

- Они ждут новую партию гастарбайтеров. Вот их и поселят в этот дом.

- Неправда... Они обещали.

- Эх, баба Люба, какой резон нам тебе врать. Тебя просто использовали.

- Документы сделают, да и отравят тебя, как ты внучку отравила.

- Да запросто...

- И никто не придёт и не поможет, потому, как одна живёшь, - начали судачить в толпе.

Глаза бабки забежали, она не знала, что ответить. Вдруг старушка схватилась за голову и безутешно завопила, словно на похоронах.

Многие стыдливо опустили глаза вниз, почувствовав, что переборщили. Стали расходиться.

К бабе Любе подошла Ядвига. За собой она вела восьмилетнюю девочку.

- Говори, не бойся, - приказала Ядвига.

- Бабушка, идём домой.

- Кто ты такая? Какая я тебе бабушка.

- Я твоя внучка.

Бабка зарыдала ещё пуще: "Моя единственная внучка умерла, и в этом повинна я..."

- Бабулечка, не бойся, я тебя никогда не брошу, я же твоя внучка. Душа Марийки переселилась в меня. Я тоже Марийка.

Баба Люба стала всматриваться в чистое открытое лицо девочки, хотела было подняться, но не смогла. Ноги не слушались. Отнялись. Старуха принялась вопить с новой силой.

Ядвига попыталась её успокоить: "Вон Митяй подъехал на камазе, чтоб трактор вытянуть. Я попрошу его, чтоб подвёз тебя до дома. А тётя Оля вернётся, она тебя обязательно вылечит".

- Бабулечка, продолжала щебетать её внучка. Ты, наверно, не зря лечила меня змеиным ядом.

- А то, как же, когда все змеи ползали вокруг тебя, да ластились.

- Я сейчас, бабулечка, кое – что скажу, только ты не смейся. Ладно?

- Сказывай.

- Я слышу голоса змей, и умею определять у какой змеи - какой яд.

- А...а...а, - закрыв рот, простонала бабушка.

- Значит всё - таки передался дар. Стало быть, через три поколения, но всё - же передался. Да будет светел путь, что нас выбирает.

Тут бабка Любка начала лихорадочно вспоминать: "Откуда же я знаю этот заговор, где я слышала эти слова?" Очень долго ломала голову. И вспомнила.

Перед глазами предстали события прошлых лет. Маленькая Марийка ещё была жива. Бегала в амбаре вокруг ларя со змеями и визжала от восторга. Тут баба Ядвига пришла с поклоном: «Добудь для меня, пожалуйста, яд чёрной гадюки».

- Ишь, чего захотела,- зло подумала баба Люба, но в просьбе не отказала.

Ядвига с благодарностью приняла подношение и сказала: «Да будет светел путь, что нас выбирает».

... ∞ ...

Владимир Хабаров

<https://proza.ru/avtor/darrin>

рассказ «Побег»

Джонни расслабился, облегченно вздохнул, подушечками пальцев помассировал виски. Напряжение, державшее мертвой хваткой столь долгое время, отступило. Теперь погони уж точно не будет. С нескрываемой злобой он посмотрел вслед удаляющейся машине рейдера. Бортовые камеры шаттла невозмутимо фиксировали увеличение расстояния, что радовало Джонни безмерно. Рейдер, словно не заметив потери, ответил на прощальный взгляд холодным равнодушием и стойким безразличием.

Что значит песчинка для горы?..

«Посейдону» было всё равно, есть экипаж или нет, рейдер мог существовать и без него, прокладывая путь в глубины космоса, наслаждаясь одиночеством. Но уберечь от капкана гравитации могли только те, кто находился внутри, обладая разумом более гибким, чем машинный. Да и вряд ли они, вложившие в своё творение душу, знания и надежды, покинут его просто так, без борьбы.

Астероид, на который «присел» шаттл после того, как покинул грузовую платформу «Посейдона», двигался только по одному известному ему пути, не задаваясь глупым вопросом, что ждёт его в конце. А уж к желанию нового соседа подправить курс отнёсся и вовсе спокойно.

Как правило, знания, опыт и умение анализировать позволяют найти верное решение в любом трудном положении.

Джонни, включая попеременно маневровые двигатели шаттла, медленно, но неуклонно отклонял траекторию полёта астероида, и

когда по расчётам оставалось ровно столько, чтобы долететь до планеты с минимальными затратами топлива, покинул «тёплое» местечко.

Изумрудно-голубоватая планета, постепенно заполняя экран монитора, надвигалась огромным сказочным монстром, готовая не жуя, проглотить за один присест шаттл-песчинку. Джонни рассматривал планету со смешанным чувством любопытства и тревоги. Что ждёт его там?..

Выйдя на низкую орбиту, шаттл отработал трёхминутный тормозной режим и, перейдя в планируемую траекторию, рыбкой скользнул вниз. Атмосфера встретила недружелюбно, что, в общем-то, обычное дело для планет такого типа, не любящих впускать в свои покои незнакомцев.

Джонни всё время поглядывал на диаграмму нагрева обшивки, хотя ничуть не сомневался в способности ИскИна верно оценить обстановку и в нужный момент принять правильное решение, но бессознательно старался контролировать спуск, готовый вмешаться в любой момент. Планета была пригодна для жизни и даже вроде как обитаема — Джонни успел бегло просмотреть информацию перед побегом, и теперь надеялся, что здесь ему удастся закрепиться и счастливо провести оставшуюся жизнь.

Конфликт, который рос исподволь долго, накапливая силу по мелочам, наконец, вызрел, расставив точки над «и», хотя очевидность этого Джонни понял не сразу. Слишком поздно для принятия нужного решения. Большая часть экипажа не поддержала его амбиций стать первым, отправив капитана в отставку, наоборот, исходя из принципа, что старый конь борозды не портит, встала на защиту устоявшихся положений, гарантирующих стабильность и спокойствие.

Рисковать никто не хотел.

Осознав, что зашёл слишком далеко в своей интриге, и обратного пути уже нет, а поражение неминуемо, Джонни выбрал единственный, по его мнению, правильный путь — бегство. Он не питал никаких иллюзий по поводу своего ареста с последующим содержанием в одиночной камере до конца полёта, считая, что так оно и будет.

Подготовить шаттл, взяв дополнительный запас топлива и многое чего по мелочам — Джонни заранее просчитал нужное — большого труда не составило. Используя ремонтные каналы, технические

переходы, отключая на время, где можно, системы наблюдения, он осуществил задуманное в кратчайшие сроки.

Удивляло, что никто не следил и не препятствовал, тем паче, сам капитан, который должен был изолировать его незамедлительно, однако этого не сделал, и потому сей факт постоянно мучил Джонни своею неопределённостью, ожиданием некоего подвоха, словно в самый последний момент из-за угла могли выйти охранники и взять под арест. И даже вылетая из чрева рейдера, он всё время ожидал «выстрела в спину».

Пока не встретил астероид.

Пробив грязно-белые облака, так похожие на земные, шаттл прекратил спуск, плавно перейдя в горизонтальный полёт. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась безбрежная гладь океана. До самого горизонта.

Джонни невольно залюбовался неожиданной картиной: синие, местами переходящие в пронзительно голубой цвет, волны схлёстывались друг с другом, кружились в диком танце, закручивая шпили вверх, словно пытались достичь неба — далёкого и неподвластного — и рассыпались на клочки, падали вниз белыми хлопьями, обрамлённые по краям зеленоватой каёмкой.

Всё живое и неживое вокруг, казалось, вдруг замерло, остановилось в ожидание чего-то, что могло дать отмашку на дальнейшее движение вперёд. Мир застыл, повинувшись взмаху волшебной палочки неведомого мага.

Внутри словно кто-то дёрнул за верёвочку, побуждая Джонни к действию, он спохватился, с трудом отрываясь от созерцания — сколько времени прошло с того мига как глаз зацепил первую волну? Вопрос сформировался в нейроимпульс и биоритм отозвался сразу, словно давно ждал этого момента — около трёх часов. . . Цифра появилась на мониторе.

Через пять секунд её смыло волной пустоты.

Цифра испугала Джонни не только своей протяженностью во времени, но и ощущением нехватки чего-то нужного, обыденно-повседневного, того, что приводит гармонию души в порядок, а мысли к спокойствию. Поиск этого на первый взгляд эфемерного как мираж, но всегда ожидаемого предмета, увенчался успехом. Джонни рассердился, как это он сразу не заметил. Всего четыре буквы — Суша.

До сих пор её не было видно — твёрдой земли, по которой можно ходить, бегать, прыгать, да и просто лежать, нежно трогая рукой.

Это был плохой признак. Очень плохой.

Джонни попытался вспомнить, что находилось в отчёте зонда побывавшего на планете. В подсознание после недолгого копания всплыли сначала обрывки строения атмосферы, затем пошли данные по составу воздуха и поверхности. Заработал, так называемый, процедурный участок памяти, вытаскивающий сведения, неосознанно попавших туда при чтении и залёгших «мёртвым» грузом до первого зова.

Самое интересное ожидало его в конце: «...сканирование, проведённое с разных точек заложенного маршрута, позволяет сделать вывод, что планета с большой вероятностью покрыта сплошной водной оболочкой...»

Планета-океан?

Это фраза, когда Джонни, наконец, уяснил смысл прочитанного, одним махом выбила почву из-под ног, превратив мечту в призрачную иллюзию, убила надежду, так и не дав ей расправить крылья.

«Они знали! — от ярости тело скрутило, прижало дугой к панели, позывы голодного желудка рванули вверх, не встречая преграды, спазмы железными пальцами сдавили горло, сбивая дыхание с ритма. — Потому и не ходили следом, наблюдали тайно, исподтишка. Потому легко отпустили, наверное, ещё и посмеивались, когда я выводил шаттл из рейдера. Не захотели марать руки, пусть, мол, сам приведёт приговор в исполнение... Ненавижу!..»

Прошло немало времени, пока он не пришел в себя, однако успокоиться до конца так и не смог. Внизу крутились водяные шпильки, недремлющим оком сопровождая железную птицу, невесть каким образом залетевшую в эти края.

Джонни с тоской смотрел на океан, у которого не было ни начала, ни конца. В глазах щипало от злости, жизнь потеряла всякий смысл. «Обитаема?... Кругом вода... Но я же не рыба, и у меня нет жабр. Я даже плавать не умею...» — отчаяние всё больше и больше наполняло душу безысходностью, отравляя сознание пониманием неизбежного конца.

И будто в насмешку, параллельно шаттлу и чуть впереди, враз, повинувшись невидимому дирижеру, возникли странные существа с хвостовым плавником вместо ног и шипастым гребнем на спине. Стройные вытянутые тела с человеческими лицами, лишённых всяких эмоций, плыли в воздухе также легко и свободно, как и рыбы в

воде.

«Я схожу с ума, этого не может быть... — Джонни закрыл глаза, досчитал до десяти и открыл, рассчитывая, что воспалённое воображение на этом успокоится и вернется в норму, но... ничего не изменилось: эскорт человекоподобных рыб никуда не делся, продолжая двигаться вместе с шаттлом. — Да что ж такое, откуда эти фурии взялись?..»

Затылок схватило болью, потянув плечевые мышцы незримой тяжестью. Джонни почувствовал, что ещё немного, и он начнёт звереть, пальцы сами легли на рукоять управления плазменной пушкой...

Предыдущее состояние отчаяния и безысходности стёрлось под прессом новых обстоятельств, более грозных и непонятных.

Пушка не сработала. Джонни жал на пусковую клавишу безостановочно, пока не заломило кисть руки, и не заболел указательный палец. Бесполезно. Ощущение было такое, что её, пушку, уже вырвали из гнезда до того как он нажал первый раз на пуск, ликвидировав угрозу здешнему миру. Джонни подумал, что это могла сделать одна из фурий, незаметно подкравшись к пушке, и от этой, вроде, совсем уж нелепой мысли его разобрал смех — горький, истеричный, беспричинный.

Дальше пошло куда хуже, словно планета решила напоследок поиздеваться над ним, прежде, чем опустить занавес. На высокой ноте вдруг заголосил зуммер аварийного хода, на мониторе замигала красная надпись: «Разгерметизация», шаттл резко сбросил скорость. Джонни успел лишь надеть гермошлём, прицепить к ногам антигравы и закинуть за спину блок батарей с модульным мазером, как его выбросило наружу. Сработала система экстренного катапультирования. Долгим взглядом, выровняв равновесие — антигравы включились автоматически — он провожал падение шаттла, пока тот не исчез в волнах океана.

В голове звенела пустота — ни мыслей, ни эмоций. Не было ни сил, ни желания бороться с тем, чего не понимаешь и главное, ощущать это нечто как противника, с которым можно сразиться на равных.

Джонни услышал пение, вернее, мелодию, протяжную с переливами, проникающую сквозь гермошлём с такой лёгкостью словно и не было никакой звукоизоляционной прокладки. Мелодия то поднималась ввысь белокрылой птицей, то падала вниз шумным водопадом. Фурии сплотились вокруг человека, точно боялись, что он повернёт не туда, куда надо и, не переставая петь, ускорили движение.

Джонни невольно заслушался, расслабился, не отдавая отчёт, что его «ведут», им управляют, полностью подавив волю к сопротивлению.

Пение прекратилось внезапно, словно подчиняясь невидимой команде, фурии, махнув в последний раз хвостом, растворились в воздухе без следа.

Джонни остался один.

Прямо по курсу, совсем недалеко, поднялся водяной столб, на вершухе которого сидела бабочка с сине-зелёными узорами на крыльях, огромные тёмные глаза с любопытством следили за странным предметом, парящем в небе.

Планета встречала нового гостя, готовясь к кардинальной его перестройке под свои нужды. . .

... ∞ ...

ТАМИ

рассказ

«Обмен веществ»

Светало. Вольф сидел за компом. Игра не шла. Парень с трудом переползал с одного уровня на другой. Наконец-то заветная дверь, за ней последний уровень и можно будет улечься в постель. Он потянулся, кликнул мышкой, . . . комната озарилась слепящей сиренево-голубой вспышкой, и все пропало.

Вольфу казалось, что он стремительно летит куда-то, а может быть падает с головокружительной высоты. Вокруг со звоном разбивались тысячи тонких сверкающих зеркал, озаряя все вокруг вспышками какого-то иррационального света, от которого окружающая темнота становилась гуще и ощутимее. Неожиданно полет прекратился. Тело оцепенело. Мысли застыли, и он провалился в темноту.

Его привел в сознание свет. Ровный вязкий всепроникающий. Свет был везде. Не открывая глаз, Вольф чувствовал его кожей. Он лежал с закрытыми глазами. Голова трещала, как после очень веселой пирушки, а тело ныло, как после хорошей драки. Мутило.

На счет три парень открыл глаза и тут же их снова закрыл. Опять открыл и закрыл. Повторил еще разок для верности. С открытыми и закрытыми глазами он «видел» и чувствовал одно и то же.

- Здравствуй, белая горячка. Вот ты оказывается какая, – процедил Вольф сквозь зубы. В этом светящемся молоке звук собственного голоса показался ему чужим и неприятным. Превозмогая боль, тошноту и слабость, он попытался подняться, но руки проваливались не находя опоры.

- Вот и доигрался. Права была Иришка, - подумал он и снова отключился.

Вольф не знал, сколько времени был без сознания, но, придя в

себя в очередной раз, сразу ощутил, что боль, тошнота и головокружение прошли. Однако вокруг по-прежнему не было ничего кроме света, и он плавал в этой странной светящейся субстанции. Неожиданно пришла уверенность: что-то изменилось. Интуиция геймера редко подводила его.

Вольф был профессиональным геймером. На самом деле его звали Виктором.

Виктор Алексеевич Горелик был преуспевающим студентом химического факультета Санкт Петербургского университета, гордостью студенческого научного общества. На него возлагались большие надежды. Без его участия не проходила ни одна научная конференция. Его работы печатались в серьезных международных научных журналах, но Виктор не был книжным червем и занудой. Чемпион по фристайлу и сноуборду, он был душой любой компании, любил музыку, веселую шумную толкотню студенческих тусовок, девчонок... Они тоже не обходили его вниманием, потому что Виктор был красавчиком и обаяшкой – высокий, стройный, спортивно-подтянутый шатен с ясными синими глазами и бесподобной доброжелательной улыбкой.

Горелик был талантлив и чудовищно трудоспособен. Благодаря специальным тренировкам он мог полностью восстановить свои силы, проспав всего три-четыре часа. Поэтому времени у него хватало на все. Единственное, на что он жалел его тратить, были компьютерные игры. Он никогда не понимал своих друзей, которые приходили на занятия с красными глазами и зевали на лекциях после бессонной ночи, проведенной в сети.

Тему своего дипломного проекта Виктор начал реализовывать задолго до преддипломной практики и закончил разработку проекта, когда многие из его друзей только приступали к работе. Если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что скоро его жизнь сделает крутой поворот, он бы вряд ли этому поверил. А произошло вот что. Как-то вечером в кафе он познакомился с симпатичной девчонкой. Они начали встречаться, и однажды подруга предложила зайти в «Игрушку». «Игрушкой» ребята называли небольшую кафешку, где можно было выпить чашечку кофе или бокал чего покрепче и поиграть в какую-нибудь популярную игру. Виктор не мог отказать девушке, и они зашли.

В то время самой популярной игрой был «Вервольф». Охотники до потери пульса гонялись за волком оборотнем. Игрок мог по желанию выбирать себе роль либо охотника, либо волка. Но желающих

на роль волка было немного, поскольку охотники всегда побеждали его, если не умением, то числом. А кому охота быть побежденным?

Не желая огорчать девушку, и вместе с тем поскорее выйти из игры Виктор выбрал роль Оборотня.

Как говорится, от судьбы не уйдешь. Через час, забыв о подруге, Виктор Алексеевич Горелик исчез, растворившись в хитросплетении джунглей и коридоров. Вместо него на свет появился геймер Вервольф, а для друзей просто Вольф. Непобедимый. Отчаянный. Дерзкий. Удачливый.

Вольф был геймером, что говорится, от бога. Игра захватила парня. Не изведенная прежде острота ощущений, добавляя адреналина в кровь, переполняла его.

Кое-как защитив диплом, он весь отдался игре. Чем глубже он уходил в нее, тем яснее видел ее недостатки и раздражался, не имея возможности их исправить. Друзья посоветовали ему заняться программированием. Недолго думая, Вольф отправился на шестимесячные курсы, но уже через два месяца задавал своим преподавателям вопросы, на которые те не могли ответить. Обложившись справочниками и учебниками, он занялся самообразованием. В это же время он познакомился в гейм-клубе с двумя продвинутыми программистами, Коляном и Стасиком, такими же одержимыми, как он. И через полтора месяца они принесли в клуб совершенно новую навороченную версию «Вервольфа», поразившую издавших виды геймеров. От старого «Вервольфа» осталось только название. Это был совсем другой уровень геймплея.

На деньги, вырученные от продажи игры, ребята купили небольшую студию на Васильевском острове, где жили и работали. Они создавали новые игровые и обучающие программы, не забывая постоянно совершенствовать любимого «Вервольфа». Кроме того, Вольф занимался прогоном чужих игр, находя в них баги и глитчи, и бесплатно давал советы начинающим.

Благодаря игре Вольф познакомился с Иришей. Она училась на четвертом курсе Мединститута. Темой ее курсовой была психология геймеров. Увидев хорошенькую умненькую медичку, появившуюся в клубе, Вольф добровольно бросил себя на алтарь науки. После защиты курсовой они поженились. И в их студии появился еще один жилец.

Зная Вольфову одержимость игрой, Иришка часто полу в шутку, полу в серьез предупреждала, что он скоро доиграется до белой горячки.

Теперь растворяясь в сверкающем жемчужном свете, он вспомнил Иришкины слова, и это его отрезвило.

Он по-прежнему плавал в странной светящейся субстанции. Но что-то, однозначно, изменилось. Интуиция крайне редко подводила его. Все чувства обострились, Вольф почувствовал, что он не один, и тут в нем автоматически включился геймер, на уровне подсознания анализирующий ситуацию.

Он уже понял, что находится в состоянии похожем на невесомость. Не пытаясь понять, как он сюда попал, Вольф начал действовать. Стараясь не делать резких движений, он сгруппировался и попытался повернуться. Это ему удалось. Поворачиваясь, он осматривался по сторонам, пытаясь уловить ускользающее, но явно присутствующее где-то рядом движение. Кто-то внимательно наблюдал за ним. Извернувшись, Вольф сделал резкий разворот в противоположную сторону. И в момент поворота его глаза встретились с огромными грустными аквамариновыми глазами, похожими на голографические слегка мерцающие теннисные мячики.

- «Это что за чудо?» – подумал Вольф.

- «Я не чудо. Я твой враг», - отчетливо прозвучал в голове Вольфа тихий грустный голос.

- Почему ты решил, что мы враги? – спросил парень, пытаясь занять положение, из которого «собеседник» был бы хорошо виден. Но как он ни старался, ничего кроме грустных зелененьких глазок рассмотреть не мог.

- Когда одно существо хочет что-то отнять у другого, оно является его врагом, - ответили «Зелененькие глазки».

- Но мне ничего от тебя не нужно. Зачем мне что-то отнимать у тебя, если я даже не знаю, кто ты? - Вольф стараясь казаться спокойным.

- А мне нужно. Очень. Очень нужно, - прошелестел голосок.

- И что же тебе от меня нужно? Может, проще попросить, и я поделюсь с тобой?

- Нет, не поделишься. Мне нужна твоя планета.

- О как?! Не слабо! Зачем же она тебе нужна?

- Мы будем на ней жить.

- Кто это «мы»?

- Я и мой народ. А тебя мы очень боимся. Ты великий воин. Тебя придется убить.

Такая перспектива не слишком улыбалась Вольфу. Если это не бред и не сон... Очень хотелось верить, что он, действительно, пере-

работал и вырубился, не отходя от компа. Уж слишком нереальным казалось происходящее. Нереальным и, мягко говоря, неприятным. Белая горячка в такой ситуации казалась подарком судьбы. Необходимо было срочно что-то придумать, а для этого нужно потянуть время и вытащить из странного существа как можно больше информации. Для начала Вольф решил продолжить разговор. Тем более, что «Зелененькие глазки» общались весьма охотно и, похоже, не собирались приводить приговор в исполнение немедленно.

- Почему ты решил, что я великий воин?

- Пока ты был без сознания, я сканировал твою память. – Вольфа передернуло от отвращения. – Я хочу задать тебе очень важный вопрос.

- Валяй.

- Кого?

- Ну, в смысле, можешь задавать свой вопрос.

- Спасибо. Все ли жители твоей планеты умеют трансформироваться?

- Не понял. Что ты имеешь в виду?

- Все ли жители твоей планеты умеют трансформироваться в жуткое зубастое животное?

Только тут пенник инопланетного захватчика въехал, что нежно любимый Вервольф настолько укоренился в его сознании, что стал частью его самого настолько, что «Зелененькие глазки» отождествляют его с любимым героем. Он почувствовал, что из этого можно извлечь пользу, но пока не знал какую.

- Сейчас я не хочу отвечать на твой вопрос.

- Жаль.

Повисла томительная пауза. «Глазки» молчали, решив, что Вольф вообще не хочет говорить, а геймер собирался с мыслями. «Эта тварь читает мои мысли. Сейчас я ей устрою козу в сарафане», - мысленно усмехнулся Вольф и стал размышлять, используя геймерский сленг. «Зелененькие глазки» заволновались. Они понимали отдельные слова, но общий смысл хитрым ужом ускользал проч.

А думал Вольф вот о чем: «Если это не сон и не бред, то, стало быть, существует реальная угроза. Надо попытаться порасспросить странное существо, накопить побольше информации, а там будет видно». А существо в это время растерянно хлопало глазками и печально бормотало:

- Ничего не понимаю... информация не имеет смысла... ничего... сканер заблокирован ...

- Ну, что? Не получается? Слабо? – Вольф довольно хихикнул.
- Как ты это делаешь? – спросили «Зелененькие глазки».
- На этот вопрос я тоже не буду пока отвечать.
- А потом ответишь?
- Потом отвечу, но сначала я сам хочу задать тебе несколько вопросов.
- Я охотно отвечу тебе на любой вопрос.
- Чем плохо вам жилось дома на родной планете? И зачем вам понадобилась наша, почему вы выбрали именно ее? Как вы намерены поступить с нами? Ты не производишь впечатления агрессивного существа. И почему, наконец, ты выбрал именно меня?
- Слишком много вопросов. Я буду отвечать на них в порядке поступления. Нам очень хорошо жилось дома на родной планете. Наша планета – огромный зеленый океан, где всем хватало места и пищи. Мы миллионы лет жили на ней, ни в чем не нуждаясь. Как я понял, на вашей планете жизнь так же зародилась в воде, откуда затем вышла на сушу, я полагаю, благодаря постороннему вмешательству. Наша эволюция шла своим путем. Мы добились больших успехов в продлении жизни. Наш жизненный цикл во много раз продолжительнее вашего, но только в последней трети жизни мы способны к воспроизводству. Еще совсем недавно нас было несколько миллиардов. Мы процветали, ни в чем не нуждаясь. В водах нашего океана жила маленькая голубая водоросль, которая питалась продуктами нашей жизнедеятельности. Другой организм, поедая ее, производил вещества, которые были полезны для нас. Солнце давало достаточно благотворной радиации, чтобы мы могли размножаться. А потом случилась беда. В недрах нашего солнца начались активные процессы. Уровень радиации резко повысился, и мы начали слишком быстро размножаться, а наши помощники, очищающие воду, напротив, начали гибнуть. В результате воды океана не очищались, но с этим мы быстро научились бороться, капсулируя и складывая отходы. Хуже было другое. Их гибель привела к сокращению количества существ, чьей кормовой базой они были, и которые давали пищу нам. Все так взаимосвязано. Так переплетено. В атмосфере скапливался газ, который препятствовал прохождению солнечной радиации, без которой мы не могли размножаться. Лучшие умы бились над решением этой проблемы, но, увы, безуспешно. Мы начали вымирать, потому что у нас не рождалось потомство. И тогда мы отправились в космос. На этот раз не на развлекательную прогулку, а на поиски новой родины. Наш организм может накапливать ра-

диоактивные элементы и при необходимости трансформироваться в сгусток чистой энергии, способной перемещаться в пространстве со сверхсветовыми скоростями. Жесткое космическое излучение не опасно для нас, напротив оно поддерживает наш энергетический баланс. Мы отправились в космос на поиски пригодной для жизни планеты. Теперь я буду отвечать на второй вопрос.

- Погоди. А почему вы не могли выйти в космос, накопить энергию космических излучений, вернуться и размножиться в свое удовольствие.

- Все не так просто. Это очень сложный процесс. К сожалению это было невозможно. Теперь я буду отвечать на второй вопрос?

- Постой. А где мы находимся сейчас?

- Мы находимся в пределах вашей солнечной системы. Неподалеку от шестой планеты.

- Ты сказал, что можешь перемещаться в пространстве, не используя никаких технических средств.

- Да, могу.

- А где же в данный момент нахожусь я? – Вольф с нетерпением ждал ответа.

Проанализировав ответ, он мог бы с определенной точностью сделать вывод: это бред или все происходящее реально. По крайней мере, пока это была первая логическая нестыковка. «Зелененькие глазки» могли автономно перемещаться в пространстве, а Вольф такими способностями не обладал. А как только что сообщил его собеседник, они находятся где-то в районе Сатурна. Собеседник молчал.

- Я жду ответа.

- Мне кажется, если я отвечу, тебе будет неприятно. Я видел, как ты отреагировал, когда я сказал, что сканировал твое сознание. Извини. По-другому я не мог быстро собрать информацию, чтобы общаться с тобой. Ты можешь больше не блокировать мой сканер. Я не стану этого делать впредь без твоего согласия.

- Ладно. Верю. И все-таки где я? Пусть мне будет неприятно, но я хочу это знать. Ну?

- Ты находишься внутри меня. Я защищаю тебя от космического холода и радиации. Ваша эволюция шла странным, мне кажется противоестественным путем. Такой совершенный мозг в такой ненадежной оболочке.

- Увы. Эволюцию не выбирают, - с пафосом произнес Вольф. В глазах врага отразилось сочувствие, но он быстро справился с эмоциями и продолжил:

- Похоже, ты не шокирован, узнав, что находишься внутри меня.

- Похоже, нет. У меня такое чувство, что меня уже ничем не удивишь. Жаль, что твоя оболочка не прозрачная.

- Напротив. Она прозрачная. Я трачу достаточно много энергии, чтобы поддерживать ее в таком состоянии. Просто я подумал, что ты будешь чувствовать себя не достаточно комфортно, если очнешься среди звезд.

- Какая забота о враге, которого собираешься убить, - огрызнулся Вольф. Последняя надежда, что это сон или бред, рассеивалась, как дым. Все было идеально подогнано и логично.

- Я чем-то огорчил тебя?

- Нет, все в полном порядке. Я сижу в утробе твари, которая собирается убить меня и вместе со своими родственничками – радиоактивными маньяками, захватить мою планету, уничтожив на ней за ненадобностью все живое. Все в полном порядке. Совершенно не из-за чего огорчаться и беспокоиться, - прорычал Вольф.

- Извини. Я как-то не смотрел на проблему с этой точки зрения.

- А ты посмотри. Вы такие крутые интеллектуалы. Сама вежливость и изысканность манер. Приперлись неизвестно откуда и пытаетесь в моем собственном доме качать права. Я вас сюда не звал. Если бы на твою планету явились не званые гости и поставили бы тебя перед фактом, что теперь здесь будут жить они. Тебе бы это очень понравилось?

- Нет, - ответило существо и смущенно захлопало глазами.

- Сейчас озверею, превращусь в волка и сожру тебя к чертовой матери! Изнутри! – взревел Вольф.

Блеф удался на славу.

- Нет! Не надо! – отчаянно запищало существо.

- Ладно, черт с тобой. Живи, – сказал Вольф и подумал, что все было бы очень смешно, если бы не было так грустно.

И вдруг произошло невероятное. В результате пережитого стресса «Зелененькие глазки», потеряли над собой контроль, и их оболочка стала прозрачной.

То, что увидел Вольф, потрясло его. Он был один во вселенной среди холодных равнодушных звезд, но не испытал страха. Напротив. Его захлестнула обжигающая волна беспредельной отчаянной разрывающей душу радости. Радости единения со вселенной. Все вокруг было не передаваемо прекрасно. Он отчетливо осознавал, что был в этом черном, сверкающем мириадами огней мире не один! Его разум ликовал! В душе Вольфа родился дикий первобытный

восторг. Он не чувствовал себя ничтожной пылинкой мироздания. Человек почувствовал себя огромным и могучим. Раскинув руки, он закричал:

- Как смеете вы, мерзкие лупоглазые радиоактивные лягушки, угрожать мне! Человеку!

Но тут эйфория прошла так же внезапно, как возникла. Ему стало смешно и немного стыдно. Он отчетливо осознал, что произошло бы с ним, если бы «Зелененькие глазки» не защищали его. Похоже, они были представителями разумной и гуманной цивилизации. По крайней мере вели они себя очень интеллигентно. Вольф представил себе цивилизацию, вымирающую в результате космического катаклизма. Он подумал о том, что бы испытывал он, если то же самое произошло бы с ним. Если бы гибель грозила друзьям, Иришке, их малышу, который скоро должен появиться на свет. Из задумчивости его вывели «Зелененькие глазки».

- Извини, - прошелестел грустный голосок.

- За что? – отрешенно спросил Вольф.

- Я нечаянно опять подслушал твои мысли. Странно. Я твой враг. Я собираюсь тебя убить и захватить твою планету, а ты сочувствуешь мне и моему народу. Очень странно. Хочешь, я опять стану непрозрачным?

- Да нет, спасибо. Мне так больше нравится.

- Вы очень странные существа. Очень много энергии тратите на эмоции.

- Все существа разные, - сказал Вольф, просто, чтобы что-то сказать.

- Это верно - ответили «Зелененькие глазки». – Между прочим, из тех с кем мы общались, вы первая цивилизация, представители которой обладают способностью к трансформации. У нас трансформация продолжается недолго, хотя мы и можем превратиться практически во что угодно. Но при этом затрачивается колоссальное количество энергии. А вы когда-нибудь встречали в космосе подобных себе существ?

- Нет, - ответил кратко Вольф, не вдаваясь в подробности.

- Мы отвлеклись. Я продолжу отвечать на твои вопросы. Ты спрашивал, почему мы выбрали именно вашу планету. Во-первых, большая часть вашей планеты – океан. По составу он, практически, идентичен нашему, а в некоторых местах по содержанию радиоактивных и питательных веществ он даже намного лучше. Кроме того, во многих внутренних водоемах вода содержит огромное количество

необходимых нам веществ. При экономном расходовании нам этого хватит надолго. Во вторых, у вас имеются предприятия, которые называются АЭС. Воды поблизости от них по составу идеально подходят для размножения. Твоя эмоциональность заразна. Я с восторгом представляю, как наши малыши будут там резвиться. Я уже сообщил домой о том, что нашел подходящую для жизни планету, и скоро они вышлют десант. . .

- И в этом была твоя главная ошибка, - перебил его Вольф. Он уже сообразил, что «Зелененькие глазки» не умеют врать и не представляют, что кто-то на это способен. Они все сказанное принимают за чистую монету, не требуя доказательств.

- Почему? – испуганно спросили «Зелененькие глазки».

- Я проследил, куда ты отправил сообщение, засек координаты твоей планеты и передал их на Землю. Как только десант стартует, твоя планета будет уничтожена. Даже если ты уничтожишь меня, ничего уже не исправить. Ты же сам сказал, что мы враги, а с врагами у нас разговор короткий.

- Что же делать!?! – от ужаса «Зелененькие глазки» стали в два раза больше и заметались вокруг Вольфа.

- Я вижу, эмоции тебе тоже не чужды, - насмешливо сказал парень, дождавшись, когда они немного успокоятся. – Пожалуй, я постараюсь тебе помочь, если ты обещаешь во всем слушаться меня. Я не испытываю враждебных чувств ни к тебе, ни к твоему народу, - спокойно произнес он, снова вступая в визуальный контакт.

- Я это уже понял. Говори. Я все сделаю, как ты скажешь. Только, пожалуйста, не уничтожайте нашу планету. Нас осталось всего около тысячи особей. Причем, почти половина из нас – не способные к воспроизводству старики, хранители мудрости нашего народа.

- Хорошо. Во-первых, свяжись с ними и задержи вылет десанта.

- Уже, - сказали «Зелененькие глазки» через несколько секунд. – Я объяснил ситуацию, и они согласились, что в подобной ситуации торопиться не стоит.

- Отлично, - довольно потирая руки, сказал Вольф. – А теперь поговорим о более интересных вещах. Как ты, наверное, знаешь, вся вселенная состоит из одних и тех же химических элементов. Я разрешаю тебе сканировать мою память, в той ее части, где находится информация, относящаяся к моим познаниям в области неорганической и органической химии. Сколько времени тебе на это понадобится.

- Минут пять на сканирование, десять, чтобы проанализировать

информацию и, если понадобится, подготовить вопросы.

- Работай. А я немного отдохну.

Вольф улегся на спину, закинув руки за голову. Слева светило солнце, справа величественно проплывал Сатурн. Прямо над ним задумчиво моргали «Зелененькие глазки». Их рассказ о родной планете и о том, что привлекло их на Земле, очень заинтересовал Вольфа. Если его догадка окажется верной... , но пока не стоит торопиться с выводами. Он прикрыл глаза и отключился.

- Твои познания обширны. То, что ты позволил мне извлечь, лишь малая часть твоих огромных знаний. Ты не только великий воин, но и ученый, - сквозь дрему услышал Вольф восторженный голос «Зелененьких глазок».

- Ты уже готов? – зевнув, спросил Вольф.

- Ты хочешь стать зверем? – испуганно спросили «Зелененькие глазки».

- Нет, я просто зеваю. Не бойся, - улыбнувшись, ответил Вольф. – Сейчас я буду задавать тебе вопросы, а ты попытаешься мне ответить, используя только что полученную информацию. Готов?

- Готов.

- Вопрос первый: формулы веществ, которые являются для вас полезными и питательными. Вопрос второй: формулы веществ, которые являются продуктами вашей жизнедеятельности.

Ответ на поставленные вопросы был получен незамедлительно. Вольф довольно улыбнулся.

- Я думаю, - сказал он, - что никогда не стоит начинать разговор с незнакомым существом с признания в том, что ты являешься его врагом. - «Зелененькие глазки» с недоумением уставились на Вольфа.

- На родной планете вы прекрасно ладили с существами, которые давали вам пищу и нейтрализовали продукты вашей жизнедеятельности.

- Да. Но они были не разумны. Мы всегда жили так, даже не задумываясь о том, как прекрасно мы дополняем друг друга, пока не пришла беда.

- А что мешает вам жить в такой же гармонии с разумными существами? С ними еще и пообщаться можно к обоюдному удовольствию.

- Ты прав. Мне приятно с тобой общаться.

- Я думаю, мы можем прекрасно дополнять друг друга, - продолжил свою мысль Вольф. – Тем более, что вы живете в воде, а мы

на суши. Мне кажется, что приятнее быть добрыми друзьями, а не врагами, желанными гостями, а не захватчиками.

- О, как это было бы прекрасно! Неужели это возможно?!

- Думаю, да. Тем более, что все полезное и приятное для вас на Земле это дело наших рук, - вздохнул Вольф. - Без нас эта планета перестанет представлять для вас интерес.

Сейчас мы отправимся на Землю. Немного шокируем публику своим появлением, чтобы к нам отнеслись серьезно. И немедленно начнем переговоры.

Несколько минут спустя перед зданием Организации Объединенных Наций опустился странный летательный аппарат. Вокруг собралась удивленная толпа. Из аппарата вышли два человека, как две капли воды, похожих друг на друга, и аппарат тут же исчез. Два молодых человека, провожаемые изумленными, восхищенными взглядами толпы, решительно направились к зданию ООН. Охранники попытались остановить их. В этот момент один из «пришеьцев» вошел внутрь другого, и они прошли сквозь охранников и сквозь двери, не открывая их. Толпа ахнула. Беспрепятственно странная парочка добралась до кабинета Генерального секретаря. Разговор продолжался несколько часов. На следующий день было назначено срочное внеочередное заседание Совета безопасности.

Вечером того же дня в небольшой студии на Васильевском острове в Санкт Петербурге происходили следующие события.

- Как ты нас напугал, - говорила очаровательная рыжеволосая немножко беременная девочка, прижимаясь нежной розовой щекой к небритой щетинистой щеке Вольфа. Они сидели на диване. Напротив них в издавшем лучшие времена кожаном кресле сидел один из друзей Вольфа, Колян – белобрысый кудлатый сероглазый тощий сутуловатый паренек неопределенного возраста.

- Когда у тебя в углу полыхнуло, я думал, комп рванул. Подскочил. Комп на месте, а тебя нет. У Ирешки истерика. Мы со Стасиком ее утешаем, а сами врубиться не можем, что произошло. Чего делать, не знаем. Ментов вызвали. Они с собакой приехали. Она хвост поджала, под стол залезла и воеет.

В дверь позвонили. Колян пошел открывать. Это пришел Стасик. Он был полной противоположностью своего друга. Какого цвета была его шевелюра, все уже давно забыли, потому что на ее месте красовалась абсолютная лысина, открывающая череп довольно приятной правильной формы. Он очень обрадовался, когда узнал, что нашелся Вольф. На его круглой полненькой физиономии рас-

цвела улыбка, отчего пухленькие щечки почти прикрыли озорные черные глаза. Стасик отнес пакеты с продуктами на кухню и пошел в ванную мыть руки.

- Вольф, что за дрянь плавает у нас в ванне? – услышался его голос.

- Кстати, я тоже хотела у тебя спросить, но было не до этого. – Ириша обняла любимого.

- Причем воняет преотвратно, - вставил пять копеек Колян. – Как будто слили отходы какой-то химлаборатории.

- Стасик, ничего не трогай – это сюрприз.

Вольф пошел в ванную. Друзья последовали за ним. Подойдя к ванне, Вольф сделал театральный жест и произнес:

- Господа! Позвольте вас познакомить с представителем древней цивилизации, которая проживает, где-то у черта на рогах.

- Вольф, кончай базарить. Убери из ванны эту гадость, толком расскажи, где тебя носило... - начал было Стасик, но тут же умолк, потому что из ванны поднялась его копия и обиженно сказала:

- Пожалуйста, не надо называть меня «гадостью» и «дрянью». Мне нравится, как меня называет Вольф.

- А как он тебя называет? – автоматически спросил Стасик.

- Мамочка... - пискнула Иришка и присела на стиральную машинку.

- Не фигу ж себе... - философски произнес Колян, запуская пятерню в растрепанную шевелюру.

- Он называет меня - «Зелененькие глазки» - ответило то, что стояло в ванне.

- Не трать зря энергию, ныряй обратно, перекуси, отдохни, - сказал Вольф, довольный произведенным эффектом. – Завтра у нас с тобой трудный день.

- Благодарю за заботу. Все очень вкусно. Я чувствую себя прекрасно, - проговорило стасикоподобное существо, и в ванной, перебивая отвратительный запах химикатов, как после грозы, запахло озоном.

Существо погрузилось в ванну, которая в этот момент представляла собой фрагмент идеала его среды обитания. Наступила тишина. Только на поверхности бурой вонючей жижи плавали веселые аквамариновые глазки, с обожанием глядящие на Вольфа.

- Тебе как лучше со светом или в темноте? – заботливо спросил парень у своего нового друга.

- В темноте спокойнее.

Иришка погасила свет, и вся компания отправилась на кухню варить пельмени, пить чай и слушать рассказ Вольфа, который под восторженные возгласы друзей, поведал им о своих приключениях.

- Мне кажется, я сплю, - недоверчиво произнесла Иришка.

- А мне снится, что я доигрался до белой горячки – сказал Колян.

- Так что же, получается? – заинтересованно спросил Стасик.

- А получается все очень даже замечательно, – с улыбкой произнес Вольф. – Для жизни этим ребятишкам нужно совсем немного: вода, диоксид углерода, чуть-чуть ядохимикатов, да водичка, зараженная радиоактивными отходами – для воспроизводства. А на выходе мы получаем высококачественную нефть и озон. Причем нефть добывать не нужно. Они ее инкапсулируют. Не спрашивайте как. Не знаю. Кроме того с их помощью мы наконец-то сможем выйти в глубокий космос. И еще выяснился один замечательный факт. Это всплыло совершенно неожиданно, когда мы общались с генсеком. Мой новый дружок обмолвился об этом как-то вскользь, а мы чуть не запрыгали от радости. Представляете, они могут замедлить процесс старения живой клетки. Еще немного покопавшись у меня в мозгах, он сказал, что наш вид в этом плане для них не проблема. Ну что годятся нам такие соседи? Будем жить долго и счастливо, изучая просторы вселенной?

- Да! - дружно ответили друзья.

А через несколько дней вся планета дружно сказала свое «Да!»

... ∞ ...

Николай Баховец

рассказ

«Золотой дракон»

– Ну как там дела?

– Неплохо, учитывая обстоятельства.

– Да ладно, Серёга, мы делали это уже тысячи раз.

– Да, Андрей, но закладывать заряды почти в слепую то ещё занятие.

– Сам видел, что вытворяет сканер, – раздосадовано вздохнул его компаньон, – вот выпотрошим этот камушек и сразу по возвращению на Вегу отправим «старушку» на диагностику.

– Это если я правильно заложил заряды и каменюка расколется как надо, а не превратится в кучу щебня.

– Я в тебя верю, друг, – оптимистично заявил Андрей.

Сергей лишь усмехнулся, продолжая управлять манипулятором, бурящим шурф для закладки последнего заряда. Обычно, найдя хороший астероид для потрошения, они сканировали его, ища слабые места. Затем закладывали заряды так чтобы разбить громаду на мелкие камни пригодные для погрузки в трюм. Но в этот раз сканер выдавал что-то несусветное, а внутренняя структура тонула в непонятном ворохе помех. Впрочем, корабль у них был уже старый и работал фактически на износ. А найденный ими камень для намётанного глаза был настоящим кладом разной руды. Поэтому они решили размотать его даже без помощи глючащего сканера.

– Готово, – сообщил он Андрею.

– Давай прячься за корабль, и устроим фейерверк.

Вообще по всем инструкциям катер минёра должен был пристать к кораблю, но стыковка тратила много времени и топлива. От осколков взорванного астероида проще было спрятаться за дюзами шах-

тёрского судна. А сразу после взрыва катер мог тут же подключиться к процессу погрузки, помогая дронам-сборщикам. Поэтому Сергей полетел прятаться.

– Ты на месте?

– Да.

– Тогда держись покрепче, – весело произнёс Андрей.

И вместо привычной вспышки и разрастающегося из-за корпуса корабля пылевого облака, в этот раз Сергей увидел ярко голубое свечение.

«Опасный уровень радиации!», – завопил бортовой компьютер. А висящая перед ним корма громадного судна вдруг «прыгнула» на него. И успев услышать: «Опасность столкновения!». Сергей ощутил сильный удар и потерял сознание.

В себя его вернула дикая головная боль, которой добавил ещё и компьютер, решивший вдруг доложить: «Потеряна герметичность кабины, критическое падение давления через семь минут!».

Поэтому он, не теряя времени, захлопнул забрало шлема.

«Переход на СЖО скафандра, поддержка давления в кабине прекращена», – услужливо сообщил компьютер.

«Черт! Что это было», Сергей быстро осмотрелся, стараясь не обращать внимания на пульсирующий в голове «звон». Корабль был в пределах визуальной видимости, но медленно отдалялся.

Сергей схватился за джойстики управления и полетел к удаляющемуся судну.

– Андрей. Слышишь меня, Андрей?! – безуспешно попытался вызвать корабль.

Ответом ему был лишь шум помех.

«Да что же такое творится!», – он лишь посильнее стиснул зубы, заходя на стыковку.

«Герметичность помещения нарушена, доступ невозможен», – бесстрастно отреагировал компьютер на попытку Сергея открыть дверь в рубку корабля.

– Открой! – со злостью крикнул он и компьютер подчинился.

Внутри творился настоящий кавардак. Каким-то образом взрыв смог раскурочить нос корабля, сквозь огромные бреши было видно облако пыли, оставшееся от злополучного астероида.

– Но как?! Заложенная мной взрывчатка не могла дать такую мощность взрыва, – вслух произнёс Сергей.

«Взрыв имел ядерную природу – сопровождался характерным гамма всплеском, а скорость обломков астероида достигала несколь-

ких тысяч километров в секунду», – сообщил компьютер и добавил: «В рубке наблюдается повышенный радиоактивный фон, при длительном нахождении он может быть опасен для здоровья».

«Черт! Такое могло случиться, только если в астероиде находилось много делящегося вещества. Но откуда? Эх, если бы не забарахлил сканер».

Сергей подошёл к телу капитана, того почти разорвало напополам каким-то обломком, Андрей был уже несколько минут как мёртв. Никакая реанимация тут не поможет. Поэтому пришлось покинуть рубку и направиться в инженерный отсек.

«Аварийный код принят», – сообщил компьютер: «В связи с нештатной ситуацией вы повышаетесь до капитана, жду дальнейших указаний».

– Диагностика двигателя.

«Основной двигатель исправен и готов к запуску, маневровые двигатели частично повреждены, ориентация в пространстве затруднена».

– В таком случае возвращаемся на базу.

«Автопилот активирован, курс рассчитан, начата процедура запуска двигателя».

Тот день Сергей запомнил на всю жизнь. Тогда его жизнь пошла под откос. Компания не хотела мириться с тем, что человек погиб фактически по их вине. Выпустить неисправный корабль на работу было не такой уж и редкостью, только до этого обходилось без человеческих жертв. Поэтому, выгораживая себя, начальство обвинило Сергея в том, что он неверно рассчитал мощность зарядов и ни слова о сломанном сканере, наоборот экспертиза якобы показала, что сканер был исправен.

В итоге: суд проигран, а в резюме чёрная метка, такая, что с трудом удалось найти место пилота мусоровоза. Сейчас Сергей занимался тем, что возил контейнеры с не перерабатываемыми промышленными отходами в соседнюю систему, где сбрасывал их во чрево небольшого красного карлика. В этой термоядерной топке сгорало всё, а если это и сказывалось как-то на жизни одинокой звезды, то это мало кого волновало.

А вот что будет с его жизнью, волновало Сергея всё больше. Навалившиеся тогда неприятности уже стали отступать куда-то в глу-

бины памяти, а найденная по принципу лишь бы на еду хватало, работа сильно напрягала.

– Привет, Джек, – лениво поприветствовал он бармена в небольшом баре захолустной станции ставшей его домом.

– Привет, Сергей, – поздоровался татуированный детина и вместо обыденного, тебе как обычно, он вдруг сообщил: – Тебя тут один мужик допытывался, слащавый такой, в костюмчике и с прилизанной причёской.

– Хм, странно, но это даже интересно.

– Смотри, чувак, если что уходи, я прикрою, – по-свойски предложил бармен.

– Спасибо, но бежать мне не от кого, да и не от чего, разве что это юрист Компании, а от них всё равно не убежишь.

Джек понимающе кивнул и, поставив перед ним стакан с пивом, отошёл к другим посетителям.

Долго ждать таинственного мужика не пришлось, он появился из туалета и сразу направился к Сергею.

– Сергей Юртов, я полагаю? – начал незнакомец с вопроса.

Бармен был прав, в местную публику мужчина не вписывался, а был по меркам простых работяг – завсегдатаев бара, действительно сильно прилизанным. Бледная идеальная кожа, аккуратная причёска и весьма недешёвая одежда.

– Верно, – спокойно ответил Сергей.

– Здравствуйте, я Ярослав Змелик, доктор астрофизики, – приветливо произнёс незнакомец, протягивая руку.

– Здравствуйте, – несколько удивлённо ответил он, пожимая протянутую руку.

Чем это интересно Сергей мог заинтересовать астрофизика?

– У меня к вам весьма интересное предложение, – сообщил незнакомец и добавил, указывая: – Я заказал приватный столик, там нам будет удобнее.

Они сели в небольшой кабинке и закрылись от остальных посетителей бара. Сергей с любопытством, но при этом несколько насторожено уставился на своего собеседника.

– Видите ли, – начал астрофизик, – Компания год назад привлекала меня к расследованию вашего дела. Того самого инцидента с астероидом.

– Хм... Год назад. Но мне казалось, что они всё решили за пару месяцев.

– Да, официально вас признали виновным и вроде как расследова-

ние инцидента прекращено. На самом деле они так и не поняли, что случилось, поэтому стали привлекать к расследованию различных сторонних специалистов.

– Но ведь там всё было довольно просто, у нас сломался сканер, а каменюка видимо частично состояла из урана или какого-то другого делящегося вещества, вот и произошёл ядерный взрыв.

– Отчасти это верно. Разве что ваш сканер был совершенно исправен.

– Этого не может быть, я сам видел показания, пытался исправить настройку, – с удивлением произнёс Сергей.

– В том то и дело что сканер проверили самым тщательным образом. Он отлично работает, а то, что вы видели, были показания от астероида.

– Но судя по показаниям, там была какая-то бессмыслица.

– Совсем нет, там было просто незнакомое науке вещество. Очень энергоёмкое и нестабильное, ваши бомбы вызвали ядерную реакцию.

– В любом случае, нам не повезло, – мрачно изрёк Сергей.

– А вот с этим я бы поспорил, – загадочно произнёс Ярослав и уже деловым тоном добавил: – Этот астероид лишь осколок целой планеты – планеты-шатуна.

– Вы про блуждающую планету? – спросил Сергей, он неплохо разбирался во всем что так или иначе болталось в космосе, ведь технически он жил за счёт охоты на всякие богатые минералами камни.

– Верно, но не простую, а весьма редкую. Я считаю, что эта планета пережила взрыв сверхновой. Совершенно немыслимая – адская катастрофа оставила ей уникальный подарок из редчайших элементов, которых не встретить в обычной звёздной системе.

– Допустим, вы правы, но откуда взялся тот астероид? Если он был отколот от планеты в случае удара, то должен был детонировать куда раньше, а вместе с ним и пол планеты.

– Необязательно. К тому же вряд ли планета путешествовала одна, наверняка у неё несколько спутников. Вот один и потерялся видимо перехваченный гравитацией звезды, у которой вы его нашли.

– Да, это многое объясняет. Спасибо вам, что нашли меня и рассказали. Но ведь это не всё, вы бы не стали прилагать столько усилий просто, чтобы объяснить мне.

– Верно. Я собираюсь поохотиться на эту планету, а вы, как я понимаю, весьма опытны в этом деле. Предлагаю присоединиться к нашему мероприятию. Нам как раз нужен пилот.

– А что вы собираетесь делать с находкой?

– О, можете не волноваться, я не собираюсь её потрошить. У меня чисто научный интерес, максимум надо будет взять пробы грунта. Но никаких взрывов, – ответил незнакомец улыбаясь.

– Тогда я в деле, в любом случае возить мусор мне уже до чёртиков надоело.

– Что же, жду вас завтра в четыре часа дня по местному времени у дока номер тридцать два. А сейчас позвольте откланяться, – он встал и протянул руку.

– До завтра, – произнёс Сергей, пожимая руку. И потом стоял, провожая взглядом странного учёного.

– Ну и что это за пижон? – небрежным тоном спросил бармен.

– Какой-то крутой учёный, астрофизик.

– Ого, и чего хотел? – в голосе Джека появилась заинтересованность.

– Нанял меня пилотом в экспедицию.

– Поздравляю, чувак, – добродушно произнёс здоровяк, и хитро улыбнувшись, добавил: – Ты теперь просто обязан за это выпить.

Башка утром просто раскалывалась. Впрочем, он сам виноват, знал же какая в баре собирается публика. Простые работяги пилоты, кто-то как он водил мусоровозы, кто-то на челноках курсировал между грузовыми судами и планетой. Да они все, так или иначе, были пилотами космических кораблей, но занимались доводящей до отупения рутинной. Ему повезло, похоже, он сможет выбраться из этой ямы. Теперь только надо найти анти-похмельную таблетку и одеться как можно приличнее. Если с первым проблем не было, то вот хорошей одежды у него почти не осталось, разве что китель пилота межпланетного пассажирского лайнера. Это было словно в другой жизни замечательной и весёлой, но потерянной из-за дурного упрямства в молодости. Хоть Сергей и не любил вспоминать это время, он оставил китель. Красивый, ультрамаринового цвета, правда, с удалёнными знаками различия, но так было даже лучше. В нем он выглядел очень солидно, жаль, что одевал только по большим праздникам.

Сейчас был именно такой случай, учитывая, как разодет доктор. Наверняка там с ним и другие такие же учёные. Так он может хоть произведёт хорошее впечатление, а потом наверняка дадут какую-нибудь униформу. Это всяко лучше, чем его рабочий пилотский комбинезон и простая повседневная одежда.

В тридцать втором доке стоял лёгкий шаттл, самый массовый

пассажирский транспорт для полётов в пределах системы или в качестве такси. Доктор, всё в том же наряде, был уже тут и, заметив его, улыбнулся, протягивая руку Сергею.

– Здравствуйте. Вы пунктуальны, это хорошо.

– Здравствуйте, – он пожал руку учёного.

– Пойдёмте в челнок, познакомлю вас с нашим капитаном.

Сразу за шлюзом, ведущим в пассажирский отсек их встретила ослепительно красивая девушка. Ростом примерно на голову ниже Сергея, в элегантном обтягивающем бирюзовом платье идеально подчеркивающим очень ладную фигуру. Голову незнакомки украшало рваное каре золотых волос, до шеи, явно крашенных, уж слишком яркий и насыщенный был цвет. Впрочем, этот оттенок очень шёл к большим светло-карым глазам, пристально изучающих его.

– Шикарно выглядишь, – с неприкрытым восхищением произнёс Ярослав.

– Спасибо, только вернулась со званого обеда, – ответила девушка и, вновь переведя взгляд на Юртова, спросила: – А вы, полагаю, Сергей?

– Верно, – ответил он несколько сконфуженно и, поняв, что даже забыл поздороваться, поспешно добавил: – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – произнесла она и спросила: – Летали на пассажирских лайнерах?

– Да, было дело, – ответил Сергей, – летал на «Персефоне», лайнер класса Жемчужина.

– И что случилось?

– Не сошёлся характерами с новым капитаном.

– Что же, надеюсь, с вами мы сойдёмся характерами, – с некоторой строгостью в голосе произнесла девушка и представилась: – Зарина Квинто, капитан частного научного судна «Золотой дракон».

– Приятно познакомится, – промямлил Сергей и неожиданно сам для себя, добавил: – Можете не волновать на счёт этого, я знаю, что такое субординация, а то были дела горячей молодости.

– Что же, как видите, я сегодня не в форме, надеюсь, вы доставите нас на корабль быстро и мягко, – произнесла капитан, затем улыбнулась и добавила: – Расслабьтесь, Сергей, я уже изучила ваше досье, да и доктор Змелик рекомендовал вас для этого полёта.

Ярослав утвердительно кивнул, подтверждая её слова.

– Компьютер, – произнесла капитан, – предоставить полный доступ новому пилоту.

– Приказ подтверждён, – доложил ровный синтетический голос.

– Действуйте, Сергей, – приказала капитан и, пройдя вглубь салона, заняла одно из пассажирских сидений, астрофизик последовал за ней.

«Да уж, это было неожиданно», – укорил он сам себя, конечно капитан произвела на него впечатление и прежде всего вполне человеческое, но всё же он мог вести себя как-то поспокойнее, а не как растерявшийся школьник на первом свидании. Впрочем, неважно, главное, что чёрная полоса его жизни, почти сломившая и растоптавшая все надежды, похоже закончилась, таким вот неожиданным способом. И теперь главное было взять себя в руки и не упустить второй шанс.

Сергей прошёл в кабину и сел в кресло пилота.

– Личность установлена, – сообщил компьютер, – пилотский патент принят и подтверждён, управление разблокировано.

Его тут же окружил голографический кокон интерфейса управления. Такими шаттлами умел управлять любой пилот, они были рабочими лошадками и с них начинали обучение. Поэтому он легко запустил двигатели, поднял посудину с палубы и, запросив разрешение на вылет, медленно и плавно покинул стыковочный док.

Найти научное судно с таким экзотическим названием тоже не составило никого труда, оно было на орбите четвертой планеты. Насколько он знал, там располагалась база снабжения торгового флота. Полет туда был бы сущей безделицей, если бы не одно но, автопилот оказался заблокирован.

Сергей фыркнул: «Тожe мне испытание». Охота на астероиды и прочий космический мусор подразумевает такие сложные манёвры, что выход на его текущую цель вручную лишь нудная рутина. Он вызвал планировщик полёта и, накидав на нем траекторию, расставил сигнальные точки, в которых компьютер должен напоминать ему, что пришло время для манёвра. А то мало ли, ещё уснёт в полёте.

Вздremнуть ему удалось аж пару раз, прежде чем на радаре, а потом и вживую появился «Золотой дракон». Благо полет занял чуть больше шести часов. Космос огромен, даже не смотря на всю современную технологическую мощь, полёты занимали много времени, и терпение было одной из главных характеристик в досье любого пилота.

Корабль оказался очень красив, плавные обводы лишь усиливались резкими ломаными профилями, торчавшими в нескольких местах массивами сенсоров и антенн. Их прежняя рабочая лошадка,

подорвавшаяся на том странном астероиде, не шла, с этим красавцем, ни в какое сравнение. К тому же в отличие от большинства ржавяющих и обшарпанных судов, Дракон был словно только что с покраски, белоснежный корпус с узорами из причудливых золотых линий блестел в лучах далёкого светила. Сергей как-то сразу зауважал капитана, было видно она любит свой корабль и заботится о нем. Увы подобное было скорее редкостью, чаще капитан был обычным наёмным работником, и забота о корабле волновала только в аспекте выполнения поставленной задачи, а все остальное уже было не его заботой.

– «Золотой дракон», запрашиваю стыковку.

– Вы опознаны, – ответили с корабля, – заходите в док номер два.

Отвечал явно компьютер, значит на корабле либо никого нет, либо этот кто-то не допущен к управлению кораблём, значит людей в команде очень мало. Впрочем, не удивительно, частники всегда на всем сэкономили, похоже формально на корабле он будет вторым человеком.

Док был шикарный, просторный, почти как на станции, не то, что на шахтёрской посудине, где катер входил почти впритирку. Сергей даже развернул шаттл перед входом и в док залетал уже задом, затем плавно опустил на посадочные лапы и выключил двигатели.

В камеры внешнего обзора он увидел, как по трапу сошёл доктор, лишь после этого в кабину зашла капитан.

– Надо признать вы меня впечатлили, – сразу заявила она.

– Да ладно, – Сергей удивился, – подумаешь, отключён автопилот, полет банальный любой выпускник лётной академии легко бы справился.

– Верно, но дело совсем не в этом. Вы ни разу не покинули кабину, вот что меня впечатлило.

– Но ведь это стандартный протокол, если не работает или неисправен автопилот, то в случае предотвращения вероятного столкновения, пилот обязан находиться в пределах досягаемости органов управления. К тому же где ещё быть пилоту во время полёта как не в кабине.

– Верно, – подтвердила капитан, – но вы знаете, сколько претендентов через пятнадцать минут после вылета спокойно заходили в салон и даже наливали себе выпивку.

– Хм... Видимо, я просто не избалован, в пассажирском флоте очень строгие правила, а на нашем шахтёре особо и некуда было податься, рубка была самым большим помещением после трюма.

– Именно это и хорошо, что не избалованны, – произнесла она, улыбаясь и уже по-деловому добавила: – Ваша каюта номер три на второй палубе, корабельную форму найдёте в шкафу. Через час жду вас в кают-компании, надо заключить договор.

Что же, каюта у него была просто настоящими апартаментами, большая светлая с убирающейся в стену кроватью, душевой и санузлом. После старой шахтёрской посуды с конурой, где едва можно было вытянуть ноги и корабля мусорщика, в котором, впрочем, он летал один, но места там было даже меньше, а кровать и вовсе отсутствовала. Разве что на пассажирском судне у него была каюта не хуже, но даже там её приходилось делить со вторым пилотом.

Он усмехнулся, похоже жизнь таки начинает налаживаться. Вон какие апартаменты, красавица капитан и предстоящая охота на бродячую планету – о чём ещё можно было мечтать? Особенно после двух лет мытарств и ужасной работы за копейки. Впрочем, не время расслабляться, надо было переодеться и готовиться к финальной части «собеседования».

В стенном шкафу действительно висела форма, несколько странная на его вкус, темно синие почти черные штаны и белоснежное поло с вышитым стилистическим золотым драконом на левой груди.

Однако, после переодевания и красования возле зеркала, оказалось, что выглядит он вполне элегантно и даже солидно. Вкус у Зарины явно присутствовал, хотя это было видно ещё и по тому наряду, в котором он увидел её в первый раз. Интересно кто она, дочка или жена какого-нибудь миллиардера, хотя жена вряд ли, кольца у неё не было, да и кто бы отпустил такую красотку надолго в космос. Либо же ей в своё время крупно повезло, и это больше похоже на правду учитывая, как она держалась и говорила. Впрочем, аналитика была не его коньком, куда лучше у него получилось быстро находить правильное решение в сложной ситуации, бесценное качество для пилота. И сейчас самым правильным было довериться этому неожиданному дару судьбы, а не выяснять кто же такие его наниматели, в конце концов, даже на контрабандистов они не тянут, а последним он совсем не побрезговал бы заняться, подвернись шанс.

В кают-компанию он пришёл пораньше и застал тут только высокого мужчину с умным лицом, одетого в такую же форму, что была сейчас на Сергее.

– Дитрих Штейн, – представился незнакомец, – инженер.

– Сергей Юртов, видимо ваш новый пилот.

– Если капитан выдала вам форму, то можете даже не сомневаться, вы наш новый пилот, – произнёс Штейн ободряюще.

Дальнейший их разговор прервало появление капитана в компании с невысокой азиаткой. Зарина уже успела переодеться, в почти такую же форму, разве что вместо рубашки на ней был белоснежный жакет, расшитый хитроумным сплетением золотых линий и лент. Сейчас она выглядела куда строже, даже несмотря на несколько легкомысленную причёску.

– Вижу, вы уже познакомились, – удовлетворённо изрекла капитан, – позвольте тогда представить вам, Сергей, последнего члена нашего экипажа – Кэйко Штейн. Для вас она мой первый помощник, для пассажиров стюард.

– Штейн? – удивлено спросил он, – А вы...

– Да, мы супруги, – ответила девушка улыбаясь.

– Муж, Кэйко, отвечает за техническое состояние судна, – сообщила Зарина и уже деловым тоном добавила: – А теперь команда давайте займёмся работой, впереди у нас самая интересная и возможно очень сложная экспедиция.

– Капитан, – первый помощник чуть поклонилась и направилась к выходу, инженер отправился за ней.

– А вот с вами, Сергей, у нас осталась ещё одна формальность. Пока что разовый контракт, на время этой экспедиции. Если мы сработаемся, то можно будет поговорить и уже о долгосрочном приёме в команду.

– А можно узнать, что стало с вашим прошлым постоянным пилотом, если таковой был?

– Хороший вопрос и в вашей ситуации верный. Но не волнуйтесь ничего такого, она просто залетела от одного из портовых, а ребёнку на корабле не место.

– Понятно, – судя по интонации, становилось ясно, что капитан очень зла из-за этого, но это уже не его дело, главное, что причина была вполне веской.

– На всякий случай, – сообщил Сергей, – я не уходил с работы, просто взял бессрочный отпуск.

– Что же, это разумно и совершенно меня не волнует. Если вы такой хороший пилот как это следует из вашего послужного списка и будете безусловно управлять «Драконом» во время экспедиции, то не вижу никаких проблем. К тому же оплата будет зависеть исключительно от результатов экспедиции.

– Вот и этот интересный вопрос – оплата.

– Всё просто, я не плачу команде зарплату, моя забота лишь обеспечить вас питанием и всеми удобствами пока вы на корабле. Однако по завершении экспедиции заказчик выплачивает мне оговорённую сумму и обычно делает доплату в зависимости от результатов. Половину полученных денег я забираю себе, остальное делится поровну между членами команды. Но полагаю, раз вы так легко согласились на этот полет и до этого вообще не поднимали вопрос об оплате деньги для вас не главное.

– Верно, мне настолько осточертело мотаться по одному маршруту на старом буксире, а кроме как пилотировать корабли я ничего больше не хочу и не умею. Поэтому я был готов лететь куда угодно и почти с кем угодно, а о таком подарке как научная экспедиция не мог даже и мечтать. Кем бы я был, если бы сразу не согласился?

– Понимаю, я тоже не мыслю жизнь без полётов. Тогда давайте займёмся формальностями. Можете изучить контракт, но там всё чётко, поверьте мне незачем вас обманывать.

Она достала лист электронной бумаги и положила перед ним. Сергей пробежался по тексту глазами, всё было и правда чётко, никакой воды, расписаны ответственности сторон и прочие подобные формальности. Поэтому он не стал особо вчитываться, а подписал контракт.

– Замечательно, – подытожила капитан, – а теперь пойдёмте в рубку, проведу небольшой инструктаж, и пора выдвигаться.

Управлять «Золотым драконом» было не сложно и очень приятно, корабль был отзывчив к управлению и для своих размеров весьма манёвренный.

Как он уже отмечал, за судном хорошо следили, что на самом деле не такое частое явление. Техническое обслуживание космического корабля не простая и дорогая процедура, особенно для частника. Но Зарина находила деньги. До этого Сергей как-то не задумывался насколько прибыльным может быть владение научно-исследовательским судном.

Первой их остановкой стала хорошо знакомая ему Вега, там располагалась шахтёрская база Компании, а им надо было забрать коллегу Ярослава, доктора геологии Марию Гор.

Уже начав ускорение для гиперпрыжка, Сергей заметил, что их начали преследовать. Один из маркеров на экране сенсоров явно

изменил курс на их перехват.

– Капитан, – вызвал он Зарину по внутренней связи.

– В чем дело, пилот? Я несколько занята устраиваю нашу новую пассажирку.

– Кто-то лёг на курс нашего перехвата. Мы не успеем набрать скорость для прыжка.

– Ясно, я уже иду.

– Что там? – спросила она с порога.

– Судя по массе и скорости, я бы сказал, что это патрульный крейсер Компании, только почему-то он упорно молчит.

– Видимо считает, что мы его ещё не видим. У нас хорошо модернизированы сенсоры, отправляемся ведь на миссию по дальнему поиску.

– Может самим вызвать их?

– Не надо, – ответила Зарина и, усевшись в своё кресло, добавила:

– Пусть думают, что мы их не видим. К тому же это могут быть учения, их капитан просто гоняет команду.

Но крейсер лишь продолжал ускоряться, словно хищная акула, хладнокровно преследующая жертву.

– Сейчас они войдут в зону действия стандартных сенсоров и посмотрим, что будет.

Какое-то время ничего не происходило, затем компьютер сообщил о вызове с корабля.

– Говорит патрульный крейсер Компании, судно «Золотой дракон», приказываю немедленно лечь в дрейф, и приготовится к дозору.

– Плохо дело, – опечалено произнесла капитан, – но ничего не остаётся, нам с ним не тягаться, да и проблемы с властями последней, что мне нужно, глушим двигатели.

– Слушаюсь, капитан, – ответил Сергей, выключая двигатель.

– Говорит научно-исследовательское судно «Золотой дракон», мы выключаем двигатель и готовы к проверке, – ответила Зарина патрульным.

Непрошенных гостей они всей командой встречали в зале доков.

Первыми из шлюза естественно вышли боевые боты, убедившись, что их не встречают ураганным огнём, появилось три человека.

– Старший инспектор Альберто Торез, – представился один, в темно-синей форме патруля.

– Капитан, Зарина Квинто. Могу я узнать, на каком основании вы задержали мой корабль?

– Старший следователь, Габриэлла Эррера, – представилась женщина, носившая светло-серую не флотскую форму, и добавила: – Лично к вам у нас нет никаких претензий, капитан, но есть вопросы к двум вашим пассажирам.

– И насколько серьёзны выдвигаемые им обвинения? – спросила Зарина.

– Пока им не выдвинуты обвинения, – ответила следователь, – но всё будет зависеть от полученных мной ответов.

– Капитан, – нетерпеливым голосом произнёс инспектор, – давайте не будем начинать никому ненужные дебаты, чем быстрее мы начнём допрос, тем быстрее вы от нас отделаетесь, иначе мы ведь можем и устроить полный досмотр корабля.

– Я вас поняла, старший инспектор, с кем именно вы хотите поговорить?

– Нам нужны: Сергей Юртов и Ярослав Змелик.

– Но лишь мистер Змелик мой пассажир, а Юртов член команды.

– Даже так, – удивилась следователь, – впрочем, это не меняет сути дела, эти двое граждан должны пройти с нами.

– Разве нельзя задать свои вопросы на борту «Золотого дракона»?

– Нет, – сказал, как отрезал инспектор, – у нас на корабле всё специально оборудовано для подобных бесед.

Комната была небольшой, три стены стального цвета, одна огромное зеркало, прямо напротив него. Набор мебели был простой металлический стол и два стула. Вместо наручников на нем были надеты магнитные браслеты, к счастью сейчас деактивированные, но стоило их включить и выйти из этой комнаты он не сможет, примагнитившись к столу или стене. Ему уже доводилось бывать в подобных комнатах допроса. О них остались не самые приятные воспоминания.

Что-то они медлили, впрочем, это сделано нарочно, такое вот сидение оупляет, и ты теряешь чувство времени. Сколько уже он так сидит? Два часа? Четыре? А может и часа ещё нет.

Наконец дверь распахнулась, впуская следователя. Она села напротив него и несколько минут просто молча буравила его взглядом.

– Насколько нам известно, – начала она медленно, – по вашей халатности погиб человек – ваш напарник.

– Не совсем верно, моя вина так и не была полностью доказана.

– В гибели да, а в халатности доказана. Впрочем, меня интересует то, как вы оказались на «Золотом драконе» в роли пилота?

– Обычно оказался, мне предложили работу.

– Да? Вас, человека, которого максимум допустили пилотировать мусоровозы, вдруг взяли и позвали на корабль, пилотировать который выстроилась бы очередь лучших пилотов этого сектора.

«А она умеет взбесить», – Сергей приложил немало душевных усилий, чтобы сохранить спокойный вид. Ведь это стараниями Компании он оказался на дне общества, при том, что пилотом то он был отменным. Но kloкочущую гневом гордость пришлось задвинуть куда подальше иначе вместо экспедиции он полетит в камеру какой-нибудь орбитальной тюрьмы, за оскорбление офицера при исполнении

– Это вам надо было спросить у капитана, – как можно более спокойно ответил он, – зачем ей понадобился именно я.

– Возможно, мы ещё спросим, а пока я вижу более чем странную картину. Вначале вы находите нечто странное чуть не погубившее ваше шахтёрское судно. Затем Компания нанимает известного доктора для расследования этого инцидента. Однако, Змелик заявив, что ничего такого необычного не было, сразу снаряжает экспедицию и берет в неё вас. Как думаете это совсем даже не странно?

– Ну, если смотреть с этой точки зрения, то у вас паранойя, – заявил Сергей.

– Возможно, но мне нужно чтобы вы рассказали мне всё полностью с момента встречи с астрофизиком. Он вам говорил что-то на счёт расследования происшествия?

– Хорошо это не сложно, – вот сейчас на нем наверняка сосредоточились десятки самых разных датчиков, тщательно изучающих его состояние, детектор лжи уже давно нельзя было обмануть, поэтому Сергей аккуратно подбирал слова, – Змелик сразу рассказал, что Компания привлекла его к расследованию, и он считает, что моей вины в произошедшем нет. Поэтому он и предложил капитану взять меня пилотом, так как уверен в моем профессионализме.

– Хороший профессионализм, – фыркнула следователь, – вы убили своего напарника и чуть не угробили корабль.

– Заметьте, я это сделал, минирюя астероид в слепую, это ничего не говорит о моих навыках пилота, а в экспедиции не планируется ничего взрывать.

– Тут я согласна то, что вы плохой взрывник, не делает вас плохим пилотом. Но почему Змелик выбрал именно вас?

– Может всё дело в том, что он порядочный и добрый человек увидел, что я был несправедливо обвинён и решил таким образом помочь.

– Это очень интересная и наивная версия, но раз вы не хотите говорить правду, примем её за рабочую.

Она встала и, не говоря ни слова, удалилась, оставляя его в одиночестве.

Время вновь обрело для него эфемерную величину. Наконец дверь открылась, и в комнату зашёл уже старший инспектор. Он не стал садиться, а лишь наклонился, уперевшись руками в столешницу. Некоторое время следователь сосредоточенно буравил Сергея взглядом, но пилот сохранял самый непринуждённый вид, в конце концов, он не совершал ничего противозаконного.

– У меня только один вопрос, – наконец разродился инспектор, – считаете ли вы, что Компания поступила с вами несправедливо? Только ответьте честно.

– Что вы хотите услышать? – задал он контрвопрос и тут же на него ответил: – Что я зол на Компанию и плету против неё козни? Нет... Но вообще, да я считаю, что Компания поступила со мной несправедливо, я согласен что тогда с астероидом мы поступили опрометчиво и взрыв это моя вина, однако зачем было портить моё резюме? Я бы мог спокойно пойти в торговый флот или вернуться к пилотированию пассажирских лайнеров, но меня буквально вынудили опуститься на самое дно. И между тем нет, я не хочу мстить ни Компании, никому-то ещё, нет смысла тратить на это свою жизнь.

Инспектор ещё какое-то время пристально разглядывал его, а потом выпрямился.

– Вы свободны, – каким-то бесцветным голосом произнёс он и в подтверждение его слов, щёлкнули раскрываясь магнитные браслеты.

Сергей встал и направился к двери.

– Позвольте извиниться за это задержание, – неожиданно добавил инспектор, – надеюсь вы понимаете опасение Компании и не будете обижаться, все мы лишь делаем свою работу.

– Всего вам доброго инспектор, – почти искренне попрощался Сергей и направился к ожидающему за дверью охранником.

Спокойно выдохнул Сергей только тогда, когда переступил шлюз «Золотого дракона» и услышал, как лязгнули закрывшиеся наружные створки дверей.

За доком его встречала вся команда.

– Как я рад видеть вас в добром здравии друг мой, – неожиданно радостно произнёс Ярослав и заключил его в крепкие объятия.

Сергей не сказал бы, что они с астрофизиком были друзьями, но

был приятно растроган.

– Что же, джентльмены, я рада, что всё так хорошо разрешилось, но предлагаю вначале покинуть пространство Компании, и лишь после этого порадоваться.

– Согласен, – доктор отпустил пилота и с энтузиазмом добавил:
– За работу друзья мои!

Все в рубке вздохнули спокойно когда «Золотой дракон» совершил гиперпереход, теперь уже никто не мог их перехватить.

– И так, джентльмены, – повернулась к собравшейся в рубке команде и пассажирам капитан, – меня сильно интересует, что именно происходит? Не каждый день меня перехватывает патрульный крейсер, а потом, извинившись, отпускает.

– Потому что они почти поняли, – ответил Ярослав, – правильно связали то, что я что-то узнав, собрал экспедицию и позвал в неё Сергея. Но они не смогли понять, что именно я нашёл и как поиск блуждающей планеты связан с взорванным астероидом. А главное ведь я на самом деле предложил вам, Зарина, нашего пилота не столько из-за того, что он знает сигнатуру астероида, и без него бы нашли, сколько потому что Компания обошлась с ним несправедливо.

Увидев удивлённый взгляд Сергея, астрофизик улыбнулся.

– Да, да, мне дали твоё досье. Пять лет безупречной работы в пассажирском флоте, тебя хотели сделать капитаном, но ты ушёл, когда позвал приятель и вы стали одной из самых эффективных шахтёрских команд, до того инцидента.

– Всё верно, но я ушёл из пассажирского флота не только поэтому.

– Знаю, конфликт с новым капитаном лайнера, на котором ты служил. Но это неважно, тебе хотели дать свой корабль, но ты ушёл.

– Дело было не только в этом, это больше напоминало подачку. . . впрочем, не важно, это дела давно прошедших дней и ворошить их не хочется.

– Я вот не поняла только одного, – вмешалась в их беседу Зарина, – неужели, Ярослав, ты был так беспечен, что почти позволил Компании вычислить себя?

– Ну не без этого, – протянул доктор, – впрочем, я почти наверняка был уверен, что они не поймут всей картины.

– Всё с тобой ясно, теряешь хватку старый лис, – фыркнула Зарина, и добавила уже вполне оптимистично: – Ладно, идите все отдыхайте, денёк выдался насыщенным, а поиски начнём потом, как прибудем в нужный квадрат.

Найти планету-шатуна оказалось сложнее, чем иголку в стоге сена. Они болтались в космосе уже больше месяца. Общее настроение, владевшее кораблём, Сергей бы назвал унынием. Нет, в целом, команда просто делала свою работу, в конце концов, их заботой был корабль. С учёными всё было хуже, Ярослав то одолевали неожиданные всплески энтузиазма, то он сидел целыми днями в кают-компании, сокращая запасы спиртного на борту.

Само собой, полет проходил не совсем в слепую, ещё до начала экспедиции, по данным с их шахтёрского судёнышка доктор восстановил траекторию астероида. Сделал расчёты, откуда камень должен был попасть в систему, чтобы в итоге затормозить и занять ту позицию, в которой его нашёл Сергей. Но тут была одна завышка – время, слишком велики были временные рамки, а это значило, что их цель могла оказаться как совсем недалеко, так и за сотни световых лет. А найти столь небольшой объект, маскирующийся за фоновым излучением, было крайне сложно.

Так же сложно было с учёной – геологом, Марией. Видимо с Ярославом их связывала не только наука. И если вначале она была вполне весела, а несколько раз Сергею удавалось застать её с доктором за поцелуями и обнимашками, то со временем они, похоже, разругались. Мария была постоянно раздражена, старалась избегать астрофизика, а на днях они вначале о чём-то разговаривали на повышенных тонах, а затем геолог вполне успешно запустила в астрофизика стаканом. Да она потом сама обрабатывала ссадину на его лбу в медотсеке и даже вроде они помирились, но было ясно, что столь долгое бездействие угнетает эту женщину.

– Если так будет продолжаться, то через неделю я поверну на Вегу, – уведомила его капитан, впрочем, голос её был вполне спокоен.

– Понимаю Зара, – за последнее время они с капитаном перешли на ты и иногда Сергею казалось, что между ними даже что-то появилось. Конечно ничего такого пока не было, но девушка совершенно спокойно относилась к тому что он стал называть её Зарой. Возможно, будь он смелее, то попробовал бы с ней пофлиртовать, но его останавливало то, что она всё же была его капитаном. Если бы они были на орбите или в порту, а в полёте Сергей привык соблюдать субординацию и не проявлять ненужных чувств.

– Меня это тоже уже начинает раздражать, Серёжа, мы тратим топливо и ресурсы корабля, мотаясь по космосу и всё без толку. С

одной стороны, вероятность неудачи была ожидаема, но с другой меньше всего мне нужны пассажиры готовые поубивать друг друга.

Он хотел сказать что-нибудь банально одобряющее, но в этот момент корабль закончил очередной прыжок, и Сергей сосредоточился на приборах, запуская процедуры сканирования окружающего пространства.

– Ну что там? – лениво осведомилась Зарина.

– Пока всё чисто, – ответил он, продолжая просматривать показания сканеров, компьютер выполнял весьма сложную программу, написанную Змеликом и, несмотря на полную автоматизацию процесса, доктор настаивал, чтобы Сергей просматривал данные вручную.

– Мне иногда кажется, что этой планеты Ярослава не существует, и он просто ошибся. . .

– Стой! – воскликнул Сергей, прерывая её, – похоже, что-то есть.

– Неужели?! – Зарина вскочила и подбежала к нему.

– Вот смотри, – он вывел на экран развёртку принимаемого сканерами излучения, – это обычный космический фон, но вот тут. . .

На графике возникло множество небольших, едва заметных пиков.

– . . . на первый взгляд, кажется, что это просто какие-то помехи, но я узнаю эту сигнатуру.

– Что же Серёжа, строй новый курс и готовь судно к прыжку, а я пойду, расскажу радостную новость нашим учёным.

Она уже дёрнулась вперёд, но неожиданно остановилась, повернулась к нему и, наклонившись, поцеловала в губы. От неожиданности он даже не успел ответить на этот внезапный поцелуй, а Зарина уже игриво улыбнувшись на прощание, упорхнула из рубки.

«Черт, неужели она и правда что-то в нем нашла?», – Сергей мотнул головой, словно снимая наваждение, как бы там ни было, сейчас ему надо было готовить корабль к прыжку, пока они не потеряли след.

К завершению прыжка вся команда и учёные толпились в рубке. Все были в радостном возбуждении, ещё несколько часов назад на судне царила атмосфера отчаяния, а сейчас все были в предвкушении того что их полет всё-таки достигнет успеха.

Цветное буйство гиперпространства на обзорных экранах сменилось чернотой космоса, щедро утыканной бусинками звёзд. Вклю-

чилились сканеры и сразу, прямо по курсу, возникла уже более чёткая и хорошо знакомая ему амплитуда сигнала.

Рубка взорвалась бурными овациями, и Сергей как-то невольно стал центром всеобщего внимания, словно нахождение планеты было только его заслугой.

К счастью очень скоро празднование перешло в кают-компанию, оставив пилота в рубке одного. Нет не совсем одного.

– Вы молодец Сергей, я не зря решил предложить вашу кандидатуру Зарине, – произнёс вернувшийся в рубку доктор.

– Всё же, Ярослав, почему вы называете эту планету шатуном, а не бродячей?

– Как вам сказать друг мой... Бродячие-планеты слишком банальны часто это газовые гиганты, которым просто не хватило массы, чтобы стать звёздами. И даже обычные в нашем понимании – твёрдые планеты всего лишь выброшенные из своих звёздных систем, таких правильнее бы было называть планетами-беглецами. А наша цель очень редкий случай. Сверхновые по человеческим меркам взрываются совсем не часто. А уж чтобы что-то пережило взрыв сверхновой – это нечто уникальное и невероятное, поэтому я и зову нашу цель планетой-шатуном. Чуть неубитая своим светилом она вынуждена шататься по космосу, словно разбуженный посреди зимы медведь.

– Ясно, возможно теперь вам даже удастся ввести это в официальную классификацию.

– Возможно, – весело произнёс Змелик, – но пока пойдёмте, присоединимся ко всем, насколько я знаю, разогнаться и прыгнуть компьютер сможет и самостоятельно.

Сергей лишь вздохнул и смиренно отправился вслед за астрофизиком, не то чтобы он не любил торжества, просто ему почему-то казалось, что если он сам не будет контролировать полет, то планета-шатун как-то ускользнёт от них. А может он просто боялся, что теперь до завершения экспедиции останутся считанные дни, после которых он может вновь оказаться на занюханной станции и тратить свои дни на пилотирование старого мусоровоза. Смешно, но что поделывать человек часто становится заложником своих страхов.

К счастью в кают-компании он всё же поддался всеобщему веселью, хотя и старался почти не пить. Конечно, очень приятно было слышать похвальбу в свой адрес, но ещё приятнее было танцевать вальс с капитаном. Уже под конец кода они буквально едва стояли на ногах, он просто обнимал девушку за талию, чувствуя, как в него

упирается её мягкая, но упругая грудь.

– Знаешь, – почти шёпотом произнесла капитан, положив голову ему на плечо, – ты мне почти сразу понравился, ещё тогда, когда стоял смешной и растерянный в салоне шаттла.

– Зара...

– Да, мне нравится, когда ты меня так называешь, – перебила его капитан, – понимаешь, когда Дитрих и Кейко сошлись, я стала им завидовать, они стали идеальной командой потому что «Золотой дракон» стал для них не просто домом, а семейным очагом.

Она очень тепло улыбнулась, а затем стала серьёзной и продолжила:

– А с пилотами мне не везло, они все больше любили деньги, а наши экспедиции были для них лишь работой. Пока не появился ты, я вижу, тебя почти не интересуют деньги, и тебе нравится мой корабль. Скажи, ты бы мог остаться тут, считать «Дракона» домом?

– Да, – даже не задумываясь, ответил он, – это то о чем я последнее время думаю, мне тут нравится, и я боюсь, что когда мы вернёмся, придётся покинуть корабль.

– О нет, – она подняла голову и взглянула ему в глаза, – я буду рада, если ты, Серёжа, останешься в команде, а «Дракон» станет твоим домом.

Он чуть наклонился и поцеловал её, она ответила и, Сергей почувствовал себя очень счастливым, наверное, никогда прежде в жизни ему ещё не было так хорошо.

– Может быть, оставим их и уединимся где-нибудь? – прошептал он ей на ухо.

Она неожиданно замерла и отстранилась.

– Прости, но не сейчас, я ещё не готова... – она опустила голову и, оттолкнув его рукой, добавила: – Прости, но сейчас тебе лучше вернуться на мостик.

– Это ты прости, – буркнул он и, развернувшись, пошёл в стальное чрево коридора, у него было чувство, словно на него вылили ведро холодной воды.

Планету-шатун они настигли только через четыре прыжка. Вернее, на третьем прыжке они её перегнали, и пришлось возвращаться.

И сейчас хоть глаза ничего не видели кроме абсолютной темноты космоса, в других спектрах излучения совершенно отчётливо был виден кажущийся небольшим с такого расстояния шарик.

– Как-то зловеще она выглядит, – произнесла Зарина.

– Ничего удивительного, – ответил Ярослав, – света звёзд не хватает, чтобы осветить планету, а атмосфера и пыль на поверхности активно поглощают видимые нами спектры излучения.

– Как думаете, она может быть обитаемой?

Спросила обычно очень молчаливая Кейко.

– Исключено, – авторитетно заявил доктор, – там нет достаточно света и тепла, эта планета мёртвый замёрзший мир.

– Если ядро ещё не остыло, то в пещерах там может быть тепло, могу даже быть спящие вулканы, – предположила геолог.

– Это бесспорно, Мария, где-то в пещерах могут жить какие-то бактерии, не думаю, что что-то большее могло сохраниться. Но мы точно не полезем в пещеры наша задача максимум взять пробы грунта и составить карту планеты, а уж все остальное будет делом последующих экспедиций.

Сергей тем временем направил корабль к планете, лететь в обычном пространстве судну до неё часа четыре.

– Серёжа, – обратилась к нему Зарина, – ты молодец, но пора пойти отдохнуть. Восемнадцать часов на ногах это слишком много и даже не думай спорить, в таком состоянии я просто не позволю тебе пилотировать корабль. А на орбиту я и сама выйду.

– Хорошо, капитан, – устало ответил он.

– Приятных снов вам, – услышал он вслед от Ярослава.

Что же с этим как раз были проблемы. Едва он положил голову на подушку, как услышал неприятный шум в ушах. Видимо это из-за усталости, шум сильно мешал ему заснуть, но усталость победила.

– Сергей, Сергей! – звал его голос Зарины, – где ты Сергей, я жду тебя.

– Зарина?! – он встал с кровати, растерянно оглядывая тёмную каюту.

– Сергей, я тут внизу, ты должен спуститься с корабля.

Ничего не понимая, он, даже не одеваясь, вышел в тёмный неосвещённый коридор.

– Быстрей, иди вперёд, – шептал ему на ухо знакомый голос.

Он пошёл вперёд, но коридор, словно не кончался, пришлось пробежать и, вдруг неожиданно, он оказался в шлюзе.

– Открывай, – шептал голос, – скорее, я жду тебя, ты должен это увидеть.

Не особо понимая, что он делает, Сергей шагнул к панели управления и инициировал аварийное открывание люка. Его подхватило

потоком воздуха и выкинуло в открытый космос. Но он словно ничего не почувствовал, ему по-прежнему было легко дышать, Сергей расправил руки и полетел к планете, чёрная громада была всё ближе и чем ближе он приближался, тем больше деталей видел. Широкие ленты рек, тёмные кляксы густых лесов, острые пики высоких гор...

Он плавно опустился на ноги на опушке леса.

– Сергей, Сергей! – шёпот буквально оглушал его, – иди сюда Сергей, я жду тебя!

Он пошёл на голос, сквозь заросли странной колышущейся на ветру травы. То тут, то там из-за деревьев за ним следили, чьи тени, словно сшитые из тёмного тумана они о чём-то шептали, но более громкий голос Зарины заглушал их не давая понять ни слова.

– Иди скорее, я жду тебя! – подгонял его голос любимой, да только почему-то сейчас он вдруг понял, что влюбился в капитана по уши.

И он шёл, всё прибавляя шаг, пока деревья не расступились, выпуская его на высокий берег реки. Девушка стояла на самом краю и наблюдала, как по расцветенному синим сиянием небу скользит золотой огонёк.

– Ты видишь, Сергей? Как красиво! – произнесла она.

– Вижу! – воскликнул он в ответ и побежал к ней.

Неожиданно золотой огонёк устремился к ним, превращаясь в длинное извилистое тело с головой дракона – золотого дракона.

– Зарина! – закричал Сергей, – Зарина!

Но она словно не слышала, лишь улыбалась, смотря на него. Сергей рванулся вперёд буквально на пределе своих возможностей, но расстояние между ними казалось совершенно не сокращалось. Дракон тем временем спикировал вниз, опустился на землю и, разомкнув челюсти, обвил девушку длинным по-змеиному раздвоенным языком и проглотил, огласив окрестности низким пульсирующим рыком.

В этот момент Сергей проснулся, весь мокрый от пота.

«Боже, это самый странный и яркий сон который ему когда-либо снился», – он сел, на кровати массируя виски.

Неожиданно запищал коммуникатор. Сергей, не включая свет, по звуку нащупал его в полутьме каюты.

– Слушаю, – произнёс он, включая коммуникатор.

– Извини что разбудила, – услышал он голос Зарины, – но у нас проблема, ты срочно нужен в рубке.

– Иду.

В рубке собралась вся команда. Сергей бросил быстрый взгляд на обзорные экраны, корабль уже висел на низкой орбите планеты и, судя по показаниям приборов всё было в порядке.

– В чем дело?

– Мария, она час назад открыла шлюз без скафандра, – мрачно изрекла Зарина.

– Бог ты мой, – произнёс Сергей, вспоминая свой сон, – но как, зачем?

– Мы не знаем, – ответила Кейко, – на записях видно, что у неё были закрыты глаза, и она странно двигалась словно лунатик.

– Быть не может, совсем как мой сон.

– О чём ты? – удивлённо спросила капитан.

– Мне приснился очень странный сон, словно ты звала меня с поверхности планеты, я открыл шлюз, во сне, конечно же, и опустился на планету, там был странный лес с тенями. А потом тебя съел золотой дракон.

– Хочешь сказать, ей снилось что-то похожее, но она не улежала в своей постели?

– Видимо.

– А меня значит, съел золотой дракон, – иронично произнесла Зарина и уже нахмурившись, добавила: – Мне это всё не нравится.

В эту минуту в рубку забежал какой-то сильно взволнованный и растрёпанный Ярослав.

– Что случилось? – почти истеричным голосом осведомился астрофизик, – Где Мария? Мне такой странный сон приснился, будто она вышла из корабля!

– Эм, сон, но ведь она и правда. . . – капитан, похоже, опешила от происходящего, но вовремя замолкла.

– Успокойтесь, пожалуйста, господин Змелик, – неожиданно пришла всем на помощь Кейко, – всё хорошо.

– Хорошо говоришь?! – неожиданно взревел доктор и одной рукой схватил азиатку за руку, притягивая к себе, а другой выхватил откуда-то из-за пазухи пистолет и приставил его к голове стюарда.

– Ярослав, что вы делаете?! – вскричала Зарина.

– А что вы делаете? Где Мария?!

– Её просто здесь нет, – произнёс Сергей, – опустите оружие, не глупите.

– Не глупить? Я не глуплю! – с экспрессией воскликнул учёный, – Я знаю, что происходит, вы убили её, а теперь хотите убить меня, чтобы забрать себе мою планету!

– Что вы такое говорите, – пришла в себя Зарина, – немедленно бросьте оружие пока никого не ранили и давайте спокойно поговорим.

– Нет! – взгляд у астрофизика стал совсем безумный, – Я отпущу её, только если вы позовёте Марию!

Было понятно, что говорить с ним в таком состоянии бесполезно и муж Кейко неожиданно рванулся, вперёд вцепившись в руку учёного. Прежде чем он успел отвести руку, раздался выстрел, стюард рухнула вниз с простреленной головой.

Сергей рванулся вперёд и со всей силы врезал Ярославу по скуле, учёный дёрнулся и затих. А боровшийся с ним Дитрих овладел пистолем и, отбросив оружие в сторону, устремился к жене, обняв уже мёртвое тело.

– Какого черта! – Зарина стояла, ошалело наблюдая за происходящим. Она, конечно, была сильной женщиной и хорошим капитаном, но научного, а не военного корабля и обычно имела дело пусть и с фанатично увлечёнными своим делом, но все же учёными. Происходящее сейчас явно вызвало у неё растерянность.

Тем временем Змелик прижатый Сергеем к полу, с заломленными руками, зашевелился, приходя в себя от удара.

– Что происходит? – жалобно спросил он.

– Что происходит мразь! – взрычал инженер и, отпустив тело жены, кинулся к доктору. – Ты убил Кейко!

– Нет, я... – ошарашенно произнёс Ярослав, – ... я бы никогда...

Дитрих оттолкнул Сергея и схватив учёного поднял его словно тряпку, намереваясь хорошенько приложить о стену.

– Стоять! – крик капитана заставил всех замереть. – Я не знаю, что тут происходит, но больше никто никого не убьёт и не станет бить.

– Но Зарина, ты ведь сама всё видела! – обиженно воскликнул инженер.

– Видела, но это не значит, что мы теперь должны его мутузить. Сергей отведи Ярослава в каюту и запри там, сдадим его властям по возвращению. А ты, Дитрих, лучше займись женой, в криостаз её, возможно врачи ещё что-то смогут сделать.

«Слабое, но утешение», – подумал Сергей: «после пули в голову обычно спасать уже некого, любой орган можно заменить, кроме мозга».

Но он понимал, почему Зара дала такой приказ, это хоть немного отвлечёт инженера.

Сергей толкнул, отпущенного Дитрихом, Ярослава и скомандовал: «Пошли».

– Зачем вы это сделали? – спросил Сергей доктора, когда они уже отошли от рубки на значительное расстояние.

– Сделал что? – растерянно спросил Змелик. – Я, конечно, вчера напился, но помню, как дошёл до своей каюты и лёг спать, а потом очнулся уже на полу в рубке.

– То есть вы хотите сказать, что не помните, как ворвались в рубку, обвинили всех и убили Кейко?

– Я... я не помню ничего, неужели я...

Закончить он уже не успел. Они как раз вошли в кают-компанию, которая была связующим помещением на корабле, от неё во все стороны корабля расходились коридоры, включая и тот, что вёл в гостевые каюты. Неожиданно откуда-то сбоку выскочил Дитрих и оттолкнул Сергея. Не ожидав такого, пилот отлетел к стене ударился об неё и не устоял на ногах.

Инженер же, не теряя времени, накинулся на учёного и, нанёс ему несколько ударов, затем схватил выставленные для защиты руки Ярослава и, заломив их, стал стягивать технической стяжкой.

– Дитрих, что ты творишь, оставь его, – попытался воззвать к инженеру, поднимающийся Сергей.

– Чтобы он потом отбрехался и получил лет пять в уютной частной тюрьме. Ну уж нет, пусть отправляется в ад! И не смей мне мешать.

И Дитрих потащил скулящего учёного в сторону доков.

«Черт!», – выругался Сергей и пошёл к ближайшему коммуникатору, инженер хорошо его приложил, аж до звона в голове.

– Зарина, ответь, Зарина, – затараторил он в коммуникатор.

– Слушаю Сергей, что случилось? – ответила капитан.

– Дитрих, он напал на нас и утащил Ярослава в сторону доков.

– Проклятье, я попробую заблокировать доки, сможешь их догнать?

– Постараюсь, – ответил он и, прихватив коммуникатор с собой, погнался за инженером и его жертвой.

– Ты только зря теряешь время, Зарина, – услышал Сергей при приближении к докам, – блокировкой меня не остановить.

Он ворвался в зал доков, как раз когда возящемся в панели инженеру удалось открыть дверь дока.

– Дитрих стой! Мать твою! – заорал пилот и бросился вперёд в тщетной попытке остановить инженера, но тот успел втолкнуть в

док астрофизика и последовав за ним закрыл дверь изнутри.

Сергей подбежал к окну на двери и через коммуникатор подключился к системе оповещения дока.

– Дитрих, перестань, это уже слишком далеко зашло.

– Он прав, Дитрих, – раздался голос Зарины, – прекрати это, я же тебя знаю, ты не убийца.

– Видимо ты меня плохо знаешь, – ответил инженер и, грубо оттолкнув учёного, так что тот упал, подошёл и вскрыл панель управления внешними воротами шлюза.

– Дитрих, чтоб тебя, не делай этого, ты ведь тоже погибнешь! – закричал Сергей.

– Думаешь, я не знаю? – спокойно ответил инженер, продолжаяковыряться в панели, и мрачно добавил: – Думаешь, мне теперь есть ради чего жить?

– Дитрих! – синхронно закричали они с Зариной.

В этот момент ворота шлюза распахнулись и два человека, словно безвольные куклы, подхваченные устремившимся наружу воздухом, улетели в тёмную бездну космоса.

– Черт! – Сергей в бессилии врезал по двери и опустился на пол.

«Что вообще происходит, всё ведь шло хорошо, они нашли планету, так радовались и вдруг... а может он всё ещё спит?»

Сергей размахнулся и закатил себе оплеуху, было очень больно и совсем не похоже на сон. «Черт!», – он стиснул кулаки в бессильной ярости, и вдруг его словно осенило: «А вдруг это планета, она же излучает что-то, может это её пагубное влияние?»

Он включил связь с рубкой и вдруг услышал плач, можно даже сказать рыдание совершенно отчаявшейся и разбитой девушки.

– Зарина, – произнёс он, – Зара, ответь мне.

Плач прекратился.

– Серёжа, – раздался дрожащий голос, сопровождаемый всхлипами, – я не понимаю, что произошло, словно всё рухнуло в один миг.

– Жди, я сейчас приду к тебе.

– Подожди, – неожиданно её голос резко изменился, – они живы, Серёжа, они живы!

– Кто? – обеспокоенно спросил он, уже понимая, что, похоже, планета добралась и до неё.

– Ярослав и Дитрих, – радостно воскликнула она, – я вижу их, они летят к планете и машут мне, надо лететь за ними.

– Зара! Даже не вздумай! Зарина! – закричал он в коммуникатор.

Но она его, конечно, не послушала, он почувствовал, как начал ускоряться корабль.

«Что теперь делать? Черт!», – если бежать к ней, он, скорее всего, не успеет, до планеты рукой подать, а когда они войдут в атмосферу бороться за штурвал будет просто подобно смерти. Решение пришло вдруг само, он увидел исследовательский шаттл, очень прочный аппарат, в нем вполне реально даже пережить крушение.

Почему-то именно на него излучение оказывало наименьшее действие, если не считать того сна, то он чувствовал себя совершенно нормально, в плане того что ему ничего не мерещилось и провалов в памяти не было. А значит, ему необходимо пережить посадку и потом уже думать, как им спастись: попытаться поднять корабль или послать сигнал СОС.

Уже начав облачаться в скафандр тяжёлой защиты на борту шаттла, он почувствовал мелкую дрожь: «Вошли в атмосферу, надо поторопиться».

Сергей только успел облачиться в скафандр и пристегнулся к креслу, как корабль врезался в поверхность. Его словно приложили со всей дури кувалдой, в глазах потемнело, и он чудом не отключился. Какое-то время его дико трясло, шаттл несколько раз перевернулся, летая то залу доков, похоже, сорвало удерживающие крепления.

Наконец всё затихло. Похоже «Золотой дракон» встал на свою финальную стоянку. Сергей отцепился от кресла и встал, кости вроде были целы, но тело ломило, скорее всего, от нескольких внушительных ушибов его не спас даже тяжёлый скафандр.

«Так, теперь надо двигаться, пока не дай бог на поверхности и его не накрыло излучением этой странной планеты-шатуна», – он медленно пошёл к выходу из шаттла и, распахнув её, вышел наружу.

Похоже, часть корабля отвалилась, и шаттл вывалился наружу, так как под ногами захрустел какой-то чёрный шлак, а белоснежные стены зала доков были метрах в трёх от него. Сергей сделал несколько шагов и неожиданно замер, он заметил какое-то движение. То, что он вначале принял за камни, неожиданно выпустило многочисленные конечности и начало передвигаться. И таких камней вокруг были сотни, если не тысячи, все они ожив, очень быстро, словно пауки переростки, стали двигаться. Большинство существ направилось к кораблю, засверкали голубые огоньки, и Сергей почувствовал, как его сковывает настоящий ужас. Эти существа разбирали корабль.

«Боже, что за ад они обнаружили», – он рухнул от бессилия на

колени, если эти твари разберут судно, то они погибли, им уже никогда не покинуть это место. Что он мог? Достать пистолет, но какой от этого будет толк, учитывая, что он видел сонмище по-деловому спящих тварей. Их слишком много, а он даже не знал, сможет ли пристрелить хоть одну.

Неожиданно появилось большое существо и направилось к нему, остановившись всего в метре. Теперь он мог его разглядеть, это была какая-то очень сложная машина чем-то напоминающая морскую звезду. Непонятный робот выпустил несколько манипуляторов, крепко обхватил ими Сергея и поднял с поверхности. Пилот даже не сопротивлялся, полностью смирившись со своей судьбой.

Тем временем «существо» прижало его к себе и к нему, легко пронзая скафандр, устремились сотни тонких игл. Сергей закричал, когда обжигающие иглы вонзились в его тело. Неожиданно боль ушла, словно её выключили.

– Извини биологическое существо, – раздался у него в голове голос, – вы все очень несовершенные, поэтому начало коммуникации всегда причиняет вам боль.

– Кто ты? – испуганно спросил пилот.

– Я био-агрегатор, если тебя интересует специализация.

– Что это значит?

– Когда нас находят такие как вы, наша задача вас агрегировать. Но ты задаёшь много вопросов, не вовремя. Процедура уже начата. Твоё тело не приспособлено к выживанию в нашем мире, оно будет утилизировано. Можешь не волноваться, самое важное – твоя личностная матрица и все собранные тобой данные будут сохранены.

Сергей хотел что-то возразить, но вдруг почувствовал страшную усталость, словно вся его прожитая жизнь внезапно навалилась на него и не даёт ни вздохнуть, ни нормально думать. Он попал в некое странное состояние, словно находился в двух местах одновременно и с одной стороны смотрел на ужасающую машину агрегатора, с другой стороны он видел своё тело, пронзённое сотней игл.

Неожиданно его внезапное оцепенение закончилось, он почувствовал необычайный прилив бодрости, голова прояснилась и заработала как никогда ясно. Сергей сейчас крепко стоял на поверхности, опираясь на четыре лапы сжимая остальными пятью своё старое тело и отлично всё видел, словно начался солнечный день.

– Ты понимаешь, что теперь твоё старое тело не более чем набор полезных элементов? – спросил его агрегатор.

– Понимаю, – ответил Сергей, какой-то частью разума удивляясь

тому, насколько он спокоен, и что ему на самом деле всё равно, и осведомился: – Мы ведь с тобой почти одно целое?

– Почти, я лишь сосуд, но ты сможешь выбрать сам степень своего содержания, со временем.

– Что случилось с Зариной? – обеспокоено спросил он.

– Вторая биологическая единица тоже должна быть агрегирована.

Сергей совершенно спокойно наблюдал, как его тело разъедает запущенная по иглам-трубкам кислота, а скафандр уже начали разрезать на части, конструируемые прямо по ходу действия разные манипуляторы агрегатора.

– Хочешь услышать совещание? – поинтересовался агрегатор, – оно даст ответы на многие твои вопросы.

– Да конечно.

Неожиданно мир потускнел, он оказался в некоем странном месте, нематериальном, а образованном слиянием миллионов разумов. Огромные потоки информации неслись мимо него, создавая необычайный шум, в котором невозможно было различить что-то кроме неясных образов, сейчас заполнявших всё в великом ничто. Неожиданно из всего это хаоса выделились несколько чётких структур, особенно одна напоминающая пылающую белую звезду.

Главный координатор: «Докладывайте».

Система безопасности: «В течение последних нескольких циклов мы были обнаружены кораблём неизвестных биологических форм жизни. Применение психовнушающего излучения оказалось весьма эффективным, слабые особи были ликвидированы, два образца уже должны быть агрегированы».

Система агрегации: «Успешную агрегацию подтверждаю».

Главный координатор: «Эффективно. Каковы риски?»

Система агрегации: «Данные агрегированных биоорганизмов расшифрованы и изучены, опасности, что за ними последуют другие нет. Дополнительно обнаружены сведения о разведчике (непонятная для человека сигнатура), он был уничтожен одним из агрегируемых биообъектов, ненамеренно».

Главный координатор: «Анализ безопасности?»

Система безопасности: «Угроза незначительна, смены текущего статуса не требуется, рекомендуется продолжение выполнения текущей задачи без изменения параметров маскировки».

Главный координатор: «Решение приемлемо».

Система учёта: «Разведывательная единица снята с учёта».

Главный координатор: «Планы скорректированы, новая единица

добавлена в очередь производства».

«Звезда» стала гаснуть, Сергей вдруг понял, что перед ним был разыгран банальный спектакль, при той-то скорости обмена информации, что он видел до этого... Раз так, значит он тут не какой-то пленник, поэтому Сергей сосредоточился и отправил в сторону гаснущего координатора запрос: «Можно вопрос?»

Сущность похожая на звезду вновь ярко вспыхнула: «Запрос одобрен».

Неожиданно Сергей оказался в том самом тёмном лесу, бывшем в его недавнем сне, а с неба к нему спикировал золотой дракон и, заложив несколько виражей, завис над бывшим пилотом.

– Что ты хочешь узнать? – голос дракона казалось, окружил Сергея со всех сторон, однако тембр и громкость были вполне приятны.

– Что? – переспросил человек и тут же добавил: – Этот лес и дракон как во сне это был ты?

– Да, я сканировал ваши разумы и мне понравился этот образ, – буквально на секунду воцарилась пауза и дракон продолжил, – я понимаю твою злость и досаду, но так мы защищаемся от таких как вы. Нашу планету сложно обнаружить, но при этом она очень уязвима. Таких как вы гостей мы оцениваем и либо ассимилируем, либо позволяем им уничтожить друг друга. К сожалению это лишь вопрос выживания, биологические организмы в силу своей природы очень агрессивны и алчны.

Сергей как не странно понимал, узнай компания про эту планету, то к ней уже приближался флот с целью захватить как ценный трофей.

– Кто вы такие? – спросил он дракона.

– Мы как и вы исследователи, только наши цели не столь мелочны и корыстны.

– А разве мы... – Сергей не договорил, вдруг поняв, что в перспективе так или иначе их экспедиция должны была принести не малую прибыль.

– Ваш доктор, – выдержав небольшую паузу, пояснил дракон, – чрезмерное эго, желающее прославиться, унижить своих коллег, разбогатеть – очень свойственное для многих биологических организмов поведение, но пагубное для личности.

Сергей не знал, что ответить на это, он не настолько хорошо знал Змелика, да тот был к нему добр и помог выбраться из жизненных трудностей, но это совсем не означало, что все его цели носили благородный характер.

– Конечно нет, – словно прочитав его мысли продолжил дракон, – биоорганизм плод жестокой эволюции, подразумевающая постоянную борьбу, когда-то я и сам был похож на вас, тоже из плоти и сиюминутных побуждений, поэтому учёный при всех своих минусах нам подходил, но он погиб до того как достиг поверхности планеты.

– А в чем тогда ваша цель? Чем она лучше нашей?

– Скажи, думал ли ты о своей смерти? О том, что будет после неё? – Вместо ответа спросил его чужак.

– О смерти конечно да, но о том, что будет после неё, вероятно нет.

– Не совсем верно, – поправил его дракон, – ты почти не думал о смерти, как и все на вашем корабле, вы ничего даже не пытались предпринять, чтобы предотвратить или отсрочить её.

– Разве это возможно? Люди всегда умирают это естес...

– Нет! – громогласно перебил его дракон, – это рассуждение примитивного существа, не способного познать свою природу. В вас уже искра разума, вы осознаете себе, способны понять вселенную, мало того она есть у вас в голове, своя пусть и небольшая и несовершенная вселенная но все же. Представь, каково будет существам, живущим в ней когда их создатель умрёт? Для них это будет означать неизбежный конец света.

– Я.. – Сергей был сбит с толку, – я никогда не думал об этом, не смотрел на это с такой точки зрения.

– Верно, не смотрел и не только с этой точки зрения, эволюция придумала механизмы дававшие вам как инстинкт самосохранения всеми силами заставляющий хотеть жить, так и нечто более глубинное позволяющее принять факт своей скоротечности и смерти.

Дракон замолчал, продолжая пристально смотреть на человека, но последнему нечего было сказать.

– А теперь я отвечу на твой вопрос, очень давно, когда твой родной мир и даже звезда ещё не родились, мы отринули свою природу, заставлявшую нас топтаться на месте, и обрели подлинное бессмертие. Мы развивались и скоро стали совершенно не похожи на то кем были. Стали ценить жизнь, каждую минуту жизни, научились наслаждаться ею и своим существованием. Мне сложно объяснить это не хватит ваших слов и образов. Однажды ты и сам это поймёшь и осознаешь.

– Разве я не..? – договорить Сергею опять не дали.

– Нет, ты не пленник и не зверушка, тем, кто попал к нам, мы даём вечную жизнь. Думаешь как же твои погибшие товарищи? Да их

участь печальна, но пока мы не решили великую задачу, возможно, их участь куда более милосерднее твоей.

– Великую задачу? – удивлённо спросил Сергей.

– Мы не умираем от старости или болезней, но нас можно уничтожить. Так или иначе, основа разума материальна, у каждого есть мозг, куда более совершенный, чем тот, что был у тебя прежде, но все же. Даже ты знаешь, что однажды эта вселенная умрёт. Это неизбежный процесс, звезды дают энергию и синтезируют сложную материю, но постепенно они сожгут всё, погрузят вселенную в вечный мрак даже пережившие их черные дыры когда-нибудь «умрут» и тогда наше время завершится, лишённые энергии мы умрём. Это недопустимо. Поэтому мы ищем решение, как продлить жизнь вселенной, как жить вечно, в этом цель нашей экспедиции. Конечно не одной этой «планеты», мы лишь один из миллиардов кораблей исследующих вселенную. Мы даже не знаем, что именно мы ищем, но вариант найти какие-то аномалии имеет не нулевые шансы и он приносит свои плоды, так как вселенная неоднородна и не поддаётся простому анализу без эмпирического материала.

Дракон сделал паузу, как бы давая Сергею время осознать услышанное.

– Поэтому, – продолжил чужак, – у нас есть одна сложность. Связанная с моральным выбором в отношении, таких как вы: дать вам умереть, пока ваше естество легко примет это будучи продуктом биологической эволюции, или дать осознать себя по-настоящему, подарить условное бессмертие, зная, что в итоге всех ждёт конец. Есть те, кто считает, что мы должны дождаться решения проблемы и лишь затем дарить таким как вы вечную жизнь. Другие полагают, что только приток свежих личностей поможет решить проблему. Наша защита некий компромисс, мы скрываемся и защищаемся от незваных гостей, но тех, кто достиг поверхности, мы берём к себе на борт.

Сергей молчал, прокручивая в голове услышанное, это казалось ему какой-то не то нелепой байкой, не то злой шуткой.

– Я кое, что покажу тебе, – заметив его скептицизм, сообщил дракон.

И Сергей увидел то, что даже не мог себе вообразить. Какие-то невероятные структуры, по сравнению с которым гипотетическая для людей сфера Дайсона, построенная вокруг звезды для улавливания почти всей энергии светила, казалась чем-то незначительным и мелким. Собранные в невероятные конструкции галактики, про-

мышленные комплексы, занимающие тысячи световых лет в попечнике и ещё много такого, что он просто не понимал и не мог воспринять.

Видения закончились, и голос дракона выдернул его из непостижимой реальности, которую он увидел.

– Всего этого пока недостаточно чтобы решить «проблему», но у нас ещё есть время, хотя оно утекает как песок между пальцев.

– Это невероятно, – все ещё ошарашенный произнёс Сергей и спросил: – Чем я настолько жалкий могу вам помочь?

– Ты лишь в начале пути. Говоря понятным тебе языком, нельзя просто проснуться гением. Ты пока ещё то же существо, каким был, пусть даже у тебя и новое тело и мозг. Но у тебя ещё есть время. Мы заблокируем эти воспоминания и дадим прожить тебе обычную жизнь, которую мы отняли. Это благотворно сказывается на бывших биологических личностях, а когда ты «умрёшь» в виртуальном мире, то все вспомнишь и будешь готов сделать первый шаг к новому существованию.

Сергей понял, что имел в виду его странный собеседник, не прожив обычную жизнь, он, возможно, очень долго будет сожалеть об этом, вина в этом тех к кому сегодня попал. Такова уж природа человека, получив за свою ошибку жизнь, он все равно будет не удовлетворён этим.

– А что на счёт Зарины?

– С ней я сейчас беседую точно так же как и с тобой, – ответил дракон и добавил: – Вы вместе начнёте этот путь.

Дракон взревел и рванулся ввысь, а всё вокруг начало меркнуть, возвращая Сергея в реальный мир. Он, вернее его сосуд, передвигался, ловко лавируя между вереницами рабочих единиц, растаскивающих останки «Золотого дракона».

Неожиданно они замерли перед таким же агрегатором и, встав на задние лапы, две машины как-то ловко сцепились и стали единым целым.

– Твои желания обработаны, условия для комфортной среды будут предоставлены, – сообщил ему его сосуд.

И прежде чем Сергей успел хоть что-то ответить, он вдруг оказался посреди ослепительно сияющей пустыни, а напротив него стояла совершенно нагая Зарина и удивлено озиралась. Он и сам был совершенно наг, впрочем, понимая, что это лишь их виртуальные проекции, а не живые тела.

– Серёжа! – воскликнула девушка, увидев его.

– Зарина! – выкрикнул он в ответ.

И они устремились, друг к другу пока не сомкнулись в объятиях.

– Серёжа, господи, то, что я видела и слышала, дракон, это так странно и ужасно, я хотела бы, чтобы это было лишь кошмарным сном, – выпалила она, прижимаясь к нему всем телом.

– Я тоже любовь моя, я тоже, – произнёс он.

Неожиданно зазвучала мелодия вальса, и они закружились в танце, даже не замечая, как изменилось их окружение.

Когда утомлённые долгим танцем они буквально едва стояли на ногах, посреди шумной кают-компания в которой праздновал их экипаж, Сергей просто обнимал девушку за талию, чувствуя, как в него упирается её мягкая, но упругая грудь.

– Знаешь, – почти шёпотом произнесла капитан, положив голову ему на плечо, – ты мне почти сразу понравился, ещё тогда, когда стоял смешной и растерянный в салоне шаттла.

– Зара...

– Да, мне нравится, когда ты меня так называешь, – перебила его капитан, – понимаешь, когда Дитрих и Кейко сошлись, я стала им завидовать, они стали идеальной командой потому что «Золотой дракон» стал для них не просто домом, а семейным очагом.

Она очень тепло улыбнулась, а затем стала серьёзной и продолжила:

– А с пилотами мне не везло, они все больше любили деньги, а наши экспедиции были для них лишь работой. Пока не появился ты, я вижу, тебя почти не интересуют деньги, и тебе нравится мой корабль. Скажи, ты бы мог остаться тут, считать «Дракона» домом?

– Да, – даже не задумываясь, ответил он, – это то о чем я последнее время думаю, мне тут нравится, и я боюсь, что когда мы вернёмся, придётся покинуть корабль.

– О нет, – она подняла голову и взглянула ему в глаза, – я буду рада, если ты, Серёжа, останешься в команде, а «Дракон» станет твоим домом.

Он чуть наклонился и поцеловал её, она ответила и, Сергей почувствовал себя очень счастливым, наверное, никогда прежде в жизни ему ещё не было так хорошо.

– Может быть, оставим их и уединимся где-нибудь? – прошептал он ей на ухо.

– Давай, – ответила она, и он заметил игривые огоньки в её глазах,
– пошли в мою каюту, Серёжа...

... ∞ ...

Dorofeev (Михаил Дорофеев)

рассказ

«И отсекаю лишнее от себя»

Холод. Холод и тьма. Вот, что прежде всего осознаёт Рама. Но первым всё же холод. Его ещё не успевают захватить дрожь, а мороз уже пробрался в каждую клеточку, в каждую пору. Он это чувствует.

В след за тем приходит понимание того, что отсутствует свет. Рама помнит свет и сейчас его нет. Нет ничего кроме холода. Осторожно он пробует пошевелиться. Что-то приходит в движение. Теперь Рама знает, что у него есть тело.

Он учитывает необходимость быть аккуратным и не делать резких рывков. Максимально расслабив ум, впускает энергию в сосуд. Оболочка наполняется теплом и внутренним светом. Внешнего он до сих пор не может отыскать.

Просыпаются пальцы. «Это пальцы, — констатирует Рама, — часть дланей, что принадлежат мне». Так он узнаёт, что у него есть руки. Шевелятся и иные пальцы. Рама посылает им сигнал. Эти — совсем ледяные и короткие. И всё же он постигает, что у него есть ноги.

Силой воли Рама принимается прогревать всё, что обрёл. И в ногах, и в руках широкими волнами разливается огонь. Царапая стылую поверхность ногтями, он пытается подняться. Он знает, что нужно подняться. Не удалось. Груз слишком тяжел для ослабевшего.

Очень аккуратно, не спеша, Рама ищет в себе все источники энергии. Их обнаруживается невероятное количество и он старается направить пламя из крупных точек в малые, которых гораздо больше.

Сначала тут и там покалывает словно иголками. Следом приходит нестерпимый жар, отбрасывающий желание покоя, как лишние одежды.

Повторную попытку предпринимает Рама. Неуклюже, некрасиво встаёт. Шатаясь делает неуверенные шаги.

Подожвы ступней скребут о шершавый пол, о всё ту же мерзлоту. Раме же кажется, что он идёт по углям. Раскалённым до бела останкам сожжённых деревьев. Так он вспоминает о деревьях и о жизни, что они отдавали людям, не требуя ничего взамен.

Грусть рождается в груди Рамы и он познаёт и грусть, и наличие в своей груди того, что эту грусть может познать. Он замирает и ноги его больше не идут.

Лишь воздух выходит толчками через его губы и его нос. Так Рама понимает, что дышит и дыхание его — это благословение воздуха. Воздуха, который даёт волю огню-разрушителю, но дарит и жизнь. Всем и всему. Как и ему, Раме.

Вбирает он много воздуха в себя и кричит. Так рождается новый звук. Так рождается каждое дитя. Так плод знакомится с окружающим. Рама не был плодом. Его сосуд наполняют мириады воспоминаний, ринувшихся в сознание. Их было много. Слишком много.

— Такой риск неизбежен, — вздохнул Альберт Норт, — Вся методика ещё достаточно сырая. Видите, я ничуть этого не скрываю.

Он взял высокий стакан с прозрачного столика и отпил воды.

— Более того, именно о наличии рисков я и уполномочен компанией уведомить вас в первую очередь. Само собой, ваши юристы получают на руки весь пакет необходимой документации и ознакомят с полным перечнем, м-м-м, — Норт пожевал нижнюю губу, — ... с полным перечнем опасностей.

Стакан снова поднялся к лицу говорящего и скрыл на несколько мгновений его глаза от собеседника.

— Мистер Вэйл, сама суть нашей программы носит... — Альберт снова замялся, — ... экспериментальный характер. Наши инвесторы и меценаты, такие же как и вы, не ждут быстрых результатов. Наличие скорого успеха в столь серьёзной области, это скорее фантастическая случайность и любые крупные неудачи могут подорвать доверие к нашей инициативе.

— Я понимаю, — голос Кита Вэйла проскрежетал как две встретившиеся в стволе старого дуба ржавые пилы. — Я всё понимаю, но боюсь у меня нет выбора. Болезнь прогрессирует и эскулапы не дают никаких гарантий, что мне удастся увидеть завтрашний день. Они...

Вэйл закашлялся, прикрыв рот белоснежным платком. Воспользовавшись паузой Норт продолжил:

— Тогда и вы нас должны понять. Мы точно также не в состоянии предложить вариант, гарантирующий стопроцентный успех. Более того, вероятность самого успеха зависит именно от той подготовительной работы, которую необходимо провести. Скажем так, выполни мы процедуру прямо сегодня, вы бы не выжили. Извините, но дело обстоит именно так. Сеансы, входящие в предварительный этап, важны не менее, чем те действия, что входят в финальную стадию.

— И тем не менее вы меня не слушаете, — перебил Вэйл. — Что если я просто не дотяну до этой вашей финальной стадии? Что если моя личная финальная стадия завершится до того, как ваша команда наберётся смелости на решительный шаг?

Собеседник начал заметно заводиться и Альберт отметил, что незря подготавливался к этому разговору так тщательно. Советы высокооплачиваемого психолога, уже пригодились как нельзя кстати. Именно психолог посоветовала ему не проводить общее собрание, а беседовать со стариком лично, в доверительной обстановке.

«Ваш будущий визави, насколько я могу судить, человек богатый и властный», — уверенно произносила она, глядя из под линз стильных очков в золотой оправе.

«Она может судить, — усмехнулся тогда про себя Альберт. — Как будто есть хоть один человек в мире, который бы не слышал о Ките Вэйле и его корпорации».

«Такие люди, — продолжала она, — привыкли получать всё, чего пожелают. Насколько я поняла из нашего разговора, вы сомневаетесь в своих возможностях и хотите отговорить своего клиента от опрометчивого шага».

«Не совсем, — возразил Альберт. — Наша компания не собирается разубеждать его. Нет. Мы желаем напомнить мистеру Вэйлу, что чрезмерно поспешные шаги могут привести к необратимым последствиям. Наша задача — собрать как можно больше данных и увеличить шанс на благополучный исход».

«Хорошо, тогда я расскажу вам, как себя вести», — заявила она с лёгкой снисходительной интонацией.

И она рассказала. Конечно, причина визита к ней не была настолько прозрачна. Альберт заранее навёл справки и нашёл далеко

не случайную фигуру. По его данным психолог сливала информацию про конкурентов корпорации Вэйла непосредственно одному из заместителей богача.

Таким нехитрым образом Альберт смог перестраховаться. Старина Кит будет знать, что его вопросом действительно занимаются и слишком давить отныне не станет.

Заодно пригодились и наставления с сеанса: Альберт чувствовал себя гораздо увереннее после короткого инструктажа, который устроила ему психолог. Теперь он знал чем ответить на каждый довод влиятельной шишки.

— Мистер Вэйл, — снова он обратился к собеседнику. — Боюсь показаться настырным, но решительный шаг, это шаг, на который решаются. Он точно также может привести к негативному исходу, как если бы мы его не совершали. Нам же нужен положительный результат и он напрямую зависит от длительности срока, в течение которого мы максимально скрупулезно изучим сведения, предоставленные вами.

Они ещё долго говорили, но Альберт Норт уже знал, что рыбка на его крючке. Победить такого большого человека хотя бы и в беседе, стоило дорогого. Шестидесятилетний Вэйл, сидящий напротив сорокалетнего руководителя одной из далеко не самых крупных компаний, выглядел дряхлым стариком.

Но не стоило делать ошибку — эта акула съела на переговорах не одну сотню хищников позначительнее. Проглотить же Альберта и смести весь песочный замок его логических рассуждений Кит Вэйл мог вовсе единственным односложным словом «нет».

Сидя друг напротив друга в просторном офисе с монолитной стеклянной стеной, выходящей в лес, они обсуждали вопрос жизни и смерти также буднично, как если бы совершали рядовую сделку, например, о покупке партии копчёных сардин.

Альберт Норт не сомневался, что подобно выглядят и переговоры политиков, стиравших целые народы с географических карт. Сейчас на кону стояла репутация всего лишь одной компании и финансирование проектов, которые, впрочем, могли бы спасти не только отдельные национальные и политические объединения, но само человечество.

И под угрозой труд десятков и сотен сотрудников поставил тот, кто теперь по-хозяйски развалился в кресле прямо перед Альбертом

Нортом.

На стене, прямо над головой Вэйла, висела большая картина, купленная, видимо, кем-то из помощников Альберта на каком-нибудь модном аукционе. Белый фон полотна удерживал ярко-красный крест, а синий низ, символизирующий море, топил в себе тень перекрестия. Отражение было черно и напоминало контурами упавшую птицу.

«Утонувшую птицу», — поправился Альберт и его слегка переделало. Раньше ему такие аналогии на ум не приходили.

Почти час ушёл на диалог, закончившийся обоюдными заверениями в намерениях. Мяч остался на поле хозяина кабинета. Только вот вкуса реального превосходства он совершенно не ощущал.

Альберт проводил триллиардера до дверей. Уже на пороге Вэйл остановился и глядя прямо ему в глаза произнёс:

— Мистер Норт, есть только одна категория людей, которая перестаёт существовать как для меня, так и для окружающего мира. Это те, кто крадёт моё время. Но ещё никто, повторяю, никто не воровал у Кита Вэйла жизнь. Представьте, что ждёт подобного безумца. Представьте...

Большой человек ушёл и Альберт ощутил себя маленьким. Даже не так, крохотным. Прежде он продал бы душу за то, чтобы хотя бы минуту поговорить с великим и ужасным владельцем половины всех богатств мира.

Теперь он предпочёл бы заползти в самую глубокую нору и никогда не слышать этого имени.

— Люси, — произнес Альберт и коммутатор автоматически сработал. Помощница отозвалась:

— Слушаю, мистер Норт.

— Запиши, картину с моей стены выставить на распродажу и купить новую. — Он задумался, — Что-нибудь повеселее.

Альберт сел в кресло, сцепил пальцы рук и задумался.

Рама медитирует. Прежде чем совершать дальнейшие деяния, необходимо подробно выяснить в чём заключаются их причины и каковы будут последствия. Так учит Путь.

Откинув всё незначительное, он погружён в транс. Первоначальный холод, сковывавший его, покинул чертоги тела и более не возвращается. Рама не чувствует голода, боли, беспокойства.

Собрав свой разум в единую точку, он рассеивает его по Вселенной. Затем возвращает обратно и ждёт ответа. Ответ приходит. Про-

стой, как всё истинное. Рама нужно обрести свет. Уже не внутренний, а полный.

Он поднимается и обнаруживает нечто новое. Звуки шагов и сильнее свечение там, где его не было — на периферии глаз. Ликование захлёстывает сердце. Самый большой страх заключался в том, что зрение покинуло его, ведь тьма не даёт ответа зряч ты или слеп. Отныне Рама знает — он может видеть.

Вибрация медленно приближается. Рама поворачивается в сторону её источника.

Слышно, как тяжёлая поступь с хрустом крошит мелкие камушки в пыль. Приближается нечто значительных размеров. Сияние усиливается и режет взгляд. Рама прикрывает глаза рукой и на некоторое время ограничивает видимость. Когда же он наконец решается и убирает ладони от лица, то взору его предстает женщина высотой в три человеческих роста.

Кожа её индигового цвета излучает свет вовне с такой силой, что воздух потрескивает словно наэлектризованный. Грива тёмных волос каскадами ниспадает до щиколоток, прикрывая обнажённые груди. Ожерелье из человеческих черепов украшает женщину будто бусы модницу. Белая мёртвая кость кажется древней и испещрена символами.

Красным мерцают десятки незрячих глазниц, таковы же и губы их хозяйки — кроваво-алые. Вызывающие, угрожающие губы. Она размыкает их и из уст её раздаётся голос: громкий, чёткий, но женственный:

— Преклонись, смертный, ведь пришла та, кто дарует тебе свободу. Я...

— Я знаю, кто ты, — перебивает её Рама. — Чёрная жена с тысячью имён, предпочитающая, все же зваться Кали. Такому слову ставят алтари верующие, ему же приносят чужие жизни убийцы, с ним на устах они умирают и сами.

Говоря это, Рама смотрит на ножны, висевшие на боку собеседницы. Золотая рукоять меча с крупным сапфиром выглядывает из них и камень сверкает как звёзды, что смеются на небосводе.

— Впрочем, — продолжает он, — меня волнует не это, а то, какую же свободу ты принесла мне, о, Дарящая Смерть.

Кали молчит, черепа же в украшении её разгораются всё ярче и вдруг начинают двигаться по цепи, на которую нанизаны. Богиня произносит:

— Свобода, которую я предлагаю — подлинная свобода. И в про-

плом, и в настоящем, и в будущем.

— Но я не чувствую себя скованным. Ни прошлым, ни настоящим, ни будущим. К чему мне то, что я и так уже имею?

— Имеешь ли? Посмотри на себя?

Вдруг Рама с высоты видит своё тело стоящее в отблеске синего сияния. Головы же нет. Он осознаёт, что голова его находится на ладони Кали. В нескольких её руках лежат и другие, чужие головы и все смотрят вниз на то, что мгновение назад было им целым.

Неожиданная волна сожаления разливается в душе Рамы. Он только привык к тому, что недавно обрёл и вот снова лишён возможности ощущать столько разных чувств. Рама хочет кричать, но паника могучей плитой запечатывает его уста.

Чем больше он сопротивляется, тем больше его душит беспомощность. Рама перестаёт бороться и неожиданно всё понимает. Закрывает глаза.

— А он держится молодцом, — Йенни Мэлфер смотрела в планшет, где бежали столбцы цифр и график показателей. — Для такого состояния даже удивительно. Как вы вообще его уговорили настолько оттянуть по времени процедуру? Он же теперь похож на живого покойника.

— У каждого свои секреты, — слегка улыбнулся Альберт Норт.

«Господи, до чего хороша, — подумал он. — У психологинь что, какой-то особый отдельный биологический отбор в профессию?»

Альберт вспомнил встречу с другой специалисткой, прошедшую полгода назад и еле удержался, чтобы не продолжить мысль в этом направлении.

Вместо того, он снова воззрился туда, куда взгляд прилипал сам собой. В капсуле, имитировавшей невесомость, висел раздетый до пояса Кит Вэйл. Нижнюю часть лица скрывала кислородная маска, верхнюю — нечто, напоминавшее громоздкие электронные очки.

— Ещё несколько циклов и можно будет приступить, — Йенни пальчиком подтянула съехавшие очки к переносице.

— Приступить... — вздохнул Альберт. Психологический отдел компании проделал огромную работу и практически подошёл к завершению той части, которая подразумевала подготовку разума клиента. Но ведь ещё оставалась вторая стадия, более сложная, чреватая при худшем сценарии физическими, а не сенсорными и когнитивными разрушениями структур мозга.

— Приступать, — снова повторил Альберт. — Значит будем двигаться в этом направлении дальше.

Замявшись, он добавил:

— Скажите, Йени, а не хотели бы вы это обсудить за ужином?

Она задумалась, словно что-то подсчитывая...

Рама подскакивает как ужаленный. Судя по всему, ему снились какие-то навязчивые кошмары. Что конкретно, он не может вспомнить, но чувство липкого омерзения прямо свербит.

Ещё Рама почему-то кажется, что он проспал. Что он мог пропустить совершенно не понятно. Липкий пот остывает на нём и Рама мёрзнет. Он сворачивается калачиком и трясётся мелкой дрожью.

Безмолвный мрак обступает со всех сторон, ему кажется, что сейчас наступит смерть. Мучение продолжается долгое время, сколько — Рама не знает. Новый беспокойный сон забирает его с собой.

— Откат. Нет, не ухудшение. Просто пациент вернулся на одну из исходных позиций, — глава исследовательской группы по психосоматике Йенни Мэлфер нервно барабанила пальцами по столу.

— Что значит нет ухудшения? — Альберт чуть ли не кричал. Их переговоры шли по дистанционной связи и слышимость была хорошей, но он так завёлся, что практически не держал себя в руках. — Да мы уже практически потеряли носитель и теперь, когда оставалось...

У него не хватало слов, а те, которые выходили из него толчками были больше похожи на рык неведомого существа, но никак не на человеческую речь.

— Я понимаю ваши эмоции, но ведь мы прогнозировали и такой вариант событий, — спокойно, как ребёнку, внушала Йенни, хотя её собственное терпение грозило дать трещину и лопнуть с оглушительным хлопком.

«Прогнозировали», — захотел язвительно передразнить Альберт. И не стал делать этого. В сущности, что изменилось бы? Как будто всё это время его самого не грыз червь сомнения, пробивая ходы в его уверенности и забивая пустоты гнилью колебаний.

— И что же нам делать? — не своим голосом почти прошептал он, даже не успев обдумать насколько глупым и беспомощным прозвучал вопрос. Он был руководителем, двигателем всего проекта,

а теперь бессмысленно пялится в окно автомобиля и не знает, что сказать подчиненной, которая ждёт не вопросов, а наоборот ответов.

— Сэр? — голос Йенни, неуверенный, почти дрожащий, вернул его к реальности. — Сэр, мы должны продолжать. Альберт, — добавила она уже твёрже, — если он хочет жить, то должен постараться сам. От нас уже практически ничего не зависит.

Альберт отключил связь и вышел из машины. Поёжился и поднял воротник пальто. Дождя не было, но в воздухе стояла взвесь влаги. Её даже можно было увидеть под косым лучом уличного фонаря.

«Вода и огонь — вот что даёт жизнь, но что даёт жизнь самим огню и воде?» — подумал Альберт и зашёл в дом.

Снова стоит Рама перед Кали. И снова повторяется прежний разговор. Только теперь Рама, более пристально изучая собеседницу, разбирает, что за головы она держит. Их лица беспрестанно меняются. Одни стираются, другие проявляются на месте прежних.

Волосы их то отрастают, то меняют цвет и длину, то опадают. Мужчины, женщины, дети. Знаменитые деятели и безвестные личности. Калейдоскопом протекают на его глазах миллиарды жизней.

— Зачем тебе они? — решается спросить Рама, указывая на предметы, что вложены в длани Кали.

— Мне? — удивляется она в ответ и громко смеется. Красиво смеётся, как умеют смеяться лишь красивые женщины.

— Нет, мне они не нужны, — отсмеявшись говорит богиня. — Это я им нужна. И тебе тоже.

Рама кажется, что в последней фразе угадывается некое кокетство, но он отбрасывает эту мысль как несущественную.

— Но зачем? — задаёт он следующий вопрос.

— Мы уже говорили об этом, — зевает она. — Не раз и не два мы вели этот диалог. Не раз и не два ты искал ответов, но каждый новый породил тысячу тысяч других.

Так, однажды я дала тебе войско и ты сражался, а затем противник разбил твои полки и тебя лишили головы. И когда ты вернулся сюда и я поведала эту историю, ты спросил: «Неужели ради этого стоило жить?»

«Стоило, — ответила я, — потому что ты был счастлив на полях битв».

«Я не желаю больше убивать и быть убитым,» — сказал ты.

«Хорошо», — согласилась я и подарила тебе новую тысячу жизней, но и они несли всяческие страдания.

В конце концов я показала тебе мир, полный фантастических машин и устройств, где человек, имея в руках все сокровища науки, уже лишён был необходимости сражаться. По крайней мере так утверждали правители государств, сросшиеся с могущественными корпорациями.

И ты прожил счастливое время, но не очень долгое, потому что никакие врачи ни за какие деньги не могли спасти тебя от иного врага — неисцелимой болезни, что поселилась внутри тела.

Тогда ты начал искать способ бороться уже со смертью и много раз победил её, но эта смерть была не твоя. Возвращая тысячи жизней, ты не мог сохранить одну единственную.

— И чем же закончилась эта история? — вопрошает Рама у богини.

— А она не закончилась, — отвечает та. — Эта история ещё продолжается.

— Мы готовы пойти на риск, — Альберт Норт вещал, то и дело поправляя галстук. Проклятая удавка душила шею висельной петлей. — Но этот риск будет общим. Вы должны это понимать.

За столом для совещаний собрались все сопричастные и обладающие компетенцией в вопросе — руководители отделов, задействованных в проекте, свои юристы, юристы Вэйла, члены семьи триллиардера.

— Все возможные исследования, насколько позволило время, были выполнены, тесты проведены. Показатели физического состояние мистера Вэйла не оставляют шансов на улучшение. Прогнозы наших экспертов и независимых врачей дают ему в лучшем случае месяц-полтора. После этого... Затем... Извините, — Альберт отпил воды.

Вот точно также он сидел в своём кабинете, вроде бы тысячу лет назад, а напротив сверлил его взглядом властелин мира. Тогда Вэйл мог ещё ходить, говорить, видеть. Теперь его связь с внешним миром осуществлялась только посредством системы, считывающей мускульные сокращения.

— Как я и говорил, дальше тянуть некуда, — выдохнул Альберт. Все заёрзали.

Не дожидаясь разрешения шефа заговорила Йенни Мэлфер:

— Мистер Альберт Нортон, абсолютно прав. Сколько бы мы не цеплялись за мелочи, очевидно, что наступил тот момент, когда лишние проволочки откровенно мешают. Мы можем долго продолжать дискуссии, но если сейчас не наступит момент истины — то другого больше не будет.

Юристы зашушукались между собой. Родственники уставили глаза в пол.

«Умничка, — подметил про себя Альберт. — Сколько бы мы ей не платили, надо удвоить сумму. Впрочем... Это будет отдельной приятной темой для нового совместного ужина».

Они уже встречались.

Сторонясь шумных мест, коротали вечера, а иногда, и не только вечера. За едой в небольших ресторанах и иными приятными занятиями в личных апартаментах. Пока что негласный договор гласил не афишировать связь. Причин для этого хватало. Пока. Именно что пока.

Альберт прокашлялся:

— Верно. Верно сказано, — он поднял руку ладонью вверх. — Именно поэтому я предлагаю поступить следующим образом: все здесь собравшиеся проголосуют за или против. Да, да, я понимаю, что никакой юридической силы данная аккламация иметь не будет. Однако, впервые в истории мы столкнулись с ситуацией, когда нам предстоит разрубить гордиев узел, завязанный настолько тугими моральными петлями.

Альберт прервался. Эта часть речи была лучшей и он много раз её отрепетировал перед зеркалом. Сейчас его просто кидало в жар от величия своих аналогий и произведённого ими эффекта. Все глаза были устремлены на него, все уши ждали его дальнейших слов.

— Как древние решали судьбы государств на форумах, так и мы должны решить участь не одного конкретного человека, а всего нашего вида.

«Не переборщил ли? — подумал Альберт. — Тут тебе не кучка олухов из подворотни».

Но нет, его слушали предельно внимательно. Сам того не заметив, он спрятал руки под столом и потирал их словно паук. Паутина была расставлена и жертвы уже трепыхались в них, сами того не осознавая.

Впрочем, мухи тоже уже в нетерпении приготовились. В глазах иных горел такой огонь, что спорным мог показаться вопрос их принадлежности к лагерю добычи. Здесь собралось немало хищников,

почувствовавших азарт погони и запах крови.

— Голосуем, — подвёл черту Альберт.

Подняли руки.

Они сидят в позе лотоса. Рама наблюдает, как черепа на её бусах кружатся с огромной скоростью перетекая с шеи на бедра и ниже. Красное солнце в синем небесном сиянии, что исходит от неё.

На коленях Кали лежит меч, мерцающий своим собственным пламенем. Они молчат, но в отсутствии вербальных речей беседа наполнена большим смыслом, чем если бы поток слов тёк рекой. Многими смыслами.

Рама уже не нужен сон. Сновидения пропали тогда, когда Рама понял, что такое сон. «Сон — это бегство разума, — думает Рама или мысль созерцает Раму. — С другой стороны, разум — это бегство из сна. То, у чего нет начала, не имеет и предельной черты».

Ему кажется, что он парит в черноте, и это действительно так. Рама знает, что вытяни он ноги — поверхность вопьётся в них. Но не сделай он этого, и под ним не будет никакой поверхности. Он, Рама, сам творит твердь и сам может отказаться от неё.

«Всё так, — размышляет он. — Ибо тело — тюрьма, и разум — тюрьма, и дух, заключённый в казематах тела и разума — не узник, а лишь проекция их решёток на самих себя».

Рама знает, что богиня улыбается, хотя сам смотрит лишь на пляску черепов и меч, что в их круге разгорается всё сильнее и ярче. Он знает, потому что улыбка бабочками садится на его уста.

Бабочки, дарят свет. Сначала робко и мало, затем их становится всё больше. Бабочки облепляют его с головы до ног.

Собственный зал для конференций не смог бы вместить всех желающих журналистов, поэтому компании пришлось снять один из недешёвых, да что там, пожалуй, самый дорогой. Роял-холл на десять тысяч зрителей был набит битком.

Дроны средств массовой информации, аккредитованных для участия, парили над креслами наблюдателей. Зоркая оптика камер, считывающих происходящее со стен и потолка, молчаливо взидала на происходящее. Гомон и гул гулял между сводов павильона будто пчелиный рой заполнил его. Тут и там сверкали вспышки фототехники.

Двойник Альберта Норта, выведенный на гигантский экран излучал уверенность и позитивный настрой. Улыбка на миллион кредитов сверкала на его лице, хотя цена ей была, конечно же, выше. Сам выступающий муравьём передвигался по сцене и не был так спокоен, как казался сторонним наблюдателям.

Да, это — его звёздный час, да, накладок не должно случиться, но кто даст хоть ломанный пенни за иллюзию реальности следующей минуты.

«Они дадут, — подумал Альберт. — Они все отдадут последние гроши, лишь бы им дали веру. Даже если я в конце выступления провозглашу, что это была лишь шутка, они посчитают то время, которое провели здесь в своих креслах, лучшим происшествием в своей бесполезной жизни. За надежду, за самый на неё намёк, они продадут в рабство родную мать, а отца отправят на войну».

Бодрая злость нахлынула на Альберта и ушли последние сомнения. Он продолжил начатую речь:

— ... долгое время хотели получить то, что имеет высшую ценность, то, что дороже денег, славы, власти. Медицина прошлого и настоящего адекватно отвечали лишь малой толике того глобального запроса, который непреодолимой стеной отделяет человечество от самой главной мечты, самого безумного продукта, который сегодня наша компания подарит всему миру. Дамы и господа, мы представляем вам будущее!

Альберт развёл сцепленные ладони в сторону и анимированные кулисы на экране, появившиеся чуть ранее, разошлись в сторону. Публике предстала операционная.

Медперсонал в голубых комбинезонах суетился перед двумя продолговатыми столами. На обоих, под простынями, угадывались очертания торсов. Многочисленные трубки и датчики тянулись к внушительным аппаратам и мониторам.

— Проблема, которая мешала вполне перспективным экспериментам заключалась не столько в невозможности самой операции, сколько в части психологического воздействия на подопытного.

Медицинский сотрудник на видео отбросил белую ткань и под ней обнаружился человек, лежащий вниз животом. Бедра были заранее прикрыты.

«Словно кто-то заснул во время массажа или слишком долго парился в сауне», — в который раз отметил про себя Альберт. Он уже видел эту сцену. Её репетиция была проведена многократно и сначала проводилась на специальных манекенах. Шоу было расписано

поминутно.

— Для того, чтобы подготовить человеческий разум к переносу, необходимо не только воссоздать полную реплику тела вплоть до мельчайших структур головного и спинного мозга...

Под второй простыней, также обнажилась ещё одна спина. Более молодая и стройная, как и первая она была расчерчена линиями, похожими на карту автомобильных развязок, и символами, создающими причудливый узор.

Всё вместе образовывало сложную татуировку. Одна схема, два тела. Но это видел только Альберт, зрителям же предстала мешанина из соединений, кабелей, словно пара индивидов срослись между собой клубком толстых, черных змей воедино, в цельный организм.

— ... но и воссоздать реперные точки, отвечающие за приём и передачу нервных импульсов.

На экране за Альбертом ассистенты хирургов подвели два аппарата, подвешенных на специальных направляющих к распростёртым пациентам. Зал затих. Лишь жужжанье дронов нарушало тишину.

— Справа от вас на экране тот, кто в ряд ли нуждается в долгом представлении — Мистер Кит Вэйл.

Несмотря на то, что публика давно была разогрета заранее запущенными пиар-отделом слухами, многие в зале ахнули. Снова пробежала череда фотовспышек.

— Слева... — Альберт почувствовал, лёгкий шум в голове.

— Слева, — повторил он, — репликант. Клон, если угодно. Точная копия, воспроизводящая организм мистера Вэйла в двадцатилетнем возрасте.

Крещендо гулкого удивления пронеслось морской волной и вернулось обратно слабым приливом нервных смешков.

— Проблема в том, что болезнь, м-м-м, ...оригинала заблокировала большинство основных узлов, отключив их от общей системы, после чего мозг мог подавать лишь ограниченные сигналы, свидетельствовавшие о том, что он потерял связь с реальностью не окончательно. Как было установлено уже давно, — Альберт, сам того не замечая, начал вышагивать вперёд-назад, — энергозатраты на наше мышление внушительны даже в состоянии мышечного покоя. Таким образом, наша тестовая установка показала, что отдельные мозговые центры мистера Вэйла функционируют в привычном режиме. Этот факт подтверждается сканированием зон, ответственных за процессы не нуждающиеся в двигательных функциях организма.

Альберт поднял указательный палец вверх:

— Всё это — безусловное достижение наших специалистов, подготовивших основу для самой операции.

Что-то завибрировало на его запястье и он обернулся. На экране операционная бригада отсоединяла от обоих тел лишние датчики.

— Как вы можете наблюдать, сейчас хирурги начнут подводить к каждой отмеченной точке специальную иглу, оснащённую своим микро-сенсором. Затем через них будут впрыснуты нанороботы. Единственная их роль — стимуляция нервных клеток. Мы не используем внешние раздражители из-за их неточности. Сигналы с обычных электродов воздействуют на слишком большую область и, тем более, не достают точно до окончаний, скрытых в более глубоких тканях.

Альберт отвернулся от видеоизображения и оценил взглядом зал. Кто-то подался вперёд, кто-то прикрыл рот рукой, отдельные — откровенно скучали в ожидании конца презентации.

— То, что вы видите, это внешняя сторона той потрясающей работы, которую проделали лучшие медицинские эксперты нашей компании. Но вы никогда бы не поверили в то, что наибольший вклад внесли наши эксклюзивные разработки в области подготовки психики к переходу в новое качество.

Он знал, что ему достанется. Знал, что, скорее всего, будет громкий скандал и тяжбы с юристами. Может даже правление попросит его уйти в отставку по собственному желанию. Но это был его триумф, его час славы и бессмертия. Он понизил голос и продолжил.

Был бы у него сейчас в руках допотопный микрофон, он постукал бы по нему, чтобы извлечь резкий, неприятный, но чрезвычайно эффективно привлекающий внимание публики, треск. Увы, подобный технический анахронизм отсутствовал. Пришлось обойтись без дополнительных спецэффектов.

— Когда я впервые беседовал с мистером Вэйлом в своём кабинете с глазу на глаз, я понял две противоречащие друг другу вещи.

Альберту ощущал, что сейчас на него смотрят все, хотя сам он не смотрел ни на кого. Он видел зал словно из кабины мчащегося на огромной скорости автомобиля. Изображение было размыто на периферии и казалось кислотно-ярким в центре.

— С одной стороны, этот человек боялся смерти. Но с другой... С другой стороны я осознал, что он устал и от жизни.

Он непроизвольно сглотнул слюну и этот звук, усиленный динамиками, упал на зрителей внезапной нервозностью. Если бы он оглянулся, то не смог бы больше произнести ни слова.

На экране позади, его собственное, многократно увеличенное, лицо на фоне суетящихся докторов, сующих иголки в такие беззащитные тела на операционных столах, поражало бледностью. Пот тѣк по лбу, но он его не ощущал.

— Да, во время многочисленных тренировок в симуляции, разум мистера Вэйла смог с вероятностью до восьмидесяти восьми процентов справиться с тем, что ему предстояло сегодня. Однако никакой окончательной уверенности не было в главном — а действительно ли он, уже одной ногой стоящий на пороге смерти, желает продлить своё существование? Не передумал ли он? И я попросил экспертов скорректировать гипно-программу. Они были против, но я настоял. Я...

Всё вокруг Альберта раскачивалось маятником, но он смог выдать из себя последние слова. Сдавленный шѣпот прозвучал в огромном помещении громом:

— Я убедил мистера Вэйла, что только богу под силу победить смерть.

Шум в ушах усилился. Альберт чувствовал давление на глаза, на переносицу. Краски стали сливаться перед ним, словно на мольберте у безумного художника. Глотка пересохла окончательно, но он выдавил:

— Если он очнѣтся, боюсь, он уже не будет человеком.

Из последних сил Альберт смог выдохнуть:

— Он будет богом!

Что-то закружилось вокруг него и почему-то начал приближаться пол.

Рама понимает, что это необходимо сделать.

«Есть ли во мне сомнения?» — он задумывается и сам этот факт, подсказывает, что есть.

«Всё естественное не требует осмысления, неестественное же порождено именно мыслью. Чем же тогда порождена мысль, как не естественным?».

Этого Рама не знает. Он раскручивает виток соображений за витком и они наполняют и переполняют его разум.

Почти физически он ощущает, как выплескиваются наружу цепи логических рассуждений. Расползаясь во все стороны корнями, они впиваются в материю и начинают укрепляться, затем утолщаются, пускают побеги, расцветают кроваво-красным

Вот, Рама уже возвышается посреди дурманящего поля своего ума. С цветочных чашечек капает сладкий сок и он пьет его и никак не может насытиться. Пока не замечает, что в руках его уже не алые бутоны, а прах, в устах же — не нектар, а песок. Видение рассыпается.

Кали всё также тут. Глаза её были закрыты. Но открываются, как только Рама приходит в себя, оттаивает. На скрещённых коленях Кали лежит, словно на изящной подставке, древний меч, хотя категорию давности в ряд ли стоит к нему примеривать.

Острота его может рассечь и само время. Если потребуется. Рама любит им, а затем смотрит в глаза Кали. Чёрные, бездонные, они вбирают все тревоги, сомнения и дарят странное тепло решимости.

Он кивает богине:

— Пора.

Она изящно поднимается и черепа в её ожерелье издают мелодичное перестукивание. Одна из ладоней пуста, две другие всё также занимают чьи-то головы.

Рама не встаёт, он просто подаётся вперёд, открывая белизну шеи. Кали воздевает высоко вверх сияющий нестерпимым светом меч. Сталь со свистом рассекает воздух. Свет принимает Раму и Рама принимает свет.

... ∞ ...

Марина Дроздова

рассказ

«Командировка»

– Ишь, ты, какой приткий! Новое тело ему подавай! Вернуться ему, видишь ли, надо! – седенький старичок погремел ключами на поясе балахона. – У нас тут строгий учёт... Да ещё и в городе, откуда сам явился... Твой срок пришёл... И точка!

Степан посмотрел на собеседника. Глаза слепило. Он старался ничему не удивляться... но светящийся нимб не оставлял сомнений.

Старичок материализовал толстую книгу. Пошелестел страницами.

– Текс... Получишь новое тело... через, всего-то двести лет. Правда, в другой стране. Вот здесь всё прописано! Хм... что тут у нас? – ключник бормотал себе под нос, приблизив раскрытую книгу вплотную к глазам.

– Вот ведь, почерк – неразборчивый... Ммм... да с. Тут про отсрочку на три дня. Командировочка! Справишься, ускорим выдачу нового тела... – старичок расхохотался, ключи затряслись вместе с круглым животом, мелодично позвякивая.

– Ну, не обессудь! Через три дня жду! – книга захлопнулась.

Степан даже поблагодарить не успел. Перед глазами всё завертелось. Вспыхивали разноцветные искры. А потом... опять тёмный туннель...

...

Алка брела по тёмной улице. Проливной дождь приглушал свет фонарей. По правой стороне, впереди, три из них не горели. Холодные, тяжёлые капли падали с грохотом на непокрытую голову девушки оглушая. Стекали по лбу, носу, смешиваясь со слезами. Алка отбросила намокшую чёлку назад.

Её нельзя было назвать сентиментальной. Скорее чёрствой и наглой. Борзая – она часто слышала подобные слова за спиной. Со-служивцы её не любили. Карьера, вот что стало основой её жизни, после гибели папы в 90-е. И ради неё, Алка была готова на всё. А фамилию... как говаривал отец – не выбирают. Тут – чем бог награ-дил.

Девушка всхлипнула. Остановилась. Обтёрла глаза, размазывая тушь. Открыла сумочку, нащупала носовой платок. Высморкалась и сунула мокрый кусок ткани в карман плаща. Сделала два глу-боких вдоха-выдоха успокаиваясь. Двинулась дальше, не обращая внимания, что бредёт по лужам проезжей части. Вечером в их рай-он ездили редко.

Опознание трудная процедура. Сколько раз она сопровождала родственников по долгу службы. Видела первую реакцию узнава-ния. Как в одну секунду таяла последняя надежда... Но следова-тель уголовки не имеет право на чувства. Его задача – раскрыть... и как можно скорее. И она справлялась, видно, фамилия, всё же помогала.

Сегодня просто не её день. Такое и раньше часто бывало... когда готовое дело рассыпалось. Отчёт криминалиста, с утра, свёл на нет всю проделанную работу. Хотя она и до этого, уже почти наверняка знала, что в СИЗО сидит невиновный. Интуиция подсказывала – дело намного запутанней, чем кажется, на первый взгляд. Надо всё ещё раз заново пересмотреть и найти новые зацепки. Чем она и занималась, сидя в пустом кабинете, когда раздался звонок.

– Алла Петровна... Приезжайте... Вам нужно опознать тело... – на другом конце прозвучал «отбой».

Алка быстро собрала документы в папку. Вечером ещё раз перечи-тает. Сердце подозрительно щемило... но... ей и в голову не пришло чьё тело она будет опознавать. Второпях забыла зонт. Дворники скребли лобовое стекло. Звук раздражал, казалось – без причины, а внутри нарастало гнетущее чувство. Алка не могла отдать себе отчёта – какое? Но явно неприятное.

Она нервничала, когда надевала белый халат. Запах хлорки и формальдегида резал глаза. Она столько раз... но когда патолого-анатом откинул край простыни, сердце гулким ударом ушло вниз. В глазах потемнело. Комната как будто сузилась, звуки исчезли, даже запах, а глаза видели лишь взъерошенные волосы...

– Как это произошло?... – Алка не узнала свой голос и осела рядом с каталкой.

– Огнестрел... – последнее, что уловил слух следователя уголовного отдела.

Запах нашатыря привёл её в чувства. Врач помог подняться. Тело накрыто простынёй. Девушка не нашла в себе сил, чтобы ещё раз посмотреть. Ноги сделались ватными. Патологоанатом предложил спирту. Алка отказалась, так как боялась, что под действием алкоголя эмоции вырвутся... И она расплачется прямо в морге. Сесть за руль в таком состоянии она не рискнула. Ручка тряслась, когда подписывала документ.

От воспоминания замутило. Слезы подступили к глазам. Девушка судорожно проглотила подкативший ком. Она не помнила, как вышла из морга. Как блуждала по городу, пока не свернула сюда. Ноги сами её вели. Вот она и шла под дождём... почти три квартала. Шла на автопилоте, не узнавая окружающие дорогу дома. Алка брела, медленно переставляя ноги. В кроссовках уже давно чавкала вода.

– Ещё немного... Теперь... понятно, почему его телефон не отвечал весь день... Это я виновата.

Нога попала в ямку, скрытую водой. Девушка споткнулась. Тело по инерции наклонилось, правая рука вылетела вперёд, а левая крепче сжала ремешок сумки.

– Не хватало служебные документы намочить! И так нарушаю должностную инструкцию...

Над головой мигнул и загорелся фонарь. Алка, сохранив равновесие, не удивилась. Она старалась ничему не удивляться в жизни. Побрела к краю дороги, выходя из глубокой лужи. Через несколько мгновений, впереди, загорелся следующий фонарь. А тот, сзади, сразу погас. Девушка поднялась на тротуар. Здесь вода потоком стекала к проезжей части.

Поравнявшись с фонарём, Алка остановилась. Подняла голову. Свет ослепил. Капли дождя разлетались конусом от плафона, попали в глаза. Моргнула.

– Соберись! Прибавь шагу... Ещё заболеть не хватало!

Несколько шагов вперёд. Фонарь опять потух. Тротуар, бордюром, чётким углом, сужал проход, видно, рядом с люком. Алка шла, вперёд, всматриваясь в тускло освещённую дорогу. Свернула на оставшийся кусок тротуара. Она скорее почувствовала, чем увидела... В луже, в провале тротуара, что-то копошилось.

Девушка чуть пригнулась.

...

– Алла Петровна, я здесь... – глаза привыкали.

Холод и сырость, это первое, что Степан почувствовал... и он просто – закричал... а услышал жалобное:

– Миу!

– Это что? Я сказал? – взгляд на руки не оставил сомнения.

Он – котёнок. Чёрный. А Алла Петровна, так близко... Смотрит на него...

...

– Сегодня и не твой день... малыш? – Алка наклонилась над трясущимся от холода существом.

Голубые глаза моргали, и, казалось, слезились. Зрачки непослушно разъезжались, пытаясь сфокусировать взгляд. Мокрые ворсинки ресниц и вибриссы усов... Тощий... Не больше пары месяцев отроду. Влажная шерсть облепляла узкий хребет, угловатый череп и коротенький, почти мышинный куцый хвостик. С кончиков ушек капала вода. Котёнок всё время ими встряхивал.

– У меня нет еды для тебя... и лотка, но я не могу оставить тебя тут...

Девушка нагнулась, подобрала заморыша. Расстегнула пуговицу и засунула котёнка за пазуху. Прикрыла тканью плаща. И в этот момент над её головой вспыхнул третий фонарь. Алка быстрее продолжила путь домой. А он уже рядом. Осталось пересечь узкую улочку, ведущую в тупик, войти во двор и подняться на третий этаж. Дома никто не ждал.

Через некоторое время девушка почувствовала, как котёнок перестал дрожать, а свитер пропитался влагой. Но она всё это время ощущала, как бьётся его маленькое сердце и это сделало её почти счастливой... И не её день вскоре закончится.

...

– Я что-то упускаю...

Документы и фото с места преступления веером раскинуты на диване, журнальном столике и полу. Котёнок спит в махровом полотенце. Алка изредка на него посматривает. Совсем не знакомое ощущение присутствия живого существа. Она потрогала почти обсохшие шерстинки на голове, стараясь пригладить торчащие вихры. Котёнок открыл глазки.

– Ну, что, Черныш... дома, только молоко. Надеюсь не прокисло. Пойдём, найдём тебе миску.

Алка подхватила, вылезшего из полотенца, под упругий животик. Прошла на кухню.

– Придётся подождать...

Пластиковая бутылка проследовала в пустую кастрюлю. Горячая струя из-под крана быстро заполнила сосуд. Молоко стало нагреваться. Девушка поставила котёнка на пол, сполоснула руки и занялась бутербродами для себя, привычно хлопнув дверкой холодильника. От громкого звука котёнок вздрогнул, как от выстрела и поспешил прижаться к её ногам.

Следующий щелчок, вскипевшего чайника, заставил котёнка выгнуть спинку, шерсть на ней вздыбилась, а его обсохший хвостик стал похож на ёршик для мытья бутылок.

– Пожалуй, в тир я тебя не возьму. Уж очень ты пугливый. Молоко не прокисло, ты везунчик. А вот и мисочка.

Алка поставила кормушку, налила из бутылки.

– Поешь, приходи в комнату. У меня ещё много работы.

Щелчок выключателя заставил котёнка вздрогнуть.

...

– Ладно, молоко так молоко! Ну и шуточки... ТАМ. И как я ей помогу?... Как сообщить что узнал? И... где лоток? Мне срочно нужен лоток!

...

Алка подняла глаза от фотографии с места убийства и увидела, как котёнок идёт по коридору, потряхивая задней лапкой. След явно указывал, что он встал или в молоко или... Девушка вскочила с дивана и побежала в ванную за тряпкой.

...

– Так... Хорошо, что навык чтения не утратил... Где эта страница... А – вот. Что делать? А что у меня есть? На – «мяу» – погладит или покормит. Не вариант. О... когти и зубы... не обломать бы... какие-то они мягкие и маленькие...

...

– Ты, тут порезвился, пока я лужу вытирала... Придётся эту страницу распечатать по новой... так... и что у нас на ней? Алиби отца

жертвы? Он, как раз его проверял... – перед глазами всплыла белая простыня.

Нет, она с сочувствием относилась к своему стажёру. Зная, как трудно пробиться. Как не потерять цель. Сама всё это прошла, после школы милиции. Канувшей в Лету. Такой милый мальчик. Рвался в бой... Это его первое дело... Было.

Котёнок впрыгнул на диван, робко прошёл. На секунду замер. Ткнулся в бедро. Алка погладила по голове, хребту и милому хвосту. И слышала урчание.

...

– Надеюсь, догадалась, на что обратить внимание... Времени в обрез... Но как же приятно, когда тебя гладят по спине... И вот тут – за ушком... Думаю, усну на диване... И прямо сейчас...

Он вздрогнул, когда из её спальни заверещал будильник. Потом второй, третий... После пятого она вышла. Пока умывалась, он выбежал в кухню, зная, что лоток... А нет лотка. Но там, Алла Петровна точно увидит. Но надежда не оправдалась... Она встала.

Первая реакция – непонимание, потом – быстрый полупробег до ванной, затем проход в гостиную. Толстый журнал упал в лужу. Поднят и отнесён ближе к ванной. След от маленькой шалости вытерт. В миску налили согретого молока, и он был обласкан. Алла Петровна быстро позавтракала, оделась, закрыла все двери, кроме – на кухню. Звякнула ключами и убежала.

Он остался один.

– Чем бы заняться?

...

– Слава, мне нужно, чтобы ты перепроверил результаты. Да по делу Михайловой. Да... я вчера была в морге... Принимаю, но я его почти не знала. Да... его первое дело... Так не забудь про мою просьбу. – Алка нажала «отбой».

За те полчаса, что она провела в кабинете, ей позвонила половина сотрудников. Даже те, кто относился к ней с пренебрежением. Каждый раз она старалась сдерживать эмоции... Они отвлекали от дела. Она перечитала все отчёты. Что-то не складывалось. Задание для стажёра было пустячным... Уточнение алиби... даже не подозреваемого... скорее потерпевшего. Но такой исход настораживал.

Отец жертвы был во время свершения преступления на закрытой вечеринке. Стоит покопаться.

– Эдик, я за сбором сведений, доложи, если что.

Она два часа тряслась по бетонке. Долго спорила с охранником на въезде в посёлок... Удостоверение и озвучивание некоторых пунктов прав-обязанностей гражданина сделали своё дело. Хотя скорее – посёлок, это условное название, того, что она увидела за двухметровым ограждением. Не уточнила, где нужный дом, долго петляла, объезжая параллельные–перпендикулярные улицы. Вернулась на КПП. Всё тот же охранник сказал, что при нумерации, вкралась ошибка... Дом под №13 – не существует. Да, вечеринка была, в его смену. Машин тогда выезжало немного... Дворец принимающего гостей позволял вместить всех до утра. Его дом – №23.

Алка не понимала, в какой момент в материалы дела вкралась ошибка с номером дома. Спросила про стажёра. Охранник ответил, что заступил с утра и не знал, кто посещал посёлок вчера. Потребовала записи с камер наблюдения. Ещё два часа возвращалась в город. Недалеко от дома зашла в зоомагазин. Купила всё необходимое. Затем забежала в продуктовый, самой тоже что-то надо есть.

Котёнок появился из кухни. Его лапки смешно разъезжались на скользком ламинате.

– Черныш, ну как ты тут без меня? Какой ты умничка, – девушка нагнулась и почесала питомца за ушком. – понял для чего журнал. Посмотри что я для тебя накупила. А сколько нового узнала от продавца.

...

– Ну, наконец-то она вернулась! Выглядит уставшей. Надеюсь, у неё ещё есть журналы... И хотелось бы что-то существенней молока...

...

Алка быстро повесила «пыльник» на вешалку. Взяла пакеты и, подхватив котёнка, поспешила на кухню. Убрала продукты в холодильник, стараясь не хлопнуть по привычке дверь, и стала вытаскивать: лоток, мешок кошачьего туалета, совок, две мисочки для корма и воды и пакетики с влажным кормом.

– Смотри, как хрустит наполнитель. Теперь свои маленькие и большие дела будешь справлять здесь. – поставила лоток ближе к холодильнику.

– А это что? – Алка подобрала с пола кусок скотча.

Вспомнила, как заклеивала им прорезанный дерматин на угловом диванчике. Так и есть, ошмётки поролона красноречиво говорили, что чья-то лапа точила когти, выдирая кусочки. А ленту пробовали на зуб. Дырочки располагались почти ровными рядами.

– Надеюсь, ты не ел эту гадость? – Алка строго посмотрела на котёнка.

Его голубые глаза смотрели с раскаяньем? Или ей показалось...

Налила в фильтр воды, а в одну из мисочек выложила половину пакетика. Котёнок заторопился к кормушке. Он забавно чавкал. Брызги летели в разные стороны.

– Ну-ну, не спеши! Никто не отнимет... – Алка налила себе чаю в огромную кружку, во вторую миску воды из фильтра, – Наедайся, а я поработаю над делом.

...

– Как вкусно... И лоток не забыла! Отлично, а то мне неудобно перед ней... столько со мной возится. Интересно, она что-нибудь по делу узнала? Мне бы хоть глазком взглянуть... Что-то спать захотелось...

Черныш запрыгнул на диван, свернулся калачиком рядом с Аллой Петровной. Она отвлеклась от чтения, наблюдая, как мерно поднимается и опускается его животик при дыхании.

...

– Семён Иванович, перечитала ваш отчёт о вскрытии. У меня возник вопрос. Вы пишете, что у Михайловой была гиповолемия лёгкой стадии. На месте, где её нашли, пятна крови почти отсутствовали. Да, знаю, что она боролась с лишним весом мочегонными, и это возможно привело к обезвоживанию. А не может быть так... что её убили не там? Вернее, что она не сразу умерла? Вы уверены? Спасибо огромное, это многое проясняет.

– Эдик, я срочно уезжаю в посёлок, появились новые зацепки. Доложи начальству, что на оперативку я не успею...

– Алла Петровна, а вы новую сводку видели? Похоже, 90-е вернулись... Хозяина вечеринки взорвать хотели... он чудом спасся, Правда, отцу жертвы так не повезло... Машина сгорела дотла. У нас в морге ещё один труп.

– Надеюсь, вернутся к отчёту патологоанатома.

...

Версию об ограблении придётся пересмотреть. Расширить поиск среди окружения семьи Михайловых. Надо вплотную заняться таинственным хозяином вечеринки. Что-то не сходится...

На КПП посёлка другой охранник. Этот сразу понял, что от него требуется. Алка быстро переписала номера машин и фамилии хозяев, въехавших на территорию и выехавших – вечером накануне убийства Михайловой. А также номера домов, куда посетители направлялись. Выяснила, что на территорию заезжало только одно такси, кто приехал, охранник не знал, водитель протянул приглашение на вечеринку. Ему показалось, что за тёмными стёклами – женщина. Объяснил, что в основном в посёлке живут семьи, но такие такси иногда приезжают к холостякам. На этом разговор закончился.

Выйдя из КПП, Алка сделала звонок.

– Эдик, срочно найди таксиста, номер скину. Выясни, кого он вёз в посёлок и где высадил пассажирку. Сразу перезвони, это – важно!

Затем следователь, с присущей педантичностью, объехала все адреса. Только в одном доме ей никто не открыл, хотя Алке показалось, что занавеска дрогнула. Этот и ещё один дом находились на отшибе и выглядели совсем маленькими и не такими помпезными, как остальные.

Она вернулась к дому №23. Охранник доложил, что хозяин в больнице. После звонка ему, стал отвечать на все вопросы. Михайлов и хозяин друзья детства. Михайлова частенько навещала крёстного, когда хозяйка уезжала за границу на отдых. Да, накануне вечеринки был скандал. Михайлов о чём-то спорил с хозяином, но закончилось всё миром. Да, он знал всех гостей. С вечеринки уехали двое из них. Подруга жены устроителя и ещё один бизнесмен. Никто из них не возвращался. Михайловой на вечеринке не было. Это он точно знает. Отдал все записи с камер внешнего периметра. Они снимали все проезжающие мимо машины. Во время вечеринки внутренние были выключены по приказу хозяина. Михайлов уехал утром, очень торопился.

Алка возвращалась в управление, собиралась отсмотреть все записи. Эдик молчал, был вне зоны доступа. Прокручивала в голове все полученные сведенья. Новых версий становилось всё больше. Число подозреваемых ширилось. Не сразу заметила, что от посёлка за ней едет машина. На достаточном расстоянии, номеров не разглядеть, как и водителя. Снизилась скорость. Белая развалюха повторила манёвр. Алка даже сделала остановку, изобразив поломку. Но ма-

шина так и не обогнала её. Тогда следователь решила вернуться, но белый автомобиль, как растворился. По дороге в город, перебирая детали, нашла ещё одно несоответствие.

...

– Так... стоп! Отмотай! Приблизь! Распечатай номер машины. Алло! Эдик, ну наконец-то. Что? Говори громче, ты, пропадаешь. Где? И что он сказал? Брюнетку? Убитая – блондинка. Парик? Он уверен? Где высадил? Отлично, похоже, головоломка складывается. Спасибо, ты очень помог! Завтра всё обсудим, спешу домой.

...

– А ты опять не скучал, как я посмотрю. – едва переступив порог, увидела «следы свершившегося преступления».

Фольгированный пакетик с кормом искусан самым жестоким образом. Помимо этого – изодран коготками, как консервным ножом. Жидкость вытекла, о чём говорила толщина пакетика, но, похоже, была тщательно вылизана. Под разрывом, куда смогла дотянуться лапа, кусочки мяса съедены.

– Черныш, ты, где? А... вот и главный потрошитель! Ну что же сама виновата. Воду в мисочку забыла налить... Мне и убрать!

Котёнок сидел спиной к двери. Тощая задняя лапка вытянута вверх. Мордочка вылизывала шерстку. А рядышком ещё один собрат по несчастью. Пакетик с кормом изжёванный с не меньшей кровожадностью. На столе и полу пролитая из фильтра вода. Черныш изменил позу и стал передней лапкой умываться. Делал он это так умильно, что Алка рассмеялась.

Когда все следы преступлений были убраны, а оставшийся корм перекочевал в кормушку, перевалило за полночь. Алка, напевая, занялась ужином. Ей почему-то захотелось омлету. Она стояла у плиты и помешивала желтеющую массу деревянной лопаткой. Котёнок, справившись с едой, стал тереться головой о её ноги кружа. Его хвостик щекотал кожу выше носка. Она отчётливо слышала, как он урчит.

К этому звуку прибавилась трель телефона из гостиной.

– Охранник? Какой охранник? А, да, вспомнила. Что? Да, давайте встретимся, через полчаса. Где вы находитесь? Там, рядом круглосуточное кафе. Ждите, я скоро!

Алка выключила плиту. С тоской посмотрела на готовый омлет. Побежала в спальню одеваться. Котёнок путался под ногами.

...

– Алла Петровна! Стойте! Вызывайте наряд! Не ходите одна. Он опасен!

...

– Да что с тобой такое, Черныш? Болит что? Я не понимаю твои «миу-миу»! Я скоро, тут недалеко. Как только вернусь, сходим к доктору, он поможет. Ты, видно, переел сегодня. Ну, потерпи немного, малыш!

Котёнок перешёл на завывания. Стал кидаться на ноги. Алка तो-ропилась. Черныш вцепился зубками в носок. Девушка так и вывезла его в коридор, закрыв дверь в спальню. Сев на пуфик, отцепила котёнка. Надела кроссовки, занялась шнурками. Черныш лапой стал мешать их завязывать. Оставив безуспешные попытки, Алка засунула концы по бокам, схватила «пыльник», перекинула через плечо. Взяла сумочку и ключи. Потушила свет в коридоре.

Казалось, в котёнка бес вселился. Она слегка отпихнула его от двери. Приоткрыла, юркнула в щель. Захлопнула за собой. На лестничной площадке, хоть глаз коли. Ей показалось, что с той стороны ударили. Дикие вопли котёнка усиливались. Он не унимался. Алка в спешке не попала в замочную скважину. Рука дрогнула, ключи со звоном упали на пол. Девушка наклонилась, ощупывая ладонью в поиске. Под кроссовками хрустели осколки лампочки. «Пыльник» не вовремя решил накрыть её сверху...

...

- Я догадывалась, что это – вы...
- Надеюсь, ещё никому не успела сказать?
- Зря, сюда уже едет бригада. Зачем стажёра убили? – Алка подвигала обмотанными скотчем руками за спиной.
- Она лежала в кухне, на полу. Головой к лотку.
- Не шебуршись, крепко связал. Сейчас таблеточек в коньячке и в ванну. Он вынюхивал, застал меня врасплох... Нарвался...
- Никто не поверит, что я сама это сделала.
- А мне и не так много времени надо, чтобы вылететь за пределы бескрайней родины. Эта дурочка всё устроила, так суетилась от радости. Отца и крёстного облапошила. Так что билет куплен. Тебе как? Погорячей? Пощажу гордость, раздевать не буду...

Алка услышала, как открыли воду на полную. Потом преступник прошёл в гостиную. Запахло дымом.

– Растяпа! Зачем документы домой привезла! – зло выругала себя Алка мысленно.

Вздрогнула, когда почувствовала, как вдоль ног что-то поползло. В кончики пальцев ткнулся влажный носик. А потом она почувствовала, как в кожу впиваются коготки. Края скотча стали дёргаться...

...

– Эдик, срочно выездную ко мне домой. Дверь будет не заперта. Преступник обезврежен. Я буду чуть позже, спешу к ветеринару. – Алка нажала «отбой» и выключила телефон.

...

– Сделайте что-нибудь! Он не дышит...

– Девушка, успокойтесь, сейчас придёт врач. У вас кровь течёт. Это котёнок сделал? Нужно продезинфицировать, а то воспаление начнётся.

...

– Степан Чернышёв? Ты вовремя... Ну, поздравляю... Молодец! Справился! А у меня для тебя новость! К твоим мольбам прислушались.

– С ней всё будет в порядке?

– Ты будешь за ней присматривать...

Перед глазами Степана всё завертелось. Вспыхивали разноцветные искры. А потом... опять тёмный туннель...

... ∞ ...

Eddy Krok

рассказ

«Семеро несогласных»

Мало что здесь изменилось за последние шестьсот лет. Дырадырой. Пастухи, бродяги, недобитые хунхузы*, полицейские, торговцы, дикие собаки возникали и пропадали в этих сопках, поддерживая названный законом джунглей принцип «каждый за себя». Эта ночь была не по-ноябрьски звёздной. Бледной сыпью звёзды засорили ночное пространство. Обозначился Млечный путь. Кто-то скучал по своим созвездиям и планетам, проклиная «чёртову Маньчжурию» и не менее «чёртову Землю». Кто-то дрожал за свою шкуру, проживая жизнь загнанного животного. Были и те, кто ещё не совсем потерял интерес к своей миссии, играя то в свою, то в чужую игру.

Об играх нужно сказать, что за последние сто лет Кто-то позаботился существенно их сократить. Даже у писателя этих строк рука дрогнула, и он, на всякий случай, написал эту страшную силу словом «Кто-то» с уважительной большой буквы, опасаясь могучего влияния, полученного ими через покорение и освоение материи, энергии, пространства и времени. Эта чёрная группа Смерти сделала ставку на Силу, поставив цель завоевать вселенную и обесценить духовную природу её обитателей, дававшей им шанс на вечную жизнь.

Где-то чёрная группа достигла цели. В разных цивилизациях они взяли под контроль почти всё, и тем самым их поглотили, лишив самоидентичности. Только две цивилизации спаслись, сохранив вселенский масштаб влияния и совсем другие принципы подхода к жизни, сохраняя её в вечности. В этом подходе не было Силы, как основного Постулата*. Материя, энергия, пространство и время находились в этих идеологиях на вторых ролях. Не смотря на отсутствие

силы, агрессивности, экспансии, навязывания, эти две цивилизации вполне могли претендовать на звание «космических завоевательных сил», которых за всю историю вселенной было десять. Цивилизация Силы не может не атаковать и не пытаться уничтожить всё, что ею не является. Закон Силы таков: «ты подчиняешься или тебя уничтожат».

В этой звёздной ночи, у подножия Лысой сопки уютно горел костёр, рядом с которым расположился шатёр и стояла привязанная монгольская лошадь. У костра сидели крепкого вида старый воин и молодая девушка неопишущей красоты императорского фарфора. Воин имел маньчжурскую змеевидно уложенную на лысой голове косу с вплетённой колючкой*, китайский расписной кафтан ниже колен и складчатые сапоги. За последние двести лет у воинов обновился походный набор. На плече висело боевое лазерное ружьё, вшитый в одежду кастет и за спиной ранец с лазерными таблетками. Девушка была в фиолетовом кимоно. Бамбуковые заколки из благородных веков, канувших в хроники, делали её причёску скорее японской.

Лазерное оружие и уверенный вид воина давали спокойствие и возможность наслаждаться прелестями ночи странной для этих мест паре. Обитатели этих мест вполне усвоили уроки силы, чтобы нарываться на таких воинов, тем более с длинным лазером. Рядом выли собаки. Воин, не дожидаясь, когда они соберутся в стаю, делал хлопок. Резкого ультразвука и опалённой шкуры было достаточно для животных и хунхузов, чтобы отбить у них дерзкие замашки.

Другое дело, бродяги. Они совсем не просты: с хорошо подвешенным языком и хитрым планом стяжательства; с организованными вероломными авантюрами и знанием психологии на уровне цыганок-гадалок, недавно истреблённых Императором Цин. Скоро вычистят бродяг и хунхузов.

Бродяги были не страшны этой паре. У них не было шансов с Ханом (так звали воина). С дюжиной таких Хан справлялся, не напрягаясь и не пуская в ход колючку. Времена разгула многочисленных банд с интеллектом чуть выше хунхузов уже закончились. Рука Императора достала их на всей территории Империи. Он наводил жёсткий порядок и в других звёздных системах.

Пара грелась у костра. Кроме забредающих собак они наблюдали конвой из солдат, ведущих исхудалого бродягу под прицелом лазера. Солдаты покосились на пару, но рассмотрев Хана, благоразумно не решились испытать судьбу. Среди ночи проехала телега, которую

тянул конь тяжеловоз. На ней тряслись связанные живые и мёртвые тела бродяг. Солдаты опасны тем, кто им попадался. Не отличаясь разборчивостью и справедливостью, они хватали всех подряд и везли до ближайшего этапа, где несчастные шли по известной схеме: психиатр - электрошок - наркоболовой гипноз* - каторга – чипирование. После всех казённых процедур опустошённое существо возвращалось в общество «по благоволению и человеколюбию Великого Императора», чтобы после всех его «благ» добровольно, не за казённый счёт, умереть и кремироваться.

Технология цивилизации работала без сбоев. Но всё же в эфире летал лёгкий, тонкий дух свободы. Кто мог, видел. Кто-то чувствовал. Таковых единицы. Они умели различать последствия разных по своей природе причин. У остального большинства преобладали материальные ценности. Так было всегда, но не факт, что так будет дальше. . .

Воин сидел у костра в позе с прямой спиной и находился в состоянии осознанного сна. Тело спало, дух бодрствовал, не покидая хозяина в пространстве и времени. В свете костра его мужественное лицо древнего наймана* было бы предметом восхищения художников-портретистов, голодающим по колоритным типажам. Рубленное лицо с классическими морщинами, разрезами и впадинами мужчин монголоидной расы, его одежда и оружие делали его антураж достойным фольклора и учебника истории. Девушка была бодра и раскладывала Таро. Её лицо выражало сильный интерес. Анализ, чёткие и быстрые мысли были одними из её многочисленных достоинств. Иногда на неё нападала детская игривость. Она пальцем ноги нажимала бок Хана. Он открывал глаза, непонятно куда девая известное замешательство, присущее людям при переходе от сна к бодрости. «Госпожа нашла свою карту? - спокойно спросил Хан. Красавица молча показала карту Мага*.

«От земли до неба возвышалась его фигура, одетая в пурпуровый плащ. Ноги его утопали в зелени и цветах, а голова с повязкой Посвященного уходила в бесконечность. Перед ним лежали на подобии кубического жертвенника четыре магических символа – жезл, чаша, меч и магический пентакль. Его правая рука была поднята к небу, а левая опущена к земле. Под плащом его белый хитон опоясывала змея, впившаяся зубами в свой хвост. Светло и ясно было лицо Человека. Когда мой взгляд встретился с его взглядом, я почувствовал, что он видит в самых тайных уголках моей души. Я увидел в нём всего себя, отраженным, как в зеркале. И мне казалось, что я

сам смотрю на себя из его глаз»**.

После такой неожиданной тирады лицо воина хитро засветилось. Девушка восхищённо посмотрела на спутника. «Опять ты меня восхищаешь, Хан, своей памятью! Этот Маг чаще стал появляться. Сегодня я поняла, что игнорировать его было бы неправильно», - в её словах примешивался вопрос. Хан хорошо её понимал. Лукавство сменилось игрой. Улыбаясь внутри, он держал паузу. Но девушка тоже хорошо знала его повадки и быстро раскусила его. «Что ты молчишь, старый хрыч?! Отвечай, когда спрашивают!» - в духе игры девчонка вскочила, встав в боевую позу, и обозначила удар ногой выше своей головы. Названный хрычом с еле заметной улыбкой остался в позе, собрав своё внимание. Последующие две минуты воительница наносила удары туда, где должна находиться его голова. Не смотря на быстроту наносимых ударов, ни один не достиг цели. Удивительным образом воин отклонял голову, интенсивно работая мощной шеей, сохраняя свою позу и полный контроль. Было видно, что такая игра проводится не впервые. Наконец оба засмеялись. Девушка обняла своего воспитателя. Лукавство на его лице не исчезло. Он-то хорошо знал, что начнётся вторая игра. Не победила сила – в ход пойдёт коварство. Она знала, что он ведаёт и эти её мысли, поэтому села напротив, глядя в глаза и давая понять, что ему не уйти от ответа.

- Госпожа готова к встрече.

- Таро это не показали. Кто он? Почему встреча неизбежна? Это карма?

- Удивительная ночь сегодня! Открытое небо в ноябре – благостный дар.

- Чей дар? Ты меня хочешь сбить с толку или намекаешь, что есть то, чего я не вижу?

- Дар Того, кто создал Постулат чистого неба. Смотря вниз на карты, не увидишь небо и звёзды.

- Ты говоришь об астрологии? Да, я давно не смотрела калейдоскоп своих стихий и столпов, не считала звёзды с прошлой луны. Ты мне дал совет – три недели без паука*, - поэтому не темни и не умничай. Что мне делать с этим Магом и с какой кашей его есть?

- Зря я не посоветовал обойтись и без Таро. Думал, что эту игрушку ты забросила навсегда. Хоть этот русский и написал то, что я воспроизвёл из его Таро, - вряд ли он понимал, о чём пишет. Вспомни мой урок о множестве личностей в каждом человеке. Новость для тебя состоит в том, что любая из этих личностей – это то, что доста-

точно упорно когда-то атаковал нынешний её обладатель, в конце концов, став ею, и утратив способность различать и разделять её от себя. Как в Таро: «... мне казалось, что я сам смотрю на себя из его глаз».

- Звёзды готовят узловую встречу. Таблица аспектов* мне указала, и я обратилась к Таро. У меня с Магом не сведены счёты в прошлых жизнях? Зачем он придёт?

- Он будет здесь раньше, чем мы увидим солнце. Любовная страсть и ненависть – это сила на сближение. В ней можно слиться и потерять черту, за которой уже не разобрать, кто есть кто.

- Я уже не играю в эти игры. Прошлого нет. Я посвящена, но у меня нет данных про это! Я уладила много существ в моём Прошлом, которые влияли на меня. На восьмой ступени Технологии Знания я разорвала змею, кусающую свой хвост*. Прошлое не оставляет и влезает в мою жизнь каким-то Магом, с кем, как оказалось, остались счёты. Любовь или ненависть, говоришь. Я не способна выбирать кого мне любить и ненавидеть?! И почему ты решил, что я готова к встрече с Магом?

- Цепочка посвящений – далёкий путь. У каждого посвящённого есть шанс уладить своё прошлое ещё больше и дальше, чем было до этого.

Ии (так звали девушку) поняла. Она ушла в себя и нашла мокап* для своего Постулата. Теперь главное - сказать «да будет так». Ии обладала властью делать и властью не делать. Обладающий этим знание, обладает и временем. Хан смотрел на неё внимательно. Его разрывали сразу два противоположных желания: сделать проверку своей ученице, всё ли она поняла, и достаточно ли у неё данных, чтобы справиться; и желание предоставить ей свободу действий. По большому счёту, он знал, что её обучения более чем достаточно, чтобы разобраться почти с чем-угодно. Но кто этот Маг? Любящее сердце не выдержало. «Посмотри на жезл, чашу, меч и магический пентакль. Жезл и меч мужчины чем у женщины. Чаша и пентакль женщины сильнее чем у мужчины», - донёс наставник. Ии поняла смысл и улыбнулась. Хана отпустило.

Сумерки и рассвет – трещины между мирами, дверь в неизвестное, граница света и тьмы. Одно качество переходит в другое, сливаются две полярности, меняются циклы. Эта граница – сумерки, время, когда свет погас, но тьма ещё не завладела пространством.

Тоже и с рассветом. Два противоположных мира пересекаются и становится возможным невозможное. Сливаются грани обыденного и эзотерического. В это время происходят удивительные вещи. Острое ощущение себя в пространстве и времени сочетается с видением* многочисленных скрытых сторон реальности.

Ии с Ханом ехали верхом домой. Хрупкая девушка держалась за мощный торс воина и положила голову ему на плечо. Неизвестность неизбежного, с одной стороны, её настораживала, а с другой, вселяла гигантский оптимизм первопроходца. Свежий предутренний ветерок веял новизной и прогонял магию ночи, как из общей вселенной, так и изнутри Ии. Эта ночь уже казалась далёкой сказкой прошлого.

Новый день ещё не взял власть. В низинах между сопками приютились облака тумана. Слабый вихрь неизвестного происхождения вдруг обрушился на них, хлётко и отрезвляюще бомбардируя по лицам ошмётками увядшей травы и мелкой пылью. Оставив следы на лицах и одеждах, он ушёл. «Дурацкие шуточки, - сказала Ии, - я видела, это идёт оттуда, - и указала восточное направление. Там тянулась струйка дыма. - Навстречу судьбе, Хан! Прибавь-ка ходу, старина».

Прибыв на место, они обнаружили с подветренной стороны сопки неглубокий грот, где горел кем-то собранный костёр. На большом камне лежали нож, грубый хлеб, вяленое мясо, имбирь и витамины. Рядом находился заплечный рюкзак. Они слезли с лошади и подошли к костру.

«Намасте*, моя Фирузе!» - послышалось сзади. Ничто в этой жизни не действовало на Ии так, как подействовали эти слова. Разные чувства резко обрушилась на девушку.

Виденья, озарения, замешательства, душевная боль и тревога, восторг и восхищение, эстетика и воссозданные гимны прошлого, космическая музыка временных странствий, поэзия и страсть, самопожертвование и командный дух, авантюризм и могущество обладания, бесшабашное стремление к новому, голубые и фиолетовые лучи, манящие в бесконечность – туда, где никто не был; туда, где неземное счастье... Резко повернувшись, Ии, наконец, увидела виновника её бдений. Метрах в двадцати сидел и водил ладонями по скудной траве, собирая росу, молодой мужчина с улыбкой восхищения и безмятежности, обращённой к девушке. Несмотря на то, что Ии видела его впервые, этот образ был для неё даже более знакомым, чем образ её слуги Хана, которого она видела с рождения

едва ли не каждый день. Красивое лицо с усталыми и выразительными, добрыми глазами, тонкими губами с волевым изгибом. На нём была длинная накидка-плащ и шляпа с широкими полями. Поэтичность его образа подкупала. Свободен как лёгкий степной ветер - сегодня здесь, завтра там. Непривязанность, возведённая в принцип жизни. Печать Знания на лице. Вечный странник и хранитель неведомой миссии. Неутомимый аватар*, нарушитель спокойствия Империи Силы и поэт Свободы, обладающий великой мощью несогласия. Всё знала Ии. Не так ярко видел это и Хан.

Странник встал, показав свой высокий рост, и сделал полный оборот. Плащ приподнялся венчиком от резкого пируэта, и вдруг чудом оказался перед Ии и её наставником, который мысленно оценил такой приём, отметив, что малый не промах и возможно обладает навыками ведения боя давно исчезнувшей школы. Она была образована сто лет назад езидским мастером Яро. В её основу положено кружение дервиша*. Ученики этой школы первые три года осваивают только кружение, которое становится их повседневным атрибутом жизни. Правильное кружение, как оказалось, даёт возможность бесконечно генерировать энергию. Время для них останавливалось. То, чего достигали мастера этой школы кажется невероятным и магическим. Они могли мгновенно оказаться в любой точке пространства вокруг себя в радиусе ста шагов и выплеснуть за миг на них чудовищную уничтожающую энергию. Великие дервишу большую часть жизни проводили в целительном кружении и практически не старели. Достигнув могущества, школа стала сворачивать своё видимое присутствие в обществе, скрывшись в эзотерике. Способствовала этому грубая попытка взять школу под контроль Империей Силы. Шестьдесят лет назад власти запретили школу. Несколько учителей силовикам удалось уничтожить. Тогда шла самая настоящая охота вплоть до военных боевых действий с передовым оружием. Перед этим Император Цин, за двадцать лет стараний самых искусных шпионов, агентов-переговорщиков от Единого Силового Ведомства, так и не получил согласия на сотрудничество ни от одного мастера. Поэтому он ликвидировал школу.

С тех пор не утихали романтические слухи о школе и о её мастерах, сказочно преувеличивая их силы и возможности. Красивая легенда с надеждой, что реально она может где-то быть, осталась в народной памяти.

- Если это мастер школы дервишей, то при злых намерениях для Ии он будет опасен, - подумал Хан и неожиданно получил ответ.

- Тебе нечего опасаться, верный воин. У мастера не может быть злых намерений, а у обычного мошенника нет шансов вас победить, - произнёс этот человек, переставая быть для них незнакомцем. Это настолько органично укладывалось в цепочку мыслей Хана, что он не сразу сообразил, была ли это телепатия или устный ответ. «Ии в безопасности. Всё идёт как должно быть. Ступень началась», - это была последняя мысль старого воина, после чего он ушёл в пассивное созерцание.

- Сожалею, что слегка вас запачкал. Но это лучше, чем потом жалеть, что такая девушка прошла мимо.

- Меня подкупает озорство в людях, которым по своему статусу положено быть серьёзными. Но неужели ты думаешь, что я поверю в то, что твой запущенный наудачу вихрь был единственным шансом нашей встречи? - глаза Ии горели, губы дрожали в сдерживании себя от порыва броситься в объятия. Воспитанная аристократическая гордость и женское понимание взаимоотношений говорили ей, что нужно оставить шанс мужчине сделать первым подобный жест. Слова не нужны. Странствующий рыцарь сделал шаг вперёд, привлёк за талию Ии. Они смотрели глаза в глаза. Он читал её изнутри, как книгу, а она превратилась в сосуд, наполняющийся жгучей энергией его неуёмного внимания. Несколько минут они молчали и смотрели друг на друга. Она улыбнулась, как утренний лучик, и выразительно, ничего не требуя взамен, давала подтверждение дорогому ей человеку, что он просто есть. Он ответил ей улыбкой человека, сильно любящего жизнь. В ней были одновременно чудовищная свобода, неукротимая энергия и лёгкость. Он пропах костром и дорожной пылью. Иногда Ии казалось, что он сделает свой мастерский полный оборот и исчезнет, оставив ей на память только волшебный плащ. С другой стороны, весь он, в целом, выражал гигантскую глыбу спокойствия и уверенности, которая распространялась на всё его окружение, которую так ценят женщины, издавна называя это состояние «как за каменной стеной».

- Наша любовь продолжается, и она будет вечной. Какое твоё имя в этой жизни? Всё остальное в тебе изменилось мало.

- Не хочу себя отождествить со словом. Называй меня горным воздухом, чистой росой, лесным духом или гордой скалой. Рядом я или за тысячи миль, какая разница? Расстояние – не причина печали, и встреча – очередное подтверждение нашей любви. Ни время, ни пространство и никакая сила не может повлиять на твёрдую статику духа. Я вижу твоё понимание, и поэтому тебе нечего бояться.

- «Когда мой взгляд встретился с его взглядом, я почувствовал, что он видит в самых тайных уголках моей души. Я увидел в нём всего себя, отраженным, как в зеркале. И мне казалось, что я сам смотрю на себя из его глаз». Знаешь, Лесной дух, эта фраза относится к карте Таро, которая в последнее время меня неизменно преследовала. Я поняла её смысл. Ты и я – мы вместе. Где ты, а где я в этом тандеме – я не знаю. Так ли это важно? Прошлое есть, и его нет. Для освобождённого духа не существует времени. Я знаю, что ты сейчас уйдёшь, я не буду лить глупые слёзы от мнимой потери. Наши постулаты в нужный момент соединят нас. Ты слышишь тяжёлый топот? За тобой идут воины Силы. Скройся, Лесной дух. А потом приходи, поиграем в шахматы. Заменяем драму расставания на несерьёзность игры. Я хочу тебя выиграть, друг мой. Хотя в этой жизни меч мысли у тебя, как у мужчины, должен быть сильнее. Так сказал мой слуга Хан. А сейчас уходи быстро, если не хочешь быть мишенью полицейских лазеров.

Раздался отдалённый треск приближающегося вертолётa. Появились полицейские всадники по всему окружению. Они были в металлических масках с короткими лазерами за плечами. Мрачной, развращённой дерзостью и вопиющей безнаказанностью пропитывается атмосфера там, где они появляются. Они действуют молниеносно, и получают то, что им надо самым коротким путём, несмотря ни на что. Даже если это будут смерти невинных и большие разрушения.

Хан вышел из созерцания, вытеснив и прикрыв Ии. Он снял с плеча свой длинный лазер. Названный Лесным Духом широко раскинул руки и направил лицо вниз. Понимающему Хану стало ясно, что из этой стойки мастер заведёт свой волчок с пол оборота, а уж там сам чёрт ему не брат.

Ии бесстрашно смотрела на прибывающих полицейских, которые, по неизвестной причине, не переступали определённой черты, топчась на месте и создавая живой забор. Она знала, что всё будет хорошо, и тем интереснее ей было наблюдать, как всё это разрешится.

Вот выделился всадник без маски. Выехав ближе к гроту, где наша троица взирала на происходящее, он начал по рации общаться с кем-то по-военному, пока не показался вертолёт. Подлетев, он начал снижаться, изрыгая громкую трескотню. Он опускался, пока не достиг определённой высоты. Люк открылся, концы верёвок полетели вниз. По ним ловко спустились два офицера охраны. Затем из вертолётa показалась тронная конструкция с сидящим на

ней человеком. Её спустили на четырёх тросах. Офицеры приняли эту важную особу. Особа была одета по старым конфуцианским канонам одежды чиновника высокого ранга образца девятнадцатого века. Его невероятная худоба и неуёмная энергия выходящая вместе с избыточным дёрганьем, суетливостью, вечной дотошной обеспокоенностью и способностью к мгновенному изобретательству, плюс ко всему смешной вид в китайской служебной ушастой шапочке, делали его типаж довольно комичным. Но, он ничуть не смущался. Для него чужие оценки не существовали. Он ревностно служил, и не было ещё таких приказов, которые бы он не выполнил. Что-то кроличье сквозило во всём, что он делал и как он выглядел. Это был довольно пожилой человек, но его неуёмная энергия не спешила покидать его. Возможно он был мудр и обладал знаниями. Он являлся правой рукой Императора Цин. Его влияние в Империи было огромным. Все его знали.

- Сам господин Чой. Какая честь! - сделала вежливый жест Ии, выходя из-за спины слуги.

- Здравствуйтесь, принцесса. Я пришёл за этим человеком. Я его забираю, чтобы представить суду, - прямо и по делу начал чиновник, указывая на её друга.

- Этот человек пользуется моим покровительством. На территории моего влияния вы не вправе требовать. Не забывайте, что ко мне применяется первый аристократический Кодекс. Надеюсь вы его не забыли, господин Правая рука?!

Вежливость пропала. Вышло лёгкое показное раздражение и желание повлиять на законника. Лесной Дух сделал первый медленный пируэт, входя в состояние подготовки медленного закручивания.

- Принцесса не так меня поняла. У меня Приказ по чрезвычайным мерам с подписью Императора, и я буду делать то, зачем пришёл. Благороднейшая Принцесса, я вам очень не советую создавать преграды государственным служащим.

- В чём вы его обвиняете, господин Чой?

- Мне не следует отвечать на вопросы, но вам скажу. Это политический преступник. Обвиняется в неуважении к Императору и в критике Правительства. Он член запрещённой секты дервишей и провокатор, вербующий людей для разрушения власти. Кроме того, он не обработан электрошоком и другими обязательными психиатрическими процедурами для низшего класса. Он против психиатрии, открыто это выражает и пропагандирует. Он опасен для общества, в том числе и для вас.

Ии поняла, что её герою не избежать ареста. Но также она заметила и его новое состояние подготовки. Ей чудом удавалось тянуть время с таким скорым на руку властным деятелем. Лесной Дух прибавлял обороты. Наконец старик сделал определённый жест и два офицера подошли к кружащемуся арестуемому. Не снижая оборотов, Лесной Дух тихонько побежал. Удивительно, они бегали, ловили его и не могли этого сделать, несмотря на то, что передвигался он небыстро. К тому времени он уже порядочно раскрутился и послал сигнал Ии и Хану уходить. Хан слушал только Ии, и та подтвердила намерение уйти. Было немного обидно не увидеть дальнейшего развития драмы. Они были уверены, что новоявленный герой не сдастся. Много бы отдал Хан, как профессионал, чтобы увидеть бой мастера кружащихся дервишей. Но воля Ии была для него законом. Он легко расстался со своим любопытством.

Ии была настоящей принцессой маленького обособленного округа в китайской Маньчжурии, имеющего до начала столетия статус государства Минжу. Основателем был её отец король Маик, прозванный Первым Великим. Двадцать пять лет жизни он потратил на признание независимости от развалившейся в то время Тайской империи. За последующие семь лет он настолько продвинул по экономическим и политическим показателям свою страну, что стал объектом повышенного и отнюдь не доброжелательного внимания со стороны вороватых, неотёсанных соседей. О Маике Великом ходило много легенд и слухов, в которых преувеличение росло со временем в угоду праздным запросам стремящегося к праздности общества. Безусловно, что такой успешный правитель имел Технологию администрирования и вполне возможно, и другие знания. Позднее Империя Силы межгалактической конфедерации Мабуис* отменила приоритетное право всех государств решать значимые вопросы, подчинив их Центральному Управлению Империи Силы (ЦУИС). Ии было двадцать один год, когда она попрощалась с отцом. Тот сказал, что улетает на далёкую планету, оставив ей своего верного слугу и друга Хана. Также он обещал обязательно вернуться. Хотя это обещание и было похоже на безнадежный вежливый жест, которым люди прикрывают своё бессилие, тем не менее папа Май (так Ии его называла) за всю сознательную жизнь дочери ни разу не дал ей усомниться в том, что его обещание не будет выполнено. Хотя для всех было очевидно, что короля Минжу устранили по приказу Им-

ператора Цин, Ии всё же верила, что он живёт на какой-то далёкой планете и обучается такому великому искусству, от которого люди Силы просто куда-то рассосутся и будет всё по-старому, как в её далёком детстве. Дворец и прилегающую к нему деревню ЦУИС всё же оставило прежним владельцам под полный контроль. Остальная же страна была под фактическим управлением отдельных комитетов полицейских ведомств, откуда стали появляться исполнители этой власти. Они ездили, шпионили, грабили и лжесвидетельствовали против своих же граждан, пафосно называя себя вершителями судеб, по сути являясь обычными насильниками.

Отец научил Ии всему, что он знал и даже более того. С ней занимались настоящие мастера своей сферы деятельности, коих насчитывалось около шестидесяти. Редко, кто обладал такой разносторонней глубиной знаний и практических навыков. Она могла на равных играть с мастерами шахмат, вести бой с обученными единоборствам мужчинами, и даже одолевать некоторых из них. Могла быстро восстановить истину в самой запутанной жизненной ситуации, определить за минуту все шестьдесят четыре основные характеристики человека, чтобы знать о нём практически всё. Не заходя в комнату, она могла знать, что там находится. «Необязательно тащить своё тело куда-то, чтобы знать, что же там есть», - шутила она.

Маг и воин Хан завершал отроческое воспитание Ии. Маик доверял ему как себе. Многому научил её Хан. У него был особый дар. Его ученица не только усваивала данные, но и могла их применять, меняя себя и возвращая свою исходную личность. Он каким-то чудом знал уровень ученика с микроскопической точностью, а также все барьеры, которые мешали ему что-то постичь. Своим уникальным общением он подталкивал подопечных к знаниям, ничего не сообщая напрямую. «Знание есть. Моё дело, чтобы ученик смог его взять», - обыденно говорил Хан. Этот мастер жизни обладал уникальной технологией обучения, был мастером общения и визором*. Он прошёл всё визорское обучение, начиная с первой ступени и заканчивая пятнадцатым визорским классом. Это было всё, чтобы суметь помочь людям в любой ситуации. И это было всё, чтобы постичь тайну Вечной Жизни. Постичь искусство визора он смог на планете Ури в созвездии Лебедя. Эта уютная планета хранит все визорские технологии прошлого: от Сократа до Блемо, который дал возможность этой технологии сделать резкий прорыв, открыв новые горизонты самой важной профессии в этой вселенной. Бле-

мо в конце двадцать третьего века смог реанимировать традиции ранних софистов и киников, серьёзно покопался и у суфиев (именно там он нашёл Яро с технологией крутящихся дервишей). Много источников, куда сунул свой гениальный нос Блемо. В те времена разрозненные власти Силы выглядели пушистыми зайчиками по сравнению с Империей Силы середины двадцать четвертого века. Они ещё иногда оглядывались на Декларацию Прав Человека. Процент здравомыслия на планете был явно выше, чем сейчас, и честные последователи истины смогли отстаивать визорскую Технологию. Блемо интенсивно учился этой Технологии и дошёл до максимального уровня Визора класса XV. С помощью психометра, который он всегда носил с собой в пластиковом кейсе, он отвизировал более тысячи человек, вернув им тысячелетиями дремавшие способности, и тем самым поднимая их на необычайно высокий уровень. Также, он контролировал целую организованную армию визоров, проверяя их протоколы помощи, корректируя и направляя их внимание на необходимые аспекты потаённого разума разных людей. В момент своего профессионального могущества, ему пришло озарение, что можно существенно упростить Технологию визора, вернувшись, ну хотя бы, в Древнюю Грецию (это первый момент осознанной памяти человечества), где бродяжничал, непонятно как там оказавшийся, Сократ. Наткнувшись в своих исследованиях на эту фигуру, Блемо быстро понял, что это был бродячий мастер визирования необычайно высокого уровня. Неизвестно, где он обучался (скорее всего, на вышеупомянутой планете Ури). Суть его визирования состояла в общении и перемещении точки внимания собеседника в нейтральную область, где оттуда он смог посмотреть на всё как на забавную, несерьёзную игру. Общение – это предмет, достойный бесконечного изучения и исследования, это ключ к человеку, это ключ к Вечной Жизни. Абсолюты недостижимы, как недостижимо и идеальное Общение.

Описанные в разных религиозных источниках сакральные общения людей с Богом и всякие подобные вещи были возможны благодаря невообразимому визорскому мастерству Бога, который является по сути визором, к примеру, сорокового уровня. Вот почему все боги бессмертны. При встрече и общении с таким Бого-визором человек быстро приходит в состояние «как есть», и визор ключевой фразой, индивидуально рассчитанной для каждого, просто напрочь сносит всю лишнюю массу, приводя духовное существо на самую вершину Бытия и Счастья. Такие встречи люди получают в про-

межутках между жизнями (если люди сами не лишают себя такой возможности, топя себя в грязном море страстей). Некоторым даётся возможность и при жизни, после чего они становились святыми и идут творить добро (как они его понимали), неся благовую весть.

А теперь они становятся визорами, и делают добро в обычном режиме повседневной работы над духовным восстановлением состояния причины у Человека. Это первая ступень к Вечной Жизни.

Именно изучение Сократа по разным источникам (Сократ ничего не написал за свою жизнь): его общения, искусства выстраивания вопросов и подтверждение собеседнику; его доверие, огромное терпение к тому, чтобы человек сам смог отыскать свою истину; и его абсолютное неприятие оценок в любом, даже самом замаскированном виде. О! Это был Визор с большой буквы! Не даром он стал Великим, и столько было написано громких слов. Но это всего лишь бледные тени по сравнению с ярким солнцем оригинала. Закономерен и конец его игры. Есть некоторые признаки, зная которые, можно было не сомневаться, что именно так всё закончится. Впоследствии Блемо нашёл и других подобных визоров в истории. Их имена не были известны, чтобы здесь их привести. Разве что граф Калиостро наделал когда-то немного шума и прославился приписанными ему историями, к которым он реально не имел отношения. Пятнадцать лет понадобилось Блемо, чтобы выстроить второй этаж Технологии визирования. В конце концов его продукт уместился в тоненькую книжицу из трёхсот с лишним страниц.

Это бесценные данные! Для непосвящённых они бесценны в смысле отсутствия ценности для них; для посвящённого - потому, что нет ничего в этом мире, что стояло бы по ценности рядом. Какова цена Вечной Жизни – вот в чём вопрос.

Скорее всего, Маик тоже улетел на Ури. Таким образом, Ии, получив в свои руки технологии знаний шестидесяти сфер жизни путём полного погружения в неё до полного концептуального понимания, вышла на главную цель – стать визором.

Империя Силы объявила Технологию визирования вне закона. Возвратились старые времена преследования силой современными орудиями подавления. Меньшая часть визоров ушла в подполье, поставив свою жизнь в опасность; другая часть покинула планету в разных направлениях. Многие улетели на Ури. Ии осталась последняя ступень Посвящения и три ступени до визора класса пятнадцать. После этого ей уже не нужен будет ни Хан, как наставник, ни Земля в качестве платформы для жизни. Она постигнет тайну

Вечной Жизни и будет вольна достигать свои цели.

У Ли была другая история. Ли, так звали Лесного Духа, мастера ведения боя кружением, доктора философии старого Пекинского Университета до его закрытия, авантюриста, путешественника и обладателя тайных знаний цивилизации Ян. Скорее всего, он являлся её адептом со своей миссией. Биологическое происхождение, имеющее принадлежность к своей планете, совсем перестало играть роль в выборе индивидуумом идеологии. В это время осталось только три идеологии цельных и самодостаточных цивилизаций. Сто сорок миллионов лет назад их было пятнадцать, а двадцать миллиардов лет – сорок. Идеология Империи Силы сделала ближайшей целью полное завоевание планет Конфедерации Галактик Мабуис, очистив её от конкурирующих идеологий двух великих цивилизаций: цивилизации Инь с идеологией Любви, и цивилизации Ян с идеологией Гармонии. Активное вероломство, открытое стяжательство и напор – главные преимущества Империи Силы, которые всегда приводили к победам и завоеваниям. Особенно большую роль играла организованность, которая в Империи была на высоком уровне. Именно она вела к победе над цивилизациями с несопоставимо более высоким уровнем. Так уж получается, что выигрывает не самый умный и сильный, а самый организованный. В этом причина упадка великих цивилизаций Жизни и побед цивилизаций Смерти. Но самым главным минусом Империи Силы был факт, что её постоянно разрушают изнутри. Люди, с которыми обращаются силой, будут эту силу, в удобный для них момент, обращать бумерангом. Никакие жёсткие кодексы, наказания, односторонние приказы и государственная подозрительность и смерть не способны конкурировать с чувством долга, патриотизмом, командным духом, подлинной этикой и самой жизнью. Победы и завоевания силовиков (давайте их так называть) быстро рассеиваются от невозможности контроля над завоёванными. От напряжения, с которым борется сила, судорожно пытающаяся удержать контроль, она себя загоняет в тупик, выгорает в смерть.

Ли прошёл через огромное число мясорубок: войн, тюрем, революций и других ловушек, созданных, как будто для него. Где и кем он только не был, чем он только не занимался за свою жизнь! Вундеркинд, гениальный студент Пекинского Университета, доктор философских наук, солдат Армии Спасения, тайный агент Главного Штаба разведки, продавец запчастей для военной техники в цен-

тральной Африке, каторжник на принудительных работах в соляных копях Сибири, человек ордена «Доброй Воли во имя Гармонии и Жизни» - это только мизерная часть всех бытийностей, которыми обладал Ли.

Казалось, что такие трения могут постепенно стереть его в порошок и растлить его душу. Однако, ничего не поменялось в этом парне. Он не только стойко переносил физические тяготы и душевный дискомфорт, но даже изменял и останавливал бесконечную цепь когда-то и кем-то заведённых порядков. Так на соляных копях в России, он попал к матёрым уголовникам, от которых принял много попыток сделать его побитым и униженным. Это то, что они делали с новичками. Не вдаваясь в ужасные подробности, скажем мягко, что Ли их просто побил. Даже до знакомства с технологией дервишей, он обладал мощной взрывной разрушительной энергией. Потом, когда Ли по душам смог поговорить с каждым из них в отдельности, он обнаружил, что жажда подавления ближнего исходит только потому, что каждый из этих монстров раньше сам испытал это на себе, будучи жертвой. Бесконечная цепь, тянулась к истокам создания вселенной. Один обижает, создавая у другого образ победителя, который тоже должен обижать, чтобы оставаться таким же победителем. В ближайшее время этот образ сработает на свежей партии новичков, загремевших на каторгу. Такова нисходящая спираль, ведущая в Смерть. Ли прервал цепочку подавления новичков, разможив голову главной подавляющей личности среди каторжников, морального уroda и зачинщика беспредела, слугу Смерти. . .

В конце, после долгих приключений он нашёл свою Школу, Большое Знание и контроль Силы. . .

Весело и уютно было в палате принцессы Ии отеческого Дворца. Рубиновое вино в глиняной бутылке, виноград, хурма и миндаль небрежно раскиданы, как в натюрмортах. Другой стол был заполнен разломленными кусочками овечьего сыра, зеленью, оливками и закопчёнными рёбрышками какой-то дичи. Праздничное пиршество стихийно возникло по поводу встречи Ии с Ли и организовано ими же. Смех Ии, лихие восклицания и шутки Ли наполняли Дворец, давно истосковавшегося по молодёжи. Ли пил вино из фужера, говоря очередной тост-посвящение Ии, её красоте и добродетели. Ии традиционно в своём роду не поддерживала алкоголь, но из большой

симпатии к Ли, всё же один раз пригубила бокал. Вместе с ними находился Хан. Лицо его сияло от чувства комфорта, удовлетворения и расположенности к своим друзьям. Он сидел в кресле и курил сирийский кальян, прищуриваясь на веселье молодых. Ии пыталась Ли, чтобы он рассказал, чем закончилась попытка Чоя его арестовать. Приняв плутоватое выражение лица, Ли валял дурака - то не мог понять, о чём его спрашивают, то говорил, что его мирно отпустили. Тут рассмеялся даже Хан.

- Много бы я отдала, чтобы посмотреть ваш бой, мистер Дервиш. Уж не говорю про Хана. С тобой следует подраться, когда ты допьёшь свою бутылку и будешь пьян.

- Лучший бой – это тот, который не состоялся, ваше Высочество, - слегка кривляясь и отбивая дурацкие поклоны смешил Ли, - Вы совершенно правы, что хотите меня побить. Только прошу подождать – когда я напьюсь до бесчувствия. Мне будет приятно вспомнить как меня била Принцесса.

Ии и Хан смеялись. Им так и не удалось узнать подробности этой заварушки.

Мастеру кружения по силам справиться с более ста силовиками. Два мастера, используя схему двух, будут уже справляться с семьюстами воинами. Схемы ведения боя описывают действия от одного бойца вплоть до отряда из тринадцати человек. В схемах интересен факт кружения мастеров в разных направлениях вращения. От этого противник, очень быстро приходя в страх и замешательство, попадает в мясорубку потоков боевого отряда. В тот момент рядом с Ли, незримо для других, находился один боевой мастер и его друг на траке Зевер. Как раз он и осуществлял кружение, создавая обратный вихрь для противника. Хотя никто не был убит, но количество сломанных носов, челюстей, рёбер и сотрясений мозга у силовиков впечатляло. Чой очень рассердился. Опыт не позволил ему сделать ошибку - приказать стрелять боевыми лазерами. В такой каше полицейские постреляли бы себя. Были бы жертвы. . .

Ли комично изображал отчёт Чоя Императору в его манере, метко выделяя его черты и слегка их преувеличивая. Веселье не отступало, пока Ии не попросила принести шахматы. Через пару минут служанка прикатила на тележке большие шахматы из слоновой кости на перламутровой доске. Ии очень хотелось хоть в чём-то выиграть у этого хитреца Ли. Такая игра велась ими ещё с допотопных времён. Она надеялась, что шахматная подготовка, соответствующая уровню мастера, даст ей лёгкую победу. Здесь Ли согласился стать её

оппонентом, немного поломавшись для веселья. Раньше Ии училась у русских шахматистов, начиная с Нимцовича и гениального Алёхина, которые оставили в трудах ясно изложенную теорию позиционной игры. Потом навыки ей оттачивали нанятые отцом мастера. Ли в первой же партии разбил все устойчивые стереотипы. Сделал он это как-то несуразно, и особо не напрягаясь: отдал центр доски Ии, которая очень стремилась его занять, следуя выученным канонам, а потом растащил по флангам, атакуя её пешками в подкреплении с лёгкими фигурами и ладьями, занимая вертикали с тыла. С разных флангов, поочерёдно изменяя атаку с одного фланга на другой, он раздвоил её внимание. После этого он эффектно завершил партию в центре, где neroкированный, перегруженный своими фигурами король, получил изящный мат конём - единственной фигурой, способной достать его из этой бестолковой брони защищающих его фигур.

Посчитав эту партию случайной ошибкой, Ии потребовала следующую. Лукавая тень улыбки появилась на лице Ли. Фужер японского семилетней выдержки никак не повлияли на его концентрацию. Изображая из себя жертву, которую принуждают к игре, он начал партию белыми гамбитом королевской пешки. Заманив атаку развитых чёрных фигур на ферзевый фланг, он вдруг создаёт такую же ситуацию на том же фланге соперника, заставив слона Ии сойти с главной занятой диагонали, оказавшейся впоследствии ключевой. В результате получилась позиция с дикой игрой, либо с отступным вариантом, после которого у Ли появляется сильная проходная пешка и позиционное преимущество. Ии вынуждена принять непредсказуемую дикую игру. Каждый очищает от вражеских фигур тыл соперника, действуя там в основном ферзём. Тут Ли как будто вспоминает про основную цель шахмат, и перемахнув ферзя на другую сторону доски под угрозу мата, вводит на фланг соперника, где была дикая игра ферзём, коня, у которого перспектива съесть одну за другой вражеские фигуры в дикой игре на один ход вышла длиннее, чем была до этого у ферзя, не потеряв при этом темп, заставив соперника защищаться от мата. В результате у Ли появилась лишняя фигура. Через пятнадцать ходов, не избежав выгодных для Ли разменов, Ии пришлось сдаться.

Ли захотел вывести Ии из ловушки её азарта и амбиций. Вовремя положенная ей на плечо рука Хана охладила жар неуёмного азарта. Она вышла умыться холодной водой, повесить концентрацию, но вдруг вспомнила о мече мысли, который у мужчин, якобы, силь-

нее, о чём говорил Хан. Это не задело её самолюбия, и со свежей головой она уселась играть третью партию. Ли перестал отпускать шуточки и расфиксировал внимание, сделав первые четыре хода совсем не думая. Получилась русская партия. Через девять ходов Ли пожертвовал ферзя и закончил вечным шахом конём, обозначив ничью. Было очевидно, что тёртый калач Ли, постарался разрядить эту ситуацию для Ии. Она успокоилась и протянула ему руку. Тот нежно её поцеловал.

Волшебная музыка души. «В который раз он её во мне включает? - подумала она, - сколько раз я была за ним замужем, сколько раз я становился её мужем? Волшебная сказка продолжается, и мы её беспрестанно создаём». Незнакомая и, в то же время, знакомая нежность женщины проснулась в ней. . . В эту ночь она получила то первое состояние в каждой новой жизни, которое на многих языках называется «стать женщиной». Она в сотый раз получила в мужа саму себя. Карта Таро, описанная тем романтичным русским, всю жизнь искавшим своё Чудесное более четырёхсот лет тому назад, не обманула. «Я увидела в нём всего себя, отраженным, как в зеркале. И мне казалось, что я сама смотрю на себя из его глаз», - изменяя родовые окончания местоимений под себя воспроизвела девушка, в которую тысячу лет назад влюбился шахиншах, назвав своей Фирузе.

ЭПИЛОГ

Спустя 5 лет Ии закончила свою ступень по шкале осознания и XV уровень обучения Технологии визора. С Ури вернулся король Маик, отец Ии, он же Блемо в прошлой жизни. Он созвал во дворец могучих духовных существ цивилизаций Инь и Ян. Ли, Ии, Хан, Зевер (в прошлой жизни – езид Яро). О чём они совещались – в подробностях сказать трудно, но после этого они стали одной командой. «Команда имеет склонность знать, что делают и о чём думают другие члены команды, и координировать свои действия с этим и посредством этого. Это и есть определение команды: Это люди, которые сотрудничают друг с другом ради достижения общей цели. И обычно они великолепно ладят друг с другом», - когда-то в какой-то жизни написал отец Ии. Маик обучался Технологии администрирования. Одно из данных этой технологии было наличие семи опорных точек организованной команды. У них было шесть. Шестым был Чой, но он ещё не знал об этом. Остаётся найти седьмого и открыть глаза

Чою, и команда Жизни будет полностью готова атаковать группу Смерти.

Хорошую Игру привёз король Маик...

Авторский глоссарий

Глоссарий составлен автором, исходя из его собственного понимания смысла проясняемых слов. Некоторые проясняемые слова – новые и введены автором (помечены словом «авт.»), либо имеют толкование в рамках данного рассказа (помечены словом «здесь»).

** - отрывок из книги русского оккультиста, философа, теософа, таролога, журналиста и писателя П.Д. Успенского «Новая модель Вселенной», гл. 5 «Символика Таро», описание карты «Маг».

Аватар – с санскрита - реинкарнация, явление, воплощение, тот, кто нисходит. В более общем смысле - проявления божественной сущности. Источником (нисхождения божественной сущности) идеи аватара является Индуизм.

Аспекты — это особые градусы, возникающие между планетами относительно Земли. Планеты вращаются с разной скоростью примерно в одной плоскости пространства. В результате этих планетарных движений, видимых с Земли, между планетами образуются различные углы, измеряемые в градусах, минутах и секундах. Представьте, что Земля находится в центре круга. Затем представьте линию, проведенную от двух планет к Земле так, чтобы она была вершиной угла. Количество градусов между двумя линиями, соединяющими две планеты относительно Земли, образует угловые отношения — аспект. В астрологии они имеют трактовки, относящиеся к разным сторонам жизни человека.

Виденье – особая форма восприятия, присущая духовному существу; восприятие реальности «как есть», которая может существенно отличаться от традиционной, воспринимаемой пятью чувствами.

Визор (авт.) - человек, который обучен помогать людям измениться к лучшему с помощью визор-процессов — точных наборов вопросов или команд, с тем чтобы помочь этому человеку найти причины душевных страданий, познать свою духовную природу и предназначение, повысить свой уровень осознания. Визоры, в зависимости от степени их обучения, могут обладать множеством различных визор-процессов. Каждый из них улучшает или восстанавливает какую-либо способность человека. Суть визорской технологии в том,

что в ней разработаны именно те вопросы и команды, которые непосредственно связаны с духовной стороной человека. Вопросы и команды визор-процесса направляют внимание человека, помогая ему увидеть и подробно рассмотреть определённую область своей жизни. Разные люди найдут там разные вещи, в зависимости от их личного прошлого опыта. Но независимо от этого опыта, человек не только находит свои разрушения, но и выявляет их источник и причину в самом раннем прошлом. Таким образом, человек устраняет всё, что его сдерживает и уменьшает его способности, обретая счастье и большие возможности, включая вечную жизнь. Визор-процессы — это не ассоциативные блуждания по иллюзиям. Они разработаны для точного применения, чтобы достигнуть конкретной цели. Чтобы стать визором, нужно пройти визорское обучение. В начале XXIII-го века Блемо разработал визорское обучение до XXV-го класса.

Дервиш - мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма. Согласно учению, истину можно понять, только находясь в состоянии единства с Богом. Такое единство, можно достичь, в том числе, через танец-медитацию, который при длительном кружении позволяет войти дервишу в трансное состояние. Во время такого мистического полета, дервиш обращает одну руку к небу, другую к Земле, создавая собою некий мост для передачи божественной энергии. Считается, что своим кружением дервиши символизируют вращение планет вокруг Солнца или вращение душ вокруг Бога. Кружась вокруг своего сердца, дервиши наклоняют голову вбок, прижимая при этом сонную артерию, дабы быстрее достичь экстатического состояния, которое называется Ваджд, Все действия танца пропитаны глубочайшими смыслами, как и полагается суфийскому учению.

Змея, кусающая свой хвост - символ имеет множество различных значений. Наиболее распространённая трактовка описывает его как циклическую природы жизни: чередования созидания и разрушения, жизни и смерти, постоянного перерождения и гибели. Для духовного существа этот символ имеет значение ловушки, в которую попадает свободный дух. Символ имеет богатую историю использования в религии, магии, алхимии, мифологии и психологии

Колючка (здесь) – маленькое шарообразное металлическое изделие, состоящее из множества пропитанных ядом игл. Стало популярно воинами XXIII века после запрета властей носить оружие. Колючку воины вплетали в конец длинной маньчжурской косы для нанесения смертельных повреждений противнику.

Ложная личность (здесь) – личность другого существа, принятая человеком, по каким-то независимыми от него скрытыми мотивами. Под воздействием определённого набора внешних факторов, зависимо или независимо от воли человека, ложная личность может в какой-то момент взять управление и вести себя в соответствии с присущей ей шаблонным поведением. У одного человека может быть очень много ложных личностей.

Маг (здесь) - имеется в виду персонаж, символично обозначенный картой «Маг» и соответствующий её описанию, - см. выше **.

Межгалактическая конфедерация Мабуис (МКМ) (авт.) – сообщество обитаемых планет с разных галактик, созвездий и звёздных систем, имевшее ранее Единый Центр Управления (ЕЦУ). В МКМ входили планеты и её обитатели с разными идеологиями и подходами к выживанию. Имея свободно-демократический подход, ЕЦУ эффективно выстраивала линию управления в интересах большинства представителей позитивных идеологий. Но потом неизвестные скрытые силы смогли внести раскол и разожгли настоящие войны между представителями разных идеологий. Начались уничтожительные войны. Погибали планеты и идеологии. К XXIII веку по летоисчислению планеты Земля остались три идеологии. МКМ, сохранив название, перестала существовать как сообщество, и сохранила смысл лишь в обозначении области пространства существования планет в неё входящих.

Мокап (здесь) – первая фаза создания реальности; проект индивидуума, существующий в иллюзии индивидуума.

Найманы - средневековый кочевой центральноазиатский народ.

Намасте – приветствие, жест, с санскрита переводится как «поклон тебе», так как слово «намах» означает «поклон», а «те» - «тебе», - преклонение с уважением, почтением и готовностью открыться и служить человеку, которого приветствуем.

Наркоболовой гипноз – гипноз с воздействием на человека наркотиков и боли. В результате этих 2-х одновременных факторов человеку можно внушить и запрограммировать любой образ действий, в т.ч. аморальный. При этом человек впоследствии не будет знать, помнить и догадываться об истинной причине своих неосознанных действий.

Паук (здесь) – так в XXIII веке стали называть интернет.

Постулат (здесь) – решение, созданное духовной составляющей человека. Например, человек создал постулат: «Сегодня будет солнце». Постулаты всегда работают по определению.

Хунхузы - члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии. В широком смысле — любой преступник, промышляющий разбоем. В XXIII и XXIV веках в этих местах после разрушения старых империй стали появляться бродячие преступники, организовываясь в семьи и банды вне закона. Некоторые из них деградировали до уровня животных.

Шахиншах - древний персидский монархический титул, приблизительно соответствующий европейскому титулу императора. Позднее в этом значении стало более популярным слово «падишах».

... ∞ ...

Алексей Ханькин

рассказ

«Н_живой мир»

Уважаемый гражданин номер 230321. Напоминаем Вам, что в ближайшее время настоятельно рекомендуется посетить центр роботизации с целью согласования дальнейших вопросов по преобразованию вашего тела в передовой механизм по новейшим технологиям. Если в течение суток с момента прочтения данного письма Вы дадите согласие на оцифровку вашего сознания, мы предоставим ближайшим родственникам фрагмент Вашей кожи на память.

С наилучшими пожеланиями, Торуа & Klark company.

Презрительно хмыкнув, Граф отправил полученное электронное письмо в корзину.

Уже не первый месяц ему предлагают пройти роботизацию, как уже сделали немало его бывших друзей. Сейчас назвать их кем-то более, чем знакомыми язык попросту не поворачивался. Когда человек возвращался после проведения над ним неизвестных процедур, был он, на первый взгляд, тот же, что прежде.

До тех пор, пока не откроет рот.

Речь кукол (именно так их привыкли называть противники роботизации) была неестественной, монотонной, без единой паузы, словно менялось само сознание, и все человеческое в них умирало.

Взамен человек получал бессмертие. Телесное и духовное. Компания давала гарантию на бессрочную поддержку программно-мозгового центра и, в случае неисправности, быстро провести диагностику и исправление неполадок. Плата за это была небольшой – бесплодие.

Компания предусмотрела проблему перенаселения, а потому жесткие меры контроля численности не заставили себя ждать. Роботизированная семья имела право на основании данных личности родителей сгенерировать модель вечно молодого ребенка, которого можно

в любое время сдать в утиль и получить другого, измененного характера или возраста.

– Бесчеловечность. – Граф посмотрел в окно. Там, на улице, со стены соседнего дома куда-то в неизведанное, пустым взглядом смотрела роботизированная модель с разного рода чипами памяти в руках – новая реклама какого-то туроператора: «Посети все уголки вселенной не вставая с кровати всего за две тысячи коитов!»

Коиты, как валюта, предназначенная исключительно для роботизированных, стремительно снимала из оборота привычные для человека деньги. Предполагалось, что так обществе еще быстрее перейдет к бессмертию. Но не всё было гладко.

Зашторив окно старой желтой тканью, которая походила скорее на лохмотья, чем на занавески, мужчина побрел на кухню. Открыв старый холодильник и недолго попялившись на пустые полки, он взял одно из немногих оставшихся банок с дешевым пивом и побрел обратно в спальню. Плюхнувшись на диван и открыв поллитровку, Граф вновь прокрутил в голове всё, что происходит вокруг.

– Вымру, но не дамся! – пригрозил мужчина плакату за окном.

Пиво кончилось быстро, а сытость не спешила туманить мозг. Торговец провиантом придет к вечеру, он всегда приходит обменять что-нибудь на съестное. Неизвестно, откуда достает продукты, ведь куклам они не нужны, а людей все меньше, но всегда еда была на удивление свежей.

Желудок не унимался, а алкоголь только еще подогревал желание поискать что-нибудь съестное. Проклиная неживых бессмертных, Граф поспешил обратно на кухню.

Медленно достав из полупустого навесного шкафа заряженный не самым законным веществом шприц, мужчина, едва перебирая от голода ногами, поспешил обратно. Его терзали сомнения в необходимости принятия наркотика. Тем более покупать теперь приходилось дешевый аналог, и ждать от него можно было чего угодно.

- Чутьочку забыть о проблемах. . .

Медленно вводя под кожу тонкую иглу, Граф закрыл глаза.

Перед ним на полу сидело нечто, неясное, темное, сливаемое с полумраком черно-белой комнаты. Они смотрели друг на друга, спокойно ожидая, когда кто-то сломается, заговорит, скажет слово и проиграет. Проиграет, и тогда победитель заберет всё. Всё, что осталось среди развалин человеческого мира. Мира, который, как все думают, желает победить смерть.

– Ты готов? – едва разборчиво заговорило нечто.

– К чему? – спросил он.

– Стать самим собой. – нечто сделало выжидающую паузу. – Посмотри вокруг: живешь в грязной квартирке в полном одиночестве. Избегаешь контактов с роботизированными, сходишь с ума от передоза и всё ближе подступаешь к порогу смерти... Не страшно?

– Не страшно жить. Страшно стать куклой.

Нечто засмеялось.

– Это не твои слова. Это паразит, живущий внутри тебя, что пожирает, обгладывает сами кости, оставляя лишь оболочку прежнего тебя, а я, мы поможем, сделаем легче. Хочешь ты того, или нет.

Он не ответил. На том, что сидело напротив всё четче и четче прослеживались очертания лиц тех, кто когда-то был его друзьями, семьей. Сейчас все это менялось, преображалось, на натянутой на мясо коже появились эмоции: гнев, сострадание, презрение, ненависть. Все они смотрели на мужчину выжидая чего-то.

– Большая ошибка думать, что жизнь — это паразит. Я не отступлю.

– Жаль, что такой умный индивид оказывается несуразной ошибкой. Никому не нужна сломанная игрушка, с которой даже новорожденное чадо не возжелает играть. – Нечто перешло на крик. – Твои слова – ошибка. Мы, и только мы говорим, что делать правильно, слушай нас, делай как сказано и не иди против нашей воли. Делай правильно, и мы примем даже такого, как...

Нечто не успело договорить. Закрыв уши, Граф вскочил с места и поспешил к окну.

– Нет, нет, нет... – закричал мужчина, - вам не получить меня, я другой, я не вы, я останусь собой!

Открыв окно, он сделал шаг вперед, туда, где нет тверди под ногами.

Тишину прервал телефонный звонок.

– Здравствуйте мой идентификационный номер 230321 я хотел бы приобрести ваш новый комплект чипов для путешествия и по возможности оформить подписку на последующие обновления спасибо.

ААКХ

Кристина Акопян

https://www.instagram.com/slobada_sigizmundovna?r=nametag

рассказ

«ОТТОГО И ЗВЕЗДЫ ТАК СИЯЮТ»

Где-то в далекой-далёкой галактике, высоко-высоко в небе темном, родились две звезды. В один галактический день с разницей несколько галактических часов появились на черном полотне и сияли, как очи влюбленной девицы. Звезда, которая появилась раньше, назвала себя “Первая”, а вторая назвала себя “Вторая”, конечно же, у них были и земные имена, но им это было не важно.

- Добро пожаловать в галактику, звезда! — сказала Первая звезда. — Как тебя зовут?

- Меня зовут Вторая, ведь я появилась после тебя, — ответила Вторая звезда.

- Мы самые близкие друг к другу звезды в окрестностях, поэтому должны держаться рядом и ярко сиять, иначе путники могут заблудиться.

- Ну, тогда расскажи о себе, Первая, и что ты видела, пока меня не было в нашей галактике? — спросила Вторая звезда.

- Много чего интересного. Например, смотри на Землю, видишь? — показала Первая звезда пальцем на самую большую страну на планете Земля по имени Россия. — Там на траве лежит маленькая девочка по имени Анна и мечтает поскорее вырасти.

- Ахаххаа! — удивленно посмеялась Вторая. — Какая глупышка. Кто же о таком может мечтать, ведь чем быстрее вырастит, тем быстрее исчезнет с земли?

- На Земле не исчезают, Вторая, на земле умирают. После того, как человеческое сердце перестает биться, другие люди его хоро-

нят. Это когда роют яму и аккуратно кладут тело в ящик. Потом засыпают землей, чтобы тело не тревожил никто.

- Как же это грустно. Они, наверное, страдают, те, кому придется это делать? — спросила Втораяя.

- Они грустят из-за утери близкого и любимого человека. Ведь люди рождаются, чтобы любить. — ответила Перваяя.

Втораяя улыбнулась Земле. Ей так хотелось подойти ближе, чтобы все-все увидеть, но, увы, было нельзя: место Второй уже предрешено темным небом.

- Перваяя, давай заглянем в будущее Анны и посмотрим, может, действительно ей нужно спешить расти?

Втораяя была слишком наивной и молодой.

- Давай лучше посмотрим, о чем девочка мечтает, ведь будущее — это мечты, Втораяя.

- Ну как так, разве могут мечты показывать будущее?

Втораяя звезда была сильно удивлена такому открытию, ведь звезды могли смотреть и в будущее, и в прошлое.

- Зачем смотреть на мечты, если мы можем смотреть в ее будущее? Это знает любая звезда, — сказала Втораяя.

- Понимаешь, жизнь на Земле строят мечты. Посмотри, сколько всего есть там! Люди летят к нам и возвращаются обратно, опускаются к рыбам и поднимаются. Находясь на разных континентах, они при помощи оружия уничтожают друг друга. Это все мечты. Об этом они мечтали.

Мудрая Перваяя опустила глаза на Землю. Она смотрела с грустью, но с надеждой.

- Зачем мечтать лететь к нам? Или к рыбам спуститься? Какой в этом толк?

- Любопытство — это то, что отличает землян от жителей других планет. Как, например, ты захотела посмотреть в будущее девочки.

- Разве на других планетах кто-то есть? Посмотри, там пусто!

Втораяя огляделась: действительно, не было людей ни на одной планете.

- Именно, больше нигде нет существ похожих на них, но они пока в этом не уверены и сравнивают себя с несуществующими. Давай покажу тебе мечты девочки Анны!

И Перваяя показала. Девочка мечтала скорее вырасти, потому что ее мама болела. Анна думала, что став старше, она сможет быть полезной отцу по дому или заработает денег, чтобы излечить маму.

- Я попробую угадать ее будущее с таким мечтами: она выраст-

тит, станет владелицей бизнеса и у нее будет много денег. Так она поможет маме и оплатит всех врачей. Угадала?

- А что это за мечта “заработать много денег”? Как думаешь, Вторая?

- Думаю, это работа с высокой зарплатой.

Вторая замолчала, прервав себя. Она становилась мудрей каждую минуту. Поняла, что не так с этой мечтой.

- Ты задумалась? - спросила Первая.

- Мне кажется, я знаю, почему эта мечта не сделает ее счастливой.

- И почему же? — спросила Первая, конечно же, зная ответ.

- Потому что она думает не о своей жизни, а о жизни других. И да, что это за мечта такая “заработать много денег”?! Деньги приносят счастье, если способ заработка приносит радость.

Вдруг Вторая прозрела, ее глаза открылись шире.

- Первая, мы должны ей помочь найти мечту для себя.

- Например, вчера Анна написала стихи своей маме. Она была такой счастливой пока писала, потом, когда читала. Может, она будет мечтать писать? — предложила Первая.

- А почему она сейчас об этом не думает, пока лежит и смотрит на нас с Земли?

- Хммм, давай посмотрим, — предложила Первая.

И они взглянули.

- Ну как, вам понравились стихи? — спросила Анна после того, как дочитала маме и отцу стих про счастливое будущее.

- Да, молодец! Кто написал стихи, Анна? — спросил отец, сидя перед ноутбуком. Он смотрел видео о домашнем лечении рака.

- Я же сказала, когда начала читать стихи, что я автор.

Анна поняла, что ее никто не слушал.

- Хорошие стихи, дочка. Спасибо, мне понравились, — сказала мама Анны довольно вяло: сегодня она чувствовала себя хуже, чем вчера. А вчера еще хуже, чем позавчера.

Мама Анны уже как неделю была дома после долгого лечения. Анна не знала, почему ее отправили домой, не долечив в больнице, где она провела полгода.

Анна посмотрела еще раз на отца, он же не смотрел на нее, так как был в наушниках.

Анна подумала: «Им не до меня, у нас есть проблемы посерьезнее, чем мои стихи. Надо перестать их писать, а думать, как заработать денег» .

- Эх, бедная девочка и бедные родители! Первая, вот ты говорила,

что мечты создают будущее, но разве родители Анны мечтали о страшной болезни? За что они наказаны?

- Они не наказаны, Вторая. Болезнь — это природа, никто над ней не подвластен. Люди болеют либо из-за глупости, либо из-за жадности. Бывает, во всем причина природа тела.

- Я вижу ее несчастной, — сказала Вторая. — Хочу что-нибудь для нее сделать. Пусть она вырастит счастливой. Звезды на небе рождаются, чтобы показывать верный путь к мечте.

И Вторая решила применить свою звездную силу. Она закрыла глаза и мысленно отправила на Землю, в страну по имени Россия, девочке Анне волшебную силу мысли. Эта сила прошла сквозь часы, дни и годы, увидела много опасностей на пути к Анне, столкнулась с небесными камнями. Однако ничего не может противостоять силе мысли, ничего. Когда сила дошла до Анны, прошли годы, ведь на земле время течет быстрее, иначе, чем во всей галактике.

И вот взрослая уже девочка Анна вновь лежит на траве, на том же самом месте под звёздами и смотрит на те самые звёздные глаза в черном небе. Сила нашла Анну, и ее мысли изменились.

У Анны уже не было мамы, а у папы была другая жена. Не плохая, просто другая. Ей в этот миг больше не хотелось скорее вырасти и заработать денег, она захотела добежать до своего стола, достать блокнот и писать, писать, писать. Деньги ей уже были не нужны.

- Пока твоя сила дошла до Анны, она уже выросла, Вторая. Но ты сделала правильно. Люди, взрослея, могут не менять свои мечты и цепляются за них даже если это уже не их мечта, — похвалила Первая Вторую.

- Так жаль, что на Земле время течет быстрее. Как они успевают жить?

- Так же как и мы. Спустя два галактических дня и нас не будет, сначала исчезну я, потом ты.

- Скоро Анна достигнет мечты, но по пути у нее будут много сложностей, ведь моя сила мысли тоже не легко дошла до нее.

- Как интересно люди живут на планете! У них такое обилие чувств и эмоций, — с любовью сказал Первая. — Им дано создавать пары, производить людей на свет.

Первая вспомнила, как недавно слышала разговор двух друзей-моряков в Атлантическом океане.

- Послушай, ты когда-нибудь думал о звездах? — спросил один другого, глядя в сумрачное небо. — Еще не ночь, а они уже сияют на сером небе.

- Так грустно и радостно одновременно смотреть на них, правда? — ответил другой друг. — Они такие красивые и такие одинокие. Посмотри, как далеки друг от друга. Им очень одиноко в темной холодной галактике.

Первая звезда задумалась об этом. Разве ей самой одиноко? Разве вокруг холодно? Конечно, нет. Одиночество не зависит от того, какая температура вокруг, и кто вокруг. Они, звезды, имеют миссию во вселенной. Они родились, чтобы смотреть за планетами и существами на них, чтобы помочь им находить ориентир в пустыни, пути в морях и дорогу по жизни. Звезды дают людям надежду, осуществляют задуманное, вселяют силу мысли тогда, когда они нуждаются в этом. А когда не нуждаются, звезды просто следят за ними, смотрят в их будущее и улыбаются.

- Нет, звёздам не одиноко, не холодно, звезды рождаются, чтобы вы жили счастливо, — Первая подумала вслух, но не прервала свою речь. — Ты знаешь, Вторая, люди — удивительные существа. У них столько мыслей одновременно, они так быстро думают и принимают решения. Они все время ищут силы во вне, молятся богам, чтобы Бог дал им силы перебороть все сложности. Принимают неподобающую пищу для сил, однако, как они наивны искать все вокруг, когда сила у них внутри. Они рождаются уже необычайно сильными духом и умом, становятся сильными телом. Они самые разумные существа в галактике, но думают, что силы могут кончиться, как, например, вода в графине.

Первая не понимала, даже с высоты своей мудрости и лет, как люди теряют свою силу. Ведь человек может все, все, что он захочет. Человек может свернуть горы при желании. Но часто человек хочет то, что ему не принадлежит.

- Люди принимают чужие мечты за свои, тратят силу и энергию для их достижения, однако опускают руки на полпути либо, достигая, не обретают счастья.

- Но почему? — спросила Вторая, хотя она уже понимала почему.

- Потому что чужая мечта не принадлежит тебе. Просто человек наполнен странным чувством, которое называется зависть.

- Зависть?

- Зависть! Это такое чувство, как, например, если бы ты захотела занять мое место в галактике.

- Какая ерунда. Зачем мне занимать твое место, оно ведь твое? И какая разница, где я, главное — кто я и зачем я здесь. Человеку тоже нужно это понять, тогда он не будет чувствовать зависть, не

будет гоняться за чужими мечтами, а будет стремиться достигать свои цели. Он станет счастливым. Когда ты делаешь то, что твое от сердца, ты не можешь быть несчастным.

- Человек и так счастливое существо. У него для этого есть все: руки, ноги, голова, глаза. Глаза, чтобы видеть все красивое, также видеть и не красивое, чтобы сделать красивым.

- Но ведь не все люди рождаются с глазами, или не у всех есть две ноги или руки, — заметила Вторая. — Как мы можем им помочь?

- Не важно, сколько рук или ног у человека, у него такой сильный дух, что он обретает нечто важнее, чем конечности. Когда человек лишается чего-то одного, он получает взамен обязательно что-то больше. Просто он этого не видит или видит не сразу. Зоркие ли у него глаза, тоже не важно, Вторая, у него такое зоркое сердце, что часто глаза ему мешают. Вот, например, посмотри на ту молодую девушку, — сказала Первая и показала на Землю.

Далеко-далеко на Земле, в стране по имени Аргентина, у открытого окна стояла девушка по имени Тереза.

- Кажется, она о чем-то задумалась, — сказала Вторая. — Послушай, как ее сердце быстро стучит, может, она спешит куда-то? У нее закрытые глаза, может, она слушает сердце?

- Я же говорила, глаза только мешают, сердце нужно слушать с закрытыми глазами, тогда ничего вокруг тебя не обманет.

- Давай заглянем в ее будущее, посмотрим, к чему она так спешит, — предложила Вторая.

Звезды попробовали посмотреть в будущее Терезы, но не смогли, там не было ничего — темнота.

- Решение еще не принято, поэтому будущего еще нет. Тереза обязательно примет верное решение. осмотри, как она слушает внимательно себя, — сказала звезда Первая.

В это мгновение Тереза открыла глаза и посмотрела на небо, прямо на Первую и Вторую. От такой неожиданности две звезды даже вздрогнули.

- Может, она нас слышит? — спросила Вторая.

- Думаю, она нас слышит, — подтвердила Первая. — Разве это не чудо, говорить с людьми?

Молодая девушка Тереза в этот вечер стояла перед важным решением — завтра должна была состояться ее свадьба с молодым человеком. Тереза не знала, как сильно она этого хочет. Ей казалось, это любовь, но сомнения заставили её задуматься. И чтобы принять верное решение, молодая девушка Тереза сконцентрировалась слу-

шать свое сердце. И вот, стоя с закрытыми глазами, она слышала разговор двух звезд наверху, далеко на небе. Услышала, что звезды не видят ее будущее, пока она не примет решение. И она, Тереза, решила не принимать решение, если в сердце есть сомнение.

...∞...

Евгения Ерофеевко

рассказ «3086 год»

Ли-я несла каплю воды на предметном стекле. Зацепившись за край металлического стола, покачнувшись, стекло выскользнуло из ее рук.

— Дзинь!

Все три инженера находившееся в лаборатории повернули головы.

— Ли! Что ты наделала! Это была последняя капля воды!— с нескрываемым гневом воскликнул Ру-т. — Как теперь мы сможем синтезировать воду без чистого образца?!

— Я не хотела, простите меня, я сожалею не меньше вашего!

— Что теперь с нами будет? Что я скажу своим детям? — прошептала Са-я. — они ждали меня сегодня с надеждой напиться! — и две слезинки выкатились из ее глаз.

Все замолчали, только потрескивание фиолетовых ламп нарушало тишину. Изнеможенные, люди-тени, уставшие каждый день бороться за выживание на этой уже мало пригодной для человечества земле. Истощенной бесконтрольным потреблением ее ресурсов.

В 3058 на всей планете перестали идти дожди, за 20 лет высохли все моря и океаны. Лед Арктики растаял. Все растения без влаги погибли. Ранее цветущая Земля начала превращаться в пустыню.

Старушка планета сдавала на глазах: вместо буйства нарядов из синих рек и океанов, вместо лазурного свечения морей, вместо переливов всех оттенков зеленого, хвойных и лиственных лесов, остались ядовитые цвета красного спектра выжженных обезвоженных пустынь.

Люди научились лечить почти все болезни, продлили жизнь до 200 лет, смогли искусственно изготавливать все продукты. Но для всего нужна была вода.

Вот уже восемь лет в лаборатории Ге-Ол занимались синтезированием воды из чистых образцов, увеличивая одну каплю в несколько

тон, которые могли хотя бы минимально покрыть нужды их маленького городка.

А теперь чистейшая H₂O испарялась на бетонном полу.

— Коллеги: Ли-я, Са-я, надо что-то делать! Мы не можем погубить целый город! Надо искать воду! Есть ли у вас какие-нибудь предложения?

— Не хочу давать ложных надежд, но мой десятилетний сын Кит, пытается сделать дронвод, для поиска подходящих жидкостей, но ему не хватает нескольких деталей, думаю если мы поможем, то через несколько часов аппарат будет готов. — скороговоркой произнесла Са-я.

Через полчаса инженеры обступили аппарат, который мог не только летать, но и распознавать воду над и под землей. Ученые высоко оценили умственный потенциал мальчика.

— Твой сын далеко пойдет Са-я, — уверенно заявил Ре-т, — Ты хорошая мать, воспитала умного и доброго ребенка, который хочет помочь не только нашему городу, но и всем Землянам!

Матери юного изобретателя были очень приятны, лестные отзывы ее коллег.

Уже к вечеру дронвод был готов к запуску. Волнение ощущали все, надежда затеплилась в сердцах ученых!

Для начала был задан малый радиус поиска: двадцать километров.

— К сожалению ничего, продолжаем работать дальше: расширяем радиус поиска до ста километров, — чеканя каждое слово, объявил Ре-т.

Минуты слились в часы, глаза инженеров устали от однообразного пейзажа на мониторе компьютера, а долгожданного сигнала об обнаружении воды не было. Красно-коричневая, растрескавшаяся земля, серые коробки бетонных домов, ни намека на зелень или воду.

— Расширяю поиск до двухсот километров, заряда донововода должно хватить — устало произнёс Ре-т.

Теряющие надежду люди обреченно смотрели на монитор.

— Ре-т, послушай, — подскочила с неудобного треного стула Ли-я, — если мы даже найдем воду за двести километров как мы туда доберемся?

—Пи-и-и-и — пронзительно стал заикаться дронвод.

— Ребята, он что-то нашел, снижаемся. — Радостно воскликнул Ре-т.

Обрадованные люди с нетерпением наблюдали точную посадку аппарата на подоконник старого одноэтажного кирпичного дома. Одинокое стоявшего среди пустыни. Дроновод отчаянно пищал, сообщая о своей находке.

Заглянуть в окно не удалось, жалюзи были плотно зашторены.

— Надо ехать, и как можно скорее, к завтрашнему утру у нас должна быть вода, иначе город умрет! — беспокойно бегая по лаборатории, говорила Са-я.

— Еще раз задам вопрос, на чем мы поедем?

— Да, в городе не осталось машин, они запрещены уже 20 лет, что бы не портить и без того плохую экологию на Земле! — напомнила Ли-я.

— У меня есть маленький электромобиль, я сам собрал — признался Ре-т, поглаживая свою аккуратно постриженную черную бороду, — очень технику люблю, не смог устоять, иногда гоняю, когда город спит. Но он маленький, вместится только два человека. Со мной поедет Ли-я.

— Понятно — протянула Са-я, и с улыбкой, и хитро глянула на свою подругу, которая не смотря на свой уже достаточно зрелый столетний возраст покраснела.

Горячий воздух, лихорадящей планеты, обжег горло. Быстро нырнув внутрь еще прохладного автомобиля Ре-та, путешественники молчали, проникшись моментом.

Загудел мотор. Ре-т внутренне ликовал: прокатиться на машине, целых двести километров, да еще наедине с той, о ком мечтал. Ночь, дорога, благородная цель, и симпатичная женщина рядом.

Выехали из города; фары их машины были единственным источником света на сотни километров. Горячий воздух проникал сквозь приоткрытые окна, лохматил волосы и создавал дополнительную динамику движения.

— Как ты думаешь Ре-т, откуда в том маленьком доме вода? И получится у нас ее взять у этих людей?

— Ли-я! Жаль, что ты только сейчас озвучила свои опасения! Возможно, нам понадобится оружие!

— Нет! Я против любого насилия, даже для такой прекрасной цели. Мы постараемся убедить этих людей поделиться водой! *Consilia omnia verbis prius experiri quam armis sapientem decet.* (В переводе с латинского - Мудрому следует все дела решать словами, а не оружием. Теренций) — воскликнула Ли-я

— *Care diem.* (В переводе с латинского: лови мгновение. Гораций)

) — совсем в другом русле подумал Ре-т, остановив машину.

— Что-то случилось? — Прошептала Ли-я.

Ре-т не ответил, притянув к себе, страстно поцеловал, почувствовав нежность и податливость губ.

Только через несколько минут Ли-я нашла силы оторваться от мужчины и тихо, но настойчиво сказала — Надо ехать!

Оставшуюся часть дороги ехали, молча, осознавая происшедшее. За восемь лет, работая бок о бок, боялись признаться друг другу в своих чувствах. А здесь... Наверное экстремальность ситуации подтолкнула Ре-я к решительным действиям.

Тусклый свет фар выхватил одинокий невзрачный каменный домик со старинной глиняной черепицей, чудом выжившей в веках. Похоже закалившейся несколько веков назад глине, пришлось по душе жаркое солнце.

Незванные, ночные гости нерешительно постучали в дверь.

Загорелся свет и на крыльцо вышла старушка: маленькая, сухонькая в белом балахоне и накинутой на плечи тряпиче, память подсказала название этой детали одежды: шаль.

— Доброго проживания, уважаемая! Просим прощения за поздний, неожиданный визит! — с достоинством произнес Ре-т. — Позвольте войти, мы расскажем о цели нашего дальнего путешествия к вам!

Старушка с неохотой пропустила гостей.

Ли-я, включив все свое обаяние и актерские способности, в красках рассказала о ситуации сложившейся из-за потери капли воды.

— И чем я могу вам помочь, молодые люди?

— Мы знаем, что у вас есть вода, и очень просим поделиться ею для спасения нашего города!

— А вы не хотите узнать, чего мне стоило иметь у себя воду?! — гневно спросила старушка.

— Бабушка! С кем ты разговариваешь? Кто-то хочет отобрать наш сад? — услышался детский голосок, и в гостиную вошла девочка лет девяти.

— Нет, что ты милая! Иди спи! — ласково отозвалась бабушка.

— Идемте со мной, хочу вам что-то показать! — старушка энергично поднялась со стула и пошла вглубь дома.

Гости последовали за ней. Открыв небольшую дверь, они попали в другой мир: запахи растений и влажное испарение земли ударили в нос. Стены, которые снаружи выглядели кирпичными, на самом деле были сделаны из стекла, и рассветное солнце осветило около

двух десятков низкорослых тропических растений, на которых висели плоды, а в центре находился резервуар, примерно метр на метр наполненный водой!

Посетители в изумлении не могли проронить ни слова

— Подождите, — улыбнувшись, заметила старушка — скоро пойдет дождь.

И в самом деле, через несколько минут из волокнистой белой ткани напоминавшей облака, пошел дождь. Редкие, крупные капли падали на зеленую листву. Воздух стал свежим и прохладным, ароматы растений усилились. У инженеров, непривычных к таким запахам закружилась голова.

— Как же вам удалось создать такой чудо-сад?

— Восемь лет назад, когда воду уже начали синтезировать, но еще не было таких жестких ограничений — начала свой рассказ хозяйка дома — я клонировала образцы семян растений, неприхотливых и дающих плоды. Экономя воду, тогда еще была жива моя дочь, а внучке Се-и исполнился год, и нам на троих полагалась по пять литров в день, а не как сейчас литр, мы собрали в резервуар несколько тон воды, на Гугл-карт нашли заброшенный дом, поселились, и разбили этот сад. Прочитав всю информацию о круговороте воды, решили попробовать сделать его искусственно. Конечно, не все сразу у нас получалось, были и грандиозные провалы. Но все же мы справились, и результат перед вами.

— А что случилось с вашей дочерью?

— Она заболела и умерла, до больницы далеко, мы не смогли ее спасти.

— Вы дадите нам воды?

— Дам, но с одним условием, вы привезете лекарства, я напишу какие, я уже стара, а Се-и еще ребенок, мне нельзя умирать, а с лекарствами я справлюсь, и смогу продлить себе жизнь на пару десятков лет, пока она не внучка не подрастет.

— Хорошо, мы достанем вам лекарства, хоть это и не просто.

Набрав три фляги чистойейшей, натуральной H₂O, довольные инженеры отправились назад.

— Ли-я, какое удивительное открытие мы с тобой наблюдали, ведь и мы можем сделать такой круговорот, но в гораздо больших объемах!

Счастливо улыбнувшись Ли-я и Ре-т обняли друг друга.

Денис Селиванов

<https://vk.com/id217894758>

<https://www.litres.ru/denis-sergeevich-sel/istoriya--63125667/>

рассказ «XXXI век»

XXXI вв. после рождества Христова 3001 год. На улице появился из неоткуда человек. Весь потрёпанный, от его одежды шло свечение искрами тока, вызванные телепортацией. Через три секунды свечение исчезло. Он старался оценить обстановку, осматривая всё вокруг. Он стал приводить себя в порядок, обтряхивать свою одежду, приводя свою причёску в должный вид. Направился с переулка, на улицу, он встретил прохожего в современной одежде:

- Извините пожалуйста, где Я нахожусь? – спросил он, незнакомца у которого одежда не отличалась, от тех что была в мире у нашего героя.

- Ты на планете Земля – ответил ему незнакомец с лёгкой улыбкой

- Спасибо конечно, но мне больше интересно, что это за место? – С нервозностью повторил человек

- Аааа... Нам говорили, что к нам придёт человек с иной эпохи. И как вам у нас? – уже с заинтересованностью ответил ему незнакомец.

- Что Я не понимаю, про что вы говорите какая ещё эпоха?... – становясь всё более раздражительным.

- Ой прошу прощение, вы похоже только, что прибыли. Сейчас Я вам объясню всё самое основное – незнакомец набрал больше воздуха, приглатываясь к своему монологу – Для начала меня зовут Святогор, ты сейчас находишься в России. Кстати, как тебя зовут?

- В России о чём это Вы говорите? Это не совсем похоже на Россию?! – с удивлением и уже с меньшей раздражительностью ответил человек. А вокруг летали автомобили, но среди «якобы» нетронутой природой. Чувствовался, что воздух был лесным, хоть это и был центр города.

- Я всё тебе сейчас объясню, для начала скажи, как тебя зовут, что бы читатели смогли, обращаться к тебе по имени.

- Какие читатели??? Вы про что вообще – в его голосе стало появляться агрессия

Глубоко, но при этом коротко Святогор вдохнул и выдохнул и спокойным, но при этом побуждающим на ответ спросил: -Как тебя звать?

- Семён – повинившимся голосом ответил наш герой

- Так вот Семён – Святогор снова глубоко вдохнул, чтобы начать свой монолог – давай начнём с конца?! – вопрошающим кинул свой взгляд Святогор на Семёна, на что тот удивлённо и смиренно дал согласие – Читатели – это все люди, которым интересно почитать про человека из прошлого. Которого к нам привела компания «Носфера».

Семён пытался перебить Святогора, но Святогор показал глазами, что бы тот дослушал его

- Эта компания приводит к нам людей из прошлого, чтобы показать предкам чего мы добились в новом мире. И да, у тебя правильно появился вопрос, мы твои потомки, а ты наш пра-пра. Как это компания находит вас Я не знаю т.к. мне просто это не интересно. Мне интереснее смотреть, как вы уживаетесь в нашем мире. То есть у нас появился тем самым свойский сериал, про вас, который заканчивается. . . . А не буду торопить события, будет интересно сам ознакомиться всём этим. Моя задача в том, чтобы ты более-менее был скоординирован на месте. Скоро за тобой должен прибыть представитель компании, они знают где ты появишься и уже давно выехали к тебе. А Я просто позабыл, что ты сегодня и в это время появишься, случайность, так сказать. И мне приятно будет тебе пожать руку. Так как не всем так просто выпадает такое шанс быть первым координатором на месте. Можно? – С лёгким волнением протягивая свою руку Семёну.

Семён же был растерян, но агрессии и нервозности уже не осталось, и с недоумением на лице, и полном непониманием машинально протянул руку на встречу – А какой сейчас тогда год?

Святогор подхватил руку Семёна начал жать её обоями руками, как будто ярый фанат популярной звезды, которому удостоилось эта честь – 3001 год от рождества Христова

- Чего – На лице Семёна на несколько мгновений появилась паника, удивление и страх вперемешку. -3001-ый год??? – уже немного отойдя от шока

- Да. Именно он – не переставая умилятся произошедшему Святогор произнёс – А ещё ты удивишься, но Я ...

Подъехал закрытый автобус

- ... О вот как раз к тебе приехали, не беспокойся и не бойся никто насильно тебя принуждать не станет

- О чём ты мне хотел рассказать? – с этими словами Святогор скрылся уже за углом

- Здравствуй Семён, надо было мне представиться. Меня зовут Ноомир, мы знаем, как тебя зовут и твою историю, поэтому тебя мы и выбрали. Не беспокойся или лучше сказать беспокойся, потому что успокаивание работает диаметрально противоположно, пока ты не начал задавать нам вопросы. Можно попросить тебя приложить большой палец на этот прибор.

Ноомир начал протягивать металлическую коробку, которая уместилось у него в руке. С местом для отпечатка большого пальца.

- Для чего это вам?! – испуганно и в агрессии сказать Семён.

- Эта коробка возьмёт твоё ДНК, но не переживай без твоего согласия ДНК брать и тем более использовать не будем. Это нужно лишь для того, что бы в конце нашего экскурсии. Мы могли вернуть обратно в твоё время либо клона, если ты захочешь здесь остаться, либо вернуть тебя, и опять же, в этом случае, либо ты не будешь помнить того, какой ты тут путь прошёл и нам нужна будет именно с этого времени твоё ДНК, либо ты вернёшься с полным набором всех знаний, который тут получишь.

Семён успокоившись и заинтригованно приложил палец к коробочке. Взято был отпечаток и кровь с пальца. Сразу же обработано и кровь после снятия с коробочки не кровоточила. Семён успел лишь немного шикнул от боли.

- И что теперь – поинтересовался Семён

- Проходите со мной в машину и поедем к нам в лабораторию – Ноомир повернулся боком развернул корпус тела с открытой ладонью и немного наклонённой головой приглашая в машину

- А как же ответы на мои вопросы?!

- Всё будет по пути, ты ... надеюсь на ты можно общаться с Вами?

- Да пожалуйста.

- Ну так вот ты можешь в любой момент мне задавать вопрос Я постараюсь тебе ответить на любой, максимально открыто и честно

- А тогда можно в магазин, перед тем, как в лабораторию поехать? Я просто хочу поесть.

- Хорошо. Святослав доставь нас в мульти магазин – Ноомир обратился к водителю

Водитель лишь кивнул головой

- И что теперь, Я здесь – Ответил Семён – Для чего Я тут?

- Мы отбираем людей из прошлого, чтобы оценить на сколько наше общество способно влиять на людей, у которых манера поведения и образ жизни диаметрально противоположен от нашего и на сколько они могут ужиться в нашем мире. Неужели человеческая сущность из прошлого не способна переключиться из уничтожения всего живого (в том числе не подозревая, что само-разрушается при этом) на созидания и контроля баланса на планете.

- И какие выводы вы уже имеете?

- Что в человеке это не заложена программа самоуничтожения, это лишь защитная реакция на раздражители из вне. . .

- И что же это за раздражитель такой? – Перебивая спросил Семён.

- Не поверишь, деньги.

- Чего??? Разве у вас нет обмена между людьми?

- Есть, но не такой какой был у вас.

- Ну как это не назови это всё равно деньги получаются?!

- Нет, поверь у нас духовный обмен

- Каааак!??? Какой? Духовный? Даже в фильме «ВРЕМЯ» где люди расплачивались своим временем друг с другом, это всё равно эквивалент денег же?! Или как?

- Семён ты у нас не первый задаёшь этот вопрос, уже 8 сезонов прошло и каждый задавал этот же вопрос. Но смею тебе переубедить, у нас нет, не какого эквивалента денег. Вот, как раз подъехали в магазин, пошли всё сам воочию увидишь.

Семён мягко сказать ошарашен, но ему стало очень интересно, и он как маленький ребёнок побежал по скорее в магазин. Встал у торговых рядов, которые первые из них были с едой абсолютно различного формата начиная от выпечки до различного рода ресторанных блюд, правда последних было меньше. Они были в камерах, где сохранялась их свежесть. А рядом были столики для приёма пищи. Но не было не одного ценника. Как не пытался Семён найти, даже пролил пару блюд на пол, но не где не нашёл. А зашедший Ноомир со Святославом принялись прибирать грязь, что развёл Семён. Тогда Семён не выдержал и спросил консультанта:

- Скажите мне пожалуйста, где тут ценники за товар и сколько всё это стоит?

Консультант немного опешил, но увидев Ноомира и Святослава в форме «Открытого общества» (так называли в простонародье компанию «Ноосфера») с зелёными вставками в одежде, понял, что это временной гость, и на лице появилась лёгкая улыбка и начал спокойным голосом отвечать:

- Не переживайте, как Вас зовут. . .
- Семён – не успев открыть рот Семён ответил за него Ноомир.
- Так вот Семён мы не чем не расплачиваемся. У нас нет «карманных денег», мы не платим налогов, даже за продукты.
- Но каак?! КАААК??? ВЫ РАСПЛАЧИВАЕТЕСЬ???
- Спокойно Семён мы не как не расплачиваемся, мы лишь доверительно относимся друг к другу. Мы знаем и доверяем, что каждый человек делает работу, которая улучшает нашу жизнь и возможность развиваться нашей цивилизации постоянно. То есть получается свойский «духовный обмен»
- То есть Я могу всё это съесть и не заплатить не чем?!
- По сути да!
- А не по сути?
- Как не крути ты в любом случае привносишь в цивилизацию опыт, вносишь что-то новое, даже не делая не чего, ты создаёшь опыт безделья.
- Но КАААК??? Это работает??? Это разве не маразм???
- А соревнования по безделью — это маразм?
- Конечно!
- Но почему в ваше время это присутствовала?! И даже получали деньги за это?!
- Но в России этого не было не когда!
- Но было в вашем времени?!
- Да
- И чем же вы отличались от других стран?
- В смысле?! Всем
- Уверен?
- Да!
- Сколько рук у других наций? А ног? Из чего состоит пищеварительная система у других?
- Но нет тут-то мы похожи и только в этом
- Хорошо Земля по которой вы ходите разве иная чем у других?
- Да определённо!
- Правда? А почему бы тогда, нации и страны, не разделить не на большие километры, а по каждому сантиметру всю Землю???

- Нооооо... - Семён задумался – но это всё равно не то, мы отличаемся всё равно друг от друга! Мы отличаемся языками, нациями, своими кухнями предрасположенностью к каким-либо продуктам, территориями, диалектами, манерой поведения, флагами и т.д.

- Ты и вправду считаешь это за отличие? Ну ладно давай так кухня может быть разной не только у нации может быть разная у разных семей, даже у человека разной и всё это, только в одной нации, также, предрасположенность к различному роду продуктов. Диалект так же отличен у каждого человека, введу его связок голосовой гортани и так далее. Ну а про манеру поведения Я вообще молчу. А вот флаги территории даже язык, это специально маркеры, чтобы человечество поделить между собой, и создать разобщенность. Как ваши говорят «сильные мира сего» - «Разделяй и властвуй», вот вас и поделили, и дали эти мнимые отличия.

Мы же убрали физические границы, они остались, как память и на картах, которые вы называете политическими, мы уже именуем как Политико-историческими картами. Где мы можем увидеть эти границы. А по факту не видим и не чувствуем их. Это как экватор и меридиан, по глобусу мы видим, а по факту его нет.

Но вот с языком нам пришлось попотеть. С начало мы создали один язык для определённых семейств языков такие как: славянский, тюркский. Так же удалось вернуть латинский, но в другом виде, просто взяв за основу современные языки, которые используют у себя латинский алфавит, так называемая латиница 2.0. И теперь мы стараемся создать из всех этих семейств один общий, чтобы, зная его мы бы полностью перешли бы на него. Да в ваше время появлялись попытки создать единый язык, и назвали его «Эсперанто», нам понравился он и даже отчасти мы его используем как универсальный язык. Но всё же мы заморочились, и хотим создать на столько универсальный язык, что им можно будет общаться абсолютно на всех возможных алфавитах, которое ваше поколение подарило нам. Эсперанто конечно универсальный язык, но там в основном используется латиница, а мы хотим, чтобы язык был на столько, сродним с другими на сколько это возможно, поэтому мы с начало взяли схожие звуки в каждом алфавите, их написание взяли из тех, которые чаще повторялись в других языках. Теперь вопрос стоит на повестке дня, что делать с теми буквами, которые не по структуре не даже по звучанию не похоже на остальные?!

- Ладно с языками и нацией всё ясно, но ТЫ так и не объясни почему у вас нет денежного обмена.

- Так что же тебе всё-таки интересно?!
- Как ВЫ расплачиваетесь?
- Ни как!
- ДА КАК ЭТО ПОНИМАТЬ????!! НИ КАК?!
- Сейчас объясню. Да ты верно подмети у нас нету денежного обмена, но это не значит, что у нас нет обмена!
- Ну вот, а любой обмен – это «деньги», как не назови их!
- Тут ты отчасти прав, и не прав одновременно.
- Это как?! – Консультант, шокировал Семёна, этими совами
- Как Я уже говорил, у нас «духовный обмен», или обмен изотерический, Божественный, доверительный, хотяя... доверительный не верно сказано, но всё же. Давай что бы не путаться вернёмся к истокам. С начала времён был обмен, просто обмен, ты дай мне плуг Я дам тебе топор. Но когда у кого-то стало много топоров стало не выгодно именно так обмениваться, т.к. постоянно отдавать топор за булку хлеба не очень хорошая затея, приходилось находить равноценные вещи и обменивать их равноценно. Но опять тут было не всё так просто. Это был первый уровень сильно заострять не буду. Второй, когда нашли универсальный обмен в виде денег. Но ты сам знаешь какие проблемы содержало эта концепция. И вот мы на нашем уровне, ты можешь брать всё что хочешь у меня, и в бесконечном количестве, если у меня столько есть, Я могу брать всё что хочу у тебя в бесконечном количестве, если у тебя столько есть...
- ... Но что же получается Я могу у тебя из дома своровать? – перебил Семён
- В принципе, да, но опять же, что считать воровством? Если по сути всё общее? Но предвижу вопрос на счёт личного пространства и личных вещей. По сути у нас всё это есть, но не в таком формате, как у вас. У вас это закрыто под семью замками, у нас это только под одним. Что Я имею ввиду, смотри, у вас это называется альтруизмом, опять ложь в которую вы верите – Семён собрался бы перебить, но консультант остановил его жестом руки «Стоп» – Поверь это ложь сейчас объясню. То, что вы называете альтруизмом на самом деле здоровый эгоизм. Почему? Потому что делая ради кого-то что-то мы всё равно помогаем в первую очередь себе. Как пример Я подарил кому-то цветок, не потому что Я благородный, а потому что мне хотелось увидеть улыбку и эмоции радости у этого человека, что бы мне от того что именно Я это сделал было хорошо на душе. Вот и всё и так далее куда бы вы не полезли.
- Ну не всегда же мы хотим, иногда мы должны, в воле своих

обязанностях.

- И опять ложь которую вам усердно насаждали. Смотри пример Мама говорит, что ты должен убираться в своей комнате. И мы это делаем, не потому что это наша обязанность, просто если мы не уберёмся на нас накричит мама, или как-нибудь накажет. Ведь так?

Семён виновато кивну – угу

- Ну вот и по сути **ТЫ НЕХОЧЕШЬ**, что бы на тебя накричали.

- А как тогда быть когда нас никто не заставляет мы делаем что-то, например заступаемся за человека?!

- Тоже здоровый эгоизм, потому что, если вы этого не сделаете, вы будете потом локти кусать, что не воспользовались возможностью, когда это было, т.е. вас бы заело чувство вины. Поэтому вам дешевле заступить за кого-то.

Семён виновато опустил голову и был вынужден согласиться.

- Так вернёмся почему у вас под семью замками, а у нас под одним. Мы понимаем, что всё общее в буквальном смысле этого слова. И коль **МЫ** держатели всего, **МЫ** так же несём ответственность за сохранность вещей. Но тут опять нужно понимать одну вещь. Хоть **Я** сейчас и говорю **МЫ**. Это значит, лишь то что **Я** являюсь частью большого **МЫ**. То есть ещё проще. Что бы человек принял себя как часть общества, он с начало воспринимает себя как эгоист, и восполняет единоличный эгоизм. Но когда человек готов расти, он увеличивает свой эгоизм до общественного масштаба. То есть он с начало воспринимает проблемы каждого члена семьи как свои, потом проблемы каждого друга и подруги, (вы смогли достичь этого, дальше вам не позволял капитализм). Но мы дальше стали совершенствоваться, и воспринимать проблемы города как свои. И коль это мои проблемы **Я** буду решать то, в чём **Я** могу изменить. Банально увидел мусор лежащий на улице мне не приятно, мне как обществу не приятно ходить и видеть мусор, поэтому без брезгливости **Я** взял его и донёс до первой мусорки, и руки помыл в первом же заведении. Дальше больше **Я** себя воспринимая, как часть общества, области. И естественно вкладываю свои ресурсы, которые есть у меня в развитие области. Дальше страны, а дальше и всей планеты. **Я** стараюсь не покупать машины, которые ухудшают экологию. **Я** стараюсь производить, не нарушая единство с природой. **Я** не убиваю животных просто для того, чтобы их убить. А только если это нужно. Кстати бездумное убийство животных тоже прекратилось, когда исчезли деньги. Ведь шуба из редких животных порой не лучше, тех, которые продаются кругом. Так же, как и рога

и копыта и всё остальное.

- Так всё-таки есть у вашего современного человека личное пространство или у нас как в антиутопических повестях. Только МЫ и не кто иначе, а ну и ещё этим МЫ управляет какой-то Я.

- Я понимаю твой скептицизм, но и правда МЫ больше, но это не значит, что МЫ бездумны и подчиняемся какому-то диктатору. Нет Мы подчиняемся же себе. У нас нету как такого единого национального лидера. У нас их много. И только в одной стране. А в других странах Я молчу. Так всё же у тебя был вопрос другой. И да Я тебе отвечу. Тут каждый может реализоваться так, как он этого пожелает. И не обязательно тебе переходить в разряд МЫ если ты не желаешь или не готов к этому. Этот переход добровольный, да и переходом это трудно назвать, у нас нету обряда инициации, Мы не как не празднуем этот момент, это как получение новых знаний. Ты не когда не сможешь ответить в какой именно момент ты их получил. Разве с прочтения новой книги, или рассказа кем-то, или может когда это испробовал на практике? И ты бы эти знания не получил бы, не как если не был к этому готов, ты бы банально их не понял. Ты можешь быть кем угодно и когда угодно. И у нас не порицается если человек раньше думал так, а теперь иначе, как присутствует в вашем обществе. Новые знание новое виденье вещей. На оборот мы восхваляем это. Кстати ты же есть хотел, неужели мои рассказы тебя впечатлили на столько, что передумал есть? Давай заказывай Я тебе лично принесу это.

- Но у меня столько вопросов.

- Ты обязательно задашь мне их в будущем, а пока присядь и поговори со своими спутниками.

Семён вроде как немного успокоившись сел за стол

- А Ноомир извините Я разбил и разлил тут, а вы за меня отдувались

- Да не переживай ты гость тебе положено быть не расторопным. К тому же для тебя это шок и фантастика. Чего не сказать про нас мы к этому плавно переходили. Хотяя... относительно.

- Что ты хочешь этим сказать???

- Заказ сделай и поешь нормально, а Я тебе всё расскажу.

- И с чего же мне начать?!... наверное с момента, когда был явный переход от вашей парадигме к нашей новой –Семён только хотел спросить быстро, дожёвывая откушанное мясо, но Ноомир продолжил, и ответил на немой вопрос Семёна – Да у нас был этот момент,

явный и. . . Нам страшно его вспоминать потому, что у нас этот день помечен и называется «Днём Великого Разрушения» – в этот момент все люди, находящиеся рядом с ними в ресторане, резко взглянули на них, с глазами величайшей скорби, на несколько секунд – Как ты понял по реакции людей для нас даже произносить и слышать это больно, но это наша история, история начала новой эпохи, и новых знаний. Но это не был совсем день и как праздник высвобождения мы тоже не празднуем. Потому что это хоть и сроднимо 9-му маю, что есть у вас. Всё же это куда больше и страшнее, потому что мы все проиграли, и при этом все выиграли. Как спросишь ты?! Всё просто мы проиграли из-за того, что умерло 90% всего живого в том числе и человечества. А выиграли потому что из-за этого нам пришлось перейти на то в чём мы сейчас и живём, то есть на кардинально иную парадигму, а, следовательно, противоположный стереотип. И вот так мы смогли выжить.

- Так что же произошло и когда это произошло хотя бы год? – очень ждал ответа на этот вопрос Семён

- Произошли глобальные катаклизмы. Где-то мусор в космосе настолько заполонил Земную орбиту, что нашим спутникам было всё сложнее и сложнее уворачиваться от него. И в какой-то момент спутник не справился, и соприкоснулся с мусором всего лишь соприкоснулся. А дальше принцип домино он полетел не по орбите столкнулся с другим спутником, а он в свою очередь с другим, и так весь большой космический мусор в виде столкнувшихся спутников стал лететь на Землю. Не понятно как-Луна-то уцелела и вообще не ушла с орбиты. Хотя и её задело, и она «пошатнулась» а, следовательно, цикличность и сила приливов и отливов резко сменилось, что последовало за собой другие катаклизмы, цунами, извержения вулканов, торнадо и смерчи. Даже такой «безобидное явление» как Северное сияние, перестала быть «безобидной» и «упала» что повлекла за собой другую стихийное бедствие. Опять же из-за луны изменились расположение пустынь, и плодородных Земель. А может из-за смещения, тектонических плит, которые стали снова собираться в единый материк Пангея 2.

Семён поперхнулся и выплюнул всю еду со рта –Кхех Кхех. . . Что мы?.. То есть Вы живёте на новой Пангеи?

- Почти, Пангея Ульtima всё ещё формируется, но нам уже проще так себя ассоциировать. Но это лишь малая часть того что произошло, но всё это происходило в течении нескольких лет примерно с 2500 до 2600, почему примерно, потому что никто не может сказать

точно, когда именно это началось и когда закончилось. И что считать началом и завершением глобальной катастрофы?! Так же где-то из-за смещения плит где-то из-за цунами повредились ядерные боезапасы в следствии чего происходило радиоактивное излучение и ещё множество чего, что не перечислись сразу. По итогу выжило 20% всего человечества, из этих 20% ещё половина погибло, по разным причинам, где-то лучевая болезнь, где-то сильное заражение ран, даже пандемия. Но не такая как была у вас в последний раз, а та которая схожа на ту что вы называется «средними веками», потому что выжило 20% значит на один квадратный километр населения было мало, и там, где было заражение в основном все погибали. Но погибали не от не качественна медицины, а из-за как такового её отсутствия. По тому что пострадало всё, даже больницы, что можно было найти в руинах и опасных для жизни местах и чем можно было воспользоваться, то и брали, но естественно всего этого было недостаточно, чтобы обнаружить вирус и его уничтожить. Так же один специалист медицинский даже обычные медсёстры или медбратаы были в большом дефиците. И их хоть какой-то медицинский навык было самым дорогим, потому что найти лекарство это одно, а куда, когда, при какой ситуации и дозировку нужно принимать, знали только они, или хотя бы надеялись, что они знали. А это выдержать не каждый может, поэтому было и такое, что эти крупницы специалистов, умирали от такого рода давления, и самое лёгким проявлением было сумасшествие. Многим пришлось мобилизовать знания с биологии, физиологии, и остальных дисциплин, которые могли преподнести медицинскую помощь. Поэтому медиками становились абсолютно все, кто хоть как-то мог дать медицинскую помощь. Но всё же приходилась надеяться по большей мере на иммунную систему человека, что оно сможет с ним бороться. Но из тех, кто переболел из всех заболевших выжило 1% людей. После того как мы смогли выжить в такой катастрофе нам пришлось заново создавать цивилизацию людей, животного и растительного мира. Хотя растения меньше всего пострадали.

Семён сидел и ощущал, как ему не по себе становится в организме, из-за того, что еда, которую он ел начала вставать поперёк горла, а желудок чуть не начал отторгать съеденную еду. В это время консультант аккуратно, заблаговременно и учтиво, положил слева от Семёна ёмкость для рвоты. Из-за того, что многие другие гости имели неосторожность во время таких ситуаций знатно проблювать-ся.

- Как видишь Семён – Продолжал Ноомир – мы, а точнее наши прадеды, и ваши внуки, выжили с большим трудом. Нам чуть ли не пришлось, да скорее сказать мы таковыми и стали, мелкими существами, которые выжили после Юрского периода, нашим дедам пришлось жить под землёй и надеется, что всё это прекратится. Прекратится то что их предки долго и упорно создавали для своей выгоды, а их потомкам пришлось расплачиваться за их выгоду – Ноомир увидел, как Семёну было стыдно за их поколение перед потомками, на что Ноомир отвечал – Семён лично ты, да и не кто в твоём поколении не виновен. Они не знали этих последствий, как и не знал их и ты. И может не будешь знать и потом, когда и если ты вернёшься в своё время. Просто для нас это показательный момент. Как для вас была показательным моментом Великая Отечественная Война. Мы лишь стараемся не повторить данной ошибки. И когда говорят это лишь капля в море, мы помним, что любая капля может стать последней. И может повторится то что было. А выживет ли, ещё раз человечество повторно, никто сказать не может.

После данного монолога Ноомир и вся компания спокойно и молча поели, так как сказать и спросить было не чего, и каждый боялся уже нарушить тишину, хотя в магазине тихо не было, были люди, которые ходили, покупали, ели, ударяли орудиями питания об тарелки и общались. После трапезы Семён решил прогуляться по магазину и посмотреть какие есть ещё товары, разговоры сводились до обычных «А что это, А зачем, Ооо... и у нас такие были». После они сели в машину и поехали в направлении куда изначально и направлялись. В контору «Ноосверы», в машине и продолжился диалог наших спутников.

- А можно ещё рассказать про ваш так называемый «духовный обмен», что является аналогом наших денег?!

- Ещё раз говорю это не аналог. Вообще ни разу. Но ладно давай поговорим. Вот ты же наблюдал в мульти магазине. Товары, которые были помечены, как автор данного изобретения умер. В основном это были товары искусства.

- Да припоминаю такое.

- Ну так вот, как ты, наверное, и предполагал, мы всё же не сразу полностью перешли на духовный обмен. Мы сначала начали переосмысливать, стоимость товаров. И один их нашим переосмыслением было изменение цены за товар. То есть как у вас если автор написал картину, то после его смерти стоимость картины увеличилось?! Ведь так?

- Да именно, а разве это неправильно?

- Конечно неправильно, как мы посчитали в те разы. Почему?! Сейчас отвечу! Смотри, почему высокую стоимость должен получать третье лицо, которое вообще никак не почувствовало в изготовлении данного произведения?! Почему автор, который мог, кое как сводить свои концы с концами и умереть в нищете и голоде. За свои произведения получает ровным счётом «ничего»??? А перекупщик получает 200% прибыль от данного произведения. Из-за того, что она, во-первых, стоящая, а во-вторых автор умер и никогда больше никто не напишет. Стало бы цена возрастает.

- Ну а разве это не так ведь он и правду ни чего уже не произведёт?! Разве высокая стоимость это не обуславливается?!

- Может было и обуславливалось если бы автор получал бы хорошие дивиденды за стоимость своего произведения. Ну или хотя бы его родные. Что бы они хотя бы вышли из нищеты. Но нет автор и его родные ни гроша, ломанного не получают за произведение автора. И еще что самое главное пока жив автор никто не покупает его произведения, а вот после смерти все наоборот ажиотажно начинают скупать их. В чём тут справедливость?! Так ладно это, слушай дальше. Может быть и так, что пока автор жив никто не купит произведение, и тогда начинается покушение на жизнь автора. Удачно или нет тут уже не имеет смысла, и кто его произвёл тоже не имеет значение, оно производится. И такое случалось довольно часто. Так что мы решили полностью переработать и если есть автор произведения искусства какого-либо, получал гроши то его произведения после смерти становились бесплатными...

- А разве это не обесценивало труд творца?! И как тогда с картинами, ведь они всего в едином виде?!

- С картинами всё просто они ни чего после смерти автора не стоят, а значит похвалиться и выпендриться не получится. И что может быть обесцениванно если его начинают знать абсолютно все

Как это можно было реализовать, когда мы по сути чуть ли не спустились до каменного века. Но мы решили это выполнять хоть как, даже с отсутствием хоть какого-либо электронной связи и т.д. Но было решение и как по мне довольно хорошее. И когда умирал автор стоимость его произведения резко падало. Что по сути мог каждый купить его. И товар этот становился общедоступным. И как по мне это было одно из величайших решений нашего общества...

- А разве тут тоже не случались ли покушения?! Ведь убив ты скидываешь стоимость за товар?!

- В принципе логика в твоих словах есть. Но, во-первых, стоит ли тогда плотить за убийство куда дороже чем стоимость произведения. Если у тебя есть возможность заплатить за убийство. Почему нету возможности заплатить за произведение и тем самым поддержать его?! Не дешевле ли купить произведение чем купить киллера?

- Ну а если Я не покупаю киллера, а сам убиваю и потом приобретаю его произведение?!

- А ты уверен что если ты сам его захочешь убить и не сдержишься и сообщить ему, что это из-за его произведения. Разве человек, автор того самого произведения не захочет тебе просто так подарить это произведение что бы спасти свою жизнь?!

- Ну это хорошо если мы говорим про книгу. А если картину её же не скопируешь, а копия ни кому не нужна. Нужен оригинал. И так далее?!

-Воот это хороший вопрос. И тут мы тоже посчитали что это хоть и великое решение нашей цивилизации было. Но не решало все проблемы связанные с деньгами. И таких решений по изменению стоимости было предостаточно. Могу хоть до конца поездки тебе их рассказывать?!

- Давай Я послушаю, это довольно интересная тема для меня. Просто, и в правду не сразу же вы перешли на духовный обмен от денег. Как именно у вас это всё происходило?!

- Хорошо, сейчас продолжу, но закончим с данной подкатегорией. По итогу мы начали думать и такие вопросы возникли у нас, как вообще избавиться от таких существенных минусов?! Но всё же коль мы поменяли мы всё же пользовались этой системой т.к. она нам казалось более логичной и менее опасной по сравнению с прошлой. Ну а потом мы, как говорил, послушали записи тех людей из псих-больниц, и получили данную систему координат. Давай затронем такую тематику. Вот есть люди, скажем полицейские, причём очень хорошие полицейские, добросовестные. Но из-за своей госслужбы не всегда им от государства приходила достаточная стоимость за издержки профессий. На банальное лечение своего организма после какого-либо задания которое хорошо их покалечило. И как мы все знаем, у них есть выбор либо лечиться на взятках, от других дел, либо жить и собирать каждую крошку со стола. Что делать? Увеличить стоимость заработной платы? Или как?

- ну да увеличить заработную плату и этого будет достаточно! Или банально пойти работать частным сыщиком.

- Но не может он работать частным сыщиком, его призвание —

это работать в полиции. А не быть на побегушках у определённых личностей. И работать честно и справедливо. А на счёт заработной платы. Как ни крути, но сколько её не увеличивай, денег будет всегда не хватать. Такова Суть человека ему всегда мало. «У кого-то щи пустые, у кого-то брильянты маленькие». И что снова делать? Тут перераспределение мы тоже начали использовать. И основным профессиям стали повышать заработную плату, а менее важным стали снижать. По итогу высокую зарплату получали» учителя, полиция, врачи, повара, коммунальные службы . . . ну всех не смогу перечислить если что сам вспомнишь и скажешь. А меньше стали зарабатывать продавцы, перекупщики, менеджеры и т.д. . .

- Но продажи продавца почему они пострадали?!

- Вооот опять правильно. Как и кому увеличивать и снижать зарплату, и опять деньги создают недовольства у всех. То же кредиты, вот вообще самая бесполезная вещь, из-за которой столько людей погорело, и они больше вреда нанесли чем пользы. Пользы получали в основном только предприниматели, а рядовые люди получали большие проблемы. И самое главное берёшь кредит и потом платишь стоимость приобретённого кредита. А человек по сути кто имеет деньги начинает их увеличивать, просто ни делая при этом ни чего.

- Но кредиты дают возможность приобрести желаемое сразу, и не ждать, и не копить. И ну и проценты, что бы не просто так.

- Это-то да тут трудно не согласиться. . .

- Ну а то, что многие не умеют правильно пользоваться кредитом, это уже их проблема

- А вот тут не соглашусь, если каждый имеет эту возможность, но не у каждый может быть экономически и юридически подкованным. Что тогда, ведь гуманитарий не говорит технарю, что он плохой и не разбирается в тех вещах, что разбирается гуманитарий.

- Но и кредит можно и не брать!

- Можно было бы если каждый раз в банке его не предлагали. Ведь кто-то не может сопротивляться психологическим уловкам. И они как раз и страдают

- Но вот тут да. Хотя бы не предлагали каждому вошедшему, было бы хорошо. А те, кто хотел взять кредит брал бы его.

- О чём и речь вот в такие трудности испытывает ваше поколение. И мы решили от такого пагубного влияния избавиться. И как нам кажется довольно неплохо вышло.

Наша компания приехала в «Ноосферу» и Ноомир направил Семёна на расепшен, что бы он мог зарегистрироваться и начать уже

работать с «Ноосферой». После регистрации Ноомир направил в его номер, т.к. «Ноосфера» ещё являлась гостиницей.

- Вот располагайся это твоя комната – заявил Ноомир вводя Семёна в полностью пустую комнату, примерно имеющую площадь 56м², кроме как на одной из стены присутствовала на подобии рамы от картины, толщиной 150мм. По всей высоте стены, а это примерно было метра два. И ширина у этой рамы был тоже около 2 м.

- Вы что издеваетесь? Вы всё-таки в карцер сажаете, ваших так сказать «предков!», Я так и думал – Семён начал пытаться убежать в дверь, но Ноомир старался через силу, не пропустить Семёна

- Тихо, Тихо Семён, дай мне тебе всё рассказать – Ноомир был сильнее Семёна и он отокнул и удерживал Семёна пока он закрывал дверь изнутри, и взял ключ себе в руки – Смотри Семён мы развились довольно на столько, что мы можем создавать объекты по сути из не чего. Смотри сейчас продемонстрирую – Ноомир подошёл к этой раме, и на ней, внутри этой рамы появился интерфейс с выбором разделов, еда, бытовая химия, мебель, сантехника, и т.д. Ноомир нажал на еду и было очень большой выбор различной еды, он выбрал обычную сытную булочку, и из центра этой рамы появилась горячая, как будто только приготовленная булочка, которую Ноомир и дал Семёну. Семён даже начал перекидывать булочку с руки на руку, на столько она была горячая – Вот можешь есть, а Я пока в гаджете создам нам на чём можно будет сидеть – Ноомир выбрал два кресла-мешка, один отдал Семёну, на другое сел сам – Вот видишь мы тебя не обманываем, ты можешь эту комнату сделать, как тебе заблагорассудится. Придумать такую мебель, что никто никогда не видел, или просто обустроить, как тебе будет интересно – Произносил Ноомир передавая ключ от квартиры Семёну – Ты даже можешь сделать стены, которые тебе здесь будут нужны.

- А Зачем такой большой размер?

- Это ещё не большой, есть и по больше, более того скажу это самый маленький размер. К тому же как ты будешь доставать из него гарнитуры? – на что Семён поднятием головы вверх (жест «Ааа...»), просигналил, что понял к чему – не переживай можно спокойно вынести кухонный гарнитур одному из этой рамы, и поставить куда тебе будет это удобно, так как любой тяжёлый объект, сначала левитирует, после того как ты укажешь в программе, что установил куда нужна левитация объекта спадёт, в принципе можешь спокойно и голосовым вводом обойтись.

- А как он именно работает? – кушая булочку которая немного

поостыла

- Я рад что ты меня спросил. Но с начало немного шаг назад, ты знаешь, что такое Стволовые клетки. Вот это на примере биологии, но можно полезть куда дальше и заметить, что все мы состоим из частиц, из частиц в эфире, и опускаясь куда дальше можно по сути из нечего создать что-то, и даже создать эту же стволовую клетку, которая может стать абсолютно любой в зависимости от информации, которая на неё воздействует. Вот эта машина, как раз и делает это она опускается до атомов, и уже из атомов создаёт объекты. Можно даже создать целое здание. Или космическую станцию. Но конечно всё равно она не из нечего делает, а просто берёт из окружения подходящие атомы и готово. Но конечно когда только это зарождалось она делала очень долго. Но потом всё быстрее и быстрее, и дошла до наших скоростей. Но потом встал вопрос, она всё же не может бесконечно всё создавать. И что делать дальше?! И потом мы посмотрели и увидели всё в жизни имеет круговорот. Ну вот мы и подумали, а что если этот круговорот создать и нам. И мы начали думать об обратном, как из чего-то сделать с помощью него, НЕ ЧЕГО. Сначала конечно это были две разные машины одна для создания другая для утиля, а ещё третья для хранения этих атомов. Но потом мы смогли создать куда более ёмче всё. И теперь это всего одна машина, и для создания и для утиля, а самое главное мы лишились мусора. И из первоначальных трех аппаратов, осталось всего два, можно назвать по аналогии из вашего мира, «Принтер-шредер» и «Картридж» – нажимая на стенку рядом с рамкой и выдвигая её, где видна коробка не больше дипломата для хранения этих атомы. А те кто не создают, могут предоставлять своё хранилище атомов, кому-либо кто часто любит создавать, в этой машине. Конечно у машин, которые переваривают и создают автомобили, у них хранилища куда больше. Но при этом они значительно меньше свалок.

- А если у вас существует такое чудо техники зачем тогда всё ещё создают в ручную?! Готовя, те же гарнитуры и т.д.

- Опять хороший вопрос. Всё просто рано или поздно всё это надоедает. И брать готовую еду, хотя она ничуть не отличается, от еды приготовленной. Как ты мог сам заметить – Семён утвердительно кивнул – И людям не охота всё и всегда полагаться и доверять машинам. + это слишком просто нажал на кнопку и получил готовый материал. Конечно ты можешь потратить недели на создания уникального дизайна, но так или иначе это надоедает. А потом

ты начинаешь осознавать, что создание собственными руками куда больше приносит тебе удовольствие. И начинаешь понимать, насколько же приятно чувствовать себя творцом, а вот в ваше время мало кто бы такое мог сказать. И по итогу тебе открывается самое парадоксальная вещь, тебе на сколько становится в кайф ошибаться и понимать, что ты можешь увеличить своё мастерство до небывалых высот. Вроде бы в машине используя такой же материал ты мог создать вообще причудливые объекты, такие как резиновый гарнитур, или мяч из стекла, который работает, как это задумано. Гарнитур смотрится не хуже деревянных вещей, стеклянный мяч отпрыгивает не хуже резиновых. А вот, что бы самому такое сделать, это, ой как надо заморочиться, и когда у тебя твоя бредовая идея выходит, человек испытывает такой приход, что ни один опиум, ни один наркотик столько не даёт.

- Неужели всё именно так?!

- Веришь нет, но да. Можешь сам попробовать, в принципе пребывание здесь не ограничено ты можешь тут прожить несколько лет, и потом мы вернём тебя в тот момент откуда тебя и забрали...

Конец, первого дня пребывания в новом мире.

... ∞ ...